Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный институт культуры»

На правах рукописи

Ипполитов Сергей Сергеевич

Российская гуманитарная деятельность в годы Гражданской войны и в эмиграции как средство сохранения национально-культурной идентичности в условиях гуманитарной катастрофы. 1917-1930-е гг.

Специальность 07.00.02 - Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени доктора
исторических наук

Москва – 2020

Оглавление

Введение……..…… 4

Глава 1. Теоретико-методологические, историографические и источниковедческие аспекты исследования гуманитарной деятельности …… 33

§ 1.1. Гуманитарная деятельность как объект исследования……. 33

§ 1.2. Отечественная историография российской гуманитарной деятельности XX-XXI вв…… 59

§ 1.3. Зарубежная историография российской гуманитарной деятельности в эмиграции…… 117

§ 1.4. Обзор и характеристика источниковой базы……. 131

Глава 2. Российская гуманитарная деятельность периода Гражданской войны как феномен общественной самоорганизации в условиях национальной катастрофы. 1917-1920 гг……. 154

§ 2.1. Гражданская война на Востоке России: воссоздание гуманитарной инфраструктуры. 1918-1920 гг…….. 154

§ 2.2. Российская гуманитарная деятельность на Украине и Юге России в 1918-1920 гг…… 183

§ 2.3. Сохранение национального наследия в условиях гражданского конфликта…… 198

Глава 3. Институционализация и деятельность гуманитарных организаций как фактор сохранения идентичности российской эмиграции в 1920-1930-е гг…… 212

§ 3.1. Гуманитарный кризис начального периода российской эмиграции……. 212

§ 3.2. Организация помощи беженцам в системе Земгора и РОКК

и формирование центров российского зарубежья в Европе в 1920-е гг…… 236
§ 3.3. Деятельность эмигрантских гуманитарных организаций в сфере поддержки за рубежом российского образования и воспитания…… 255
Глава 4. Гуманитарная деятельность в системе корпоративных и общественных связей российского зарубежья…… 273
§ 4.1. Инфраструктура взаимопомощи и благотворительности в основных европейских центрах русского зарубежья……. 273
§ 4.2. Взаимопомощь и гуманитарная деятельность адвокатских союзов в российском зарубежье 1920 – 1930-х гг…… 286
§ 4.3. Союз инвалидов, офицерские корпоративные организациикак институты сохранения национально-культурной идентичности российской эмиграции…… 311
Глава 5. Отечественные традиции и практика гуманитарной деятельности в контексте социально-культурной адаптации российских эмигрантов за рубежом в 1920 – 1930-е гг……... 328
§ 5.1. Российская гуманитарная деятельность и военнопленные Первой мировой войны. 1917-1921 гг……. 328
§ 5.2. Эмигрантская семья как субъект и объект гуманитарной деятельности…… 361
Заключение……. 381
Список источников и литературы…… 396

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования.

История России XX века, насыщенная драматическими событиями, ставившими порой под вопрос само существование страны и ее народа, продолжает оставаться неисчерпаемым источником смыслов и исторического опыта, актуальных для сегодняшнего дня. Одним из самых тяжелых и смертельно опасных для страны периодов истории стала Гражданская война, не только опустошившая страну, разрушившая традиционный уклад и хозяйство, углубившая духовный раскол в обществе, но и отправившая в изгнание сотни тысяч и миллионы российских граждан, вынужденных искать убежище по всему миру. Этот цивилизационный надлом, прошедший по телу нашей страны и нашего народа, стал гуманитарной катастрофой, значение и последствия которой предстоит изучать многим поколениям исследователей. Обнищание, расчеловечивание, маргинализация, разрушение традиционного жизненного уклада и ценностей, распад семейных и общественных уз и связей, утрата национального культурного достояния и наследия, потеря миллионов жизней, болезни, десятки и сотни тысяч инвалидов, бездомных, беспризорных детей – эти и бессчетное количество иных гуманитарных проблем стали следствием гражданского конфликта. К сожалению, на новом историческом этапе, в самом начале XXI века, мы вновь становимся свидетелями гражданского противостояния, вспыхивающего в самых разных регионах дальнего и ближнего зарубежья. Тем важнее и актуальнее сегодня становится изучение опыта российской гуманитарной деятельности, общественной самоорганизации, гражданских инициатив по сохранению национальной идентичности в условиях гражданского конфликта и гуманитарного кризиса, по созданию системы общественного призрения и помощи наименее защищенным членам общества.

Вторая половина двадцатого века, казалось, была ознаменована стиранием тех острых противоречий, которые пришлось преодолевать эмигрантам первой волны. Русские диаспоры по всему миру создали собственные культурные оазисы, позволявшие нашим соотечественникам адаптироваться в чуждой языковой и социокультурной среде, не вступая в конфликт с гуманитарными традициями и предпочтениями стран пребывания. Сформировавшаяся гуманитарная традиция русских колоний, адаптируясь к реалиям стран пребывания, продолжала удерживать диаспоры от ассимиляции, являясь естественным охранителем национальной идентичности. Распад Советского Союза в этом смысле отнюдь не разрушил эту «Россию вне России», а наоборот, наполнил её существование новым смыслом и содержанием.

Свобода передвижения, современные средства коммуникации, отсутствие идеологических барьеров, возможность межкультурного диалога в последние десятилетия послужили активизации общения и гуманитарного обмена между разъединенными частями российского общества. С надеждой российское общество смотрело в конце XX века на диалог иерархов Русской православной церкви России и Зарубежья; возрос интерес наших соотечественников к гуманитарному наследию российской эмиграции, изучение истории которой стало в 1990-х годах популярным научным трендом.

Исчезновение Советского Союза дало импульс не только стиранию идеологических противоречий, которое можно было бы лишь приветствовать. Русский народ в одночасье превратился в «самый разделенный народ на планете». Возникли русские диаспоры на территориях, совсем недавно являвшихся одной страной, с единым правовым и культурным пространством. Русский язык, русская культура неожиданно стали чуждыми, а порой и враждебными для элит тех стран, где волею судьбы остались жить наши соотечественники. Государственная политика стран Прибалтики по вытеснению и дискриминации русского языка и

русской культуры; ограничение гражданских прав русскоязычного населения в Восточной Европе; трагические события на Украине; неприкрытая вербальная агрессия в странах ближнего и дальнего зарубежья, переходящая временами в культурный шовинизм, – наглядные тому примеры.

Российская гуманитарная традиция и идентичность русских эмигрантов и русскоговорящего населения в целом находятся под серьезным давлением и в тех странах, где, казалось бы, защита культурного многообразия обозначена в качестве приоритета государственной политики. Навязывание русским диаспорам и меньшинствам культурных, бытовых, исторических, гендерных шаблонов, которые находятся в тренде текущей политической жизни этих стран, не может не влиять на сохранение нашими соотечественниками своей национальной, гражданской и культурной идентичности. Образовательная система многих стран навязывает детям систему ценностей, зачастую чуждую русской традиции. Родители русских детей, живущие в эмиграции или относящие себя к русскоговорящему меньшинству, оказываются в итоге перед острой дилеммой: ассимилироваться в этой чуждой им культурной среде, поступившись собственными национальными традициями принять навязываемый взгляд на мир, или пойти по пути сохранения национальной культуры и идентичности, оказавшись в итоге в состоянии конфликта с социокультурной средой страны пребывания.

Именно по названным причинам тема диссертационного исследования является сегодня столь актуальной. История российской гуманитарной деятельности в начале XX века, сохранение идентичности в условиях гуманитарной катастрофы, создание действенной системы общественного призрения, образования, заботы о наименее защищенных членах сообщества в условиях гражданского конфликта и изгнания стала ценнейшим опытом, изучение которого не только помогает понять происходящие сегодня в среде русского зарубежья процессы, но и выработать способы решения тех острейших проблем, которые стоят сейчас перед нашей страной. Понимание

проблем современного русского зарубежья в качестве общенациональной проблемы, умение купировать общественную напряженность внутри страны методами гуманитарного воздействия – это задачи, которые предстоит решать нашему обществу и государству. Без защиты прав и свобод наших соотечественников за рубежом; без сохранения единого культурного пространства российской цивилизации; без сохранения российского культурного наследия вне пределов национальных границ и юрисдикции невозможна полноценная реализация внешней и внутренней государственной политики Российской Федерации.

Начало 2020 г. ознаменовалось очередным гуманитарным кризисом общемирового масштаба, неожиданно сделавшим тему диссертационного исследования еще более актуальной. Стремительное распространение по планете вируса COVID-2019 вскрыло в мировом сообществе слабости и противоречия, оставшиеся, казалось бы, в далеком прошлом: национальный эгоизм; отсутствие скоординированных действий международных гуманитарных институтов; неготовность ряда стран к масштабным кризисам; ментальный и культурный шок жителей пораженных вирусом стран, их стремление обособиться в национальных «квартирах» и враждебность к «чужакам». Международный опыт столетней давности представляет в этом смысле особенную ценность и актуальность: вызовы, стоявшие перед нашими предками ровно сто лет назад, были очень схожи с переживаемым нами историческим моментом, и были успешно ими решены.

Степень разработанности темы диссертационного исследования.

Историографическая ситуация в исследуемой области представляет собой достаточно пёстрое полотно, основой которого стали исследования отечественных и зарубежных авторов, в разное время и с различными мировоззренческими позициями подходивших к изучению российской гуманитарной деятельности исследуемого периода. Путь, пройденный отечественной и зарубежной историографией российской гуманитарной деятельности 1917-1930-х гг., будет обстоятельно рассмотрен и

проанализирован в первой главе. Отметим во введении основные его этапы и направления.

Советская историография Гражданской войны и эмиграции зародилась в середине 1920-х гг. Её особая ценность для историков состоит в том, что первые труды писались непосредственными участниками или свидетелями событий. Исследования этого периода не отличались взвешенным анализом или системным подходом к изучавшимся событиям: на исследователя в те годы оказывал сильное влияние эмоциональный фон недавно минувшей Гражданской войны. В работах названного периода преобладала черно-белая оценка событий в России и за ее пределами; идеологический контекст предопределял авторские выводы и оценки. Деятельность российских гуманитарных организаций на территориях антибольшевистских режимов и в эмиграции, путей самоорганизации русской эмиграции в странах «беженского рассеянья», создание в зарубежье действенной системы помощи соотечественникам по вполне понятным причинам в этих исследованиях не затрагивались. Авторами первых исследований становились как профессиональные историки, так и возвратившиеся на родину беженцы, бывшие военные и гражданские.[1] Их труды по истории и культуре российской эмиграции были, в известной степени, продолжением идейной борьбы с неизбежными искажениями и интерпретациями.

Историографические исследования, ставившие перед собой задачу изучения и обобщения массива научных публикаций по проблемам, так или иначе имеющим отношение к российской гуманитарной деятельности, представляют собой явление довольно редкое. Историография Гражданской войны и российской эмиграции – достаточно разработанная отрасль науки.[2]

---

[1] *Мещеряков Н.Л.* На переломе (из настроений белой эмиграции). М., 1922; *Белов В*. Белое похмелье. Российская эмиграция на распутье. М., Пг., 1923; Российская эмиграция в Дарданеллах // Военная мысль и революция. 1923. №4; *Гравицкий Ю.* Военная эмиграция в Болгарии // Военная мысль и революция. 1923. № 3; *Б-ой С. (Н. Алексеев).* На службе у империалистов. М., 1923 и др.

[2] См., напр.: *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 2; *Алексеева Г.Д.* Некоторые вопросы развития исторической науки в 60-80-е гг. //

Вместе с тем, минувшее столетие оставило в отечественной историографии

Историческая наука в России в XX веке. М., 1997. С. 29; *Афанасьев Ю.Н.* Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 7-42; Образы истории / Под ред. А.П. Логунова. М., 2001. С. 29; Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005. С. 307-308; Белое движение на юге России (1917-1920): Неизвестные страницы и новые оценки. М., 1995; Гражданская война на юге России. Новочеркасск, 1989; Революция и Гражданская война 1917-1920 годов: новое осмысление. Симферополь, 1995; Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 1995; *Штыка А.П.* Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейских мемуаристов: Автореф. дис. канд. ист. наук. Томск, 1991; *Барвенко Е.И.* Белоэмигрантская мемуаристика и современная буржуазная историография причин поражения контрреволюции в Сибири в 1918-1920 гг. // Вопросы истории социального и экономического развития Сибири. Томск, 1986; *Семенцева Н.Ф.* Становление советской военной мемуаристики (на материале воспоминаний участников борьбы с восточной контрреволюцией). М., 1981; *Никитин А.Н.* Социально-экономическая политика колчаковщины в освещении антисоветской печати // Социально-экономические проблемы советской Сибири переходного периода. 1917-1937 гг. Омск, 1987; *Бортневский В.Г.* Источники о деятельности белогвардейских судебно-следственных органов Севера в фондах ЦГАОР СССР и ЦГАСА // Археография и источниковедение Европейского Севера. Вологда, 1989. Ч. 1; *Поляков Ю.А.* Гражданская война в России (Поиски нового видения) // История СССР. 1990. № 2; *Клейн Б.С.* Россия между реформой и диктатурой // Вопросы истории. 1991. № 9-10; *Литвин А.Л.* и др. Гражданская война. Ломка старых догм и стереотипов // Историки спорят: Тринадцать бесед. М., 1989. С. 46-83; *Шишкин В.И.* Дискуссионные проблемы Октября и Гражданской войны // Актуальные проблемы истории Советской Сибири. Новосибирск, 1990; Историография истории Урала переходного периода. 1917-1937 гг. Свердловск, 1985; *Ушаков А.И., Федюк В.П.* Гражданская война. Новое прочтение старых проблем // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996; *Ушаков А.И.* История гражданской войны в литературе русского зарубежья. Опыт изучения. М., 1993; *Наумов И.В.* У истоков. Изучение гражданской войны на Дальнем Востоке в 1920-е годы. Иркутск, 1993; *Никонова О.Ю.* Социально-экономическая политика колчаковщины глазами современных исследователей // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 1994. № 1(17)4 *Косаковский А.А.* Западногерманская буржуазная историография гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР: дисс. канд. ист. наук. - Москва, 1972; Историография Гражданской войны в России: исследования и публикации архивных материалов / Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. М., 2018; *Литвин А.Л.* Советская историография гражданской войны в Поволжье. Казань, 1988; *Лаппо Д.Д.* Историография гражданской войны в Центральном Черноземье. Воронеж, 1977; *Шерман И.Л.* Советская историография гражданской войны в СССР. (1920-1931). Харьков, 1964; Вопросы историографии гражданской войны на Урале: Сборник статей. Свердловск, 1967; *Найда С.Ф.* Советская историография гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР. М., 1966; *Верещагин А.С.* Отечественная историография гражданской войны на Урале (1917-1921 гг.). Уфа, 2001; *Жаровский Н.П.* Историография гражданской войны в СССР: По материалам советских военных журналов 20-х годов: дисс. канд. ист. наук. Харьков, 1971; *Плотникова М.Е.* Советская историография гражданской войны и интервенции в Сибири: дисс. докт. ист. наук. Томск, 1969; *Прошин О.Г.* Отечественная историография гражданской войны в Среднем Поволжье, 1919-1920 гг.: дисс. канд. ист. наук. Казань, 1993; *Ипполитов Г.М.* Летопись братоубийства: (очерки советской историографии Гражданской войны на юге России, 1918-1985 гг.). Самара, 2009, и др.

Гражданской войны противоречивый след. Советский период в деле изучения гражданского противостояния характеризовался классовым подходом. Идеологические шаблоны тех лет вынуждали авторов следовать заранее заданным стереотипам в изучении острых и болезненных страниц нашей истории. По этой причине до 1990-х годов прошлого века мы не находим научных работ, затрагивающих российскую гуманитарную деятельность на территориях, подконтрольных белым режимам. Идеологические стандарты тех лет не допускали освещения событий, происходивших на неподконтрольных большевистским властям территориях, в позитивной или хотя бы нейтральной тональности. Благотворительная деятельность, попечение о наиболее уязвимых членах общества, сохранение культурного наследия, образовательная, воспитательная, издательская деятельность, иные проявления понятия «гуманитарная деятельность» на территориях белых режимов находились вне поля зрения советской историографии Гражданской войны. В том же ключе проходило и освещение жизни российской эмиграции.

Смена научной парадигмы в освещении истории Гражданской войны и последующего исхода произошла в начале 1990-х гг. Этот момент в значительной степени был обусловлен не только исчезновением государственного идеологического диктата над процессом исторического познания, но и рассекречиванием огромного массива архивных источников, особенно хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации в составе т.н. Пражского архива. Закрытые с 1945 года для исследователей фонды содержали десятки и сотни тысяч документов по истории Белого движения и эмиграции. Отечественная историческая наука получила невиданную ранее возможность черпать из первоисточников качественную информацию. В этот же период стали доступны исследования зарубежных коллег, долгие годы занимавшихся историей Гражданской войны в России и проблемами русского зарубежья.

После непродолжительного в отечественной историографии периода изучения белой эмиграции в 1920-х гг. названная проблема надолго осталась без внимания историков: в существовавших на тот момент политических реалиях в нашей стране предметное и непредвзятое изучение «России вне России» долгие годы было невозможно. Ситуация начала постепенно меняться в конце 1970-х гг., когда в советской историографии возникла и окрепла тенденция предметного изучения Белого движения и эмиграции, вышло в свет несколько значимых исследований.[3] Историки этого периода не ставили перед собой задачу обстоятельно изучить повседневную жизнь, идейные искания, гуманитарную деятельность изгнания; научные исследования по-прежнему носили ярко выраженный идеологический характер. Однако период 1970-1980-х гг. в отечественной историографии крайне важен, поскольку именно тогда был осуществлен фактический прорыв «заговора молчания» вокруг истории российской эмиграции.

История, культура, повседневная, общественная и политическая жизнь русского зарубежья оказались в центре повышенного внимания отечественных исследователей в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда эта тема перестала быть табуированной в публичном научном пространстве. Исследования эмигрантской проблематики особенно активизировались с открытием и рассекречиванием архивных хранилищ и библиотечных фондов, в которых долгие годы откладывались документы по «эмигрантской теме». Среди наиболее значимых фондов, безусловно, следует назвать документы Пражского архива, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (бывшем ЦГАОР), книжные и газетные коллекции РГБ, коллекцию эмигрантской прессы ИНИОН, серьезно пострадавшую во время пожара 2015 года. Вместе с тем, несмотря на активное изучение и

[3] *Комин В.В.* Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977; Барихновский Г.В. Идейно-политический крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921-1924 гг.). Л., 1978; *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1981; *Мухачев Ю.В.* Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982.

значительное количество трудов, посвященных самым разным аспектам истории и культуры русского зарубежья, к изучению российской гуманитарной деятельности 1917 – 1930-х гг. отечественные исследователи практически не обращались.

В последнее десятилетие XX века тема Гражданской войны и русского зарубежья оказалась в центре внимания многих историков, старавшихся дать ей взвешенное и свободное от идеологических штампов освещение.[4] Вместе с тем, и в этих трудах, гуманитарная деятельность периода Гражданской войны и в русских зарубежных колониях в качестве самостоятельного предмета изучения не рассматривалась.

Историография российской эмиграции первых двух десятилетий XXI века характеризуется сменой исследовательских подходов к проблеме.[5]

---

[4]*Башкирова Г.Б., Васильев Г.В.* Путешествие в российскую Америку. Рассказы о судьбах эмиграции. М., 1990; Костиков В.В. Не будем проклинать изгнанье…Пути и судьбы российской эмиграции. М., 1990; *Коваленко Ю.* Москва-Париж. Очерки о российской эмиграции. М. 1991; *Носик Б.* Привет эмигранта, свободный Париж! М., 1992.

[5]*Рябова В.И*. Российская эмиграция в Африке в 1920-1945 гг. М.: Макс Пресс, 2005. - 190 с.; *Пеньковский Д.Д.* Эмиграция казачества из европейской и азиатской частей России и ее последствия (1920-1945 гг.). Москва. 2009. - 447 с.; *Костина И.О.* Библиотеки российской эмиграции в Европе. 1920 - 1930-е гг. 2004. - 32 с.; *Щербаков А.Ю.* Русская политическая эмиграция: от Курбского до Березовского. Москва. 2012. - 406 с.; *Окороков А.В.* Русская эмиграция: Полит., воен.-полит. и воин. орг., 1920-1990 гг. М. 2003. - 329 с.; *Сабенникова И.В*. Российская эмиграция (1917–1939). Москва; Берлин. 2015; *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае : междунар. и полит. аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2005. - 430 с.; *Антошин А.В.* Российская эмиграция: история и современность: учебное пособие для студентов. Екатеринбург, 2006; *Волков С.В.* Русская военная эмиграция: издательская деятельность. М., 2008. - 548 с.; *Окороков А.В.* Фашизм и русская эмиграция: (1920-1945 гг.). М., 2001. - 593 с.; *Арсеньев А.Б*. Русская эмиграция в Сремских Карловцах. Сремски Карловци, 2007; Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция, Москва, 14-15 мая 2015 года: [к 70-летию Великой победы]. М., 2015. - 662 с.; *Доронченков А.И.* Эмиграция "первой волны" о национальных проблемах и судьбе России. СПб., 2001. - 214 с.; *Ипполитов С.*С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М., 2004; Боровская А.А. Русская эмиграция в Швеции: проблемы взаимоотношений диаспоры, государства и общества, 1918-1940: дис. канд. исторических наук. Санкт-Петербург, 2017. - 416 с.; *Жалнина-Василькиоти И.Л.* Русская эмиграция в Греции. Судьбы. XX век. Москва, 2015; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае (1917-1924 гг.). М., 1997. - 245 с.; Российская белая эмиграция в Венгрии (1920-1940-е годы): [сборник статей]. М., 2012. - 215 с.; Андреев Г.Н. Русская журналистика в эмиграции. Авторы и журналы третьей волны эмиграции. М., 2012. - 233 с.; *Микуленок А.А*. Российская эмиграция в Польше: 1917-1939 гг.: дис. канд. ист. наук. Краснодар, 2016. - 207 с.; *Северюхин Д.Я.* Русская художественная

Максимально широкая палитра научного охвата, свойственная работам предшествующего периода, сменяется на подробное изучение локальных сюжетов истории российской эмиграции. Русские колонии в отдельных странах мира, эмиграция различных социальных и национальных групп, профессиональные и творческие союзы, гуманитарная деятельность тех или иных организаций, союзов и объединений становятся предметом исследования текущего периода. С одной стороны, такая тенденция в отечественной историографии предоставляет широкие возможности для углубленного научного поиска, с другой – приводит подчас к появлению на свет удивительных работ, описывающих, например, эмиграцию отдельных национальных групп из Советского Союза в качестве самостоятельного явления, при полном игнорировании общих геополитических и социальных процессов того периода.[6]

Новый этап исследования процессов, происходивших в среде российской эмиграции первой волны, пришелся на конец 1990-х – начало 2000-х годов. Он характеризуется постепенной локализацией научных исследований на конкретной проблематике, географических регионах, социальных, профессиональных и этнических группах. И если раньше научные труды по истории российской эмиграции носили характер масштабных полотен, стремившихся охватить как можно больше регионов, сюжетов и проблем, то в этот период появляются работы, посвященные русским колониями в Финляндии, Польше, Болгарии, Чехословакии, Югославии, Африке, Северной и Южной Америке[7]; изучаются особенности тех или иных регионов расселения, предпринимаются попытки изучения русских диаспор в контексте жизни принимавших их стран, анализируются

эмиграция, 1917-1939. Санкт-Петербург, 2003. - 127 с.; *Берлов А.В.* Российская аграрно-научная эмиграция в Европе в 1920-1930 гг. М., 2014. - 198 с.

[6]*Косован Е.А*. Украинская эмиграция в Германии: XIX - начало XXI вв.: дис.канд. ист. наук. М., 2015. 297с.

[7]*Баландина О.В.* Проблемы адаптации российской эмиграции в США 20-30-х гг. XX века: дис. канд. ист. наук. - Ставрополь, 2002; *Баландина О.В.* Российская эмиграция в Северной Америке в XX веке. дис. докт. ист. наук. - Москва, 2011; *Воробьева О.В.* Российская эмиграция в США и Канаде в 1920-1940-е гг.: дисс. канд. ист. наук. - М., 2006.

национальные законодательства, социокультурная среда стран-реципиентов, повседневность и ментальность местных жителей, их восприятие русских беженцев, межкультурное взаимодействие и конфликты.[8]

Особый пласт исследовательской литературы по истории российской гуманитарной деятельности представляет её «восточная ветвь»: это работы, посвященные изучению жизни русских колоний в Китае. Следует отметить, что эта часть «эмигрантской» историографии сегодня является, пожалуй, одной из самых развитых.[9] Для диссертационного исследования эти труды представляют повышенный интерес, поскольку в центре внимания авторов диссертаций и монографий по российской эмиграции в Китае часто оказывались именно сюжеты о сохранении национальной идентичности, культурного наследия и гуманитарной деятельности.[10]

---

[8]*Рябова В.И.* Российская эмиграция в Африке в 1920-1945 гг. - М. 2005; Российское зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами: сб. науч. тр. - СПб., 2004; *Сабенникова И.В*. Российская эмиграция (1917-1939): сравнительно-типологическое исследование. - Тверь, 2002; *Микуленок А.А.* Российская эмиграция в Польше: 1917-1939 гг.: дисс. канд. ист. наук. Краснодар, 2016; *Тетеревлева Т.П.* Северная российская эмиграция: генезис и адаптационные процессы. 1918-1930-е гг.: дис. канд. ист. наук. - Архангельск, 1997; *Еременко Л.И.* Русская эмиграция как социально-культурный феномен: дис. канд. философ. наук. - М., 1993; *Боровская А.А*. Русская эмиграция в Швеции: проблемы взаимоотношений диаспоры, государства и общества, 1918-1940: дис. канд. ист. наук. - СПб., 2017; *Сумская М.Ю.* Российская эмиграция в Европе: проблемы правовой, социально-экономической и культурной адаптации в 20-30-х гг. XX века: дис. канд. ист. наук. - Пятигорск, 2007.

[9]*Гончарова Н.В*. Культура российской эмиграции в Харбине: Опыт историко-культурологического анализа: дисс. канд. культурологии. - СПб., 2002; *Аурилене Е.Е*. Российская эмиграция в Китае: 1920 - 1950-е гг.: дисс. докт. ист. наук. - Хабаровск, 2004; Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920-1930-е гг.). СПб., 2014; *Аблова Н.Е*. КВЖД и российская эмиграция в Китае : междунар. и полит. аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2005; *Иванов В.П.* Российская эмиграция на Дальнем Востоке в 1920-1945 гг. : Формирование, деятельность, институциональные основы. дис. канд. ист. наук. - М., 2003; *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. - Новосибирск. 2007; *Фомин В.Н*. Российская эмиграция в Китае с 1920 г. и до окончания Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / В. Н. Фомин, К. В. Фомин. - М., 2005; *Писаревская Я.Л.* Российская эмиграция Северо-Восточного Китая: социально-политический состав, быт, реэмиграция: Середина 1920-х-середина 1930-х годов: дис. кандидата ист. наук. - М., 2002; *Наземцева Е.Н.* Политико-правовое положение русских эмигрантов в Китае в китайско-советских отношениях 1920-1949 гг.: дис. ... доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2018.

[10]*Ревякина Т.В.* Проблемы адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции в Китае: Начало 1920-середина 1940-х гг.: дис. канд. ист. наук. - М., 2004; *Ляпсенкова Л.Н.* Культурное наследие российской эмиграции в Маньчжурии:

Однако, как уже отмечалось выше, прямое отношение к теме диссертационного исследования имеет весьма ограниченное количество научных работ.[11] Посвящены они, как правило, изучению культурной жизни российской эмиграции в широком понимании этого явления: литературе, театру, издательскому делу, живописи, моде. В них практически не анализируется гуманитарная деятельность как самостоятельный общественный феномен – изучаются лишь отдельные её аспекты, без системного синтеза, позволившего бы осмыслить это уникальное явление в целом.

На рубеже 1990-х – 2000-х годов в профессиональном сообществе историков и культурологов, занимающихся проблематикой российской эмиграции первой волны, возникла насущная потребность в справочных и аналитических трудах, посвященных систематизации библиографии и источниковой базы по изучаемым вопросам. И такие труды появились.[12]

дисс. канд. ист. наук. - СПб., 2008; *Наземцева Е.Н*. Особенности правового положения русской эмиграции в китайской провинции Синьцзян (1920-1940-е гг.) // Петербургский исторический журнал. 2014. №2.

[11]*Гончаренко О.Г.* Российская эмиграция в мировых геополитических и гуманитарных процессах первой половины XX века: дис. докт. исторических наук. - М., 2011; *Сабурова Л.Н.* Культурно-просветительные организации российской эмиграции в Чехословакии: 1920-1930-е гг.: дисс. канд. ист. наук. - М., 2006; *Ефременко В.В*. Научная и культурная жизнь российской эмиграции "первой волны" во Франции. - Новосибирск, 2011; *Филиппова М.В.* Российская эмиграция в культурной жизни Германии в 1920-1933-х гг.: Живопись и театр: дис. канд. ист. наук. - Воронеж, 2001; *Сафронова Г.Н.* Культурно-просветительные организации российской эмиграции в Югославии в 1920 - 1930-е гг.: дис. канд. ист. наук. - М., 2006; *Бойчевский И.В.* Культурно-просветительная деятельность российской эмиграции во Франции в 1920-1930-е годы: дис. канд. ист. наук. - М., 2006; *Иванов А.И.* Культурно-просветительная деятельность российской военной эмиграции в США, Европе и на Дальнем Востоке в 1920 - 1950-е гг.: дис. канд. ист. наук. - М., 2006.

Болдырева О.П. Издательская деятельность русской эмиграции в Чехословакии: 1919 - 1939 гг.: на материале казачьей периодики: дис. канд. ист. наук. - М., 2013; *Меняйленко М.К.* Деятельность русской эмиграции по сохранению историко-культурного наследия: по материалам Музея русской культуры в Сан-Франциско: дис. канд. ист. наук. - М., 2008.

[12]*Попов А.В.* Документы российской эмиграции в архивах Москвы: История формирования комплекса эмигрант. материалов, проблемы выявления, комплектования, описания и использования: дисс. канд. ист. наук. - М., 1998.; *Лобанов Д.А.* Источники периода российской эмиграции "первой волны". Пермь, 2001; Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннот. указ. кн., журн. и газ. публ., издан. за рубежом в 1917-1991 гг.: В 4 т. / Гос. публ. ист. б-ка России, Стэнфорд. ун-т. - М.: РОССПЭН, 2003-2006; *Муромцева Л.П.* Книжные собрания российской

Среди них стоило бы особо выделить библиографические указатели А.А. Пронина, в которых была систематизирована информация о диссертационных исследованиях, защищенных по эмигрантской проблематике.[13]

Более подробно степень изученности проблемы будет освещена во втором параграфе первой главы настоящего диссертационного исследования.

Объектом диссертационного исследования стал феномен российской гуманитарной деятельности одного из переломных моментов отечественной истории – периода Гражданской войны и эмиграции первой волны.

Предмет диссертационного исследования – взаимоотношения власти и общества, государственных и квази-государственных органов и общественных институтов России и ее регионов в период Гражданской войны и в эмиграции в деле оказания гуманитарной помощи наименее защищенным членам общества в условиях гуманитарной катастрофы.

Хронологически работа охватывает период с 1917 по 1930-е гг. Указанные **хронологические рамки** обусловлены следующими соображениями. В качестве начальной даты выбран 1917 г., поскольку именно с момента октябрьских событий 1917 г. в России параллельно начинают свое существование две «ветви» российской гуманитарной деятельности: «советская» и «российская». Советская гуманитарная

послереволюционной эмиграции / Л. П. Муромцева // Библиотека и история: сборник материалов Международной научной конференции, 18-19 ноября 2008 г. М., 2010; *Попов А.В.* Российское православное зарубежье: история и источники: с прил. сист. библиографии / А. В. Попов. – М.: ИПВА, 2005; История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX-XX в.): сб. статей / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории ; [сост. Г.Я. Тарле]. - М.: Ин-т рос. истории РАН, 2004; *Василенко Н.А.* История российской эмиграции в освещении современной китайской историографии. Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. - Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 2003.

[13] *Пронин А.А.* Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980-2005 гг.: библиометрический анализ. - Екатеринбург, 2009; *Пронин А.А.* Российская эмиграция разных волн и регионов расселения в авторефератах диссертаций, изданных в РСФСР - России в 1980-2003 гг.: на основе гос. библиогр. указ.: Книжная летопись. Дополнительный выпуск. Авторефераты диссертаций. 1981-1992; летопись авторефератов диссертаций. 1993-2003): библиогр. указ. - Екатеринбург, 2006.

деятельность в отечественной историографии была изучена достаточно полно, в то время как деятельность российских гуманитарных организаций, общества и частных лиц, т.е. гуманитарная деятельность на территориях, в разные периоды времени не подконтрольных советским властям, а также в эмиграции, изучалась лишь фрагментарно, и системное исследование этой темы у нас в стране не осуществлялось.

Второй крайней датой исследования выбраны 1930-е гг., поскольку в конце этого десятилетия процесс интеграции российской эмиграции в новые общества можно считать свершившимся фактом. Российская гуманитарная деятельность к концу 1930-х гг. уже сыграла свою системную роль в деле оказания помощи беженцам. С началом Второй мировой войны созданная к этому моменту в Европе и других странах беженского рассеянья система общественного вспомоществования российским эмигрантам прекращает свое существование в том виде, в котором она просуществовала почти два десятилетия, и приобретает иные формы, остающиеся за рамками настоящего исследования.

Цель диссертационного исследования – воссоздать историческое полотно российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны в России и в эмиграции в качестве главного фактора сохранения национально-культурной идентичности в условиях гуманитарной катастрофы.

Для достижения поставленной цели в диссертационном исследовании решаются следующие **задачи**:

- изучить теоретико-методологические аспекты исследования гуманитарной деятельности, сформулировать определение исследуемого понятия, очертить основные признаки явления, обозначить «маркеры соответствия» тех или иных общественных явлений понятию «гуманитарная деятельность»;

- произвести анализ историографии российской гуманитарной деятельности XX-XXI вв.; осуществить критический обзор отечественных и зарубежных исследований по названной проблематике;

- составить обзор и дать характеристику источниковой базы; описать историю ее формирования; осуществить критику использованных источников;

- осуществить исследование российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны на Востоке России; проследить воссоздание гуманитарной инфраструктуры в 1918-1920 гг. в регионе; выявить роль гражданского общества в этом процессе; проследить взаимосвязь гуманитарных организаций с властями региона; иностранными и международными общественными организациями;

- изучить российскую гуманитарную деятельность на Украине и Юге России в 1918-1920 гг.; роль и место общественных организаций в минимизации последствий гуманитарного кризиса; воссоздание и функционирование общественной инфраструктуры помощи нуждающимся;

- проанализировать гуманитарную деятельность по сохранению исторического, культурного, природного и научного наследия в условиях гражданского конфликта на территориях, подконтрольных антибольшевистским режимам;

- исследовать гуманитарные аспекты начального периода российской эмиграции; реконструировать процесс бегства и расселения российских эмигрантов в странах ближнего и дальнего зарубежья; дать характеристику и сформулировать признаки перманентного гуманитарного кризиса, в котором оказались соотечественники в изгнании, а также его влияния на процесс денационализации и разрушения гражданской идентичности эмигрантов;

- рассмотреть основные пути организации помощи беженцам в системе Земгора и Российского общества Красного Креста и формирование центров российского зарубежья в Европе в исследуемый период;

- изучить деятельность российских гуманитарных организаций в сфере поддержки за рубежом российских образования и воспитания;

- проанализировать процесс воссоздания инфраструктуры российской гуманитарной деятельности в Европе; изучить правовые и экономические основы ее деятельности за границей; основные направления работы; взаимодействие с иностранными правительствами и гуманитарными структурами и ее роль в адаптации беженцев в условиях гуманитарной катастрофы;

- исследовать проявления взаимопомощи и социальную работу адвокатских союзов в российском зарубежье в изучаемый период;

- выявить роль союза инвалидов, офицерских и корпоративных организаций в качестве институтов сохранения национально-культурной идентичности российской эмиграции;

- изучить роль российской гуманитарной деятельности в деле помощи русским военнопленным Первой мировой войны в Европе в 1917-1921 гг.; охарактеризовать политический контекст, в котором осуществлялась гуманитарная деятельность; проанализировать пути и методы оказания помощи, ее значение для сохранения российскими военнопленными национальной и культурной идентичности;

- изучить эмигрантскую семью как субъект и объект гуманитарной деятельности; исследовать роль семьи в процессе социальной адаптации беженцев; ее значение в сохранении гражданской идентичности, культуры и языка; процесс маргинализации определенной части российской эмиграции в качестве гуманитарной проблемы русского зарубежья; проанализировать причины этого явления; роль гуманитарных организаций в препятствовании деструктивным процессам в эмигрантской среде.

Источниковой базой для изучения российской гуманитарной деятельности в Сибири и на Дальнем Востоке в период Гражданской войны стали «материалы фонда временного Главного управления Российского общества Красного Креста в Омске. Документы данного фонда представляют

собой протоколы заседаний Общего собрания и Исполнительной комиссии Временного главного управления РОКК; распоряжения о кадровых назначениях; финансовые отчеты; бухгалтерскую отчетность; переписку с зарубежными миссиями и иностранными Красными Крестами, а также очерки деятельности Российского общества Красного Креста. Были использованы также документы из личного фонда председателя Временного главного управления М.Л. Киндякова,[14] включающего в себя информационные бюллетени РОКК для Международного Комитета Красного Креста в Женеве; документы, попавшие в состав Пражского архива из Иокогамы, куда М.Л. Киндяков эмигрировал в 1920 г.; материалы фонда Центральной Коллегии советского Красного Креста»[15], которые привлекались к работе при исследовании процесса реорганизации РОКК советскими властями.

Российская гуманитарная деятельность в эмиграции изучалась на документах общественных организаций, личных фондов участников событий. Характеристика источниковой базы более подробно будет представлена в первой главе.

Методология и методы диссертационного исследования.

Методологической основой, на которой базируется исследование, стали принципы историзма и системности.

Системность подразумевает изучение поставленной проблемы в неразрывной взаимосвязи с процессами и событиями, происходящими в обществе в конкретный момент истории; подразумевает исследование отдельных фактов как элементов целостной системы; изучение исследуемого объекта с позиции целостного восприятия системы. История российской гуманитарной деятельности в период Гражданской войны и в эмиграции изучается как составная часть общеисторического контекста, в котором протекало развитие страны.

---

[14]ГА РФ. Ф. 6088. Оп. 1. Ед. хр. 19 1918-1932.

[15] ГА РФ. Ф. Р-3341. Оп. 1. Ед. хр. 1157 1918-1932.

Историзм подразумевает применение в процессе исследования хронологического метода, а также методов ретроспекции, периодизации и актуализации.

Современные концепции исторического познания утверждают, что исторический процесс не является окончательно завершенным ни на одном своем этапе: переосмысление каждой его фазы неизбежно по мере развития современной действительности.[16] История российской гуманитарной деятельности в годы Гражданской войны и в эмиграции представляет в этом смысле классический образец такой незавершенности: пройдя этап идеологизации исторического познания; миновав период некоторой «растерянности» из-за трансформации ценностных и политических приоритетов, история российской гуманитарной деятельности, как составная часть истории российской государственной и общественной жизни, вышла на новый этап своего развития. В этом смысле историческое познание испытывает непрекращающееся воздействие современности: трансформирующиеся социальные качества исследователей влекут возникновение значительного количества точек зрения и концепций в ходе изучения отечественной истории. По названным причинам одной из методологических основ исследования стал *теоретический плюрализм*, под которым понимается не только осознание незавершенности качественного развития истории, но и присутствие у самого исследователя, как субъекта процесса исторического познания, *активной позиции*, делающей его подход к осознанию и исследованию исторического контекста избирательным. Плюрализм интерпретаций – неизбежный спутник историка, – налагает на исследователя высокую ответственность и ставит во главу угла его общественную позицию. Влияние общественной среды на процесс исторического познания требует определения границ допустимости этого воздействия на научный процесс: как не имеют смысла рассуждения о

[16] *Смоленский Н.И.* Проблемы исторического плюрализма. // Проблемы исторического познания. М., 1999. С. 40.

«безбрежном плюрализме», так и сомнительна научная ценность результата, полученного в пределах одной устоявшейся и не критикуемой методологической парадигмы.

А.С. Лаппо-Данилевский утверждал в этом смысле, что «интеллектуальная активность исследователя лежит в основе его методологии».[17] По Лаппо-Данилевскому, «без интерпретации не бывает извлечения информации из исторического источника. Иными словами, это не процессы, которые надо соединять, а процессы, которые невозможно разъединить».[18]

Следствием вышесказанного могут стать следующие утверждения. Во-первых, оборотной стороной плюрализма исторического познания может стать вероятность непризнания исторического факта, документа, источника; замалчивание, манипуляция или умышленное искажение исторического контекста.

Другим следствием является проблема выбора исторического источника. Итальянский историк и философ Б. Кроче считал, что «помочь отбору можно, проведя логическое разграничение между общественными и частными фактами, основными и вспомогательными документами, замечательными и незначительными памятниками; но окончательное решение о том, что сохранить, а чем пренебречь, все равно принимают исходя из практических соображений. Эти практические соображения нельзя считать объективным качеством фактов: разделение фактов на "достойные" и "не достойные" войти в историю, на "исторические" и "неисторические" – это дело воображения, дело лексики и риторики, и к сути отношения не имеет».[19] Выдающийся российский историк и источниковед С.О. Шмидт предупреждал о существовании источника, созданного «специально и с целью сохранения в будущем памяти о чем-то или о ком-то. Это –

[17] *Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Методология истории. М., 1997. С. 56.
[18] *Медушевская О.М., Румянцева М.Ф*. С. 57.
[19] *Кроче Б.* Теория и история историографии. М., 1998. С. 67.

свидетельства отбора современниками того, что следует, по их мнению, впоследствии знать и помнить о них и об их предшественниках. Это – всегда и ценностная категория, характеризующая общественное сознание, и уровень культуры эпохи создания памятника».[20]

Воспоминания и дневники современников, ставшие значительной частью источниковой базы; различного рода «отчеты» и «обзоры деятельности» гуманитарных организаций, являют собой именно такой образец «свидетельства отбора современниками того, что следует помнить» о них будущим поколениям. По этой причине активная критика исторического источника была положена в основание методологии диссертационного исследования.

Более подробно методологические основы изложены в первой главе диссертационного исследования.

Научная новизна диссертационного исследования.

Научная новизна диссертационного исследования заключена в следующем.

1. В постановке самой проблемы, впервые оказавшейся в центре специального научного поиска и анализа. Российская гуманитарная деятельность как общественный феномен в условиях гуманитарной катастрофы никогда ранее не подвергалась системному изучению.

2. В процессе работы над диссертационным исследованием было выявлено и впервые введено в научный оборот более тысячи архивных источников по изучаемой проблеме.

3. Впервые в отечественной и зарубежной историографии были сформулированы и предложены в качестве научного инструментария определение понятия «гуманитарная деятельность» и очищенное от политического контекста определение понятия «благотворительность». Впервые были разработаны и сформулированы критерии оценки и маркеры,

[20] *Шмидт С.О.* Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. – С. 77.

позволяющие точно определять, является ли та или иная деятельность частных лиц и организаций «гуманитарной» и «благотворительной». Разработанный инструментарий впервые введен в научный оборот.

4. Впервые был сформирован корпус библиографии и осуществлен историографический обзор российской гуманитарной деятельности периода 1917 – 1930-х гг., могущие стать основой для дальнейших исследований в этом направлении.

5. Впервые была выявлена и сформулирована зависимость сохранения идентичности значительных масс людей в условиях гуманитарной катастрофы от гуманитарной деятельности гражданского общества и от способности общества к самоорганизации и консолидации на идее сохранения национальной культуры, языка и традиций.

6. Впервые история Гражданской войны в России и история российской эмиграции первой волны изучались не как череда политических, военных, экономических и иных процессов, а как история народа, оказавшегося в условиях острого гуманитарного кризиса.

7. Социокультурный стресс, полученный миллионами соотечественников, имел следствием расчеловечивание, маргинализацию, денационализацию огромных масс людей. В диссертационном исследовании впервые осмыслена роль гуманитарной деятельности в противодействии этим кризисным процессам в исследуемый период.

Положения, выносимые на защиту диссертации:

- факт восстановления гуманитарной деятельности в условиях вооруженного гражданского конфликта стал едва ли не уникальным примером самоорганизации общества, разделенного на непримиримые стороны. Без гуманитарного начала, исходившего от российских общественных организаций; без гуманистического стремления оказать помощь ближнему сохранение гражданской идентичности миллионами наших соотечественников в раздираемой гражданской войной стране было бы невозможно;

- российские граждане, в силу целого ряда причин вынужденные бежать из своей страны, столкнулись с невиданным ранее гуманитарным кризисом, перекинувшимся с территории России на земли ее ближайших соседей. Условия бегства и эвакуации из охваченной гражданской войной страны ставили эмигрантов на грань выживания. Межнациональные, межкультурные, межэтнические и религиозные конфликты ближнего зарубежья, долгие годы находившиеся в «спящем» состоянии благодаря стабилизирующему влиянию Российской Империи, очень быстро разгорелись с новой силой. Российские беженцы, силой обстоятельств заброшенные в чуждые им общества, стали невольным триггером и катализатором этих процессов. Гуманитарное положение русских эмигрантов оказалось напрямую связано с ситуацией на ранке труда приютивших их стран, причем это влияние оказывалось двусторонним. Этап первичной адаптации русских эмигрантов в принимавших их странах наглядно показал, что эта адаптация происходит скорее вопреки, нежели благодаря политике местных правительств;

- российская гуманитарная деятельность явилась следствием общественной самоорганизации людей, волею судьбы оказавшихся в изгнании. Профессиональные и воинские союзы, благотворительные общества и приюты, землячества и артели – эти и подобные объединения соотечественников становились субъектами гуманитарной деятельности, с одной стороны, оказывая посильную помощь наиболее обездоленным беженцам, а с другой становясь центрами сохранения национальных традиций, языка и культуры. Гуманитарная деятельность постепенно превращалась из средства выживания в самостоятельную цель, когда национальное самосознание начинало прочно ассоциироваться с необходимостью помощи ближнему;

- в условиях гуманитарного кризиса, начавшегося в период Первой мировой войны и перманентно продолжавшегося в Европе на протяжении 1920-х гг., российские гуманитарные организации становились каналами

коммуникации между массой российских беженцев и властями стран пребывания в деле распределения гуманитарной помощи, в решении правовых и административных вопросов; являлись стабилизирующим фактором, который позволил сотням тысяч соотечественников адаптироваться в новом для них обществе. Образовательные, культурные, благотворительные проекты, призрение больных и инвалидов, русская издательская деятельность позволили значительной части покинувших родину людей ощущать себя частью единого сообщества, препятствуя тем самым денационализации и ассимиляции.

Теоретическая значимость диссертационного исследования.

Теоретическая значимость исследования обусловлена введением в научный оборот определения гуманитарной деятельности. Впервые это понятие получило очищенное от политической ангажированности определение. Указаны социокультурные маркеры, сигнализирующие о принадлежности той или иной деятельности к гуманитарной. Прослежена историческая преемственность гуманитарной деятельности от эпохи Возрождения до исследуемого в диссертационной работе периода. Впервые выявлена взаимосвязь гуманитарной деятельности с процессом сохранения значительными массами людей собственной гражданской, национальной, культурной идентичности. Доказано наличие взаимосвязи гуманитарной деятельности с процессами маргинализации и психологическим состоянием больших сообществ в условиях гуманитарного кризиса. Доказана способность общества к самоорганизации в условиях гражданского конфликта в целях сохранения национального наследия, оказания помощи наименее защищенным членам общества, препятствования денационализации, сохранения гражданской и национально-культурной идентичности.

Практическая значимость диссертационного исследования.

Практическая значимость диссертационного исследования заключена в подтверждении тезиса о главенствующей роли гуманитарной деятельности в

преодолении масштабных национальных и геополитических кризисов, а также в доказательстве действенности методов гуманитарного воздействия на состояние общества в условиях гражданского противостояния. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в государственной и общественной деятельности по созданию условий для адаптации значительных групп мигрантов, их призрению и интеграции в новые общества. Результаты исследования могут быть применимы для выработки мероприятий по прогнозированию, предупреждению, реагированию и купированию кризисов, связанных с появлением значительных групп людей, нуждающихся в самом широком спектре гуманитарной помощи.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования.

Научная достоверность диссертационного исследования обеспечена введением в научный оборот значительного массива ранее не изученных и неопубликованных источников, использованием методов критики исторического источника, объективности и историзма при исследовании поставленной проблемы.

Апробация результатов диссертационного исследования.

Автор диссертационного исследования занимался изучением гуманитарной деятельности периода Гражданской войны в России и в эмиграции на протяжении многих лет, начиная со студенческой дипломной работы и диссертации кандидата исторических наук в Российском государственном гуманитарном университете. За это время автор опубликовал три монографии на данную тему: «Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс»,[21] (23 усл.печ.л.) процитированную в РИНЦ на момент защиты 92 раза, и входящую в первую пятерку самых цитируемых монографий на русском языке по истории российской эмиграции (по данным РИНЦ на сентябрь 2020 г.); «Три столицы изгнания: Константинополь,

[21] *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М.: Издательство Ипполитова, 2004. – 368 с.

Берлин, Париж: центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг.»[22] (12 усл.печ.л.) (59 цитирований); «Не могу оторваться от России: русские книгоиздатели в Германии 1920-х гг.»[23] (11 усл.печ.л.) (36 цитирований); и три учебных пособия: «История России (Российская эмиграция: интеграция в европейское общество в 1920-1930-х гг.): учебно-методический модуль»;[24] «Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов»;[25] «История России, XX век: Курс лекций».[26] Соискателем подготовлены также два спецкурса для студентов: «Российское предпринимательство в эмиграции. 1918-1939 гг.»[27] и «Зарубежная Россия. 1920-1940-е годы».[28] Также проблематике диссертационного исследования

---

[22]*Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Три столицы изгнания. Константинополь. Берлин. Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. М., 1999.

[23]*Ипполитов С.С., Катаева А.Г.* «Не могу оторваться от России…». Русские книгоиздатели в Германии в 1920-х гг. М., 2000.

[24]*Ипполитов С.С.* История России (российская эмиграция: интеграция в европейское общество в 1920 – 1930-х гг.): Учебно-методический модуль / М-во образования Рос. Федерации. Рос. гос. гум. ун-т. - М.: Изд-во Ипполитова, 2003. – 319 с. – (серия «Я иду на занятия»).

[25]*Пивовар Е.И., Голотик С.И., Евсеева Е.Н., Ипполитов С.С., Карпенко С.В.* Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). Учебное пособие для студентов. М., 1994. С. 11-52.

[26]*Ипполитов С.С., Антропов О.О., Белоконь И.А., Голотик С.И., Евсеева Е.Н., Зимина В.Д., Карпенко С.В., Киличенков А.А., Красовицкая Т.Ю., Крушельницкий А.В., Минаев В.В.* История России, XX век: Курс лекций / Федеральное агентство по образованию, Российский государственный гуманитарный университет, ответственный редактор Минаев В.В.. Москва, 2010. Сер. Библиотека "Нового исторического вестника" (2-е издание).

[27]*Ипполитов С.С.* Российское предпринимательство в эмиграции. 1918-1939 гг. / В сборнике: История России. XX - XXI века. Программы спецкурсов: для специальностей № 020800 - Историко-архивоведение, № 020700 - История. Федеральное агентство по образованию, Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Российский государственный гуманитарный университет", Историко-архивный институт, Кафедра отечественной истории новейшего времени; под редакцией А.Б. Безбородова. Москва, 2006. С. 69-72.

[28]*Ипполитов С.С., Евсеева Е.Н., Карпенко С.В., Можаева Л.А., Цурганов Ю.С.* Зарубежная Россия. 1920-1940-е годы. В книге: История России. XX - XXI века. Программы спецкурсов: для специальностей N 020800 – Историко-архивоведение, № 020700 - История. Федеральное агентство по образованию, Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Российский государственный гуманитарный университет", Историко-архивный институт, Кафедра

было посвящено более 50-ти статей в научных журналах, сборниках статей и материалах конференций общим объемом около 40-ка авторских листов. Все опубликованные соискателем труды базировались на новых, ранее не вводившихся в научный оборот источниках из Российского государственного архива Российской Федерации (бывший ЦГАОР), Российского государственного военного архива, коллекций эмигрантской прессы ИНИОН и РГБ. Апробация полученных результатов осуществлялась в ходе научных конференций с участием соискателя.[29]

Перечисленные результаты могут свидетельствовать о состоявшейся успешной апробации выносимых на диссертационную защиту научных положений.

Кроме того, в ходе подготовки диссертационного исследования было выявлено и введено в научный оборот более тысячи не публиковавшихся ранее архивных документов из фондов Государственного архива Российской Федерации. Так, только из фонда Временного главного управления Российского общества Красного Креста в Омске[30] впервые введено в научный оборот более пятисот неизвестных ранее источников.

Результаты исследования внедрены в образовательный процесс Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ): три учебных пособия: «История России (Российская эмиграция: интеграция в

отечественной истории новейшего времени; под редакцией А. Б. Безбородова. Москва, 2006. С. 53-68.

[29] *Грибенчикова О.А., Ипполитов С.С., Карпенко С.В.* Российское предпринимательство в эмиграции: 1918-1925 гг. // Гуманитарное образование в России: новые горизонты. Тезисы научно-практической конференции по межвузовской научно-технической программе «Университеты России». М., 1995. С. 31-32; *Ипполитов С.С.* Деятельность благотворительных организаций в белом тылу и в эмиграции в 1918-1922 гг. // Российское зарубежье. Итоги и перспективы изучения. Тезисы докладов и сообщений научной конференции 17 ноября 1997 г. С. 31-32; *Ипполитов С.С.* Русское предпринимательство в зеркале рекламы // Россия в XX веке: проблемы изучения и преподавания. Материалы научной конференции. Москва, 2 декабря 1998 г. М., 1999. С. 104-107.

[30] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1.

европейское общество в 1920-1930-х гг.): учебно-методический модуль»;[31] «Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов»;[32] «История России, XX век: Курс лекций».[33] В РГГУ созданы два авторских спецкурса для студентов: «Российское предпринимательство в эмиграции. 1918-1939 гг.»[34] и «Зарубежная Россия. 1920-1940-е годы».[35]

Территориальные границы исследования охватывают территорию Сибири, Дальнего Востока России, Урала, Украины, Крыма и Северного Кавказа, находившиеся в период Гражданской войны под властью антибольшевистских режимов, а также территории европейских государств, ставшие основными направлениями расселения российских беженцев. Выбор означенных территориальных границ обусловлен следующими соображениями. На Востоке России, на Украине и в Крыму в период Гражданской войны была восстановлена деятельность российских

---

[31] *Ипполитов С.С.* История России (российская эмиграция: интеграция в европейское общество в 1920 – 1930-х гг.): Учебно-методический модуль / М-во образования Рос. Федерации. Рос. гос. гум. ун-т. - М.: Изд-во Ипполитова, 2003. – 319 с. – (серия «Я иду на занятия»).

[32] *Пивовар Е.И., Голотик С.И., Евсеева Е.Н., Ипполитов С.С., Карпенко С.В.* Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). Учебное пособие для студентов. М., 1994. С. 11-52.

[33] *Ипполитов С.С., Антропов О.О., Белоконь И.А., Голотик С.И., Евсеева Е.Н., Зимина В.Д., Карпенко С.В., Киличенков А.А., Красовицкая Т.Ю., Крушельницкий А.В., Минаев В.В.* История России, XX век: Курс лекций / Федеральное агентство по образованию, Российский государственный гуманитарный университет, ответственный редактор Минаев В.В.. Москва, 2010. Сер. Библиотека "Нового исторического вестника" (2-е издание).

[34] *Ипполитов С.С.* Российское предпринимательство в эмиграции. 1918-1939 гг. / В сборнике: История России. XX - XXI века. Программы спецкурсов: для специальностей № 020800 - Историко-архивоведение, № 020700 - История. Федеральное агентство по образованию, Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Российский государственный гуманитарный университет", Историко-архивный институт, Кафедра отечественной истории новейшего времени; под редакцией А.Б. Безбородова. Москва, 2006. С. 69-72.

[35] *Ипполитов С.С., Евсеева Е.Н., Карпенко С.В., Можаева Л.А., Цурганов Ю.С.* Зарубежная Россия. 1920-1940-е годы. В книге: История России. XX - XXI века. Программы спецкурсов: для специальностей N 020800 – Историко-архивоведение, № 020700 - История. Федеральное агентство по образованию, Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Российский государственный гуманитарный университет", Историко-архивный институт, Кафедра отечественной истории новейшего времени; под редакцией А. Б. Безбородова. Москва, 2006. С. 53-68.

гуманитарных организаций, осуществлявших помощь больным и раненым участникам боевых действий и местному населению. К сожалению, источниковая база исследования гуманитарной деятельности в других регионах бывшей Российской Империи, в то или иное время находившихся под властью антибольшевистских режимов, не позволяет сегодня осуществить качественное научное исследование: документов сохранилось крайне мало. По этой причине, в частности, в диссертационном исследовании не рассматривается гуманитарная деятельность на Севере России: достаточную для этого источниковую базу обнаружить пока не удалось.

Российская гуманитарная деятельность в Европе изучалась в направлении следования основных волн беженцев: через Турцию в Восточную Европу, Германию, Францию. Именно здесь в исследуемый период времени сформировалась действенная система гуманитарной помощи русским эмигрантам, в основу которой были положены зарубежные активы российских общественных организаций и остатки государственных средств Российской Империи на счетах в иностранных банках. Восточное направление эмиграции осталось вне рамок диссертационного исследования, поскольку, во-первых, это направление было достаточно хорошо исследовано за последние два десятилетия, и, во-вторых, в Китае и Японии в 1920-1930-х гг. не сформировалась действенная система помощи эмигрантам, сопоставимая с её европейским аналогом. По этим же причинам в диссертации не рассматривалась российская гуманитарная деятельность в Северной Африке и других регионах мира, где в указанный период возникали русские эмигрантские колонии.

Структура диссертации.

Структурно диссертация состоит из введения, пяти глав и заключения.

Во введении изложены актуальность избранной темы диссертации, степень разработанности темы диссертации, цели и задачи, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методология и методы диссертационного исследования, степень достоверности результатов

диссертационного исследования, положения, выносимые на защиту диссертации, а также апробация результатов диссертационного исследования.

В первой главе нашли отражение теоретико-методологические, историографические и источниковедческие аспекты исследования гуманитарной деятельности. Глава вторая посвящена изучению российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны как феномену общественной самоорганизации в условиях национальной катастрофы. Третья глава затрагивает институциализацию российской гуманитарной деятельности в эмиграции в качестве фактора сохранения идентичности в условиях гуманитарной катастрофы. В четвертой главе рассмотрена российская гуманитарная деятельность в системе корпоративных и общественно-культурных связей российского зарубежья. Пятая глава посвящена изучению отечественных традиций и практике гуманитарной деятельности в контексте социально-культурной адаптации эмигрантов за рубежом в исследуемый период.

В заключении изложены итоги выполненного диссертационного исследования, предложены перспективы дальнейшей разработки темы диссертации.

Глава 1. Теоретико-методологические, историографические и источниковедческие аспекты исследования гуманитарной деятельности

§ 1.1. Гуманитарная деятельность как объект исследования

Исследование исторического и мировоззренческого феномена российской гуманитарной деятельности в условиях гражданского противостояния, повлекшего за собой масштабную гуманитарную катастрофу, невозможно без осмысления понятия «гуманизм» в качестве идейно-нравственной основы той сферы человеческой деятельности, которую мы относим к разряду «гуманитарной». Согласно определению Большой российской энциклопедии, сформулированному Леонидом Михайловичем Баткиным, «гуманизм (от лат. homo – человек, humanus – человеческий, человечный, humanitas – человеческая природа), сложившееся в эпоху Возрождения движение образованных людей, объединённое интересом к античности, изучением и комментированием памятников «классической» (прежде всего латинской) литературы». Однако для целей настоящего исследования более важна вторая часть определения: «В широком смысле – особый тип философского мировоззрения, сосредоточенного на человеке с его земными делами и свершениями, утверждающего его свободу и достоинство независимо от каких-либо исполняемых им социальных функций и ролей, усматривающего в нём самостоятельный источник творческих сил».[36]

В отечественной литературе трактовка понятия «гуманизм» на протяжении десятилетий претерпевала существенную трансформацию.

[36] *Баткин Л.М., Межуев В.М.* Гуманизм // Большая российская энциклопедия. Том 8. Москва, 2007. С. 149.

Философский словарь под редакцией М.М. Розенталя в 1975 году трактовал гуманизм как совокупность взглядов, выражающих уважение достоинства и прав человека, заботу о благе людей, их всестороннем развитии, о создании благоприятных для человека условий общественной жизни.[37] Такое определение наилучшим образом подходит к тем целям и задачам, которые стояли в центре внимания гуманитарных организаций в изучаемый нами период. Однако идеологические требования середины 1970-х годов налагали на авторов обязательство строго следовать классовой теории. По этой причине изучение феномена гуманизма и гуманитарной деятельности проходило в парадигме марксистко-ленинской теории: идеи гуманизма рассматривались как присущие исключительно «народным массам», осуществляющим борьбу с «эксплуатацией и нравственными пороками». Гуманизм в трактовке советских философов подразделялся на гуманизм «народный» и гуманизм «буржуазный», который даже в лучших своих проявлениях являлся «ограниченным», поскольку свои гуманистические идеалы основывал на частной собственности и индивидуализме. По мнению авторов, современный им «буржуазный» гуманизм ставил целью скрыть действительные пороки капитализма, его античеловеческую сущность. Антагонистом гуманизма буржуазного должен был рассматриваться гуманизм социалистический, основывавшийся на марксистко-ленинской философии и теории научного коммунизма, утверждавших, что для подлинной свободы личности необходимо освобождение трудящихся от социального угнетения. При этом высшим воплощением гуманизма был назван коммунизм, т.е. такое устройство общества, при котором были бы ликвидированы остатки всякого неравенства.[38]

Критике «буржуазного» гуманизма было посвящено и определение Атеистического словаря, увидевшего свет в 1983 г. С одной стороны, констатировалась роль буржуазного гуманизма в деле борьбы против

[37] Философский словарь. М.: Политиздат. 1975. С. 94.
[38] Философский словарь. М.: Политиздат. 1975. С. 95.

религии и господства религиозной идеологии, с другой – отмечался его «абстрактный» характер, связанный с представлением о «вечной и неизменной природе человека» и оправдывавший частную собственность, что с точки зрения советской науки являлось тяжким грехом.[39]

Определение гуманизма в трактовке философского словаря 1998 года издания, отойдя от классовой позиции, впервые затронуло вопрос о кризисе гуманизма в XX веке на фоне происходивших событий. История XX века, по мнению авторов, «показала несостоятельность просветительского гуманизма. Сотни миллионов людских жизней, унесенных войнами, концлагерями, межнациональными конфликтами, массированное использование изощренных средств уничтожения для реализации военных, политических и других проектов «развития» – все это свидетельствовало об отсутствии связи между прогрессом промышленности, техники, науки и утверждением гуманистических ценностей. Политические, индустриальные, культурные структуры тоталитарных обществ превращали человеческих индивидов в «зубчики» и «винтики» огромной социальной машины».[40] Такой взгляд на природу и кризис гуманизма приближает нас к пониманию тех гуманитарных процессов, которые происходили в начале XX века в России и за её пределами.

В поисках философских истоков возникновения в человеческой цивилизации гуманитарной деятельности как общественной функции, призванной гармонизировать отношения между людьми с позиции универсальных нравственных ценностей, стоит обратиться к наследию великого английского гуманиста Томаса Мора. Во второй части «Утопии» мы находим, по сути, точное определение гуманитарной деятельности, понимаемое с позиции мыслителя начала XVI в.: «Природа постоянно предлагает тебе следить за тем, чтобы содействовать своим выгодам постольку, поскольку ты не причиняешь этим невыгод другим.

[39] Атеистический словарь. М.: Политиздат. 1986. С. 115.
[40] Современный философский словарь. М.: Панпринт. 1998. С. 216.

Следовательно, утопийцы признают необходимым соблюдать не только договоры, заключенные между частными лицами, но и общественные законы о распределении удобств жизни. Заботиться о своей выгоде, не нарушая этих законов, есть требование благоразумия, а иметь в виду также и интересы общественные — твой долг. Похищать чужое удовольствие, домогаясь своего, несправедливо. Наоборот, отнять что-нибудь у себя самого, чтобы придать другим, есть исключительная обязанность человеколюбия и благожелательности. Подобная выгода возмещается взаимностью благодеяний, и самое сознание благодеяния и воспоминание о любви и расположении тех, кому ты оказал добро, приносят твоему сознанию больше удовольствия, чем то телесное наслаждение, от которого ты воздержался».[41] Здесь Томас Мор трансформирует платоновское понятие «блага» для нужд идеального государственного устройства, где гуманитарная деятельность, как залог здоровья общественного бытия, рассматривается им в качестве насущной потребности и естественного долга каждого члена общества.

Идея общественного призрения и благотворительной помощи наименее защищенным членам общины в конце XV – начале XVI вв. была для позднего средневековья революционной. Так, например, в XVI в. борьба с нищенством носила исключительно карательный характер. Елизавета I, королева Англии и Ирландии, лишь в 1601 г. установила обязательный налог в пользу бедных. Призрение же больных и немощных в этот исторический период было сосредоточено в монастырях и носило случайный характер. Поэтому идея Мора о гуманитарной деятельности, как неотъемлемой части общественной жизни, предвосхитила свое время. Вот что должна была представлять собой забота общества о больных в Утопии: «утопийцы ухаживают за больными с большим усердием и прилагают решительно все меры, чтобы вернуть им здоровье путем или тщательного лечения, или питания. Даже страдающих неизлечимыми болезнями они утешают

[41]*Мор Томас.* Золотая книга столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии. - М.; Л.: Academia, 1935. С. 138.

постоянным пребыванием около них, разговорами, наконец, оказанием какой только возможно помощи».[42]

Не менее значим и антивоенный пафос «Утопии» Томаса Мора. Продолжая античную традицию, Мор решительно отвергает вооруженное противостояние в качестве единственного способа разрешения противоречий между людьми, а участие в военном конфликте рассматривается им лишь в качестве возможного зла, когда иные способы исчерпаны: «Утопийцы сильно гнушаются войною, как деянием поистине зверским, хотя ни у одной породы зверей она не употребительна столь часто, как у человека; вопреки обычаю почти у всех народов, они ничего не считают в такой степени бесславным, как славу, добытую войной. Победы, соединенные с кровопролитием, вызывают у них не только чувство отвращения, но и стыда».[43]

Возникшее и определившееся в качестве культурного движения и философской концепции в эпоху Возрождения, гуманистическое мировоззрение на протяжении XV-XVI вв. оставалось интеллектуальным занятием узкого круга образованных и состоятельных людей. Даже выдающиеся интеллектуалы своего времени были еще очень далеки от понимания необходимости гуманизации общественных отношений, как насущной потребности человеческой цивилизации. Так, Лоренцо Валла, итальянский гуманист, родоначальник историко-филологической критики, таким образом определял необходимые условия для продуктивной интеллектуальной деятельности гуманиста: «Общение с образованными людьми, изобилие книг, удобное место, свободное время, душевный покой, особая пустота, незаполненность, высвобожденность души, делающая её готовой к наполнению ученостью и мудростью».[44]

---

[42]*Мор Томас.* Золотая книга столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии. - М.; Л.: Academia, 1935. С. 156.
[43]*Мор Томас.* С. 170.
[44]*Баткин Л. М.* Итальянское возрождение: Проблемы и люди. 1995. С. 72.

Как уже отмечалось ранее,[45] выход человечества из эпохи варварства ознаменовался первыми попытками ограничить безудержное торжество и неограниченную власть победителя над поверженным противником, а также привнести в процесс вооруженной борьбы элементы этики. Начиная с так называемых «Законов Ману», датируемых II веком до н.э. – I веком н.э., и запрещавших использование отравленных стрел, убийство раненых и мирных землепашцев,[46] до Гаагских и Женевских конвенций, вводивших в международное право свод гуманитарных норм и правил, призванных минимизировать страдания мирного населения в условиях военных действий и регламентировать применение особенно опасных видов вооружения. Эти международные акты стали основой того, что называется сегодня «гуманитарным правом»; без этого свода международных договоренностей современная система права просто немыслима. Вместе с тем, некоторая регламентация действий воюющих держав в этих международных актах не затрагивала ситуацию, проистекающую из самого факта ведения войны: ситуацию гуманитарной катастрофы, возникающую «по итогам» вооруженного противостояния, и тех действий, которые должны были бы предпринимать воюющие стороны для минимизации и исправления нанесенного ущерба.[47]

Первая мировая война обнажила слабость и неразвитость существовавших на тот момент гуманистических принципов. Человечество впервые в своей истории столкнулось с гуманитарными кризисами подобного масштаба. Ни гуманизм Возрождения, ни христианский гуманизм, ни буржуазный, ни какой-либо иной не были способны осмыслить грандиозность происходивших событий и сопутствующих им человеческих

---

[45] *Ипполитов С.С.* Гуманитарная деятельность как объект культурологии: определение, изучение, тенденции // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2018. №2 (29). С. 36-45.

[46] *Булич С.К.* Ману, законы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). - СПб., 1890-1907.

[47] *Ипполитов С.С.* Гуманитарная деятельность как объект культурологии: определение, изучение, тенденции // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2018. №2 (29). С. 36-45.

страданий. Забота о гармоничном развитии индивида, его свободе и воспитании в гуманистическом дискурсе начала XX века должны были смениться на осознание грядущих перемен и тех философских и гуманитарных вызовов, с которыми столкнулось человечество на пороге нового века. «Кабинетный» просветительский гуманизм в один момент столкнулся с кровью и голодом миллионов людей; с волей и болью огромных масс, требующих достойной жизни, хлеба, просвещения, работы.

Первая мировая война в короткий срок нивелировала все достижения человеческой цивилизации в вопросах гуманитарного права. Вот как видел эту проблему современник событий, управляющий Российского комитета Красного Креста Н.М. Жданов: «Фактически многие международно-правовые нормы во время минувшей войны не могли быть осуществлены также и потому, что за время предшествовавших войне явных и тайных вооружений военная техника изобрела такие новые средства человекоубийства и разрушения, каких при заключении международных соглашений не могла предусмотреть даже самая пылкая фантазия. Новейших изобретений артиллерийской, воздушной и подводной техники, конечно, не могли учитывать участники Гаагских конференций. Их не могли предвидеть и составители Женевской конвенции, заключенной более пятидесяти лет тому назад. При таких условиях многие положения Женевской конвенции, имеющие своей задачей гарантировать относительную безопасность деятельности краснокрестных и медикосанитарных учреждений, фактически не могли достигать своей цели при обстоятельствах минувшей мировой войны. Так, флаг Красного Креста не мог защитить госпитали и перевязочные пункты от действия разрывных снарядов, посылавшихся из невидимой дали чудовищными орудиями. Он не мог защитить медицинские учреждения и от действия бомб, сбрасывавшихся аэропланами темною ночью с надоблачной высоты. Он не мог остановить распространение смертоносных волн удушливого газа или парализовать действие ослепительных лучей. Разрушительная амплитуда мировой войны достигала

громадных размеров и уже не могла считаться с теми ограничениями, которые пыталась установить международная мысль, чтобы защитить участь больных и раненых воинов и интересы захваченного войной мирного населения. Воевавшие народы шли на взаимное истребление. Обе стороны были безмерно ожесточены. Над всем миром господствовала военная необходимость, и далеко на задний план отошли соображения гуманности и сострадания к жертвам войны».[48]

Период Перовой мировой войны и первые послевоенные годы стали в истории российских и мировых гуманитарных организаций «моментом истины». Впервые гуманитарная мысль столкнулась с таким чудовищным вызовом. Тотальная война с вовлечением в военные действия миллионов людей, катастрофические разрушения, миллионы военнопленных, раненых и больных, экономический кризис, нищета, болезни, шовинистическая истерия в обществе и разрушенная инфраструктура – эти и сотни других вызовов требовали от гуманитарных организаций всего мира максимальной мобилизации всех имевшихся ресурсов. Именно в эти годы своей новейшей истории человечество впервые смогло воочию убедиться, как быстро слетает с него тонкий налет цивилизованности, и именно в этот период в гуманитарной деятельности организаций, ставивших перед собой цель оказания помощи пострадавшим в ходе военных действий, впервые начали проявляться элементы, которые через сто лет позволят говорить о кризисе гуманитарной деятельности как таковой.

Исследовать гуманитарную деятельность первой трети XX века невозможно без истолкования современного понимания этого термина. Поэтому для более точного понимания событий и акцентов столетней давности бросим взгляд на современное положение дел в этой области. В последние несколько десятилетий словосочетание «гуманитарная деятельность» является неотъемлемым элементом многочисленных

[48] *Жданов Н.М.* Русские военнопленные в мировой войне 1914-1918 гг. Ч. I, II и III. М., 1920. С. 21.

дискуссий и частью общественно-политического дискурса многих стран мира. Но если обратиться к сетевым ресурсам и попробовать найти точное определение этого понятия, то обнаружится, что такового не существует. Слова «гуманитарная деятельность» часто употребляются в международном и национальном общественном пространстве, о гуманитарной деятельности звучат речи с трибуны ООН, ей посвящены многочисленные статьи в прессе. Но если внимательно вчитаться в публикуемые материалы, становится очевидным, что многие авторы и спикеры понимают под этим словосочетанием зачастую вещи диаметрально противоположные, а подчас и вовсе чудовищные. В качестве яркого примера можно привести наиболее частую ассоциацию, которую подсказывают поисковые машины в интернете: гуманитарная интервенция и гуманитарная бомбардировка. Поэтому попробуем, наконец, сформулировать определение гуманитарной деятельности; поймём, какие сферы общественной, государственной, международной деятельности допустимо относить к понятию «гуманитарная»; рискнем выработать некоторые подходы к отнесению той или иной активности к «гуманитарной деятельности» или какой-либо иной, предложив для этого понятный и доступный методический инструментарий, который может быть использован и в ретроспективных исследованиях.[49]

Для решения поставленной задачи очертим круг тех видов человеческой деятельности, которые подходят под определение «гуманитарная» безусловно, не вызывая при этом негативных аллюзий.

Соотнесем два исторических события: гуманитарную деятельность Американского Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке России в 1918-1920 гг. и деятельность Международного комитета Красного Креста в конце 1990-х годов в ряде африканских и южноамериканских стран и регионов.

---

[49] *Ипполитов С.С.* Гуманитарная деятельность как объект культурологии: определение, изучение, тенденции // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2018. №2 (29). С. 36-45.

Так, история деятельности Американского Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны даёт почву для размышлений об иных, кроме заявленных, целей оказания помощи населению. После трагических событий 1917 года в России и начавшейся Гражданской войны, деятельность иностранных организаций «на русском направлении» стала весьма престижной, и сулила быстрый политический капитал. Американский Красный Крест не стал исключением. Наряду с безусловно нужной в тот исторический период помощью, которую через посредничество АКК зачастую оплачивали российские эмигранты в Америке для своих родственников в России, эта гуманитарная организация преследовала и иные цели. Осенью 1919 г. Временное главное управление Российского общества Красного креста заслушало доклад своего представителя во Владивостоке о деятельности американцев в этом городе. Он рассказывал о том, что работа «Американского Красного Креста сводилась к рекламированию своей деятельности, вместо действительно широкой помощи населению. Не отказываясь на словах в согласии осуществлять помощь русскому Красному Кресту и вести с ним совместную работу, американцы на деле ограничили свою помощь крайне незначительным количеством медикаментов, хирургических инструментов и материалов, а вместо совместной деятельности резко сократили свою работу в особых госпиталях, заняв для них лучшие помещения и принимая все меры к тому, чтобы вся деятельность их протекала исключительно под флагом Американского Красного Креста».[50] В том же 1919 году стали появляться свидетельства отказа Американского Красного Креста от обещанной помощи, что крайне негативно отразилось на формировании прифронтовых лазаретов в самый разгар военных действий.

[50] Цит. по: *Ипполитов С.С.* «Я видел мертвых…»: Российское общество Красного Креста и Американский Красный Крест в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918 – 1920 гг. // Россия и современный мир. № 1. 2018. С. 111.

А вот строки, написанные почти сто лет спустя сотрудником Постоянного представительства России при отделении ООН в Женеве: «В 1996-1997 годах МККК продолжал использовать свой особый статус "нейтральной гуманитарной" организации для прикрытия работы, в целом трудносовместимой с принципами гуманитарной деятельности. Так, наряду с большим объемом действительно гуманитарной работы продолжалась косвенная поддержка сепаратистских, антиправительственных сил, групп террористов и организованной преступности в России (Чечне), на юге Судана, Конго-Браззавиле, Перу, Колумбии и других странах»[51]

Так какой же должна быть гуманитарная деятельность, чтобы полностью соответствовать заявленным принципам? Допустимо ли сочетание политических, экономических, военных, разведывательных целей с оказанием гуманитарной помощи? На каких принципах она должна базироваться? Ответы на эти вопросы мы можем попробовать отыскать еще в одном наблюдении уже упомянутого сотрудника ООН, называющего определенные действия международных гуманитарных организаций «столь нелепыми и вредными»[52], что они, по мнению автора, вполне соотносимы с последствиями самих войн и стихийных бедствий. Конечно, на наш взгляд, в таком утверждении есть значительное преувеличение. Однако не вызывает сомнений тот факт, что непрофессиональное, неумное, ангажированное и политически мотивированное «гуманитарное» вмешательство в дела суверенных государств часто оборачивается обострением национальных, межконфессиональных и межплеменных конфликтов.

Таким образом, становится очевидным, что осуществление гуманитарной деятельности невозможно без учета культурных особенностей, культурного контекста, обычаев, верований и религиозных устоев того региона, где эта деятельность осуществляется.

---

[51] *Чумарев С.* Международная гуманитарная деятельность: кризис идеологии. http://old.nasledie.ru/politvne/18_30/article.php?art=0

[52] *Чумарев С.* Международная гуманитарная деятельность: кризис идеологии. http://old.nasledie.ru/politvne/18_30/article.php?art=0

Из сказанного проистекает другой принцип гуманитарной деятельности – её ненасильственность. Появление в общественно-политическом дискурсе словосочетания «гуманитарная интервенция» должно служить вербальным маркером планируемой агрессии; пропагандистским клише, свидетельствующим о подготовке общественного мнения к нарушению международного права в отношении суверенного государства под предлогом осуществления гуманитарной деятельности. Последний президент Чехословакии и первый президент Чехии Вацлав Гавел в своем интервью газете Le Monde 29 апреля 1999 года произнес слова, ставшие впоследствии горьким и саркастическим обозначением политики насильственного вмешательства в дела независимого государства под гуманитарным предлогом: «Я думаю, что во вторжении НАТО в Косово имеется элемент, в котором никто не может сомневаться: воздушные атаки, бомбы не вызваны материальной заинтересованностью. Их характер – *исключительно гуманитарный*: главную роль играют принципы, права человека, которые имеют приоритет даже над государственным суверенитетом».[53]

Произошла мгновенная подмена ценностей. Понятие «гуманитарность» оказалось жестко привязано к насильственным действиям, осуществляемым незаконно, без оглядки на международное право и неизбежный ущерб жизни и здоровью людей. Открылось «Окно Овертона»: рамки допустимого спектра мнений в публичных высказываниях с точки зрения общественной морали, публичной этики и просто здравого смысла были внезапно сломаны. То, что ранее в общественной морали было абсолютно недопустимо, преступно и противоречило самой идее гуманитарности, в одночасье стало вполне приемлемым способом достижения поставленных политических целей.[54]

Из сказанного проистекает следующий тезис: гуманитарная деятельность не может быть предваряема или сопровождаема политическими

---

[53] http://www.webcitation.org/65RwEkXW1

[54] *Миронов А.С.* Раздувай и властвуй. М., 2001.

или иными условиями. Осуществление гуманитарных программ в нуждающихся странах и регионах не может сопровождаться требованиями по изменению политического строя, образовательных программ, традиционных укладов или культурных устоев общества. Попытки внедрения «правильных» образовательных или культурных продуктов под видом гуманитарной деятельности; навязывание иных, нетрадиционных для данного общества, моделей поведения; ревизия местных образовательных и культурных программ; создание «альтернативной» истории и культуры, продвижение и популяризация произведений искусства, шокирующих культурные предпочтения местных жителей – все эти признаки свидетельствуют о вторичности гуманитарной деятельности по сравнению с политическими или иными целями в данном регионе.

В этом же ряду признаков находится и избирательность гуманитарной деятельности. Оказание помощи по национальному, этническому, территориальному принципу в рамках локального региона гуманитарного бедствия; выбор объекта гуманитарной деятельности по религиозному, культурному, социальному признаку может свидетельствовать о попытке создания псевдогуманитарными методами зон иностранного влияния, сепаратизма, протестного потенциала с целью изменения государственного или конституционного строя страны-реципиента.

С другой стороны, поняв, какой гуманитарная деятельность НЕ должна являться, отметим удачный исторический опыт, полученный в ходе преодоления последствий международных конфликтов и масштабных бедствий, позволяющий сформулировать критерии гуманитарной деятельности, преследующей заявленные цели.

В качестве классического примера в поле зрения неизбежно оказывается благотворительность. При попытке найти качественное научное определение этого общественного явления, оказалось, что и в советской, и в российской справочной и научной литературе трактовка понятия «благотворительность», которая соответствовала бы целям диссертационного исследования,

отсутствует. Большая Советская энциклопедия это явление обошла вниманием вообще; не оказалось этого понятия в философском, дипломатическом, политэкономическом, Большом энциклопедическом и ряде других словарей. Первое определение *благотворительности* удалось найти в Словаре русского языка С.И. Ожегова. Он толковал это понятие, как «оказание частными лицами материальной помощи кому-либо».[55]

Более подробное толкование понятия *благотворительность* обнаружилось в Словаре русского языка, подготовленным Институтом русского языка Академии Наук СССР. Здесь находим такую трактовку: «*В буржуазном обществе*: оказание частными лицами материальной помощи неимущим; филантропия».[56] Как следует из определения, *благотворительности* придана черно-белая идеологическая «окраска»; своего рода утверждение, что описанное явление есть некий атавизм, для социалистического общества лишний и нехарактерный.

Схожая идеологическая концепция получила развитие в Атеистическом словаре, окрасившись в религиозно-догматический оттенок: «Христианство проповедью благотворительности пыталось примирить социально-классовый антагонизм между угнетателями и угнетенными и закрепить социальное неравенство между людьми. Генетически благотворительность своими корнями переплетается с таким социально-психологическим институтом, как милостыня».[57]

В ходе дальнейшей работы стало очевидным, что имеющаяся теоретическая основа никоим образом не подходит для целей исследования – изучаемое явление не укладывалось в прокрустово ложе идеологических границ.

Приблизиться к истинному значению этой важнейшей составляющей гуманитарной деятельности позволило определение понятия «благо». Благо

---

[55] Словарь русского языка. М., 1949. С. 37.
[56] Словарь русского языка. М., 1981. Т. 1. С. 96.
[57] Атеистический словарь. М., 1986. С. 60.

«одна из основных аксиологических теорий, обозначающая исторически исходный, подтверждаемый житейским опытом факт удовлетворения извечных потребностей, ожиданий и желаний людей при условии соединения их устремлений и усилий». По Платону, «благо может быть осмыслено только через зло; как его противоположность».[58] Именно «факты удовлетворения извечных потребностей» людей в пище, крове, помощи больным, одежде, которые имеют место в деятельности благотворительных организаций в условиях жестокого противопоставления «зло – благо», порожденного гражданским противостоянием, войной или иным катастрофическим явлением, позволяют использовать термин «благотворительность» как составную часть, а нередко и синоним гуманитарной деятельности. Причем в данном случае речь идет о благе особом; благе, потребном в условиях экстремальных; особом виде внешнего блага, необходимость которого в мирное время могла никогда не ощущаться людьми, привыкшими к обеспеченной, благоустроенной жизни. Исходя из сказанного, следует значительно сузить изучаемую область названного явления. В «Политике» Аристотеля по этому поводу говорилось: «нет такой единой науки или умения, которые рассматривали бы все благо в целом. Потому что свое благо есть для каждой категории, будь то сущность, качество, количество, время, отношение, место».[59]

Одно из определений благотворительной деятельности содержится и в Федеральном Законе РФ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», вступившем в действие 7 июля 1995 г.: «добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в т.ч. денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки». Это уже вполне добротное определение, которое можно было бы принять за

[58] Современный философский словарь. М., 1998. С. 103.
[59] Аристотель. Сочинения. М., 1984. С. 299.

основу. Однако, на наш взгляд, оно слишком сужает гуманитарный посыл этого альтруистического явления, сводя его к предоставлению некоего набора материальных благ. Вместе с тем, благотворительная деятельность в XX веке вышла за рамки только лишь материального вспомоществования нуждающимся. Наиболее яркие примеры такой деятельности можно обнаружить в истории российской эмиграции первой волны, когда российская благотворительность стала одним из факторов сохранения национальной культуры и идентичности во враждебной среде изгнания.

Благотворительная – гуманитарная – деятельность российских общественных организаций: Российского общества Красного Креста, Земского союза, многочисленных профессиональных и воинских сообществ по сохранению в эмиграции русской культуры, образования, языка; по строительству православных храмов, библиотек и музеев; по созданию русских школ и высших учебных заведений стала одной из составляющих культурного феномена, получившего наименование «Русское Зарубежье». Эта гуманитарная деятельность наших соотечественников в изгнании оставила столь яркий след в отечественной и мировой культуре, что ее влияние продолжает до сих пор прослеживаться в литературе, архитектуре, исполнительском и изобразительном искусстве многих стран мира.

Так что же такое гуманитарная деятельность, возможна ли она в принципе? Попробуем сформулировать определение, основываясь на предложенных тезисах.

Под гуманитарной деятельностью следует понимать безвозмездную помощь нуждающимся группам людей, находящимся в состоянии гуманитарного кризиса вследствие военных действий, природных катаклизмов или гражданского противостояния, направленную на обеспечение условий их физического выживания, беспрепятственного доступа к жилью, питанию, медицинской помощи, образованию, культуре. Гуманитарная деятельность невозможна без соблюдения принципа ненасильственности, уважения культурных, религиозных и правовых норм

стран-реципиентов, обеспечения равного доступа к помощи всех национальных, религиозных и социальных групп населения, которые в ней нуждаются.

С понятием «гуманитарная деятельность» в контексте изучения истории российской эмиграции, оказалось тесно связано понятие «социокультурная адаптация» как следствие и конечная цель гуманитарной деятельности.

Под термином *социокультурная адаптация* автором понимается *приспособление эмигранта к требованиям чуждой для него социокультурной среды; процесс преодоления комплекса правовых, экономических, политических, культурных и бытовых проблем, отделяющих его от принятых в данном обществе представлений о жизненных стандартах и достижение эмигрантом в ходе этого процесса приемлемого для него самого уровня материальной, интеллектуальной и духовной жизни.*

При определении понятийных границ диссертационного исследования из поля зрения были умышленно выведены украинские, грузинские и иные этнические беженцы бывшей Российской Империи, объединяемые некоторыми, особенно западными, исследователями понятием «русские эмигранты». Сделано это по той причине, что с первых дней своего эмигрантского существования эти национальные сообщества очень твердо отделяли себя от российских колоний во всех странах мира, открыто декларируя свою этническую и культурную независимость от них, и ведя политическую деятельность, направленную на создание, в перспективе, самостоятельных государств на территории бывшей Российской Империи.

В то же время, представляется логичным, опираясь на те же самые приведенные выше соображения, рассматривать эмигрантов из России еврейского происхождения, как составную часть русских колоний, несмотря на их частое культурное и организационное обособление в эмиграции. Ни созданными по национальному принципу еврейскими общественными организациями, ни персонально общественными и политическими

деятелями-евреями ни разу не высказывались идеи создания какой-либо автономии в случае падения большевистской власти. Думается, что данный признак является достаточным для включения эмигрантов еврейского происхождения в рассмотрение под общим термином «российская эмиграция».

Большое количество различных мнений существует по вопросу: являются ли бывшие российские военнопленные, находившиеся на территории Германии, Австрии и других европейских стран – участниц Первой мировой войны в начале 1920-х гг., политическими эмигрантами? Ответом на этот вопрос может стать следующее допущение. Российские военнопленные в европейских лагерях никогда не придерживались политически однородных взглядов. В источниках нашли отражение факты поддержки военнопленных в Германии правительством А.В. Колчака при посредничестве миссии Российского Красного Креста в этой стране.[60] Те же источники отмечали «большевистские настроения», распространенные в среде военнопленных.[61] Острота политического противостояния в среде военнопленных достигала такого накала, что некоторые европейские страны даже распределяли их по разным лагерям: для про- и антибольшевистски настроенных, как это было сделано, например, в Дании.[62]

Признак, по которому можно было бы определить, является ли русский военнопленный, удерживаемый в европейских лагерях «эмигрантом», мог бы выглядеть следующим образом: «*Российский гражданин, временно удерживавшийся на территории европейских государств в качестве военнопленного и отказавшийся после освобождения вернуться на родину вследствие политических причин, безусловно, является политическим*

[60] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 7. Л. 295.
[61] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57. Л. 126.
[62] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Л. 109.

эмигрантом. Момент принятия этим человеком волевого решения об отказе репатриировать можно считать моментом начала его эмиграции».[63]

Попытку дать определение понятиям «беженец» и «эмигрант» предпринял канадский исследователь Роберт Джонстон. Он пользовался этими терминами в монографии «Новая Мекка, новый Вавилон», используя их в качестве взаимозаменяемых, подразумевая статус подданных бывшей Российской империи, бежавших за границу от советской власти в годы Гражданской войны в России и непосредственно после нее. Из этих терминов «эмигрант», по мнению Джонстона, считался наиболее приемлемым для самих русских. Однако, по мнению автора, термин, наиболее точно описывающий то, чем на самом деле были русские в тот исторический момент времени – беженцы.[64] При этом он ссылался на ранний феномен беженцев XX века в трактовке исследования Майкла Марруса: «неуклюжие, растерянные, бессильные и часто совершенно деморализованные [массы], которые представили международному сообществу уже сложившийся образ нежеланного просителя». Однако, в отличие от многих более поздних беженцев, они не были движимы главным образом стремлением улучшить свое экономическое благосостояние в более процветающих странах. Страх перед большевизмом и тем, что он может означать для них и России, сыграл гораздо большую роль в их исходе.

Определенную детализацию исследуемого понятия ввел Пол Табори, назвавший «семантикой изгнания» и давший определение или, по крайней мере, признаки состояния изгнания/беженства. Табори остановился на некоторых «фундаментальных моментах» в определении данного предмета. Главное из них относится к русским, покинувшим свою страну во время революции и Гражданской войны. По мнению Табори, на которое ссылается Джонстон, изгнанник – это человек, который вынужден покинуть свою

---

[63]*Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М., 2004. С. 27.

[64]*Robert H. Johnston*. New Mecca, New Babylon: Paris and the Russian Exiles, 1920-1945. Montreal. 1988. P. 14.

родину, хотя силы, которые направляют его на этот путь, могут быть политическими, экономическими или чисто психологическими. Не имеет существенного значения, будет ли он изгнан физической силой или примет решение покинуть страну без такого давления.[65]

Требует определения понятийных границ и словосочетание «гуманитарная катастрофа», вынесенное в заглавие диссертационного исследования. Под этим определением мы пониманием *комплекс физических, правовых, культурных, экономических, социальных и иных воздействий, которые испытывали российские граждане в период Гражданской войны и в эмиграции в повседневной жизни и в процессе своей социокультурной адаптации*. Сюда относится угроза жизни и здоровью людей в ходе вооруженного конфликта на территории страны; лишение граждан доступа к медицине, питанию, жилью; разрушение в ходе гражданского противостояния привычных условий повседневной жизни; культурных и бытовых устоев. В эмиграции – меры иностранных правительств дискриминационного характера, направленные на ограничение прав эмигрантов на проживание, получение квалифицированной работы, доступа к образованию, возможности заключить смешанный брак, получить право предпринимательской деятельности или реализацию своих профессиональных навыков. Здесь же будут рассмотрены и культурные, ментальные, повседневные различия между российскими эмигрантами и жителями принимавших их стран, затруднявшие адаптационные и интеграционные процессы. Социокультурная среда стран-реципиентов в исследуемый период была априори враждебна по отношению к приезжим. Острый экономический кризис, послевоенная разруха, безработица, незалеченные психологические травмы мировой войны, сохранение парадигмы «свой – чужой» в восприятии прибывавших на Запад и Восток эмигрантов – эти и целый ряд других факторов предопределяли в целом холодное, а зачастую и враждебное отношение к беженцам. Восприятие их в

[65] *Robert H. Johnston*. P. 15.

качестве «нахлебников», «поверженных противников», неизбежных конкурентов на рынке труда, и вообще в качестве «нежелательных чужаков», «странных» и «обременительных», превалировало в массовом сознании западного обывателя. По этим причинам определение «гуманитарная катастрофа» в полной мере отражает ту социокультурную атмосферу, в которой проходили адаптационные процессы российской эмиграции, и в которой русские колонии боролись за сохранение своей национально-культурной и гражданской идентичности.

Понятие «гуманитарная катастрофа» применительно к периоду Гражданской войны в России подразумевает *ситуацию открытого гражданского противостояния – как вооруженного, так и вербального, правового, экономического, идейного – создававшую для граждан страны состояние глубокого социального стресса, приводившего к потере душевной и интеллектуальной самоорганизации, физическим страданиям, социальной дезадаптации и угрозе самой жизни*. Гражданская война в России имела следствием не только гибель сотен тысяч и миллионов людей, но и возникновение в разрушенной стране огромного количества дезориентированных, деклассированных, маргинальных личностей, беспризорных детей, нравственно и физически искалеченных граждан. Её следствием стала тотальная дегуманизация общества, потеря нравственных ориентиров значительной его частью, разрушение духовных традиций и национальной идентичности. Российская гуманитарная деятельность отдельных лиц и общественных организаций на территории России в этот период позволяла сохранить островки гуманизма в раздираемой гражданской войной стране.

Наконец, требуется дать определение понятию «национально-культурная идентичность» в контексте исследования российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны и эмиграции.

Возникновение в культурологических исследованиях термина «идентичность» обычно связывается с именем Эрика Хомбургера Эриксона,

американского психолога и психоаналитика германского происхождения.[66] Эриксон обозначал два уровня идентичности: личный и социальный. К первому, по Эриксону, относится самоидентификация человека как личности во времени и пространстве; второй – рассматривает личную идентичность через призму общественного сознания, обозначая при этом два полюса: негативный и позитивный в качестве понимания того, какие ожидания общество предъявляет к личности.

Сам термин «идентичность» ведет происхождение от identifico (лат.) – отождествляю. В психологии трактовка этого термина предполагает ответ на вопрос о принадлежности индивида к некой общности – целому, и осознание им самого себя как части этого целого.[67] По Хантингтону, идентичность – это не что иное, как индивидуальное или групповое самосознание.[68] «На идентичность огромное влияние оказывает восприятие другими. Если при попадании в новую среду человек оказывается в положении чужака, изгоя, то он сам начнет считать себя чужаком. Если большинство населения страны считает меньшинство отсталым и невежественным, то члены этого меньшинства воспримут это отношение, и оно превратится в часть их идентичности».[69] Именно такую трансформацию мы можем наблюдать в процессе самоидентификации русских колоний в 1920-1930-е годы: их попытки сохранить культурную и этническую обособленность внутри принявшего их иноязычного и инокультурного общества стали не просто ностальгией по оставленной родине, но и явились ответом на давление агрессивной внешней среды, долгие годы сопротивлявшейся их социокультурной адаптации и интеграции в общественную жизнь стран пребывания.

---

[66] *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.; Воронеж, 1996; *Эриксон Э.* Детство и общество СПб.: 2000; *Эриксон Э.* Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. М.:1996.

[67] *Шнейдер Л.Б.* Профессиональная идентичность. М., 2004.

[68] *Хантингтон С*. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.

[69] *Кочетков В.В.* Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник московского университета. Серия 18: социология и политология. 2012. № 2. С. 149.

Схожее определение идентичности транслирует Е.В. Дзякович: «Идентичность означает тождественность, соотнесение одного субъекта с другими, она есть результат процесса идентификации, устойчивость индивидуальных, социокультурных, национальных и цивилизационных параметров, их самотождественность».[70] В этом смысле национально-культурная идентичность представляет собой результат длительного мировоззренческого и социокультурного «созревания» индивида, итогом которого является осознание и убежденность в его принадлежности к основополагающим культурным и цивилизационным ценностям данного общества, к его истории и культурной традиции.

Однако при кажущейся очевидности и распространенности понятия «национально-культурная идентичность» современные исследователи справедливо отмечают отсутствие устоявшегося определения, которое аккумулировало бы в себе все его философские и социокультурные смыслы. Так, Л.В. Русских обращает внимание на отсутствие в литературе точного разграничения определений культурной, этнической и национальной идентичностей: «Одни исследователи исходят из того, что каждый индивид, являясь членом множества социокультурных общностей, обладает несколькими идентичностями, и рассматривают культурную идентичность как одну из ряда прочих видов, таких как профессиональная, политическая, этническая, территориальная, религиозная, гражданская. Другие рассматривают культурную идентичность как некий итог, сумму всех присущих человеку идентичностей и часто рассматривают понятия социальной и культурной идентичности как тождественные».[71] Третья точка зрения сводится к существованию лишь одной единственной – национальной – идентичности, включающей в себя все прочие.

---

[70] *Дзякович Е.В.* Идентичность, идентификация, инсценировка в развитии глобальных и локальных социокультурных процессов современности // Обсерватория культуры. 2010. № 4. С. 46.

[71] *Русских Л.В.* Идентичность: культурная, этническая, национальная // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 178.

Вынесенная в заглавие диссертационного исследования конструкция «национально-культурная идентичность» является в определенном смысле синтезом упомянутых концепций. Применительно к решению поставленных в исследовании задач, национально-культурная идентичность понимается как связь индивида/гражданина с национальной культурой и историей; его стойкое стремление ощущать себя частью цивилизационной общности во времени и пространстве; его ощущение самого себя как субъекта и объекта национальной культуры и общенационального исторического процесса. При этом ключевой характеристикой национально-культурной идентичности в контексте диссертационного исследования является ее связь с гражданством: этническая принадлежность в рассматриваемый период отходила на второй план, уступая место осознанию себя всеми участниками происходивших процессов в качестве неотъемлемой части гражданской нации, сцементированной общностью истории, культуры и языка.

Поэтому сохранение национально-культурной идентичности русских колоний за границей в диссертационном исследовании рассматривается не только в качестве элемента психологического портрета отдельно взятой группы людей и объекта гуманитарной деятельности, но как способ культурного выживания, как способ противостояния разрушающему воздействию внешней среды в качестве ассимилирующего фактора. Национальная культура, русский язык, отечественная история, русскоязычная пресса и литература, русский театр и гуманитарные организации, православные храмы и русская книга за рубежом – всё это не только важнейшие составляющие повседневного бытия русских людей в изгнании, часть гуманитарного «ландшафта» русского зарубежья, но и мощнейший фактор адаптации, самоидентификации в условиях социокультурного стресса. В подобной ситуации очень точным представляется следующее определение: «Гражданская идентичность – культурная норма, отражающая эмоциональные реакции индивидов по

отношению к своей нации и национальной политической системе»,[72] с той лишь разницей, что для русских эмигрантских колоний «национальная политическая система» являлась вопросом вторичным, а на первом месте оказывалось стремление сохранить и обустроить на чужбине свой собственный культурный, повседневный мир, максимально походивший на потерянное Отечество. В этом контексте приемлемо и другое определение идентичности, трактующее её как «индивидуальное чувство принадлежности к общности граждан конкретного государства, позволяющее гражданской общности действовать в качестве коллективного субъекта».[73]

Описание понятийного аппарата требует задать трактовку определения «российская». Диссертационное исследование посвящено изучению тех проявлений гуманитарной деятельности, которые не были организационно или финансово связаны с гуманитарной деятельностью, осуществлявшейся Советским государством в этот же период. Сделано это умышленно. Во-первых, гуманитарная деятельность в Советской России/СССР изучена достаточно хорошо; и в советский период, и в наши дни ей посвящалось и посвящается значительное количество публикаций.[74] В то же время,

---

[72]Tsygankov A.P. Pathwaysafter Empire. National identity and foreign economic policy in the post-soviet world. Lanham, 2001.

[73]*Дробижева Л.М.* Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 49-58; *Кожанов И.В.* Гражданская и этническая идентичности: проблема взаимосвязи и взаимозависимости // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3.

[74]*Акодус Я.И.* Краткий очерк истории Советского Красного Креста. - М., 1958; *Митерев Г.А.* Советский Красный Крест. Пермь, 1963; *Пшеничников Б.П.* Советский Красный Крест. Таллин, 1963; *Митерев Г.А.* Советский Красный Крест. М., 1962; *Остальский Ю.П.* Советский красный Крест. М., 1981; *Абросимова Е.А.* Исторические аспекты законодательного регулирования деятельности российских благотворительных организаций // Благотворительность в России: социальные и исторические исследования. СПб., 2001; *Азаматова Г.К.* Культурно-исторические традиции благотворительности в жизни кабардинцев и балкарцев (региональный аспект): XIX-XX вв. // Благотворительность в России: социальные и исторические исследования. СПб., 2001; *Александров А.А.* В борьбе и труде. Ижевск в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Ижевск, 1972; *Бадя Л.В.* Благотворительность и меценатство в России: краткий исторический очерк. М., 1993; *Белова М.Ю.* Почетное гражданство как одна из форм признания государством благотворительной деятельности горожан (на примере почетных граждан города Ярославля конца XIX - начала XX в.) // Благотворительность в России. Исторические и

«альтернативная» гуманитарная работа, осуществлявшаяся в период Гражданской войны в России, в эмиграции или в Советской России, но противопоставлявшая себя действующей власти, к настоящему моменту исследована недостаточно. Во-вторых, гуманитарная деятельность в Советской России и в СССР, как например деятельность Советского Красного Креста и Красного Полумесяца, декларируя общегуманитарные принципы, часто ставила политические и пропагандистские цели выше собственно гуманитарных. По этим причинам в диссертационном исследовании изучалась российская гуманитарная деятельность периода Гражданской войны на территориях, подконтрольных белым режимам и в эмиграции.

Подводя итог в рассмотрении этапов зарождения и становления понятия «гуманитарная деятельность», уместно сделать некоторые выводы.

социально-экономические исследования. СПб., 2003; *Бибанов Т.П.* Общество «Друг детей» // Вопр. истории. 1985. № 12; *Борисова О.А.,Борисов А.С.* Современное состояние благотворительной деятельности (на примере г. Ижевска): гендерный аспект // Благотворительность в России: социальные и исторические исследования. СПб., 2001; *Власов П.В.* Обитель милосердия. М., 1991; *Воробьева Г.И.* Общество попечительное о тюрьмах в пенитенциарной системе // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003; *Иванова Н.М.* Благотворительность русской православной церкви в годы Первой мировой войны // История Российской духовности: материалы XXII Всерос. науч. конф. СПб., 2001; *Калинина А.Д.* Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью. М.; Л., 1928; *Касанов С.А.* Из истории благотворительности и милосердия на Вятской земле // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003; *Копотилова Е.Ю.* Уставы добровольных культурно-просветительных обществ Ленинграда первой половины 20-х гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 18. Л., 1987; *Коржихина Т.П.* Общественные организации СССР в 1917-1976. М., 1981; *Нечаева А.М.* Дети-сироты в России (послеоктябрьский период) // Государство и право. 1993. № 1; *Никулина Т.Е.* Женское просветительское движение в Удмуртии в 20-30-е годы // Женщины и общество: вопросы теории, методологии и социальных исследований. Ижевск, 1997; *Постернак А.В.* История общин сестер милосердия // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003; *Скачкова Г.В.* Женская благотворительная деятельность в Тобольской губернии // Женщины российской провинции: сб. ст. Вып. 1. Ижевск, 1997; *Власов П.В.* Благотворительность и милосердие в России. М., 2001; *Высотских И.К.* История развития благотворительности в России в советский и постсоветский периоды (историографический очерк) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология», (1), 137-145; *Потепалов Д.В., Днепров С.А.* Благотворительная деятельность в СССР по преодолению массовой детской беспризорности (1917-1935 гг.) // Наука и школа, (3), 124-130.

Во-первых, следует признать, что до настоящего момента и в общественном дискурсе, и в специализированных научных исследованиях устоявшееся определение понятия «гуманитарная деятельность» отсутствовало. В разные исторические периоды и в разных политических дискурсах под гуманитарной деятельностью могли пониматься самые разные явления, не всегда отвечавшие гуманистическому наполнению этого понятия. Такая ситуация свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования понятийного аппарата и методологического инструментария, которые позволили бы изучать это важнейшее явление общественной жизни без навязанного политического влияния.

Во-вторых, исследование феномена российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны и эмиграции невозможно без синтеза современного опыта и опыта предшествующих столетий, накопленного поколениями мыслителей-гуманистов. Современные нормы международного права, имеющие в своей основе трансформированный опыт гуманитарных кризисов XX века, были заложены накануне и в ходе Первой мировой войны и национальных катастроф, ставших ее следствием. И первые попытки международного сообщества осмыслить гуманитарную деятельность в качестве универсального способа реагирования на нужды и трагедии огромных масс людей относятся именно к освещаемому в диссертационном исследовании периоду.

§ 1.2. Отечественная историография российской гуманитарной деятельности XX-XXI вв.

Историографические исследования, ставившие перед собой задачу изучения и обобщения массива научных публикаций по проблемам, так или

иначе имеющим отношение к российской гуманитарной деятельности, представляют собой явление довольно редкое. Историография Гражданской войны и российской эмиграции – достаточно разработанная отрасль науки.[75]

[75] См., напр.: *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 2; *Алексеева Г.Д.* Некоторые вопросы развития исторической науки в 60-80-е гг. // Историческая наука в России в XX веке. М., 1997. С. 29; *Афанасьев Ю.Н.* Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 7-42; Образы истории / Под ред. А.П. Логунова. М., 2001. С. 29; Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005. С. 307-308; Белое движение на юге России (1917-1920): Неизвестные страницы и новые оценки. М., 1995; Гражданская война на юге России. Новочеркасск, 1989; Революция и Гражданская война 1917-1920 годов: новое осмысление. Симферополь, 1995; Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 1995; *Штыка А.П.* Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейских мемуаристов: Автореф. дис. канд. ист. наук. Томск, 1991; *Барвенко Е.И.* Белоэмигрантская мемуаристика и современная буржуазная историография причин поражения контрреволюции в Сибири в 1918-1920 гг. // Вопросы истории социального и экономического развития Сибири. Томск, 1986; *Семенцева Н.Ф.* Становление советской военной мемуаристики (на материале воспоминаний участников борьбы с восточной контрреволюцией). М., 1981; *Никитин А.Н.* Социально-экономическая политика колчаковщины в освещении антисоветской печати // Социально-экономические проблемы советской Сибири переходного периода. 1917-1937 гг. Омск, 1987; *Бортневский В.Г.* Источники о деятельности белогвардейских судебно-следственных органов Севера в фондах ЦГАОР СССР и ЦГАСА // Археография и источниковедение Европейского Севера. Вологда, 1989. Ч. 1; *Поляков Ю.А.* Гражданская война в России (Поиски нового видения) // История СССР. 1990. № 2; *Клейн Б.С.* Россия между реформой и диктатурой // Вопросы истории. 1991. № 9-10; *Литвин А.Л.* и др. Гражданская война. Ломка старых догм и стереотипов // Историки спорят: Тринадцать бесед. М., 1989. С. 46-83; *Шишкин В.И.* Дискуссионные проблемы Октября и Гражданской войны // Актуальные проблемы истории Советской Сибири. Новосибирск, 1990; Историография истории Урала переходного периода. 1917-1937 гг. Свердловск, 1985; *Ушаков А.И., Федюк В.П.* Гражданская война. Новое прочтение старых проблем // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996; *Ушаков А.И.* История гражданской войны в литературе русского зарубежья. Опыт изучения. М., 1993; *Наумов И.В.* У истоков. Изучение гражданской войны на Дальнем Востоке в 1920-е годы. Иркутск, 1993; *Никонова О.Ю.* Социально-экономическая политика колчаковщины глазами современных исследователей // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 1994. № 1(17)4 *Косаковский А.А.* Западногерманская буржуазная историография гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР: дисс. канд. ист. наук. - Москва, 1972; Историография Гражданской войны в России: исследования и публикации архивных материалов / Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. М., 2018; *Литвин А.Л.* Советская историография гражданской войны в Поволжье. Казань, 1988; *Лаппо Д.Д.* Историография гражданской войны в Центральном Черноземье. Воронеж, 1977; *Шерман И.Л.* Советская историография гражданской войны в СССР. (1920-1931). Харьков, 1964; Вопросы историографии гражданской войны на Урале: Сборник статей. Свердловск, 1967; *Найда С.Ф.* Советская историография гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР. М., 1966; *Верещагин А.С.* Отечественная историография гражданской войны на Урале (1917-1921 гг.). Уфа, 2001; *Жаровский Н.П.* Историография гражданской войны в СССР: По материалам советских военных журналов 20-х годов: дисс. канд. ист. наук. Харьков, 1971; *Плотникова М.Е.* Советская

Вместе с тем, минувшее столетие оставило в отечественной историографии Гражданской войны противоречивый след. Советский период в деле изучения гражданского противостояния характеризовался классовым подходом. Идеологические шаблоны тех лет вынуждали авторов следовать заранее заданным стереотипам в изучении острых и болезненных страниц нашей истории. По этой причине до 1990-х годов прошлого века мы не находим научных работ, затрагивающих российскую гуманитарную деятельность на территориях, подконтрольных белым режимам. Идеологические стандарты тех лет не допускали освещения событий, происходивших на неподконтрольных большевистским властям территориях, в позитивной или хотя бы нейтральной тональности. Благотворительная деятельность, попечение о наиболее уязвимых членах общества, сохранение культурного наследия, образовательная, воспитательная, издательская деятельность, иные проявления понятия «гуманитарная деятельность» на территориях белых режимов находились вне поля зрения советской историографии Гражданской войны. Точную характеристику историографической ситуации в данном вопросе дал В.М. Рынков: «В советской историографии проблемы отечественной благотворительности в лагере «белых» в годы Гражданской войны не анализировались. Табуированность этой темы легко понять – ведь её изучение могло привести к мысли о поддержке населением правящего режима».[76]

В том же ключе проходило и освещение жизни российской эмиграции. Для советского историка и историографа это был враждебный лагерь, где если что-то и происходило, то неизменно укладывалось в прокрустово ложе

историография гражданской войны и интервенции в Сибири: дисс. докт. ист. наук. Томск, 1969; *Прошин О.Г.* Отечественная историография гражданской войны в Среднем Поволжье, 1919-1920 гг.: дисс. канд. ист. наук. Казань, 1993; *Ипполитов Г.М.* Летопись братоубийства: (очерки советской историографии Гражданской войны на юге России, 1918-1985 гг.). Самара, 2009, и др.

[76] *Рынков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России. Вторая половина 1918-1919 года. Новосибирск, 2008. С. 17.

стереотипа «Агония белой эмиграции».[77] Такое положение дел вовсе не являлось виной советских историков. Монография Леонида Константиновича Шкаренкова «Агония белой эмиграции» выдержала три переиздания и вызвала ажиотажный интерес в научной среде: она стала едва ли не первым научным трудом такого масштаба, в котором на основе богатой источниковой базы изучались реальные социальные и гуманитарные процессы, происходившие в эмигрантской среде, пусть даже их описание было в итоге окрашено в идеологические тона.

Смена научной парадигмы в освещении истории Гражданской войны и последующего исхода произошла в начале 1990-х гг. Этот момент в значительной степени был обусловлен не только исчезновением государственного идеологического диктата над процессом исторического познания, но и рассекречиванием огромного массива архивных источников, особенно хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации в составе т.н. Пражского архива. Закрытые с 1945 года для исследователей фонды содержали десятки и сотни тысяч документов по истории Белого движения и эмиграции. Отечественная историческая наука получила невиданную ранее возможность черпать из первоисточников качественную информацию. В этот же период стали доступны исследования зарубежных коллег, долгие годы занимавшихся историей Гражданской войны в России и проблемами русского зарубежья.

Известный российский историк и историограф Г.М. Ипполитов предложил концептуальную периодизацию историографии Гражданской войны конца 1980-х – начала 1990-х годов в фундаментальной статье «Российская гражданская война в отечественной историографии второй половины 1980-х – первой половины 1990-х гг. (некоторые аспекты проблемы)».[78] Он выделил два условных историографических этапа:

---

[77] *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. Москва, 1981.

[78] *Ипполитов Г.М.* Российская гражданская война в отечественной историографии второй половины 1980-х первой половины 1990-х гг. (некоторые аспекты проблемы) // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. №1.

советская историография периода перестройки (вторая половина 1980-х – 1991 гг.) и постсоветская историография (примерно 1992 – 1995 гг.), констатировав между ними диалектическое единство. Автор справедливо отмечал, что «разрыв с прошлым не стал историографическим фактом с начала 1992 г.: новые подходы вызревали в недрах исторической науки СССР, особенно бурно в период перестройки».[79] К осознанию этой концепции Г.М. Ипполитов подходил на протяжении долгого времени, опубликовав ряд знаковых статей.[80] Автор углубляется в поиск историографических различий в трудах периода «перестройки» и раннего постсоветского периода. Такой подход к изучению отечественной историографии Гражданской войны является, на наш взгляд, дискуссионным, однако значение для российской исторической науки исследований Г.М. Ипполитова неоспоримо.

Другим знаковым изданием, определившим новый этап в развитии историографии Гражданской войны и на многие годы ставшим классическим трудом по истории изучения антибольшевистского движения, стала коллективная монография Г.А. Бордюгова, А.И. Ушакова и В.Ю. Чуракова «Белое дело: Идеология, основы, режимы власти».[81] Авторы, каждый из которых на момент написания монографии уже был известным историком, предложили сравнительный анализ научных подходов к изучению истории

---

[79]*Ипполитов Г.М.* Указ. соч. С. 205.

[80]*Ипполитов Г.М.* Белое движение в гражданской войне: постсоветская историог. проблемы (некоторые аспекты) // Актуальные вопросы истории России на пороге XXI века: материалы XXI Всерос. заоч. науч. конф. -С.-Пб.: 2001. - С. 258 - 264; *Он же*. Они были первыми. (Размышления о книге десять лет спустя после ее выхода в свет в жанре научной рецензии) // Телескоп: Науч. альманах. Вып.3. - Самара: 2003; *Он же*. Деникиниана постсоветская: критические историографические заметки Телескоп. Науч. альманах. Вып. 10. - Самара: 2005; *Он же*. Некоторые актуальные проблемы изучения военной истории в постсоветский период // Телескоп: науч. альм. Спец. вып.: Пробл. изучения воен. истории: материалы Всерос. конф., посвящ. 60-летию Победы в Великой Отеч. войне (1941 - 1945 гг.). - Самара: 2005. - С. 3 - 20.

[80]*Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И.* Благотворительность в Томске в годы революции и Гражданской войны (1917-1919) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 30. С. 222-228.

[81]*Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю.* Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М.,1998.

Белого дела советскими, западными и постсоветскими исследователями. Сегодня, спустя двадцать лет после выхода в свет этого исследования, можно отчетливо наблюдать, сколь радикально изменился внутриполитический и идейный контекст, в котором проходят ныне научные дискуссии и изыскания. И в этом контексте пророческими звучат слова авторов, написавших в предисловии, что «новое понимание проблемы Белого дела прямо или косвенно входит в круг тех условий и системных предпосылок, которые формируют образ политического режима начала следующего века и закладывают фундамент национального согласия».[82] И действительно, мы наблюдаем сегодня в отечественной историографии Гражданской войны смещение акцентов от антагонизмов и противостояния 1990-х гг. к изучению гуманитарного контекста; от политической зашоренности, наносившей катастрофический ущерб научной беспристрастности, к осознанию и пониманию духовных, социальных и иных гуманитарных процессов, которые стали катализатором гражданского противостояния.

Структурно монография состоит из двух больших частей: «Белое дело: три грани изучения» и «Общественные трансформации в России и новые подходы в изучении Белого дела». Первая часть посвящена подробному обзору советской историографии проблемы, отражению истории Белого дела в литературе русского зарубежья и исследованиям западных историков. Справедливости ради, необходимо отметить, что такое структурное деление монографии оказалось в изрядной мере условным: в обеих частях историография Гражданской войны анализируется по схожей методике. Так, гражданский конфликт в России осмысляется авторами через призму изучаемых ими публикаций как череда политических и военных событий, личных деяний, борьбу идеологических концепций и движения фронтов. В историографических обзорах ощущается явный дефицит работ, ставивших перед собой задачу осмысления гражданской войны как гуманитарного кризиса; как кризиса понимания, кризиса культуры, кризиса мирной

[82] *Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю.* Указ. соч. С. 8.

трансформации идейных противоречий. Исторические труды, так или иначе затрагивающие гуманитарные аспекты гражданского конфликта, в коллективной монографии упомянуты лишь фрагментарно. Авторы изучают и цитируют монографию С.В. Устинкина,[83] справедливо отмечая, что ему не удалось «совместить рыцарские идеалы добровольцев с фактами разложения белого движения изнутри».[84] В этом же контексте авторы упоминают и монографию В.П. Федюка,[85] позитивно отзываясь о произведенном автором анализе «психологического надлома, который усугублялся огромными физическими перегрузками», что, по мнению В.П. Федюка, объясняло наркоманию, разврат и мародерство в их рядах. В итоге автор пришел к выводу, что среднее офицерское звено «определенно проигрывало красным комиссарам в психологическом отношении».[86]

Столь малое внимание авторов коллективной монографии к научным трудам, затрагивавшим гуманитарные проблемы Гражданской войны, отнюдь не является недостатком их действительно очень качественного исследования: на момент его создания в отечественной и зарубежной историографии еще не сложилась традиция изучения этой проблемы. Для большинства историков гражданский конфликт в России продолжал оставаться военной и идейной борьбой между красными и белыми. Та гуманитарная ткань, которая пронизывала все стороны жизни воюющего российского общества, сохраняя в условиях взаимного одичания остатки гуманности, национальных традиций, культурного наследия, образования и просвещения, еще не стала предметом профессиональных исследований. Это произошло позднее – на границе XX-XXI вв., когда в отечественной историографии появились первые труды по этой проблематике.

---

[83] *Устинкин С.В.* Трагедия белой гвардии. – Нижний Новгород, 1995.
[84] *Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю.* Указ. соч. С. 195.
[85] *Федюк В.П.* Белые. Антибольшевистское движение на юге России. 1917-1918 гг. М., 1996.
[86] *Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю.* Указ. соч. С. 195.

Между тем, говорить о полном отсутствии в советский и ранний постсоветский историографический период работ, затрагивающих гуманитарные аспекты Гражданской войны, было бы неправильно. Так, А.Е. Кидяров, историк из Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, провел исследование, посвященное изучению историографии повседневности Костромской и Ярославской губерний периода Гражданской войны.[87] На примере этих двух российских регионов автор отмечал значимые периоды в освещении гуманитарных проблем Гражданской войны в отечественной научной литературе. Первые исследования на эту тему появляются в нашей стране в 1920-х гг. Автор отмечает монографию А. Конокотина,[88] вышедшую в свет в 1927 г. и посвященную гуманитарным проблемам костромских деревень, приведшим в итоге к антисоветским выступлениям крестьян. А.Е. Кидяров особо оговаривает в статье, что монография Конокотина базировалась на обширном архивном материале и публикациях местной прессы того периода, что делает её особо ценным научным трудом, поскольку значительная часть источников, положенных в ее основу, к настоящему моменту утрачена. И далее А.Е. Кидяров справедливо отмечает период практически полного отсутствия в отечественной историографии трудов, посвященных гуманитарным проблемам и гуманитарной деятельности периода Гражданской войны, который продлился, по мнению автора, до окончания советского периода – вплоть до конца 1980-х гг. В 1950-1970-х гг., если и появлялись работы, так или иначе затрагивающие гуманитарную деятельность в России, то все они несли на себе отпечаток партийного подхода, изучая гуманитарность в

[87] *Кидяров А.Е.* Повседневная жизнь Костромской и Ярославской губерний в годы Гражданской войны в историографии // Вестник КГУ. 2014. №6.
[88] *Конокотин А.* Очерки по истории гражданской борьбы в Костромской губернии. - Кострома, 1927.

качестве явления, имевшего место исключительно на территориях, подконтрольных советской власти.[89]

Крайне малоизученной странице российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны посвящена статья В.И. Косых.[90] Октябрьская революция 1917 г. и последующая Гражданская война породили массовый исход из центральной России церковнослужителей и монахов. Идеология и действия новой власти вынуждали этих людей бежать на восток страны в поисках убежища и возможности продолжать свою деятельность на духовном поприще. Причем священнослужители вынуждены были бежать целыми семьями, что делало этот исход особенно драматичным. Читинский историк В.И. Косых в своей статье «Деятельность Забайкальского епархиального Комитета по оказанию помощи беженцам духовного звания и ведомства в 1919-1920 гг.», основанной на богатой коллекции источников Государственного архива Читинской области, исследовал помощь, которую пыталось оказать забайкальское духовенство прибывающим беженцам. Так, в сентябре 1919 г. на собрании представителей учебных духовных учреждений (семинарий, духовных мужского и женского училищ) был создан Забайкальский епархиальный комитет по оказанию помощи беженцам духовного звания и ведомства.[91] В задачи созданной гуманитарной организации входила самая разнообразная помощь прибывающим в Забайкалье беженцам духовного звания и монахам: обеспечение их работой, питанием, жильем, устройство в действующие монастыри, помощь в адаптации на новом месте. Средства на эту деятельность изыскивались в церковной казне и собирались за счет благотворительности посредством «тарелочного сбора». Однако к 1919 г. материальное положение жителей

---

[89]*Помбрак Л., Синяжников М.* Костромские большевики в борьбе за власть Советов. - Кострома: Костромское книжное издательство, 1957; Изменение социальной структуры советского общества. Октябрь 1917 - 1920 гг. - М., 1976.

[90]*Косых В.И.* Деятельность Забайкальского епархиального Комитета по оказанию помощи беженцам духовного звания и ведомства в 1919-1920 гг. // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2009. №1

[91]*Косых В.И.* Указ. соч. С. 86.

Читы было уже настолько тяжелым, что сбор пожертвований не приносил желаемого результата: жители охотнее жертвовали свои скудные средства на помощь раненым и беженцам другим сословий, нежели служителям церкви. Но были и состоятельные обыватели, жертвовавшие от себя значительные суммы, которые, впрочем, не могли существенно повлиять на жизнь беженцев духовного звания, имевших, как правило, многодетные семьи: все пожертвования очень быстро обесценивались инфляцией, делавшей положение местных жителей еще более тяжелым.

Проблема беженства, в широком понимании этого явления как проявления гуманитарного кризиса, находилось в центре внимания и целого ряда отечественных[92] и зарубежных исследователей.[93] Причем возник этот

[92]*Апушкина О.Б., Кривчикова Л.Г.* Польские беженцы на территории Рязанской губернии в начале XX в. // Матер. и исслед. по рязанскому краеведению: сб. науч. работ. Рязань, 2003. Т. 4; *Арутюнян А.А.* Первая мировая война и армянские беженцы (1914-1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1989; *Асташов А.Б.* Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну // Отеч. история. 1992. № 6; *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция: 1914 - февраль 1917 гг.: по материалам Калужской и Орловской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Калуга, 2007; Благотворительные организации Калужской губернии в годы Первой мировой войны. Калуга, 2001; *Бочанова Г.А., Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А.* Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX - начале XX в. Новосибирск, 2000; *Власова А.В.* Благотворительность на Урале во второй половине XIX - начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004; *Волков Е.З.* Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930; Гавриленков А.Ф. Рославльский уездный Пленбеж (1918-1922 гг.) // Край Смоленский: Знания. Доброта. Культура. Смоленск, 2002; *Гетрелл П.* Беженцы и проблемы пола в России во время Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война: матер. междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999; *Голидов А.Ю.* Общественно-политическая жизнь российской провинции в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Шуя, 2010; *Гольдин С.* Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: причины формирования негативного стереотипа // Мировой кризис 1914-1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005; *Горбунова И.А*. Становление общественного призрения на Дальнем Востоке России: 1884 — февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2003; *Горелов Ю. П.* Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь: XX век: межвуз. сб. науч. трудов. Кемерово, 2002. Вып. 4; *Грицаева А.Н.* Благотворительность в России в годы первой мировой войны (1914 - февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; *Еремин И.А.* Прием и размещение беженцев в Томской губернии в годы Первой мировой войны // Ист. опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: IV науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: сб. науч. трудов. Барнаул, 2003; *Засыпкин М.А.* Организационно-правовые основы деятельности НКВД РСФСР по решению проблемы беженцев: 1918-1923 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; *Златина М.А*. Организация помощи еврейским беженцам в Российской империи в первые месяцы Первой мировой войны по материалам прессы (июль - октябрь 1914 года) // Изв. Рос. гос.

пед. унта им. А.И. Герцена. СПб., 2009. № 118; *Златина М.А*. Основание Еврейского комитета помощи пострадавшим от войны и погромов (июль - сентябрь 1914г.) // Герценовские чтения-2007: сб. науч. статей. СПб., 2008; *Златина М.А.* Проблема еврейского беженства в России в период Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010; *Ильин А.В.* Особые совещания Российской империи: их место и роль в государственном механизме (1915-1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1989; *Иоффе Г.З.* Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // Вопр. истории. 2001. № 9. *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860-1940. М., 2010; *Корниенко Т.А*. Проблема беженцев на Северном Кавказе в годы Первой мировой войны // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Ставрополь, 2001; *Кузьменко А.С.* Недобровольные мигранты в Восточной Сибири в 1914 - феврале 1917 гг. (по материалам Енисейской и Иркутской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2010; *Курцев А.Н.* Беженцы первой мировой войны в Курской губернии. 1914-1917 гг. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Курск, 1997. Вып. 1; *Курцев А.Н.* Беженцы первой мировой войны в России (1914-1917) // Вопр. истории. 1999. № 8. *Курцев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны на территории Центрального Черноземья в 1914-1917 гг. // Проблемы ист. демографии и ист. географии Центрального Черноземья и Запада России. Липецк, 1998; *Курцев А.Н.* Историческая социомобильность и многообразие миграций населения Центрального Черноземья в 1861-1917 гг. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: История России. 2008. № 3(13); *Лахарева Н.В.* Реэвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918-1925 гг.). Курск, 2001; *Леусян О.А.* Беженцы первой мировой и гражданской войн в Екатеринодаре (1918-1920 гг.) // Третьи кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2001; *Мартынцева Н.В.* Земская помощь беженцам из Западных губерний в годы Первой мировой войны (по материалам западных уездов Орловской губернии) // Проблемы славяноведения: сб. науч. статей и матер. Брянск, 2003. Вып. 5; *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. М., 20084 *Могильнер М.* Homo imperii. История физической антропологии в России. М., 2008; *Нам И.В*. Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Ист. опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: IV науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: сб. науч. трудов. Барнаул, 2003. Кн. 2; *Нарский И.В.* Революция и реорганизация пространства (на примере Урала 1917-1922 гг.) // Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития. М., 2007. Т. 14; *Утгоф В.С.* Реэвакуация белорусских беженцев Первой мировой войны (начальный этап): структуры, формы, организация // Источник. Историк. История: сб. науч. работ. СПб., 2002; *Федулова А.В.* Общественное призрение и благотворительность в Симбирской губернии во второй половине XIX - начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2006; *Хасин В.В.* Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну (по документам Нижнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1999; *Щеров И.П.* Миграционная политика России в 1914-1922 гг. Смоленск, 2000; *Щеров И.П.* Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918-1922 гг. Смоленск, 2000; *Щетинина А.С.* Беженцы на юге Западной Сибири 1914-1923 гг.: источники и методы изучения: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007.

[93]*Footman David.* Civil war in Russia / David Footman. - London : Faber a. Faber, Cop._1961. - 328 c.; *Bradley John F.N*. Civil war in Russia, 1917-1920 / J.F.N. Bradley. - London; Sydney: Batsford, 1975. - 197 c.; *Kenez Peter*. Civil war in South Russia, 1919-1920: The defeat of the Whites / Peter Kenez. - Berkeley etc.: Univ. of California press for the Hoover institution on war, revolution a. peace, Stanford, California, Cop. 1977. - XVIII, 378 c.; Engelstein, Laura. Russia in flames: war, revolution, civil war, 1914-1921 / Laura Engelstein. - New York : Oxford univ. press, cop. 2018. - XXVII, 832 c.; *Figes Orlando*. Peasant Russia, civil war: The Volga countryside in revolution (1917-1921) / Orlando Figes. - London : Phoenix press, 2001. - XIV, 400 c.; *Baron N.* New Spatial Histories of Twentieth Century Russia and the Soviet Union:

интерес на рубеже 1990-х гг. как проекция национальных и геополитических процессов современности того периода. Значительный интерес исследователей занимал вопрос этнического и национального беженства. Миграции национальных и этнических диаспор, спровоцированные нетерпимостью или открытым преследованием, изучались особенно тщательно.[94] Неприкрытый шовинизм по отношению к немецкому населению Российской Империи в период Первой мировой войны; преследование и погромы еврейского населения в годы Гражданской войны

Surveying the Landscape // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. 2007. № 55(3); *Gatrell P.* Refugees in the Russian Empire, 1914-1917 // Critical Companion to the Russian Revolution, 1914-1921. London; Sydney; Auckland, 1997; *Gatrell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, Indiana, 1999; *Hagen M.* von. The Great War and the Mobilization of Ethnicity in the Russian Empire: Conflict and State-Building // Post-Soviet Political Order. London, 1998; *Hagen M. von.* Review: Peter Gatrell. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // Europe-Asia Studies. 2001. Vol. 53, № 1 (Jan.); *Keep J.* Review: Peter Gatrell. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // The English Historical Review. 2000. Vol. 115, № 463 (Sept.); *Kotsonis Y.* Review: Peter Gatrell. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // Russian Review. 2002. Vol. 61, № 2 (Apr.); *Lohr E.* The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review. 2001. Vol, 60, № 3 (Jul.); *Monas S.* Review: Peter Gatrell. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // The History Teacher. 2001. Vol. 34, № 4 (Aug.); *Rolf M.* Importing the «Spatial Turn» to Russia: Recent Studies on the Spatialization of Russian History // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2010. Vol. 11. (Spring); *Sanborn J.* Review: Peter Gatrell. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // The Journal of Modern History. 2001. Vol. 73, № 4 (Dec.); *Sanborn J.* Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics. DeKalb, 2003; *Sunderland W.* Review: Peter Gatrell. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // International Migration Review. 2001. Vol. 35. № 3 (Aut.); *Wade R.* Review: Peter Gatrell. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // Slavic Review. 2001. Vol. 60, № 2 (Sum.); *Weeks T.* Review: Peter Gatrell. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I // The American Historical Review. 2000. Vol. 105, № 5 (Dec.).

[94] *Пивоварчик С.* Трагедия Первой мировой войны: «евреи-шпионы» (по материалам Национального исторического архива Беларуси в Гродно) // Мировой кризис 1914-1920 гг. и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005; *Утгоф В.С.* Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914-1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003; *Островский Л.К.* Деятельность польских общественных организаций Томской губернии по оказанию помощи беженцам Первой мировой войны (1914-1918 гг.) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10. № 1; *Нелипович С.Г.* Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей» // Воен.-ист. журн. 1997. № 1; *Холквист П.* Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011; *Шалда В.* Латышские беженцы в России и революция 1915-1921 гг. // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914-1924). М., 2002.

осмысливались исследователями как составные части общенациональной гуманитарной катастрофы.

Изучение беженской проблемы и в отечественной, и в зарубежной историографии проходило, главным образом, по двум направлениям: исследование организаций, вовлеченных в миграционные процессы и оказание гуманитарной помощи беженцам Первой мировой и Гражданской войн, и исследование региональных аспектов беженских проблем. Особое внимание в этом смысле уделялось исследованию российской благотворительности.[95]

Как уже отмечалось, историография российской гуманитарной деятельности на территории России в обозначенный период крайне скудна. Действительно качественных трудов на эту тему, типа вышеупомянутой статьи Н.М. Дмитриенко и Э.И. Черняк, крайне мало. Типичным примером написания поверхностных статей, эксплуатирующих эту важную и востребованную научным сообществом проблему, стала публикация В.А. Игольниковой «Предпосылки формирования социального государства в

---

[95] *Полуаршинов А.В*. Помощь общественных организаций и населения Западной Сибири фронту и пострадавшим от войны: июль 1914 - февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. *Поршнева О.С.* Обеспечение общественных интересов на локальном уровне: Урал в годы Первой мировой войны // Формирование сферы гражданской деятельности на Урале второй половины XIX - начала XX в.: соц. аспект. Екатеринбург, 2011; *Рязанский И.В.* Тыловая российская провинция в условиях Первой Мировой войны: Южный Урал в июле 1914 - феврале 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006; *Суханова О.Н.* Калужское земство в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2012; *Тоценко Л.Т.* Социальная помощь беженцам в Области войска Донского в годы Первой мировой войны // Изв. высших учеб. заведений. Северо-Кавказский регион. Обществ. науки. 2003. № 2. *Туманова А.С.* Гражданское общество и его адаптивные возможности в кризисных условиях // Матер. XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. М., 2012. Т. 2. *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи, XIX - начало XX в. М., 2005; *Матвеева Н.Л.* Благотворительная деятельность именных комитетов императорской семьи в годы первой мировой войны. М., 2004; *Хитров А.А.* Дом Романовых и российская благотворительность. Вторая половина XIX - начало XX в. (по материалам Санкт-Петербурга-Петрограда и Петербургской-Петроградской губернии). Калининград, 2004; *Цовян Д.Г.* Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы первой мировой войны. 1914-1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. *Шевырин В.М.* Земский и Городской союзы (1914-1917): аналит. обзор. М., 2000; *Немова В.В.* Организация благотворительной помощи на Дону в годы первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2009.

России 1917-1920».[96] В этой статье «прекрасно» всё. Аннотация сообщает читателю, что автор «исследует проблемы формирования социального государства в Советской России, дает краткий анализ социального законодательства вышеуказанного периода и результат его применения».[97] Однако при изучении статьи читатель внезапно обнаруживает, что собственно о социальном государстве России в 1917-1920 гг. автором не сказано ни слова. Выясняется, что и название статьи не соответствует её содержанию: оказывается, автор имел в виду только Советскую Россию, вероятно не подозревая о том, что в указанный период только Советской Россией социальная жизнь в нашей стране отнюдь не исчерпывалась. Но и это было бы простительно, если бы автор изучил и описал социальную политику и гуманитарную деятельность большевистских властей. Но мы не обнаруживаем в тексте даже этих, хорошо изученных предшественниками, сюжетов. Вместо этого автор сообщает читателю, что, по его мнению, «в России предпосылки социального государства появились еще в IX веке» и далее на двух страницах размышляет о княжеской благотворительности на Руси. О Советской России, равно как и о России другой части политического спектра 1917-1920-х гг., в тексте ни слова. Остается лишь догадываться, на каком уровне находится научное рецензирование статей в журнале с говорящим названием «Бизнес в законе», опубликовавшем это «историческое исследование».

К счастью, такие поверхностные и некачественные публикации по исследуемой проблеме не определяют общее историографическое полотно российской гуманитарной деятельности. Очередным примером скрупулёзного подхода к исторической науке служат статьи доктора исторических наук А.С. Ковалева из Сибирского федерального университета «Социальная помощь нетрудоспособному населению в антибольшевистской

---

[96] *Игольникова В.А.* Предпосылки формирования социального государства в России 1917-1920 // Бизнес в законе. 2010. №4.

[97] *Игольникова В.А.* Указ. соч. С. 28.

Сибири в 1918-1919 гг.»[98] и «Социальное обеспечение нетрудоспособных граждан в условиях инвалидного дома в Сибири в 1920-1930-х гг.».[99] На материалах ранее не вводившихся в научный оборот источников из Государственного архива Алтайского края и Государственного архива Новосибирской области автор изучает гуманитарную деятельность антибольшевистских режимов в Сибири и на Дальнем Востоке по призрению инвалидов и престарелых. Цитируемые исследователем архивные документы дают живое представление о гуманитарной ситуации периода Гражданской войны в населенных пунктах Сибири. Распад системы государственного централизованного управления в сфере социальной политики имел для населения катастрофические последствия. И наибольшие страдания выпадали при этом на наименее защищенные социальные группы: инвалидов, стариков, детей. Автор сравнивает продовольственный паек обитателей домов престарелых в Советской России и в Белой Сибири, делая вывод о том, что антибольшевистские власти заботились о призреваемых значительно лучше их политических оппонентов. А.С. Ковалев делает дискуссионное предположение, «что между старой, дореволюционной моделью социальной помощи, основанной на общественной благотворительности, и новой, предлагаемой большевиками, в которой государство выступает в качестве единственного субъекта содействия нетрудоспособным лицам, могла существовать, хоть и недолго, еще одна парадигма помощи».[100] С этим предположением можно было бы согласиться, если бы автор подробно изучил в статье гуманитарную деятельность

---

[98]*Ковалев А.С.* Социальная помощь нетрудоспособному населению в антибольшевистской Сибири в 1918-1919 гг. // Манускрипт. 2018. №11-2 (97). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-pomosch-netrudosposobnomu-naseleniyu-v-antibolshevistskoy-sibiri-v-1918-1919-gg

[99]*Ковалёв А.С.* Социальное обеспечение нетрудоспособных граждан в условиях инвалидного дома в Сибири в 1920-1930-х гг. // Пространство и Время. 2013. №4 (14). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-obespechenie-netrudosposobnyh-grazhdan-v-usloviyah-invalidnogo-doma-v-sibiri-v-1920-1930-h-gg

[100]*Ковалев А.С.* Социальная помощь нетрудоспособному населению в антибольшевистской Сибири в 1918-1919 гг. // Манускрипт. 2018. №11-2 (97). С. 208.

российских общественных организаций, главным образом, РОКК и Земгора, которым действительно на кратком отрезке времени удалось создать действенную систему помощи нуждающимся. Однако в этом контексте автор упоминает о деятельности в Сибири лишь Американского Красного Креста. Между тем, в Китае Красным Крестом содержался курорт «Чигасаки». Под опекой российского Красного Креста находился санаторий Земгора «Озеро Карачи» и инвалидный дом в Иркутске.[101] Автор упоминает в статье курорт «Широ» (в тексте «Шира»), но не говорит об участии в его содержании и деятельности РОКК. Впрочем, небольшие огрехи в использовании доступной историографии[102] не умаляют достоинств этого очень качественного труда.

Вопросы оказания гуманитарной помощи больным и раненым поднимаются в трудах К.А. Тишкиной «Деятельность сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой и Гражданской войн» и В.А. Шаламова «Иркутская Мариинская община сестер милосердия в революционные годы и гражданскую войну (1917-1920 гг.)».[103]

Статья сибирского историка В.А. Шаламова из Иркутского государственного университета построена на материалах Государственного архива Иркутской области (ГАИО). Написанное в хорошем научном стиле, исследование анализирует малоизвестные факты о деятельности Мариинской общины сестер милосердия Красного Креста, созданной в Иркутске при Восточно-Сибирском окружном управлении Российского общества Красного Креста в 1868 г. В период Гражданской войны на долю сестер милосердия выпала тяжелая миссия по организации ухода за больными и ранеными воинами в условиях глубокого экономического и гуманитарного кризиса,

---

[101]ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 147. Л. 25; д. 8. Л. 465.

[102] См., напр., *Ипполитов С.С.* Российское общество Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке: организация и помощь армии и населению (1919–1920 гг.) // Новый исторический вестник. 2013. № 35.

[103]*Тишкина К.А.* Деятельность сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой и Гражданской войн: автореферат дис. канд ист. наук - Барнаул, 2018; *Шаламов В.А.* Иркутская Мариинская община сестер милосердия в революционные годы и гражданскую войну (1917-1920 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017.

охватившего всю территорию Белой Сибири. Автор описывает драматические события декабря 1917 г. в Иркутске, когда Мариинская община оказалась в эпицентре боёв, в городе, переходящем из рук в руки в ходе столкновений большевиков с юнкерами и офицерами. В.А. Шаламов приводит в статье малоизвестную информацию о внутренних разногласиях в общине, сводившихся, в числе прочего, к ответу на вопрос: оказывать ли помощь раненым красноармейцам. Автору удалось обнаружить свидетельства, что сестры милосердия не всегда строго следовали гуманитарным принципам Российского общества Красного Креста, требовавшего неукоснительного соблюдения нейтралитета в ходе военных действий. Следует отметить, что случаи отказа сотрудников РОКК оказывать помощь раненым на поле боя противникам были явлением нечастым: сохранилось много свидетельств оказания помощи красноармейцам в госпиталях Красного Креста на территориях, подконтрольных белым режимам – подробнее об этом будет сказано в основной части диссертационного исследования.

Мариинская община на коротком отрезке времени оказалась не только гуманитарной структурой, оказывавшей медицинскую помощь нуждающимся, но и тем местом, где наименее защищённые в социальном смысле люди – в подавляющем большинстве одинокие женщины – могли найти себе работу и средства к существованию. По утверждению автора, многие из них работали в общине за еду, но и это было огромным благом в условиях распадающегося управления и разрухи гражданской войны. Автору также удалось проследить судьбу общины после установления в Сибири советской власти, что является большой научной удачей, поскольку, как правило, «белые» архивные фонды содержат источники лишь до момента прихода большевистских властей.[104]

Довольно редким, а потому весьма ценным исследованием, посвященным гуманитарной деятельности периода Гражданской войны в

[104] *Шаламов В.А.* Указ. соч. С. 76.

России, стала статья Н.М. Дмитриенко и Э.И. Черняк «Благотворительность в Томске в годы революции и Гражданской войны (1917-1919)».[105] Статья стала продолжением совместной работы этих исследователей над сюжетами, посвященными образованию и культуре региона в первые постреволюционные годы.[106] На материалах Государственного архива Томской области и ГА РФ авторы изучали частную благотворительную деятельность в Томске на кратком отрезке времени, когда город и его окрестности находился под властью Временного сибирского правительства. Авторы отмечали парадоксальное явление: если в конце XIX – начале XX вв. средства благотворителей на общественное призрение составляли около 2% городского бюджета, то в 1917-1919 гг. их доля возросла до 5%.[107] Конечно, рост доли гуманитарной деятельности в общественных проектах мог быть обусловлен общим сокращением городского бюджета, но авторы убедительно доказывают, что имело место принципиально другое явление. В условиях деградации государственных и муниципальных институтов, развала политической жизни и острого гражданского конфликта, задачу поддержания общественной жизни, оказания помощи нуждающимся, сохранения культуры и образования в значительной степени взяло на себя гражданское общество. В условиях экономического кризиса, охватившего всю территорию бывшей Российской Империи, дефицита самых необходимых средств, предметов первой необходимости и продуктов питания, частные благотворители не только не свернули свою деятельность, а существенно активизировали её. В городе поддерживалась работа богаделен и сиротских приютов, организовывались благотворительные спектакли, на средства жертвователей был открыт Томский еврейский сиротский приют, Сибирская народная

[105] *Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И.* Благотворительность в Томске в годы революции и Гражданской войны (1917-1919) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 30. С. 222-228.
[106] *Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И.* Образование и культура в Томске в годы революции и Гражданской войны // Современное историческое сибиреведение XVII - начала XX вв. 2005. С. 351-366.
[107] *Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И.*Указ. соч. С. 222.

консерватория, Институт исследования Сибири и осуществлен целый ряд других гуманитарных проектов, возникновение которых в реалиях гражданской войны казалось абсолютно невозможным. Вместе с тем, отсутствие в статье упоминаний о деятельности в Томске местных подразделений Российского общества Красного Креста значительно сужает охват исследуемой проблемы.

Вместе с тем, авторы осуществили почти невозможное: провели анализ ситуации с охранением культурных памятников в Томске и окрестностях на отрезке времени, характеризовавшимся частой сменой власти. Исследовалась политика, декларации и реальные шаги, предпринимавшиеся властями, контролировавшими регион, в сфере сохранения культурного наследия. В итоге получился красноречивый слепок эпохи, когда сохранение национального культурного достояния становилось не столько нормальной функцией государства, но скорее инициативой неравнодушных граждан, вкладывавших в него свои средства, время и силы. При этом прослеживается удивительная по тем временам преемственность большевистских и белых властей: и те, и другие, поочередно приходя к власти, предпринимали действия по сохранению культурного наследия. Надо полагать, что в условиях гражданской войны, чудовищного экономического кризиса и разрухи местным властям хватало и более, на первый взгляд, актуальных забот. Сейчас трудно оценить, насколько эффективными были эти действия; гражданская, как и любая другая война, неизбежно имеет своим следствием утрату национального культурного достояния страны. Но сам факт последовательных действий представителей власти, находившихся в остром противостоянии друг другу на коротком отрезке времени 1917-1920 гг., свидетельствует о глубоко укоренённой гуманитарной, культурной традиции, которой следовали образованные представители враждующих гражданских лагерей. Так, с конца 1917 по май-июнь 1918 гг., с установлением советской власти, начался процесс формирования государственных органов по сохранению культурного наследия. В марте 1918 г. в Народном комиссариате

по просвещению создается Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины, приступившая к формированию подразделений на местах. Весной 1918 г. в исполкоме Томского губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов создан Отдел по народному образованию и Отдел народного образования в Томском городском Совете; в апреле 1918 г. – Отдел музеев и архивов.[108] Приход к власти в конце мая – начале июня 1918 г. Временного Сибирского правительства, и позднее – Правительства адмирала А.В. Колчака остановили работу Томского губисполкома. Но это не означало прекращения деятельности по сохранению культурного и исторического наследия в Сибири: в начале 1919 г. появляется на свет проект Постановления Совета министров правительства Колчака «Об охране памятников истории, старины и искусства и архивов центральных и местных учреждений», осуществляется ряд других мероприятий по сохранению национального наследия, как, например, создание Института исследования Сибири. После восстановления в Томске советской власти эта работа продолжилась. Уже в мае 1920 г. было создано Томское губернское архивное управление, а в июне того же года – губернский архив.[109] И подобных примеров преемственности в осуществлении политики по сохранению национального гуманитарного наследия в статье Э.И. Черняк и Н.М. Дмитриенко исследовано значительное количество. При этом авторы использовали солидную источниковую базу Государственного архива Томской области и комплекс источников местной прессы: газеты «Рабочее знамя», «Сибирская жизнь», «Голос Сибири», «Знамя революции».

Тезис о том, что иностранная гуманитарная деятельность в период Гражданской войны в России имела и иные, помимо заявленных, целей находит подтверждение в исследованиях молодого историка А.А. Русинова из Ярославского государственного университета.[110] Автор поставил перед

[108] *Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М.* Указ. соч. С. 181.
[109] *Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М.* Указ. соч. С. 184.
[110] *Русинов А.А.* «Еда как оружие»: предположения и суждения американской прессы о политических целях американской администрации помощи в советской России // ИСОМ.

собой нетривиальную задачу: на основе анализа англоязычной прессы 1920-х гг. вскрыть и исследовать истинные мотивы американской помощи Советской России через призму средств массовой информации. Следует констатировать, что с поставленной задачей автор справился успешно. А.А. Русинов использовал в своем исследовании периодические издания самого широкого политического спектра: «New York Tribune», «The Washington Herald», «World's Work», «New York Call Magazine», «The Communist», «The New Republic», «The North American Review», «Dearborn Independent», «The Literary Digest», «Weekly Journal-Miner», «Evening Star», «The Evening World». По вопросу оказания продовольственной гуманитарной помощи Советской России на страницах американской прессы развернулась нешуточная полемика. Так, в редакционной статье «New York Tribune» заявлялось, что, по мнению издания, «…на данный момент только один или два процента русского народа поддерживает большевиков. Быть может, русские народные массы, если их жизнь станет менее тяжелой, смогут набраться сил для того, чтобы сбросить угнетающую их тиранию».[111] Эту точку зрения разделяла «The Washington Herald», без смущения совмещая в одной фразе понятия «благотворительность» и «победа над большевизмом». «Evening Star» предлагала вместе с едой передавать голодным россиянам «полезные идеи», а газеты социалистической и коммунистической направленности не скрывали, что гуманитарная помощь России носит, главным образом, пропагандистский и антисоветский характер. В итоге автор приходит к обоснованному выводу, что общим убеждением американской прессы – вне зависимости от ее политических предпочтений – было убеждение о том, что американская помощь ставит перед собой одну

2015. №6-1; *Русинов А.А.* Конкуренция между американскими благотворительными организациями в контексте международной помощи голодающим в Советской России (1921-1923 годы) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. №5.

[111] Цит. по: *Русинов А.А.* «Еда как оружие»: предположения и суждения американской прессы о политических целях американской администрации помощи в советской России // ИСОМ. 2015. №6-1. С. 71.

единственную цель: нанесение урона большевистским властям, т.е. использование гуманитарной деятельности в качестве «мягкой силы» – термина, получившего полвека спустя широкое распространение.

Более того, А.А. Русинов приходит к аргументированному выводу о существовании в 1921-1923 гг. конкуренции между американскими благотворительными организациями – АРА (Американская администрация помощи), Друзья Советской России, Американский комитет по оказанию помощи голодающим в России и др. – и занимавшими различные сегменты американского политического спектра. Автор утверждает, что «полемика между противоборствующими сторонами характеризовалась стремлением дискредитировать оппонента, привлечь симпатии общественности на свою сторону и была основана на взаимном недоверии, проистекавшем из достаточно напряженных взаимоотношений между Советской Россией и «капиталистическим миром», частью которого были США. Американские коммунисты публично высказывали сомнение в бескорыстии АРА, поскольку воспринимали эту организацию как контрреволюционную, и предполагали, что АРА намерена использовать гуманитарную миссию как прикрытие для осуществления деятельности, направленной на подрыв советского строя. В свою очередь, их оппоненты утверждали, что американская гуманитарная помощь должна предоставляться нуждающимся через американские организации, обладавшие хорошей репутацией».[112]

Следует отметить, что к вопросу освещения американской помощи в прессе российские исследователи обращались и ранее, как например Н.В. Усманов в статье «Газеты США о голоде на Южном Урале и деятельности в регионе американской администрации помощи (1921-1923)»,[113] однако этот

[112] *Русинов А.А.* Конкуренция между американскими благотворительными организациями в контексте международной помощи голодающим в Советской России (1921-1923 годы) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. №5. С. 34.

[113] *Усманов Н.В.* Газеты США о голоде на Южном Урале и деятельности в регионе американской администрации помощи (1921-1923) // MagistraVitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2008. №5 (106).

труд носит описательный характер, и не дает читателю такой качественной аналитики, как статьи А.А. Русинова.

Столь же описательный характер имеют и исследования Ю.Ю. Аншаковой «Гуманитарная миссия АРА в Казани во время голода 1921 - 1922 гг.»; «Гуманитарная миссия АРА в Советской России: начало взаимодействия»; "Крымский инцидент": о работе американской администрации помощи в Крыму во время голода 1921-1923 годов»; «Начальный этап работы Американской администрации помощи в Самарском округе во время голода 1921-1922 гг. (по материалам миссии)».[114] Иностранная гуманитарная деятельность на территории России в этих статьях получила широкое освещение. Однако автор не счел необходимым исследовать скрытые мотивы, которые часто лежали в основе зарубежной благотворительности; не изучался и вопрос о взаимодействии иностранных и российских гуманитарных организаций по оказанию помощи местному населению.

Роль иностранных гуманитарных организаций в деле оказания помощи гражданскому населению в условиях гражданского противостояния изучалась и в работах Т.Ю. Бондаренко,[115] В.А. Погромского,[116] Н.В. Потапова,[117] О.Н. Савицкой, А.П. Сатарова.[118]

---

[114]*Аншакова Ю.Ю.* Гуманитарная миссия ара в Казани во время голода 1921 - 1922 гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2007. №2; *Аншакова Ю.Ю.* Гуманитарная миссия АРА в советской России: начало взаимодействия // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. №2-1; *Аншакова Ю.Ю.* "Крымский инцидент": о работе американской администрации помощи в Крыму во время голода 1921-1923 годов // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. №3-2; *Аншакова Ю.Ю.* Начальный этап работы Американской администрации помощи в Самарском округе во время голода 1921-1922 гг. (по материалам миссии) // Известия Самарского научного центра РАН. 2005. №2.

[115]*Бондаренко Т.Ю.* Деятельность иностранных организаций помощи голодающим в Саратовской губернии в 1920-х годах глазами русского эмигранта (из воспоминаний А. В. Бабина) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. №2.

[116]*Погромский В.А.* Деятельность Американской администрации помощи в Царицынской губернии и прилегающих территориях в период голода 1921-1923 гг. // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2016. №1 (5).

[117]*Потапова Н.В.* Деятельность христианского союза молодых людей в России в 1917-1922 гг. // ИСОМ. 2015. №1.

За последние два десятилетия в отечественной историографии сформировался целый комплекс исследований, посвященных одной из самых трагических страниц российской истории: судьбе военнопленных Первой мировой войны. При этом корпус научных трудов по этой проблеме состоит из двух основных ветвей: исследования гуманитарной ситуации, в которой находились российские военнопленные на территории европейских государств, и труды о пребывании иностранных военнопленных на территории России в период мировой и Гражданской войн. Оба направления исследований в значительной степени имеют непосредственное отношение к теме диссертационной работы: пожалуй, нигде более гуманитарная деятельность общественных организаций, местных властей и частных лиц не проявила себя столь наглядным образом. Подробному и качественному изучению названной проблематики способствует и широкая источниковая база, которая складывается из фондов региональных и центральных архивов, местной прессы исследуемого периода и богатых архивных коллекций русского зарубежья.

Первая историографическая «ветвь», исследующая пребывание российских военнопленных в Европе, представлена работами Э.Е. Абдрашитова,[119] И.А. Асеева,[120] И.Б. Беловой,[121] С.Н. Емельянова,[122] Д.А.

---

[118]*Савицкая О.Н., Сатарова А.П.* Голод 1921-1923 гг. В Хоперском и Усть-Медведицком округах Царицынской губернии и Американская администрация помощи (АРА) // Манускрипт. 2017. №8 (82).

[119]*Абдрашитов Э.Е.* Российские подданные в Германии в августе 1914 г., и формирование образа германского врага в годы первой мировой войны // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. №1 (120); *Абдрашитов Э.Е.* Деятельность общественных и международных организаций в деле оказания помощи российским военнопленным в Германии и Австро-Венгрии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. №8 (151).

[120]*Асеев И.А.* Деятельность Российского Общества Красного Креста по защите прав военнопленных в годы первой мировой войны // Бизнес в законе. 2009. №4.

[121]*Белова И.Б.* Возвращение русских военнопленных Первой мировой войны в Советскую Россию: историографический аспект // Вестник ВятГУ. 2014. №4.

[122]*Емельянов С.Н.* Новые вызовы и задачи: военное духовенство в годы Первой мировой и Гражданской войн // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. №2.

Карпук,[123] О.С. Нагорной,[124] Т.П. Назаровой,[125] Н.В. Николаевой, А.А. Богдановой,[126] Е.С. Сенявской,[127] В.А. Чолахян.[128]

Статья И.А. Асеева «Деятельность Российского Общества Красного Креста по защите прав военнопленных в годы первой мировой войны», помимо бросающегося в глаза количества орфографических ошибок, содержит и ряд исторических неточностей. Автор поставил перед собой цель исследовать гуманитарную деятельность РОКК в Европе по оказанию помощи российским военнопленным. Несмотря на использование в работе неопубликованных источников из Государственного архива Российской Федерации, что, безусловно, заслуживает уважения, статья получилась фрагментарной и поверхностной. Однако главным недостатком исследования стал тот факт, что автор, судя по тексту, даже не подозревал о существовании и активной деятельности в исследуемый период одновременно нескольких организаций Российского общества Красного Креста, предоставлявших, в меру возможности, помощь и поддержку российским военнопленным. Автор не упоминает в тексте статьи о Декрете СНК РСФСР «О передаче имущества и капиталов учреждений Красного Креста и Всероссийского союза городов в государственную собственность» от 4 января 1918 г., упразднившего Главное управление Красного Креста и создавшего на его основе Комитет по реорганизации РОКК. Следствием этого декрета стало возникновение на территориях, подконтрольных антибольшевистским властям,

[123]*Карпук Д.А.* Деятельность Св. Синода по организации пастырского служения среди русских военнопленных в годы первой мировой войны // Христианское чтение. 2015.
[124]*Нагорная О.С.* «Эвакуация в том виде, в котором она существует, губительна для военнопленных и опасна для государства»: Советская практика репатриации русских военнопленных первой мировой войны // Вестник ЧелГУ. 2008. №15.
[125]*Назарова Т.П.* Периодическая печать о судьбе русских военнопленных в годы Первой мировой войны 1 // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. №5.
[126]*Николаева Н.В., Богданова А.А.* Зверства германской военщины во Франции в годы Первой Мировой войны // Достижения науки и образования. 2017. №2 (15).
[127]*Сенявская Е.С.* Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // Вестник РУДН. История России. 2013. №1.
[128]*Чолахян В.А*. Русская периодическая печать о гуманитарной катастрофе в Османской империи в годы Первой мировой войны // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. №2.

альтернативных организаций Красного Креста: Временного Главного управления РОКК в Омске и Временного управления по делам РОКК в Киеве. На странице 22 автор вскользь упоминает, что «прежние представительства Общества отказались сотрудничать с Советской властью»,[129] но не делает попыток осмыслить и изучить причины этого отказа. Между тем, в изучаемый автором период на территории Европы существовала развитая система местных учреждений РОКК, подчинявшихся омским и екатеринодарским (позднее крымским) антибольшевистским властям. Они на протяжении целого ряда лет – вплоть до 1920 г., а в некоторых случаях и позднее – продолжали оказывать помощь военнопленным, доставляя им материальную помощь и письма, организуя репатриацию. В свою очередь отделения РОКК в Сибири, на подконтрольных А.В. Колчаку территориях, принимали и обустраивали возвращавшихся на Родину солдат. Действительно, при работе с историческим источником достаточно трудно сразу точно определить, о каком именно российском Красном Кресте в Европе идет речь: о советском, созданном в 1918 г., или об одном из учреждений РОКК, сохранявшим лояльность и подчинение контрреволюционным правительствам на Востоке и Юге России. Между тем, при описании российской гуманитарной деятельности означенного периода ответ на этот вопрос является принципиальным.

Еще одним «научным» трудом, демонстрирующим халатное и неуважительное отношение и к отечественной истории, и к читателю, стала статья двух соавторов из Башкирского государственного университета: студентки Н.В. Николаевой и доцента кафедры истории Отечества и методики преподавания истории А.А. Богдановой «Зверства германской военщины во Франции в годы Первой Мировой войны». Эта полутора-страничная (!) статья вышла в свет в журнале «Достижения науки и образования», специализирующемся на публикациях широчайшего научного

[129] *Асеев И.А.* Указ.соч. С. 22.

спектра: от медицины до географии, и от физики до истории. Но вовсе не низкий научный уровень журнала определил статус статьи. По непонятной причине, вынеся в заглавие в качестве региона исследования Францию, авторы более ни разу к этой стране в тексте статьи не вернулись: мы читаем о русских военнопленных в лагере Дунасердагель (Duna-Szerdahely), располагавшемся недалеко от Братиславы, и в лагере Кольдинга в Южной Ютландии, административно-территориальной единице Дании. На полутора страницах текста соавторы несколькими беглыми мазками живописали физические наказания, применявшиеся к русским военнопленным в германских лагерях, сочтя на этом свою исследовательскую миссию исчерпанной. По этим причинам названная публикация не привнесла в отечественную историографию российской гуманитарной деятельности какого-либо заметного вклада.

Разительный контраст по сравнению с произведением Н.В. Николаевой и А.А. Богдановой представляет исследование О.С. Нагорной «Эвакуация в том виде, в котором она существует, губительна для военнопленных и опасна для государства»: Советская практика репатриации русских военнопленных первой мировой войны». Автор на основе широкого круга неопубликованных источников, отечественной и зарубежной историографии описывает драматический процесс репатриации российских военнопленных из германского плена.

Начало XXI века было ознаменовано в отечественной историографии постепенным ростом количества научных исследований, посвященных изучению экономических процессов, происходивших на территориях антибольшевистских режимов в годы Гражданской войны, как неотъемлемой части общего гуманитарного контекста: социального, политического, духовного, культурного. В итоге стали появляться публикации, в которых на широкой источниковой базе началось изучение отдельных аспектов экономической проблематики, стали предлагаться и опробоваться новые подходы к ее изучению.

К исследованиям подобного рода относится, в частности, докторская диссертация В.В. Коновалова.[130]

Автор поставил перед собой цель «показать историческую судьбу мелких промышленников Сибири в переломную эпоху войн и революционных потрясений, т.е. изучить сибирскую кустарно-ремесленную промышленность как социально-экономическую систему и определить масштабы, характер и основные последствия воздействия капиталистической эволюции, а затем революции и политики советской власти на общественные отношения кустарей и ремесленников».[131] Кустарное производство в тот исторический период являлось источником и ресурсной базой реализации большинства гуманитарных проектов на территории страны. Предметы первой необходимости, продовольствие, инструменты медицинского и реабилитационного ухода производились в значительной мере на небольших кустарных предприятиях. Там же – в качестве «кустарей-одиночек» – находили себе работу инвалиды их среды военнослужащих. Надо отметить, что этот ресурс снижения безработицы и обеспечения работой инвалидов, раненых и выздоравливающих широко применялся российскими гуманитарными организациями и в эмиграции: широкое распространение получили кустарные мастерские Российского общества Красного Креста и Земгора, открывавшиеся этими организациями в Турции и Восточной Европе в начале 1920-х гг.: кожевенные, бондарные, сапожные, портняжные и др. Эти кустарные предприятия обеспечивали госпитали и санатории РОКК всем необходимым, становясь одновременно местом работы и получения профессиональных навыков для наиболее обделенных эмигрантов.

Действительно широкий круг привлеченных опубликованных и неопубликованных источников позволил автору осуществить глубокий анализ этой малоизученной стороны экономической жизни Сибири. Сам

---

[130] *Коновалов В.В.* Мелкие промышленники Сибири накануне и в годы революции и гражданской войны: Автореф. дисс. д.и.н. Екатеринбург, 1997.
[131] *Коновалов В.В.* Указ.соч. С. 13.

автор условно разделил комплекс использованных источников на три группы: документы, образовавшиеся в процессе деятельности центральных и местных сибирских государственных органов, куда вошли материалы съездов, совещаний, заседаний бюро, коллегий и т.п.; материалы, отражающие повседневную организационную и оперативно-производственную работу центральных и сибирских государственных органов в области кустарной промышленности и промысловой кооперации, к которым относятся информационные сводки, служебные записки, справки о работе отделов, списки предприятий и отделов, и т.д. Третью группу составили материалы, в которых были обобщены результаты работы государственных органов в кустарной промышленности за отдельные периоды, – отчеты Сибпромбюро ВСНХ, губсовнархозов, и пр. Привлекались автором и документы сибирской кооперации, хранящиеся в фонде Союза сибирских союзов кредитных кооперативов «Синкредосоюз».[132]

Столь широкая источниковая база позволила В.В. Коновалову создать обстоятельное и глубокое исследование сибирской кустарной промышленности того периода ее существования, когда главным его содержанием было быстрое усиление и обострение гуманитарного кризиса в стране.

Между тем деятельность кустарных предприятий в Сибири и на Дальнем Востоке страны в 1918 – 1919 гг. была весьма заметной. Стоит упомянуть, в частности, о местных предприятиях Российского общества Красного Креста, являвшимися по форме своей организации именно кустарными производствами, на которых производилась значительная часть предметов первой необходимости, лекарств и одежды, направлявшихся обществом на удовлетворение потребностей больных и раненых на фронте. Более того, кустарные производства РОКК превращались в систему реабилитационных учреждений, где инвалиды могли найти работу по силам,

[132] *Коновалов В.В.* Указ.соч. С. 21.

и тем самым заработать себе на существование.[133] Кустарное производство на определенном промежутке времени стало частью гуманитарной инфраструктуры, оказавшей заметное положительное влияние на кризисные явления в экономике страны.

Впрочем, этот очень существенный пробел не умаляет значение исследования В.В. Коновалова, в котором точно и полно воссозданы те социально-экономические условия, в которых осуществлялась экономическая и гуманитарная политика белых правительств Сибири. Позже В.В. Коновалов выпустил в свет две монографии, подготовленные на основе докторской диссертации.[134]

Отечественная историография, в той или иной степени затрагивающая проблему российской гуманитарной деятельности в эмиграции, не является обширной. Определенный шаг в этом отношении представляют вышедшие в свет в конце 1980-х – начале 90-х гг. работы историков В.А. Тесемникова,[135] Н.Е. Соничевой,[136] М.В. Назарова[137] и В. Пашуто.[138]

---

[133] См.: *Голотик С.И., Ипполитов С.С.* Российское общество Красного Креста (1917 – 30-е гг.) // Зарубежная Россия (1917 – 1947 гг.): CD-диск. Номер государственной регистрации 0320300846). М., 2003.

[134] *Коновалов В.В.* Мелкие промышленники Сибири и большевистская диктатура: Вопросы теории и практики военного коммунизма. Тюмень, 1994; *Он же.* Мелкие промышленники Сибири накануне и в годы революции и гражданской войны. Екатеринбург, 1997.

[135] *Тесемников В.А.* Российская эмиграция в Югославии (1919-1945 гг.) // Вопросы истории. 1988. №10.

[136] *Соничева Н.Е.* На чужом берегу. М., 1991.

[137] *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. Т. 1.

[138] *Пашуто В.Т.* Российские историки-эмигранты в Европе. М. 1992. Для этих работ характерно стремление изучать историю российского зарубежья с самых истоков, в частности, с константинопольского периода и первоначального расселения эмигрантов по Балканским странам. Тем не менее, отсутствие среди использованных авторами источников архивных документов не позволило им всесторонне и конкретно осветить многие вопросы численности, повседневной жизни эмигрантских диаспор, деятельности российских общественных и военных организаций, массового и политического сознания. В ряде работ история российской эмиграции представлялась авторами как непрерывная череда политических событий, борьбы, заговоров или съездов. При чтении этих работ создается впечатление, что личной, частной, повседневной и обыденной жизни в эмиграции просто не было, а вся российская эмиграция представляла собой бесконечную череду политических баталий и дискуссий. Типичным примером такого взгляда является монография М.В. Назарова «Миссия русской эмиграции». Охарактеризованное автором как «первая попытка непредвзятого рассказа о русской эмиграции», названное исследование необоснованно большое внимание уделяет проблеме масонства в

Разработке теоретических основ понятия «социальная адаптация» посвящена статья Г.Я. Тарле «Об особенностях изучения истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX веках».[139] При анализе адаптационного процесса автор предлагает различать несколько «уровней» адаптации: физиологический, биологический, психологический, социальный, лингвистический и географический.[140] Все они являются составными частями более общего понятия «гуманитарность».

Проблеме изучения повседневной жизни русских колоний, её гуманитарных, философских, культурологических, социальных и исторических аспектов, посвящено значительное количество исследований. Среди наиболее значимых для раскрытия темы диссертационного исследования можно назвать труды Н.Л. Новикова, И.П. Поляковой, С.Н. Боголюбова, Н.А. Давтяна, О.Ю. Марковцевой, кандидатскую диссертацию И.В. Сохань, учебные пособия В.Д. Лелеко и Е.В. Байковой, монографию Л.А. Савченко.[141] Перечисленные авторы затрагивали гуманитарную

эмигрантской среде; борьбе политических группировок и течений, и т.п. В то же время, гуманитарная деятельность, повседневная жизнь, культура, социально-экономические проблемы русских колоний, несмотря на их значимость в процессе исторического исследования, затрагивались автором лишь фрагментарно. Вопросы российской гуманитарной деятельности в перечисленных выше работах не исследовались.

[139] *Тарле Г.Я.* Об особенностях изучения истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX веках. // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX-XX веках. М., 1996.

[140] *Тарле Г.Я.* Указ. соч. с. 19.

[141] *Новикова Н.Л.* Повседневность как феномен культуры. Саранск. 2003. - 119 с.; *Богданов К.А.* Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. Санкт-Петербург. 2015. - 412 с.; *Боголюбова С.Н.* Повседневность: пространство социальной идентичности: дис. доктора философских наук. Ростов-на-Дону, 2011; *Полякова И.П.* Повседневность: история и теория (социально-философский аспект). Липецк. 2009. - 170 с.; *Семенов А.А.* Политическая повседневность Гражданской войны: в представлениях населения Северного Кавказа. Кропоткин, 2004. - 151 с.; Новикова Н.Л. Повседневность и язык: Культурологические основания и эмпирические реалии: дис. доктора философских наук. Саранск, 2003.; *Боголюбова С.Н.* Повседневность: феномен неявного знания: дис. канд. философских наук. Ростов-на-Дону, 2009; *Смирнов А.В.* Генеалогия повседневности. СПб. 2012. - 159 с.; *Ярмахов Б.Б.* Повседневность как проблема герменевтики: дис. кандидата философских наук. Нижний Новгород, 1994; *Дементьева В.В.* Культура повседневности: история культуры повседневности России. Улан-Удэ. 2012. - 49 с.; *Касаткина С.С.* Российская городская повседневность в социально-философском контексте. Череповец, 2013. - 137 с.; *Байкова Е.В.* Культура повседневности: учебное пособие для студентов специальности "Культурология".

деятельность лишь фрагментарно и эпизодически, но совокупность этих трудов позволяет проследить путь, по которому развивалась исследовательская мысль и вычленить основные методические принципы, позволяющие наиболее полно решить поставленную в диссертационном исследовании задачу.

Саратов, 2009. - 109 с.; *Козлова Н.Н.* Повседневность и социальное изменение: дис. доктора философских наук. Москва, 1992.; Российская повседневность 1921-1941 гг.: новые подходы. СПб., 1995. - 156 с.; *Давтян Н.А.* Метатекстуальность повседневности: хрестоматийный синтез в раскавыченной цитации. Москва, 2008. - 215 с.; *Марковцева О.Ю.* Повседневность как предмет социально-философского анализа: дис. кандидата философских наук. Ульяновск, 2003. - 165 с.; *Лелеко В.Д.* Культурология повседневности: становление и современное состояние / В. Д. Лелеко // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Т. 1: Теория культуры. СПб., 2008. - С. 377-389; *Круглов Д.Н.* Повседневность как предмет философской рефлексии: автореферат дис. канд. философских наук. Санкт-Петербург, 1996; *Капкан М.В.* Культура повседневности. Екатеринбург, 2016. - 108 с.; *Семенов Н.Б.* Повседневность как элемент социальной реальности: дис. канд. философских наук. Москва, 2006; *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995; *Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигель рациональности. Пер. с нем. М.В. Воронцова. Вып 1. М.: Прогресс, 1991; *Сохань И.В.* Повседневность как универсальное основание человеческой культуры: дис. кандидата философских наук. Томск, 1999; *Глазкова Т.В.* Повседневность как предмет художественной культуры: репрезентация феномена семьи в литературном дискурсе: дис. кандидата культурологии. Москва, 2009; История культуры повседневности: учебное пособие / под ред. В.П. Большакова, С.Н. Иконниковой. - Москва, 2016 с. - 497 с.; *Марков Б.В.* Культура повседневности: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. СПб., 2008. - 352 с.; *Лелеко В.Д.* Эстетика повседневности: Учеб. пособие по спецкурсу. СПб. 1994. - 145 с.; *Марковцева О.Ю.* Повседневность как предмет социально-философского анализа: автореферат дис. канд. философских наук. Ульяновск, 2003; *Махлина С.Т.* Семиотика культуры повседневности. Санкт-Петербург, 2009. - 231 с.; *Новикова Н.Л.* Повседневность и язык: культурологические основания и эмпирические реалии: автореферат дис. доктора философских наук. Саранск, 2003; *Савченко Л.А.* Социология повседневности. Ростов н/Д. 2000. - 159 с.; *Глазкова Т.В.* Повседневность как предмет художественной культуры: репрезентация феномена семьи в литературном дискурсе: автореферат дис. кандидата культурологии. Москва, 2009; Культура повседневности: Темат. сб. по социокультур. практикуму. Владимир. 1996; *Полякова И.П.* Повседневность в социально-философском контексте: теоретико-методологический анализ: диссертация ... доктора философских наук. Москва, 2011; *Сохань И.В.* Повседневность как универсальное основание человеческой культуры: автореферат дис. кандидата философских наук Томск, 1999; *Розенберг Н.В.* Культура повседневности: методология исследования. Тамбов. 2010. - 200 с.; Феномен повседневности в литературе XX века. Воронеж. 2013. - 205 с.; *Лукаш Н.П.* Диалектика быта и повседневности. Нижневартовск. 2007. - С. 118-123; *Бушмаков А.В.* Теоретические концепции повседневности в современной гуманитарной науке: хрестоматия. Пермь. 2010. - 120 с.; *Серто Мишель де.* Изобретение повседневности Санкт-Петербург. 2013; *Беловинский Л.В.* Культура русской повседневности: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва. 2008. - 766 с.

В этом же ряду специализированных исследований находятся труды о социокультурной адаптации отдельных социальных и профессиональных сообществ как составной части гуманитарного полотна русского зарубежья. Так, изучению русской военной эмиграции посвящены исследования Ю.С. Цурганова,[142] А.В. Жукова,[143] С.А. Сотникова,[144] и целого ряда других отечественных историков,[145] изучавших эмиграцию, расселение и социокультурную адаптацию русских воинских коллективов, их повседневную жизнь, трудовую и общественную деятельность, зачастую успешные попытки сохранения национальной и культурной идентичности.

Социокультурной адаптации профессиональных сообществ в эмиграции посвящены исследования О.А. Грибенчиковой[146] о становлении и развитии эмигрантского предпринимательства в целом ряде отраслей, включая предпринимательство в сфере культуры; монография М.Г. Гришунькиной,[147] в которой были изучены аспекты правовой культуры и деятельности профессиональных сообществ русских адвокатов в изгнании; а также целый ряд других исследований, посвященных тем или иным социальным и профессиональным группам российских эмигрантов, пытавшихся сохранить в изгнании свои отраслевые союзы не только в качестве удобного инструмента адаптации, но в качестве элемента

---

[142]*Цурганов Ю.С.* Российская военная эмиграция в Европе, 1939-1945 гг.: дис. канд. ист. наук. - М., 2001.
[143]*Жуков А.В.* Российская военная эмиграция в Польше и её военные последствия: 1917-1945 гг.: дис. канд. ист. наук. - М., 2014.
[144]*Сотников С.А.* Российская военная эмиграция во Франции в 1920-1945 гг.: дис. канд. ист. наук. - М., 2006.
[145]*Бухтерев В.Б.* Российская военная эмиграция в Германии в 1920-1945 гг.: дис. канд. ист. наук. - М., 2006; Бегидов А.М. Военно-учебные заведения российской эмиграции в 1920-30-е годы: дис. канд. ист. наук. - М., 1998; *Климутин В.А*. Российская военно-морская эмиграция в 1920 - 1930-е годы: дис. канд. ист. наук. - М., 2006; *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине: Русский Общевоинский союз, России и русское зарубежье в XX-XXI веках. - Архангельск, 2006; *Голдин В.И.* Армия в изгнании: страницы истории Русского Общевоинского союза. - Архангельск; Мурманск, 2002.
[146]*Грибенчикова О.А.* Российское предпринимательство в эмиграции, 1918-1929 гг.: дис. канд. ист. наук. - М., 1997.
[147]*Гришунькина М.Г.* Российская адвокатура в эмиграции в 1920-1930-е гг. / Гришунькина М. Г. - М.: Макс Пресс, 2005.

национальной культуры и идентичности, который позволял успешно противостоять ассимиляционным тенденциям в беженском сообществе.[148] Эти исследователи в своих работах затрагивали российскую гуманитарную деятельность эпизодически.

В данном обзоре нельзя не упомянуть и несколько специфических исследований, посвященных изучению последствий разрушения той самой «гуманитарности», насущная необходимость которой является залогом успешного и здорового состояния любого сообщества, особенно находящегося в ситуации гуманитарной катастрофы.[149] Работы историков К.В. Львова, К.А. Чистякова, С.Н. Пучкова убедительно доказали, что разрушение, угасание, деградация гуманитарной деятельности в любом обществе, безотносительно к его экономической или политической стабильности, неизбежно ведет к ускоренной маргинализации его членов, обострению общественных противоречий и застарелых социальных проблем.

Особое место в корпусе библиографии, посвященной исследованиям российской эмиграции, занимают труды А.А. Пронина. Этот уральский ученый последовательно изучал историографию эмиграции, начиная с кандидатской диссертации, защищенной им в 2001 году по теме «Российская эмиграция в современной историографии»,[150] и заканчивая фундаментальным трудом «Российская эмиграция в отечественных диссертационных

---

[148] *Серегина Д.М.* Российская торгово-промышленная эмиграция во Франции в 1920-1939 гг.: дис. канд. ист. наук. - М., 2005; *Худобородов А.Л.* Вдали от родины: российские казаки в эмиграции: Учеб. пособие к спецкурсу / А. Л. Худобородов; Челяб. гос. пед. ун-т, Ин-т гуманитар. исслед. - Челябинск: Факел, 1997; *Марар О.И.* История российской артистической эмиграции в славянских странах, 1918 - 1939 годы: Чехословакия, Югославия, Болгария: дис. канд. ист. наук. - Воронеж, 2000.

[149] *Чистяков К.А.* "Активизм" в среде российской эмиграции: идеология, организации, практика: 1920-е - 1930-е гг.: дис. канд. ист. наук. - М., 2000; *Львов К.В.* Процессы маргинализации в среде российской эмиграции во Франции и Германии: 1920 - 1939 гг.: дис. канд. ист. наук. - М., 2002; *Пучков С.Н.* Политический активизм молодежной среды российской эмиграции в 1920-1930-е гг.: Институционализация и идеология: дис. канд. ист. наук. - М., 2004.

[150] *Пронин А.А.* Российская эмиграция в современной историографии: дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001.

исследованиях. 1980-2005 гг.»,[151] основанной на тексте его докторской диссертации с одноименным названием. И если кандидатская диссертация стала добротным, но достаточно рядовым исследованием в перечне подобных, то докторская, безусловно, заслуживает пристального и уважительного внимания. А.А. Пронин на основе анализа более 900-т диссертаций, защищенных на четверть-вековом отрезке времени по проблемам российской эмиграции, создал действительно фундаментальный научный труд, существенно облегчивший практикующим историкам ориентирование в огромном историографическом массиве Русского Зарубежья. Уже оглавление докторской диссертации дает представление о широте охвата поставленной проблемы. Автор исследовал архивные фонды, документальные источники, источники личного происхождения, эмигрантскую литературу. Библиометрический анализ затронул отраслевой и квалификационный состав диссертаций, динамику диссертационных исследований по времени создания, регионам и образовательным учреждениям. Были описаны центры изучения российского зарубежья и его научные школы. Особое место уделено автором исследованию волн эмиграции, представленным на страницах диссертаций, а также основным исследовательским тенденциям, направлениям исследований и степени их изученности, причинам эмиграции из России, регионам исхода, этническим и этносословным группам. Подробному рассмотрению подверглись проблемы адаптации эмигрантов, российское православное зарубежье, образование, издательское и музейное дело эмигрантов. Только перечень литературы и источников занимает в почти тысячестраничном диссертационном исследовании около 250-ти страниц.

Автор справедливо отмечает «ажиотаж вокруг темы эмиграции»,[152] ее культурного наследия, своего рода моду, возникшую на пороге XXI в.

---

[151] *Пронин А.А.* Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980-2005 гг.: Библиометрический анализ. 1980-2005 гг. Челябинск, 2016.

[152] *Пронин А.А.* Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях. 1980-2005 гг.: дисс. докт. ист. наук. Челябинск, 2016. С. 61.

Действительно, в этот период времени в отечественной науке количество трудов, посвященных истории и культуре российской эмиграции, множилось с удивительной скоростью. Констатирует автор и постепенную смену этой научной моды на углубленное изучение всего комплекса проблем такого уникального историко-культурного явления. По сути автор доказал появление «эмигрантоведения» как нового направления в отечественной гуманитарной науке.

Но порой автор так увлекается библиометрическим анализом массива доступных источников, что в диссертационном исследовании появляются целые тематические блоки, возможное востребование которых практикующим историком или источниковедом представляется весьма сомнительным. Так, некоторое место в диссертации А.А. Пронина уделено, например, статистическому анализу российских городов по числу защищенных в них диссертаций по эмигрантской проблематике на различных отрезках времени. Предсказуемо первые места в этом рейтинге заняли Москва и Санкт-Петербург, но кому и зачем могут пригодиться эти сведения, остается загадкой, что, впрочем, никак не умаляет общую значимость для исторической науки этого фундаментального труда.

Воспользуемся исследованием А.А. Пронина для определения перечня диссертационных работ, так или иначе затрагивающих проблему российской гуманитарной деятельности в эмиграции. Вопреки ожиданиям, таких работ оказалось немного – менее шестидесяти из более чем девятисот, описанных А.А. Прониным,[153] или около 6%, что явно не соответствует значимости этой

[153] *Гончарова Н.В.* Культура российской эмиграции в Харбине: (опыт историко-культурологического анализа): дис. … канд. культурологии: 24.00.01 / Н.В. Гончарова. СПб., 2002. 229 с.; *Гулюкина О.Н.* Проблемы нравственного воспитания в философско-педагогической мысли русского эмигрантского зарубежья: 20–40-е г. XX в.: дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / О.Н. Гулюкина. М., 2001. 150 с.; *Зингер Н.Д.* Организация школьного образования детей-мигрантов в США в контексте поликультурного образования: дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / Н.Д. Зингер. СПб., 2003. 215 с.; *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции, 1918–1924 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / С.С. Ипполитов. М., 2000. 195 с.; *Кабанова Е.В.* Школа и учительство русской эмигрантской диаспоры в Европе, 1919-1930 гг.: дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / Е.В. Кабанова. М., 1998. 145 с.; *Катаева*

А.Г. Русская издательская деятельность в Германии 1920-х гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / А.Г. Катаева. М., 2000. 254 с.; *Кузнецова Т.В.* Центры русского книжного дела в Китае в 1917– 1949 гг.: дис. … канд. пед. наук: 05.25.04 / Т.В. Кузнецова. Новосибирск, 1999. 281 с.; *Лысенко А.В.* Эволюция русскоязычной прессы Берлина: от противостояния к культурно-политическому диалогу с Советской Россией: (1919–1922 гг.): дис. … канд. филол. наук: 10.01.10 / А.В. Лысенко. М., 2000. 205 с.; *Макеева Н.А.* Высшее образование российской молодежи в условиях эмиграции «первой волны»: (20–30-е гг. XX в.): дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / Н.А. Макеева. Саранск, 2003. 226 с.; *Мурашева С.Н.* Педагогическое наследие русской зарубежной диаспоры в период с 1919 по 1929 годы: На примере Чехословакии, Болгарии, Королевства сербов, хорватов и словенцев: дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / С.Н. Мурашева. Архангельск, 2002. 158 с.; *Олейник О.Ю.* Интеллигенция и отечество: проблема патриотизма в советском обществе и российском зарубежье в 30-е годы XX века: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / О.Ю. Олейник. Иваново, 1998. 492 с.; *Петров Е.В.* Научно-педагогическая деятельность русских историков-мигрантов в США в первой половине XX века: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Е.В. Петров. СПб., 2001. 499 с.; *Ревякина Т.В.* Проблемы адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции в Китае: (начало 1920 – середина 1940-х гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.03 / Т.В. Ревякина. М., 2004. 308 с.; *Руденцова Ю.И.* Социальная адаптация российской эмиграции во Франции: (1920–1930-е гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю.И. Руденцова. М., 2000. 209 с.; *Савченко А.И.* Пресса российской политической эмиграции в конце XIX – начале XX в.: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / А.И. Савченко. М., 1998. 395 с.; *Сафронова Г.Н.* Культурно-просветительские организации российской эмиграции в Югославии в 1920–1930-е гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Г.Н. Сафронова. М., 2005. 216 с.; *Скворцова Э.В.* Эколого-культурная миссия русской эмиграции первой «волны»: На примере деятельности представителей русской музыкальной культуры: дис. … канд. культурологии: 24.00.01 / Э.В. Скворцова. М., 2003. 173 с.; *Соловьев М.С.* Деятельность организации великого князя Николая Николаевича, Русского общевоинского союза, Братства русской правды на Северо-Западе Советской России, в Прибалтике и Финляндии в 1920-х – начале 1930-х гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / М.С. Соловьев. СПб., 2003. 179 с.; *Сурайкин М.А*. Молодежные движения и организации российского зарубежья в 1920–1930-е годы: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / М.А. Сурайкин. М., 2003. 196 с.; *Сурин А.В.* Формирование и деятельность национальных образовательных центров в российском зарубежье: (1920-е годы): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / А.В. Сурин. М., 2005. 227 с.; *Сухачева В.А.* Общественно-педагогическое движение российской эмиграции в странах Европы: (1919–1939 гг.): дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / В.А. Сухачева. Саранск, 1995. 250 с.; *Федякина Е.В.* Питирим Александрович Сорокин: общественная и научная деятельность: дис … канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.В. Федякина. Самара, 2005. 200 с.; *Черных Ю.Н.* Патриотическое воспитание в военном образовании российского зарубежья: дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / Ю.Н. Черных. Воронеж, 2005. 218 с.; *ЧоЧонХван.* Русская православная миссия в Корее: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / ХванЧонЧо. М., 1997. 164 с.; *Алдюхова Е.И.* Социальный состав российской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев: По материалам анкет обследования 1921–1923 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.И. Алдюхова; Рос. гос. гуманит. ун-т. М., 1996. 27 с.; *Ананян С.Г.* Армянская община Франции в 20-е годы XX века: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.03 / С.Г. Ананян; Ин-т всеобщ. ис-тории РАН. М., 1998. 30 с.; *Анн-Вилсон Л.Ф.* Социально-психологические особенности межкультурной адаптации российских студентов в Германии: автореф. дис. … канд. психол. наук: 19.00.05 / Л.Ф. Анн-Вилсон; Ин-т сред. проф. образования РАО. Казань, 2003. 16 с.; *Аурилене Е.Е.* Российская эмиграция в Китае: (1920–1950-е гг.) :автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Е.Е. Аурилене; Хабар. гос. пед. ун-т. Хабаровск, 2004. 46 с.; *Аурилене Е.Е*. Российская эмиграция в Маньчжурии в 30–40-е годы XX века:

автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.Е. Аурилене; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока Дальневост. отд-ния РАН. Владивосток, 1996. 24 с.; *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.): автореф. дис. … д-ра ист. наук: 05.25.03 / П. Н. Базанов; С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. СПб., 2005. 42 с.; *Беленкова Л.Ю.* Антропологогуманистическая концепция обучения и воспитания аномальных детей в научном наследии Г.Я. Трошина: (1874– 1938): автореф. дис. … канд. психол. наук: 19.00.10 / Л. Ю. Беленкова; Нижегор. гос. пед. ун-т. Н. Новгород, 2000. 20 с.; *Бирюкова К.В.* Российские студенческие эмигрантские союзы в Центральной и Восточной Европе в 1920–1930-е гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / К.В. Бирюкова; Моск. пед. гос. ун-т. М., 2005. 21 с.; *Бочарова З.С.* Движение за возвращение на родину в российской эмиграции: (1920-е гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.01 /З.С. Бочарова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1994. 25 с.; *Бочарова З.С.* Социально-правовая адаптация российской эмиграции 1920–1930-х годов: исторический анализ: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / З.С. Бочарова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2005. 48 с.; *Бузуев О.А*. Литература русского зарубежья Дальнего Востока: проблематика и художественное своеобразие (1917–1945 гг.): автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.01.01 / О. А. Бузуев; Моск. пед. гос. ун-т. М., 2001. 39 с.; *Букреев А.И*. Книжные собрания русских эмигрантов и репатриантов из Китая в коллекциях стран Азиатско-Тихоокеанского региона: автореф. дис. … канд. ист. наук: 05.25.04 / А.И. Букреев; Гос. публ. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния РАН. Новосибирск, 2000. 21 с.; *Геворкян М.Л.* Педагогические основы развития мигрантской педагогики в России и США :автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / М.Л. Геворкян; Рост. гос. пед. ун-т. Саратов, 2001. 23 с.; *Говердовская Л.Ф*. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Л.Ф. Говердовская; Моск. гос. автомоб.-дор. ин-т (техн.ун-т). М., 2000. 29 с.; *Гришунькина М.Г.* Профессиональные объединения российских юристов в эмиграции в 1920–1930-е гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / М.Г. Гришунькина; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2005; *Гулюкина О.Н.* Проблемы нравственного воспитания в философско-педагогической мысли русского эмигрантского зарубежья: 20–40-е г. XX в.: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / О.Н. Гулюкина; Моск. пед. гос. ун-т. М., 2001. 16 с.; *Гуревич А.Л.* Культурно-религиозная деятельность русской эмиграции: по материалам истории Русского студенческого христианского движения: автореф. дис. … канд. ист. наук: 24.00.01 / А.Л. Гуревич; Рос. гос. гуманит. ун-т. М., 2005. 27 с.; *Дельвин С.Б.* Становление и развитие культуры русского зарубежья: На материале жизни и творчества детей эмиграции первой волны: автореф. дис. … канд. искусствоведения: 17.00.08; 10.01.02 / С.Б. Дельвин; Рос. акад. управления. М., 1991. 20 с.; *Еременко Л.И.* Русская эмиграция как социально-культурный феномен: автореф. дис. … канд. филос. наук: 17.00.08 / Л. И. Еременко; Рос. акад. управления. М., 1993. 22 с.; *Иванова Р.А.* Русская школа в Эстонии: историко-педагогический анализ организации и идеологии: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / Р.А. Иванова; Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. СПб., 2005. 18 с.; *Калиниченко Е.В.* Положение русскоязычного населения в странах Прибалтики в межвоенный период (1918–1939 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.В. Калиниченко; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2005. 28 с.; *Каштанова Е.В.* Русская художественная колония в Италии как феномен культурных связей России и Европы первой половины XIX века: автореф. дис. … канд. культурологии: 24.00.01 / Е.В. Каштанова; Моск. гос. ун-т культуры и искусств. М., 2003. 21 с.; *Косорукова М.И.* Национальная идея и ее роль в развитии русской культуры за рубежами России: (20–30-е гг. XX века): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / М. И. Косорукова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2004. 23 с.; *Кривошеева Е.Г.* Российская послереволюционная эмиграция накануне и в период Второй мировой войны:

темы. В основном они посвящены процессам социальной адаптации эмигрантов в межвоенные годы, как исследования Ю.И. Руденцовой,[154] Л.Ф. Анн-Вилсон, Е.Е. Аурилене,[155] Я.Л. Писаревской,[156] С.В. Смирнова.[157] Гуманитарная деятельность затрагивалась в этих диссертациях эпизодически, лишь в качестве одного из факторов, влиявших на адаптационные процессы русских диаспор. В этом контексте авторы изучали деятельность российских общественных организаций, восстановивших или продолживших свою работу в изгнании и пытавшихся оказывать помощь российским беженцам. Единственным исследованием в этом ряду, посвященным благотворительности как неотъемлемой части более широкого явления гуманитарной деятельности, стала диссертация С.С. Ипполитова «Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в

автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Е.Г. Кривошеева; Моск. пед. гос. ун-т. М., 2003. 40 с.; *Кубанова Л.Г.* Журналы «Русская книга» и «Новая русская книга» в диалоге литератур метрополии и эмиграции: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Л.Г. Кубанова; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. М., 1996. 21 с.; *Кузнецова Т.В.* Центры русского книжного дела в Китае в 1917– 1949 гг.: автореф. дис. … канд. пед. наук: 05.25.04 / Т.В. Кузнецова; Гос. публ. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния РАН. Новосибирск, 1999. 22 с.; *Парфенова Е.Б.* Казачья эмиграция в Европе в 1920-е годы: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.Б. Парфенова; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. М., 1997. 26 с.; *Писаревская Я.Л.* Российская эмиграция северо-восточного Китая: социально-политический состав, быт, реэмиграция: середина 1920-х – середина 1930-х гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Я.Л. Писаревская; Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 2002. 23 с.; *Рябова В.И.* Российская эмиграция в Африке в 1920–1945 гг.: институционализация и деятельность: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / В.И. Рябова; Моск. пед. гос. ун-т. М., 2005. 24 с.; *Сарапас В.Л.* Проблема социальной адаптации мигрантов к иной этнокультурной среде: автореф. дис. … канд. филос. наук: 22.00.06 / В.Л. Сарапас; Моск. пед. гос. ун-т им. В. И. Ленина. М., 1993. 16 с.; *Смирнов С.В.* Российские эмигранты в Северной Маньчжурии: (начало 1920-х гг. – 1945 г.): проблема социальной адаптации: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / С.В. Смирнов; Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2002. 24 с.

[154] *Руденцова Ю.И.* Социальная адаптация российской эмиграции во Франции: (1920–1930-е гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю.И. Руденцова. М., 2000. 209 с.

[155] *Аурилене Е.Е.* Российская эмиграция в Китае: (1920–1950-е гг.). автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Е.Е. Аурилене; Хабар. гос. пед. ун-т. Хабаровск, 2004. 46 с.

[156] *Писаревская Я.Л.* Российская эмиграция северо-восточного Китая: социально-политический состав, быт, реэмиграция: середина 1920-х – середина 1930-х гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Я.Л. Писаревская; Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 2002. 23с.

[157] *Смирнов С.В.* Российские эмигранты в Северной Маньчжурии: (начало 1920-х гг. – 1945 г.): проблема социальной адаптации: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / С.В. Смирнов; Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2002. 24 с.

эмиграции, 1918–1924 гг.».[158] Автором на основе ранее не вводившихся в научный оборот источников из фонда Временного главного управления Российского общества Красного Креста, хранящегося в ГА РФ, были изучены ранее неизвестные факты деятельности этой гуманитарной организации в период Гражданской войны, имевшие место на территории Сибири, Дальнего Востока и Украины.

В числе упомянутых пятидесяти диссертаций, затрагивающих российскую гуманитарную деятельность, следует выделить работы, посвященные русскому издательскому делу, русскоязычной публицистике, деятельности русских библиотек в эмиграции. Таких исследований очень мало; русское книжное дело в изгнании изучено недостаточно хорошо, в то время как его гуманитарную составляющую трудно переоценить. Среди авторов, профессионально занимавшихся изучением русского издательского дела в эмиграции необходимо выделить А.Г. Катаеву и её диссертацию на эту тему «Русская издательская деятельность в Германии 1920-х гг.».[159] Несколько ранее А.Г. Катаевой в соавторстве была подготовлена монография по этой проблеме под названием «Не могу оторваться от России...: Русские книгоиздатели в Германии в 1920-х гг.».[160] В этих работах на богатом архивном материале исследовался процесс зарождения и становления русского издательского дела в Германии, его влияние на процессы адаптации беженцев, гуманитарное влияние на жизнь русских колоний, причины и последствия угасания. Здесь же следует упомянуть исследования Л.Г. Кубановой «Русская книга» и «Новая русская книга» в диалоге литератур

---

[158] *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции, 1918–1924 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / С.С. Ипполитов. М., 2000. 195 с.

[159] *Катаева А.Г.* Русская издательская деятельность в Германии 1920-х гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Г. Катаева. М., 2000. 254 с.

[160] *Ипполитов С.С., Катаева А.Г.* «Не могу оторваться от России…»: Русские книгоиздатели в Германии в 1920-х гг. М., 2000.

метрополии и эмиграции»[161] и Т.В. Кузнецовой «Центры русского книжного дела в Китае в 1917– 1949 гг.»,[162] а также кандидатскую диссертацию А.В. Лысенко «Эволюция русскоязычной прессы Берлина: от противостояния к культурно-политическому диалогу с Советской Россией: (1919–1922 гг.)»,[163] в которой, помимо прочего, изучался интереснейший феномен, подмеченный еще в исследовании А.Г. Катаевой: взаимодействие, сотрудничество и взаимовлияние русского издательского дела в изгнании с книжным делом Советской России, имевшее место на сравнительно коротком отрезке времени в самом начале 1920-гг. Парадоксальным образом русское книжное дело, как неотъемлемая часть гуманитарного контекста, потребовало на определенном историческом этапе объединения усилий советского и эмигрантского издательского сообщества. Казалось бы, непримиримые и абсолютно идеологически чуждые стороны сумели найти возможность для краткого сотрудничества, что позволило насытить разрушенную гражданской войной страну качественной литературой. Особенно в этой связи интересным стало изучение книгоиздательской деятельности З.И. Гржебина и А.М. Горького, чьи совместные издательские проекты приобрели в этот период особый размах.

Проблемам сохранения российского образования в чуждой социокультурной среде посвящены диссертационные исследования Н.А. Макеевой «Высшее образование российской молодежи в условиях эмиграции «первой волны»: (20–30-е гг. XX в.)»;[164] С.Н. Мурашевой «Педагогическое наследие русской зарубежной диаспоры в период с 1919 по 1929 годы: На

---

[161]*Кубанова Л.Г.* «Русская книга» и «Новая русская книга» в диалоге литератур метрополии и эмиграции»: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Л.Г. Кубанова; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. М., 1996. 21 с.

[162]*Кузнецова Т.В.* Центры русского книжного дела в Китае в 1917– 1949 гг.: дис. … канд. пед. наук: 05.25.04 / Т.В. Кузнецова. Новосибирск, 1999. 281 с.

[163]*Лысенко А.В.* Эволюция русскоязычной прессы Берлина: от противостояния к культурно-политическому диалогу с Советской Россией: (1919– 1922 гг.): дис. … канд. филол. наук: 10.01.10 / А.В. Лысенко. М., 2000. 205 с.;

[164]*Макеева Н.А.* «Высшее образование российской молодежи в условиях эмиграции «первой волны»: (20–30-е гг. XX в.)»: дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / Н.А. Макеева. Саранск, 2003. 226 с.

примере Чехословакии, Болгарии, Королевства сербов, хорватов и словенцев»[165] и А.В. Сурина «Формирование и деятельность национальных образовательных центров в российском зарубежье: (1920-е годы)».[166] Гуманитарная значимость русского образования для сохранения национальной и культурной идентичности в условиях чуждой среды стала очевидна с первых дней и месяцев возникновения российской эмиграции. Преодоление языкового барьера, необходимость продолжать прерванную на родине учебу, получать новую профессию и адаптироваться в новой инокультурной реальности – весь этот спектр гуманитарных проблем беженцев требовалось решать в кратчайшие сроки через создание системы образования на русском языке всех уровней.

Деструктивным процессам, происходившим в среде российской эмиграции в 1920-1930-х гг., посвящена диссертация К.В. Львова «Процессы маргинализации в среде российской эмиграции во Франции и Германии: 1920 - 1939 гг.».[167] На основе анализа эмигрантской прессы того периода и источников из российских архивов автор исследовал «пограничное состояние», в котором оказывалась значительная часть русских беженцев на определенном этапе своей адаптации в новом обществе. Эта «пограничность» проявлялась в дезадаптации, социальном падении, духовном и ментальном кризисе личности. Человек, подвергавшийся в изгнании многочисленным стрессовым ситуациям, не всегда имел в себе моральные силы противостоять возникающим вызовам, постепенно пускаясь на общественное дно – маргинализируясь. Крайней стадией такой дезадаптации становился суицид, когда достигался предел человеческих возможностей в противостоянии с внешними и внутренними

[165]*Мурашева С.Н.* Педагогическое наследие русской зарубежной диаспоры в период с 1919 по 1929 годы: На примере Чехословакии, Болгарии, Королевства сербов, хорватов и словенцев: дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / С.Н. Мурашева. Архангельск, 2002. 158 с.

[166]*Сурин А.В.* Формирование и деятельность национальных образовательных центров в российском зарубежье: (1920-е годы): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / А.В. Сурин. М., 2005. 227 с.

[167]*Львов* К.В. Процессы маргинализации в среде российской эмиграции во Франции и Германии: 1920 - 1939 гг.: дисс. канд. ист. наук: М., 2002.

деструктивными факторами. К.В. Львов в своем диссертационном исследовании выделял экономические, правовые, морально-психологические факторы, оказывавшие разрушительное воздействие на личность эмигрантов, провоцируя их на нарушение закона или перманентное саморазрушение. Действительно, роль правовых и экономических причин в процессе адаптации беженцев трудно переоценить. Нищета и бесправие – общая трагедия, которую довелось пережить подавляющему большинству эмигрантов. Вместе с тем, усиленный акцент, сделанный автором исследования именно на этих двух составляющих адаптационного процесса, драматично упрощает сложнейшие гуманитарные явления, имевшие место в эмигрантской среде. Автор много и подробно описывает негативные тенденции в поведении тех или иных групп или персон, внимательно изучает криминальные эксцессы в эмигрантском сообществе, анализирует морально-нравственное состояние беженцев. Вместе с тем, изучение маргинализации определенной части эмигрантского сообщества в исследовании К.В. Львова полностью оторвано от понимания места и роли гуманитарной деятельности в этом процессе. В диссертации не сделана попытка изучить роль образования и просвещения как инструментов противодействия деструктивным явлениям; не исследована роль русской прессы и русской книги в сохранении национальной и культурной идентичности эмигрантов – идентичности, являющейся одним из самых сильных «якорей», удерживающих личность от распада. Не изучена и роль общественных организаций, осуществлявших в исследуемый период гуманитарную деятельность в Германии и Франции, в деле «удержания» членов эмигрантского сообщества от падения на социальное или духовное дно.

Характерна в этом смысле и диссертация Ю.И. Руденцовой «Социальная адаптация российской эмиграции во Франции: (1920–1930-е гг.)».[168] Автор проделал значительную работу, исследовав комплекс

[168] *Руденцова Ю.И.* Социальная адаптация российской эмиграции во Франции: (1920–1930-е гг.): дис. канд. ист. Наук. М., 2000. 209 с.

архивных источников и французской русскоязычной прессы обозначенного периода. Деятельность российских общественных организаций, в том числе и благотворительная, была изучена и описана в достаточном объеме. Автор подробно остановился на исследовании экономических аспектов социальной адаптации российской эмиграции во Франции: рынка труда, трудовой миграции и трудоустройстве эмигрантов; предпринимательстве как факторе социальной адаптации. Гуманитарная деятельность общественных и профессиональных организаций российской эмиграции, а также русской и средней школы, исследовались в качестве одного из весомых факторов социальной адаптации. Вместе с тем, изложение богатого фактического материала, почерпнутого из качественных источников, носит в диссертационном исследовании фрагментарный характер. Важнейшие гуманитарные процессы, происходившие в этот период в эмигрантской среде, не получили должного осмысления. Автор исследовал адаптацию мигрантов как некий линейный процесс, подверженный экономическим, правовым и иным внешним воздействиям. Гуманитарное «наполнение» адаптационного процесса не было исследовано вовсе: автор, справедливо отмечая значимость русских средних и профессиональных школ, обходит своим вниманием вопросы культурной идентичности, языка, национального самосознания, исторической и культурной общности людей. По сути автор исследовал лишь гуманитарную «оболочку» адаптационного процесса, не затронув его скрытой, глубинной сущности.

Особое место в историографии, посвященной гуманитарным процессам в среде российской эмиграции, занимают исследования З.С. Бочаровой.[169] В

[169] *Бочарова З.С.* Движение за возвращение на родину в российской эмиграции: (1920-е гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.01 /З.С. Бочарова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1994. 25 с.; *Бочарова З.С.* Социально-правовая адаптация российской эмиграции 1920–1930-х годов: исторический анализ: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / З.С. Бочарова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2005. 48 с.; *Бочарова З.С.* Национальная идентичность в эпоху глобальных миграций / Актуальные проблемы глобальных исследований: Россия в глобализирующемся мире: Сборник научных трудов участников VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М., 2019. С. 387; *Бочарова З.С.* Пути и формы осуществления социальной

трудах этого автора, пожалуй, впервые в отечественной историографии, были подняты вопросы сохранения мигрантами собственной национальной идентичности, затронуты проблемы взаимовлияния эмигрантских колоний и обществ стран-реципиентов. Так в статье 2020 г. констатируется, что «социальная помощь — это деятельность многоуровневая, разнообразная, которую можно структурировать по различным классификационным признакам: по источникам, видам, формам, характеру, сферам приложения. Важнейшие сферы оказания помощи — естественно-антропологическая, духовно-культурная, профессиональная, гуманитарная».[170] Автор справедливо отмечает, что «на национальном уровне миграционная политика правительств стран-реципиентов эволюционировала от кратковременной к регулярной, связанной с изменением законодательства в соответствии с международными соглашениями. Преодолению дезадаптации способствовала общественная и частная благотворительность».[171]

Изучению идентичности мигрантов в глобальном мире, взаимовлиянию мигрантов и стран-реципиентов, посвящено исследование З.С. Бочаровой «Пути и формы осуществления социальной помощи в русском зарубежье (к теории вопроса)». Автор справедливо отмечает, что «миграция оказывает влияние на идентичность всех акторов, которых затрагивают трансграничные перемещения. Прозрачность национально-государственных границ, создает условия для размывания идентичности. Встает задача ее сохранения и воспроизводства, что реализуется посредством различных каналов. Один из самых действенных – через образование, когда происходит изучение языка и литературы, истории и географии страны, передача ценностных установок, что доказано экспериментально».[172]

помощи в русском зарубежье (к теории вопроса) // ЭНОЖ «История». М., 2020. Том 11 Выпуск 2 (88).

[170] *Бочарова З.С.* Пути и формы осуществления социальной помощи в русском зарубежье (к теории вопроса) // ЭНОЖ «История». М., 2020. Том 11 Выпуск 2 (88).

[171] *Там же.* С. 7.

[172] *Бочарова З.С.* Национальная идентичность в эпоху глобальных миграций / Актуальные проблемы глобальных исследований: Россия в глобализирующемся мире: Сборник

Определенный вклад в изучение российской гуманитарной деятельности в период Гражданской войны и в эмиграции внес автор данного диссертационного исследования. За период с 1994 по 2020 гг. автором подготовлен и опубликован целый ряд статей, монографий и учебных пособий, в центре внимания которых оказывались различные аспекты этого многогранного явления, а также защищена кандидатская диссертация на эту тему. В 1994 г. вышло в свет учебное пособие «Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения)»,[173] которое стало едва ли не первым изданием, подробно описавшим гуманитарную деятельность российских организаций в Константинополе в первоначальный, самый драматический и тяжелый период изгнания. Подробному изучению подверглась деятельность Центрального объединенного комитета русских общественных организаций: Российского общества Красного Креста, Всероссийского союза городов и Земгора.

Гуманитарная деятельность российского бизнеса в эмиграции, в числе прочего, была изучена в работах «Российское предпринимательство в эмиграции: 1918-1925 гг.»[174] и «Российское предпринимательство в эмиграции. 1918 – 1930 гг. Программа спецкурса».[175]

Гуманитарная деятельность на территории России в период Гражданской войны и в начальный период эмиграции была подробно освещена в статьях «Деятельность благотворительных организаций в белом

научных трудов участников VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М., 2019. С. 387.

[173]*Пивовар Е.И., Голотик С.И., Евсеева Е.Н., Ипполитов С.С., Карпенко С.В*. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). Учебное пособие для студентов. М., 1994. С. 11-52.

[174]*Грибенчикова О.А., Ипполитов С.С., Карпенко С.В.* Российское предпринимательство в эмиграции: 1918-1925 гг. // Гуманитарное образование в России: новые горизонты. Тезисы научно-практической конференции по межвузовской научно-технической программе «Университеты России». М., 1995. С. 31-32.

[175]*Ипполитов С.С.* Российское предпринимательство в эмиграции. 1918 – 1930 гг. Программа спецкурса // История России. XX-XXI века. Программы спецкурсов. М.: РГГУ, 2002. С. 39-42.

тылу и в эмиграции в 1918-1922 гг.»;[176] «Российское общество Красного Креста (1917-30-е гг.)».[177] Источниковой базой для этих статей стали документы фонда Российского общества Красного Креста из материалов Пражского архива, хранящегося сегодня в ГА РФ.

Гуманитарным аспектам адаптационных процессов в среде российских колоний в Европе, процессам ассимиляции, интеграции беженцев в чужую социокультурную среду, стремлению сохранить национальные традиции, культуру и язык был посвящен цикл трудов. На рубеже 1990-2000-х гг. в нью-йоркском «Новом журнале» вышла в свет статья «Русские беженцы во Франции»;[178] в 1999 г. была опубликована коллективная монография «Три столицы изгнания. Константинополь. Берлин. Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг.»,[179] в 2003-м – учебное пособие «История России (российская эмиграция: интеграция в европейское общество в 1920 – 1930-х гг.)»,[180] а в 2004 г. – монография автора «Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс»,[181] входящая сегодня пятерку наиболее цитируемых монографий по истории российской эмиграции (по данным РИНЦ). Однако, несмотря на высокую цитируемость, сегодня уже очевидно, что названное исследование содержит целый ряд существенных недостатков, заметно снижающих его научную значимость. Так, изучение гуманитарной деятельности российских общественных организаций, русского бизнеса,

---

[176] *Ипполитов С.С.* Деятельность благотворительных организаций в белом тылу и в эмиграции в 1918-1922 гг. // Российское зарубежье. Итоги и перспективы изучения. Тезисы докладов и сообщений научной конференции 17 ноября 1997 г. С. 31-32.

[177] *Ипполитов С.С., Голотик С.И.* Российское общество Красного Креста (1917-30-е гг.) // Новый исторический вестник. М., 2001. № 2. С. 237-250.

[178] *Ипполитов С.С.* «Русские беженцы во Франции» // Новый журнал. Нью-Йорк, 1999. № 217. С. 179-191.

[179] *Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Три столицы изгнания. Константинополь. Берлин. Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. М., 1999.

[180] *Ипполитов С.С.* История России (российская эмиграция: интеграция в европейское общество в 1920 – 1930-х гг.): Учебно-методический модуль / М-во образования Рос. Федерации. Рос. гос. гум. ун-т. - М.: Изд-во Ипполитова, 2003. – 319 с. – (серия «Я иду на занятия»).

[181] *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М.: Издательство Ипполитова, 2004. 368 с.

деятелей и подвижников культуры и образования в монографии не носит системного характера, а вписано в контекст исторического исследования. Гуманитарная деятельность не изучается как самостоятельный феномен, как причина, следствие и неотъемлемое условие национально-культурного выживания заброшенных на чужбину людей. Недостаточно изученными остались в монографии и вопросы гуманитарного сотрудничества российских и иностранных общественных и гуманитарных организаций, хотя источники о таком сотрудничестве в российских архивах хранятся в избытке. По названным причинам следует признать, что монография на сегодняшний день является устаревшей, и требует серьезной и радикальной переработки.

Русскому книжному делу в эмиграции были посвящены два исследования: «Гржебин Зиновий Исаевич»[182] и монография «Не могу оторваться от России…». Русские книгоиздатели в Германии в 1920-х гг.»[183] Первое из них касалось издательской деятельности З.И. Гржебина, известного российского книгоиздателя, на определенном этапе ставшего деловым партнером А.М. Горького в деятельности издательства «Всемирная литература». В монографии «Не могу оторваться от России…» подробно изучены этапы становления российского, русскоязычного книгоиздания в Германии в начале 1920-х гг. Русское издательское дело изучалось не только и не столько как бизнес и технологический процесс, но и как мощный гуманитарный фактор социальной адаптации беженцев, как условие сохранения ими собственной национальной и культурной идентичности. Германия в начале 1920-х гг. представляла в экономическом смысле благоприятное место для эмиграции и развития бизнеса. Низкий курс немецкой марки, общий экономический кризис в стране и, как следствие, значительное количество высококвалифицированных рабочих на рынке труда, стремительно разраставшаяся русская колония, наличие в стране

[182]*Ипполитов С.С.* Гржебин Зиновий Исаевич. // Новый исторический вестник. М., 2003. № 1. С. 143-167.
[183]*Ипполитов С.С., Катаева А.Г.* «Не могу оторваться от России…». Русские книгоиздатели в Германии в 1920-х гг. М., 2000.

российских военнопленных Первой мировой войны – эти и целый ряд иных факторов обеспечили российским книгоиздателям комфортные условия для создания и развития книжного дела. Высокий спрос на русскую книгу в самой Германии, возможность экспорта не только в европейские страны, но и в Советскую Россию, гарантировали российским издателям в Германии устойчивый доход. По этим причинам начало 1920-х гг. стало периодом расцвета русского книгоиздания в этой стране, который, к сожалению, продлился недолго – стабилизация немецкой марки и резкое сокращение русской колонии повлекли за собой разорение большинства российских книгоиздательских фирм.

Социокультурной традиции российского образования в эмиграции посвящена монография А.В. Семченко.[184] Автор исследовал особенности становления внешкольного образования российской эмиграции первой волны, сущность внешкольного образования как социопедагогического и социокультурного феномена. Педагогическая миссия Русского Зарубежья, по мнению автора, с которым нельзя не согласиться, состояла «в сохранении национальной, духовной, языковой и ментальной среды, в развитии традиционной русской культуры и науки, которые не могли получить продолжения на Родине. Внешкольное образование стало ведущим фактором преодоления денационализации – тревожного явления, которое было замечено и описано многими видными деятелями зарубежья».[185]

Гуманитарным проблемам интеграции российских беженцев в социокультурную среду стран пребывания, сохранению ими собственной национальной и культурной идентичности посвящен цикл статей Л.В. Климович: «Вклад русской школы в формирование национально-культурной идентичности молодого поколения эмиграции в 20-30-е гг. XX века (на материалах русской средней школы-гимназии в Париже)»; «Праздники

[184] *Семченко А.В.* Российская эмиграция: Социокультурные традиции образования. М., 2002.
[185] *Семченко А.В.* Российская эмиграция: Социокультурные традиции образования. М., 2002. С. 4.

российской эмиграции как отражение исторического кода дореволюционной России (1920-1930-е гг.)»; «Формы сохранения культурной идентичности молодым поколением российских эмигрантов в 1920-1930-е гг.»[186] Отличительной особенностью этих статей стало широкое использование эпистолярных источников. Праздники и скаутское движение, образование и молодежные общественно-политические организации рассматривались автором в качестве системных факторов сохранения национальной идентичности, консолидации эмигрантского сообщества, и, особенно, его молодого поколения, наиболее подверженного процессу денационализации. Нравственное, духовное, физическое воспитание русской молодежи в эмиграции рассматривалось нашими соотечественниками в изгнании как неотъемлемая часть более общего процесса: сохранения собственной культурной идентичности в инокультурной среде.

Становлению и адаптации украинской и белорусской диаспор в эмиграции посвящена серия статей белорусской исследовательницы О.В. Коваль «Белорусско-язычная Виленская периодика как исторический источник по истории украинской диаспоры (1918-1939)»; «Межвоенная эмиграция белорусского и украинского населения в Канаду»; «Общие проекты молодежи белорусской и украинской диаспор (1918-1939)»; «Освещение жизни белорусской и украинской диаспор на страницах белорусской эмигрантской периодики»; «Особенности сотрудничества белорусской и украинской эмиграции в странах Латинской Америки (1918-1939)».[187] Автор поставил перед собой цель осветить гуманитарную жизнь

---

[186]*Климович Л.В.* Вклад русской школы в формирование национально-культурной идентичности молодого поколения эмиграции в 20-30-е гг. XX века (на материалах русской средней школы-гимназии в Париже) // Научный диалог. 2016. №8 (56); *Климович Л.В.* Праздники российской эмиграции как отражение исторического кода дореволюционной России (1920-1930-е гг.) // Научный диалог. 2017. №11; *Климович Л.В., Лукичева Л.Ю.* Формы сохранения культурной идентичности молодым поколением российских эмигрантов в 1920-1930-е гг. // История: факты и символы. 2016. №4 (9).

[187]*Коваль О.В.* Белорусско-язычная Виленская периодика как исторический источник по истории украинской диаспоры (1918-1939) // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2015. №5 (178); *Коваль О.В.* Межвоенная эмиграция белорусского и украинского населения в Канаду // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2010. №5; *Коваль О.В.*

двух национальных диаспор в межвоенный период в Канаде и Латинской Америке. Первое, что бросается в глаза при чтении статей, это некоторая искусственность увязки белорусской и украинской диаспор. Популярный в последние годы тренд в историографии постсоветского пространства по обособленному изучению национальных сообществ в отрыве от истории Российской Империи – Советской России – СССР понятен и объясняется существующей политической конъюнктурой. Но изучение эмигрантской жизни одновременно двух национальных диаспор в отрыве от процессов, происходивших в тот же период в общности, называемой Русское Зарубежье, представляет собой нечто новое. Возможно, объяснение такой авторской позиции кроется в масштабе изучаемых процессов. Так, О.В. Коваль отмечает, что за 1919-1939 гг. в Канаду эмигрировало около 15 тыс. белорусов,[188] в то время как за тот же период времени эмиграция в Канаду из Западной Украины превысила 100 тыс. человек. Остается без ответа и вопрос, на основании каких источников автор исчислял численность национальных диаспор. Автор отсылает читателя к монографии С.П. Качарабы «Еміграція в Заходноі Украіни 1919-1939»,[189] не подвергая приведенные данные какой-либо критике. Вместе с тем, хорошо известно, насколько условным в тот исторический период было деление бывших подданных Российской Империи на русских, украинцев и белорусов. Вот, например, как происходило «национальное самоопределение» в среде российских военнопленных в одном из германских лагерей: «На третий день после прибытия в лагерь русских военнопленных комендант получил

Общие проекты молодежи белорусской и украинской диаспор (1918-1939) // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2013. №5; *Коваль О.В.* Освещение жизни белорусской и украинской диаспор на страницах белорусской эмигрантской периодики // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2008. №5; *Коваль О.В.* Особенности сотрудничества белорусской и украинской эмиграции в странах Латинской Америки (1918-1939) // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2014. №5 (169).

[188]*Коваль О.В.* Межвоенная эмиграция белорусского и украинского населения в Канаду // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2010. №5. С. 72.

[189]*Качараба С.П.* «Еміграція в Заходноі Украіни 1919-1939» / С.П. Качараба. - Львів: Львівський націоальний уінверситет імені Івана Франка, 2003. - 416 с.

предписание немедленно выделить в украинский лагерь (в немецкий Яблонец) всех уроженцев Украинской Республики.[190] С предписанием был прислан какой-то апокрифический список областей, на которые распространяются суверенные права украинской государственности. Комендант приказал изготовить список лиц, подлежащих отправке в украинский лагерь, а когда новосозданные "украинцы" категорически заявили, что они русские, и лагеря ни в коем случае не покинут, то комендант объявил, что занесенные в список лица будут отправлены из лагеря под конвоем силой. Лишь благодаря энергичному вмешательству… доктора Е.И. Канского, удалось принудить коменданта отказать от оправки в украинский лагерь "украинцев" из Воронежской, Курской губерний и областей Войска Донского и Кубанского».[191]

Размышляя о судьбе украинской и белорусской диаспор в Аргентине, О.В. Коваль продолжает следовать выбранной методике, оставляя за рамками своего исследования глобальные процессы, происходившие и в мире, и в среде российской эмиграции. Так, в статье не упоминаются причины массового переселения эмигрантов в страны Латинской Америки в конце 1920-х – начале 1930-х гг.; не затрагивается политика латиноамериканских правительств, направленная на привлечение русскоговорящих фермерских семей на необработанные земли Аргентины, Парагвая, Уругвая, подробно описанная, в частности, современником событий, русским публицистом К.К. Парчевским, не оставившем в своем обширном творческом наследии воспоминаний о каких-либо обособленных белорусских или украинских колониях в Латинской Америке.[192] Изучая в целом качественные и информативные статьи белорусского автора, приходится с сожалением констатировать, что процесс обособления и фрагментации исторического

---

[190] Украинская Народная Республика, УНР — государственное образование в федеративной связи с Российской республикой, провозглашённое III Универсалом Украинской Центральной рады 7 (20) ноября 1917 года, после свержения Временного правительства России.

[191] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 80-81.

[192] *Парчевский К.К.* В Парагвай и Аргентину. Очерки Южной Америки. Париж. 1936.

знания, набирающий обороты на просторах постсоветского пространства, затронул и белорусских историков, что неизбежно влечет за собой снижение научного уровня местной историографии.

Схожая тенденция – манипулирование географическими и этническими определениями – прослеживается в статьях украинского автора из Сумского государственного университета В.Н. Власенко.[193] Автор исследует гуманитарную деятельность в эмиграции, в частности, Украинского общества Красного Креста в Румынии, но если читатель попробует понять, что именно подразумевает автор под определением «украинская эмиграция», он будет вынужден обратиться к такому предложенному автором определению: «речь идет о политически мотивированной, идеологически определившейся, организационно структурированной части эмиграции, которая исповедовала идею восстановления украинской государственности в различных ее формах».[194] Это вполне добротное определение, которое даёт представление о научной цели автора. Но дальше по тексту статьи мы не находим ни фактов «идеологической определённости», ни сведений о «политической мотивации» или «организационных структурах». Напротив, автор переходит к расширительному толкованию собственного определения «украинская политическая эмиграция», относя к ней практически всех «уроженцев и жителей Украины», включая бывших военнопленных Первой мировой войны, крестьян и военнослужащих белых армий, так или иначе связанных с территорией Украины.[195] Такая позиция является, на наш взгляд, манипулятивной, когда под заранее заданную концепцию подводятся

---

[193]*Власенко В.Н.* Вторая волна межвоенной Украинской политической эмиграции в Румынии (зима-весна 1920 г.) // Русин. 2014. №2 (36); *Власенко В.Н.* Третья волна межвоенной украинской политической эмиграции в Румынии // Русин. 2014. №4 (38); *Власенко В.Н.* Украинская эмигрантская периодика в межвоенной Румынии // Русин. 2018. №3 (53); *Власенко В.Н.* Формирование украинской политической эмиграции в Румынии в межвоенный период (первая волна) // Русин. 2014. №1 (35).

[194]*Власенко В.Н.* Формирование украинской политической эмиграции в Румынии в межвоенный период (первая волна) // Русин. 2014. №1 (35). С. 107.

[195]*Власенко В.Н.* Указ. соч. С. 108.

определенные исторические факты, далеко не всегда подтверждающие заявленную автором в заглавии точку зрения.[196]

В этом смысле значительно более научную позицию занимают статьи аспирантки Кубанского государственного университета А.А. Микуленок «День русского инвалида в Польше в 1920-1930-е гг.»; «День русской культуры в лимитрофных государствах в 1924-1939 гг.»; «Особенности положения русскоязычного населения на «Восточных кресах» в 1920-1930-е гг.»; «Проблема урегулирования правового положения российских эмигрантов в Польше в 1920-е гг.»; «Проблема получения высшего образования российскими эмигрантами в Польше в 1920-1930-е гг.»; «Российское зарубежье и день русского ребенка в конце 1920-х-1939 годах»; «Положение детей-эмигрантов из России лимитрофных государствах в 1920-е годы»; «Проблема денационализации русских детей в Польше и способы борьбы с ней в 1920-1930-е гг.».[197]Автор углублённо занимается изучением российской гуманитарной деятельности в Польше и других сопредельных Российской Империи государствах, уделяя особое внимание сохранению культурных традиций и нематериального наследия, причем делает это на материалах Государственного архива РФ. Отмечая наиболее острую проблему молодежи российского зарубежья – денационализацию – автор

---

[196] *Ипполитов С.С.* Российские гуманитарные организации на рынке труда Германии как фактор адаптации российских беженцев в 1919-1920-х гг. // Человек и культура. 2020. № 1. С. 110-122.

[197]*Микуленок А.А.* День русского инвалида в Польше в 1920-1930-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2018. №1; *Микуленок А.А.* День русской культуры в лимитрофных государствах в 1924-1939 гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. №2 (40); *Микуленок А.А.* Особенности положения русскоязычного населения на «Восточных кресах» в 1920-1930-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2015. №6; *Микуленок А.А.* Проблема урегулирования правового положения российских эмигрантов в Польше в 1920-е гг. // ИСОМ. 2015. №6-2; *Микулёнок А.А.* Проблема получения высшего образования российскими эмигрантами в Польше в 1920-1930-е гг. // Вестник КГУ. 2016. №1; *Микуленок А.А.* Российское зарубежье и день русского ребенка в конце 1920-х-1939 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. №3 (156); *Микуленок А.А.* Положение детей-эмигрантов из России лимитрофных государствах в 1920-е годы // Вестник ТГПУ. 2018. №5 (194); *Микуленок А.А.* Проблема денационализации русских детей в Польше и способы борьбы с ней в 1920-1930-е гг. // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. №2 (244).

рассматривает её в контексте общих социокультурных и экономических процессов, происходивших в тот период и в мире, и в эмигрантском сообществе. А.А. Микуленок изучает повседневную жизнь российского ребенка и подростка, вынужденного с ранних лет зарабатывать на жизнь на улицах и предприятиях европейских городов, и попадающего вследствие этого под влияние маргинальных слоёв местного населения. Автор исследует роль российских – Земгора, Российского общества Красного Креста – и международных гуманитарных организаций в противодействии этим разрушительным процессам. Так, автор приводит малоизвестный факт, почерпнутый из архивного источника, об оригинальном способе оказания материальной помощи детям беженцев – через распространение фотокарточек русских детей со сведениями об их жизни и биографии. По данным источника, эта акция имела успех, и позволила привлечь заметные средства для нужд детского отдела Российского общества Красного Креста.[198] При этом автор не предпринимает попыток искусственного разделения российских диаспор по этническому, языковому, культурному или политическому принципу, изучая весь комплекс социокультурных факторов, как внешних, так и внутренних, оказывавших влияние на адаптационные процессы в эмигрантской среде.

Очередной, не слишком удачной, попыткой исследования российской гуманитарной деятельности в эмиграции стала брошюра И.О. Костиной «Библиотечное дело в российском зарубежье. 1920-1930-х гг.: персоналии, методика, практика».[199] При первом взгляде на это издание, посвященное русскому библиотечному делу в эмиграции, трудно удержаться от недоумения: оно не содержит выходных данных; отсутствует наименование издателя, города, в котором появился на свет этот труд, международного книжного номера и других обязательных издательских атрибутов. На 40

[198] *Микуленок А.А.* Положение детей-эмигрантов из России в лимитрофных государствах в 1920-е годы // Вестник ТГПУ. 2018. №5 (194). С. 133.
[199] *Костина И.О.* Библиотечной дело в российском зарубежье. 1920-1930-х гг.: персоналии, методика, практика. М., 2005.

страницах этого не слишком объемного исследования автор предпринял попытку изучить процесс формирования научных и образовательных центров Русского Зарубежья, развития издательского дела, создания и деятельности библиотек, ориентированных в своей деятельности на русские колонии в различных странах мира. В своем исследовании М.О. Костина делает ценное наблюдение о роли русских библиотек в процессе адаптации научной интеллигенции, предоставлявших российским изгнанникам из научной и творческой среды не только возможность общения с книгой, но и зачастую становившихся для них единственно возможным местом работы по специальности, приносившим скромный, но постоянный доход.

Автор подробно остановился на описании деятельности русских библиотек в Европе, созданных усилиями российского Земгора и Всероссийского Союза Городов – двух общественных организаций, чью роль в оказании помощи российским беженцам трудно переоценить. В их числе упомянуты Тургеневская библиотека в Париже, Русская публичная библиотека в Белграде, Русская военная библиотека и архив в Белграде, Русская народная библиотека (с 1930 г. им. Т.Г. Масарика) в Праге, Центральная библиотека КВЖД в Харбине и ряд других.

Особый интерес представляют персоналии, малоизвестные российские гуманитарные деятели, ставшие в изгнании организаторами библиотечного дела и хранителями культурного наследия. В исследовании упомянуты В.Д. Брянский, И.А. Якушев, В.Н. Гукалевский, А. Игельстрем, Г.В. Вернадский и целый ряд других малоизвестных широкой публике людей, внесших неоценимый гуманитарный вклад в дело сохранения национальной культуры и языка.

Вместе с тем, за границами исследования оказался целый пласт русского книжного дела в эмиграции: процессы, проходившие в русской издательской среде; ситуация с русской книгой и прессой в лагерях русских военнопленных Первой мировой войны в Европе; формирование библиотек в

школах и высших учебных заведениях, которые становились со временем центрами сохранения и развития русской культуры в зарубежье.

На современном этапе развития отечественной историографии отмечается рост внимания исследователей к сюжетам, связанным с российской гуманитарной деятельностью. Знаковым в этом смысле событием стал выход в свет тематического выпуска Электронного научно-образовательного журнала «История», целиком посвященного благотворительности, культуре и науке Русского Зарубежья. В него вошли статьи, отражающие всю полноту современного состояния историографии гуманитарной деятельности: от действительно профессиональных и качественных статей признанных специалистов в этой области (М.Н. Мосейкина, З.С. Бочарова, М.В. Кротова), до откровенно слабых, компилятивных публикаций, не привносящих в изучение проблемы сколько-нибудь значимого вклада.[200] Так, в статье Е.М. Мироновой, посвященной Российскому обществу Красного Креста, вполне серьезно утверждается, что «Врангелевская эвакуация из Крыма в ноябре 1920 г. завершила Гражданскую войну в России».[201] Вероятно ни автор статьи, ни редакторы этого входящего в международные базы цитирования журнала не

---

[200] *Бочарова З.С.* Пути и формы осуществления социальной помощи в русском зарубежье (к теории вопроса) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 2 (88) DOI: 10.18254/S207987840008779-5; *Мосейкина М.Н.* Миссия Российского общества Красного Креста (старой организации) и частная благотворительность в странах Латинской Америки в 1920-е — 1930-е гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 2 (88) DOI: 10.18254/S207987840008952-6; *Литвиненко С. , Тодорович В. , Шевцова Г. И.* Российское Общество Красного Креста (старой организации) и российские врачи в Сербии между двумя мировыми войнами // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 2 (88) DOI: 10.18254/S207987840008958-2; *Васильев К.К.* История Российского общества Красного Креста (старая организация) в биографиях некоторых ее деятелей // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 2 (88) DOI: 10.18254/S207987840008782-9; *Ковтюх Г.С.* Российская медицинская эмиграция во Франции в 1920-е — 1930-е гг. и ее роль в развитии благотворительности и милосердия // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 2 (88) DOI: 10.18254/S207987840008913-3.

[201] *Миронова Е.М.* Русский Красный Крест за рубежом: организационная структура, международный статус // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 2 (88). DOI: 10.18254/S207987840008950-4

подозревают о гражданской войне в Закавказье, Средней Азии и на Дальнем Востоке в 1920-1922 гг. Определенное недоумение вызывает и утверждение автора о проблемах РОКК в эмиграции, связанных с «отсутствием какой-либо правительственной базы на Родине» (?!), а также о том, что «Совет послов — ядро и костяк Русского зарубежья» (орфография автора сохранена). Впрочем, такие спорные статьи не омрачают наметившейся тенденции: углубленного, внимательного и бережного изучения всех сторон такого многопланового явления, как российская гуманитарная деятельность означенного периода отечественной истории.

Подводя итог в изучении историографии российской гуманитарной деятельности XX-XXI вв., можно сделать некоторые общие выводы.

Во-первых, необходимо констатировать практически полное отсутствие специализированных трудов по названной проблематике. Изучением гуманитарных процессов периода Гражданской войны и эмиграции занимались многие исследователи, однако их интерес к этому явлению носил фрагментарный и эпизодический характер. Российская гуманитарная деятельность изучалась лишь как некий набор несвязанных между собой событий, без попыток осмысления этого феномена в качестве философского, культурного явления, или как формы общественной самоорганизации в условиях острого гуманитарного кризиса. По этой причине корпус доступной историографии очень объемен, однако отыскание в нем необходимой информации по теме диссертационного исследования представляет серьезные трудности.

Во-вторых, изучение российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны и эмиграции осложняется отсутствием системного историографического труда, который обобщил бы значительный массив научной литературы по названной проблеме. Доступные сегодня историографические исследования по теме существенно облегчают научный поиск, однако имеют общеисторический характер.

В-третьих, нельзя не отметить наметившуюся в последнее десятилетие тенденцию по снижению научного уровня публикаций. Труды, затрагивающие драматические события столетней давности, часто стали носить поверхностный, а иногда предвзятый характер. Многие статьи и монографии по истории Гражданской войны и эмиграции носят фрагментарный характер, не учитывают контекст происходивших событий, оперируют вторичной информацией без опоры на первоисточники, нисходят до манипуляций историческим знанием. Думается, такая тенденция в мировой и отечественной науке стала неизбежным следствием политических процессов, происходящих сегодня в разных странах ближнего и дальнего зарубежья. Попытки «переписать историю», расставить «актуальные» текущей политической конъюнктуре акценты, привнести новые смыслы в события первой половины XX века с оглядкой на «требования текущего момента» – все эти тенденции стали очень заметны в современной историографии. Тем важнее сегодня продолжать исследования такой важной и во многом болезненной темы как гуманитарная деятельность, поскольку именно эта область общественной жизни подвергается сегодня наибольшему давлению и стрессу.

§ 1.3. Зарубежная историография российской гуманитарной деятельности в эмиграции

Как уже отмечалось,[202] зарубежная историография, так или иначе имеющая отношение к российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны и эмиграции, довольна скудна. Для иностранных авторов, занимавшихся историей России этого периода, интерес сводился,

[202] *Ипполитов С.С.* Российская гуманитарная деятельность периода Гражданской войны (1917-1921 гг.): Проблемы изучения // Наследие веков. 2019. № 3 (19). С. 33-39.

главным образом, к изучению череды политических и военных событий.[203] Очень точный диагноз сложившейся ситуации в западной историографии Гражданской войны поставил американский исследователь П. Кенез в статье «Западная историография гражданской войны в России»: «К сожалению, ни западные, ни советские историки не уделили каждой из сторон равного внимания, предпочитая изучать деятельность большевиков, а не их врагов. Почти всех историков — независимо от их отношения к событиям — интересовало, как функционировала советская система после революции. Сознательно или неосознанно, но они отвернулись от всего, что было связано с побежденными, равно как и от них самих, сочтя их недостойными

[203] *Bryas, Madeleine* de. Les peuples en marche. Les migrations politiques et iconomiques en Europe depuis la Guerre Mondiale. Paris: Pedone 1926; *Corbet, Charles*. L'opinion frangaise face a Tinconnue russe (1799-1894). Paris: Didier, 1967; *Couratier, E.* Les rues de Boulogne-Billancourt. Paris, 1962. Mimeograph; *Crespelle, Jean-Paul*. La vie quotidienne a Montparnasse a la Grande Epoque, 1905-1930. Paris: Hachette 1976; *Daudet, Ernest*. Histoire de Immigration pendant la Revolution francqise. Vol. 1, De la prise de la Bastille au dixhuit fructidor. 2nd. ed. Paris: Hachette 1905; *Delage, Jean*. La Russie en exil. Paris: Delagrave 1930; Duhamel, Georges, he voyage de Moscou. 32nd ed. Paris: Mercure de France 1928; *Dvinov, B.*L. Politics of the Russian Emigration. Santa Monica, CA: Rand Corporation 1955; *Ennesch, Carmen*. Emigrations politiques d'hier et d'aujourd'hui. Paris: Editions I.P.C., 1946; *Eudi Xenia, Fisher Harold.* Soviet Russia and the West, 1920-1927. A Documentary Survey. Stanford: Stanford University Press г 957; *Graham, Stephen*. Russia in Division. London: Macmillan 1925; *Grierson, Philip*, comp. Books on Soviet Russia, 1917-1942. 1943. Reprint. London: Methuen 1969; *Hollander, Paul.* Political Pilgrims. Travels of Western Pilgrims to the Soviet Union, China and Cuba, 1928-1978. New York and Oxford: Oxford University Press 1981; *Huntington W.C.* The Homesick Million. Russia-out-of-Russia. Boston: The Stratford Co. P. 933; *Jolly, Jean,* dir. ed., Dictionnaire des parlementaires frangais 1889-1940. 8 vols. Paris: Presses universitaires de France 1960-77; *Kerblay, Basile*. "Soviet Studies in Western Europe: France." In The State of Soviet Studies, edited by Walter Z. Laqueur & Leopold Labedz. Cambridge, MA: The M.I.T. Press 1965; *Kowalski, E*. Les immigres au service de la France. Paris: Editions universelles 1938; *Liebich, Andre.* Les mencheviks en exil face a Union sovietique. Montreal: Interuniversity Centre for European Studies 1982; *Luckett, Richard*. The White Generals. New York: The Viking Press 1971; *Mauco, Georges*. Les etrangers en France: leur role dans I'activite economique. Paris: Colin 1932; *Schmidt, Axel*: Emigra. enpolitik. In: Deutsche Politik. 6. 1921; *Schmieden, Werner* vo: Die Fluchtling ilfe des Vol erbundes. In: Handbuch des Internationalen Fluchtlingsrechts. Wien, Stuttg. 1960; *Schmieden, Werner* von: Das Fliiditiins hilfswerk des Volkerbundes. In: Integration. 7. 1960; *Schucking, Julius Lothe*: Die Ver, rigten. In: Eiserne Blatter. 20. 1938; *Steinmann, Friedr.* Russisches Biloangswesen in Deutschland. In: Deutsches Leben in Rusland.1923.

внимания, говоря образно — теми ветвями исторического древа, которые не приносят плодов, а значит, о них можно забыть».[204]

Как уже отмечалось ранее,[205] действительно, качественные труды западных ученых, посвященные исследованию демографических, экономических, политических процессов, происходивших на территориях, подконтрольных белым режимам, не говоря уж об исследовании гуманитарной деятельности, обнаружить практически не удается. Западные исследователи посвящали свои труды, главным образом, изучению внешней[206] и внутренней политики советских властей,[207] тем или иным

---

[204] *Кенез П.* Западная историография гражданской войны в России / П. Кенез // Россия XIX-XX вв.: Взгляд зарубежных историков: пер. с англ. / отв. ред. А.Н. Сахаров. – М. : Наука, 1996 . С. 181-196.

[205] *Ипполитов С.С.* Российская гуманитарная деятельность периода Гражданской войны (1917-1921 гг.): Проблемы изучения // Наследие веков. 2019. № 3 (19). С. 33-39.

[206] *Williams W.A.* American-Russian Relations, 1781-1947. N. Y., 1952*; Schmid A.* Churchill's privater Krieg: Intervention under Konterrevolution im russischen Buergerkrieg, November, 1918 - Marz 1920. Zurich, 1974; *Carley M.* Revolution and Intervention: The French Government and the Russian Civil War, 1917-1919. Kingston, 1983; *Rhodes B.* The Anglo-American Winter War with Russia, 1918-1919. N. Y., 1988*; Kennan G.* Soviet-American Relations, 1917-1920. Princeton, 1956-1958. Vol. 1-2; *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations, 1917-1921. Princeton, 1961-1972; *Carley M.* Revolution and Intervention; The French Government and the Russian Civil War, 1917-1919. Kingston (Ont.), 1981; *Brinkley G.* The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917-1921. Notre Dame, 1966.

[207] *Pipes R.* The Russian Revolution. N. Y., 1990; *Koenker D.* Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton, 1981; *Smith S.A.* Red Petrograd. Cambridge, 1983; *Mandel D.* The Petrograd and the Soviet Seizure of Power. N. Y. 1984; *Hasegawa T.* The February Revolution. Seattle, 1981; *Raleigh D.* Revolution on the Volga. Ithaca, 1986; *Rabinowitch A.* The Bolsheviks Come to Power. N. Y.,1976; *Wildman A.* The End of the Imperial Russian Army. Princeton, 1980-1987. Vol. 1-2; *Wade R.* Red Guards and Worker Militias in the Russian Revolution. Stanford, 1984; *Koenker D., Rosenberg W.* Strikes and revolution in Russia, 1917. Princeton, 1989; *Kenez P.* Civil War in South Russia. 1918: the First Year of the Volunteer Army. Berkeley, 1971); Fitzpatrick Sh. Civil War as a Formative Experience // Bolshevik Culture; Experiment and Order in the Russian Revolution // Ed. A. Gleason, P. Kenez, R. Stites. Bloomington, 1985; Party, State and Society in the Russian Civil War / Ed. D. Koenker, W. Rosenberg, R. Suny. Indiana, 1989; *Footman D.* Civil war in Russia. L., 1961; *Bradley J.* Civil War in Russia, 1917-1920. L., 1975; *Lincoln B.* Red Victory. N. Y., 1989*; Schapiro L.* The Origins of the Communist Autocracy: Political Opposition in the Soviet State: First Phase, 1917-1922. L., 1955; *Rigby T.H.* Communist Party Membership in the USSR, 1917-1967. Princeton, 1968; Lenin's Government: Sovnarkom, 1917-1922. Cambridge, 1978;

политическим течениям,[208] экономическим и социальным проблемам большевистских властей[209] и даже феминизму.[210]

Типичным образцом поверхностного отношения западной историографии к событиям, происходившим на просторах нашей страны в различные исторические эпохи, стала монография Франсуа Бюньона, директора Управления международного права и информации Международного Комитета Красного Креста, с января 1989 по август 1996 гг. занимавшего пост заместителя директора Управления доктрины и права Международного Комитета Красного Креста, а с сентября 1996 г. – генерального делегата МККК по странам Восточной Европы и Средней Азии. Наличие столь громких должностей не уберегло автора от предвзятого и весьма поверхностного отношения к труду исследователя и писателя, взявшего на себя миссию по изучению взаимоотношений Международного

---

[208] The Mensheviks after October: Socialist Opposition and the Rise of Dictatorship. Ithaca, 1987; *Rosenberg W.G.* Liberals in the Russian Revolution. Princeton, 1974.

[209] *Daniels R.* The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge (Mass.), 1960; *Service R.* The Bolshevik Party in Revolution: A Study in Organizational change, 1917-1923. L., 1979; *Keep J.* The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilisation. L., 1976; *Deutscher I.* The Prophet Armed: Trotsky, 1879-1921. N. Y., 1954; Tucker R. Stalin as Revolutionary, 1879-1929: A Study in History and Personality. N. Y., 1974; *Ulam A.* The Bolsheviks: The Intellectual and Political History of the Triumph of Communism in Russia. N. Y., 1965; *Keep J.* Social Aspects of the Russian Revolutionary Era (1917-1923): Recent English Language historiography // East European Quarterly. 1990. Vol. 2, N 2; *Suny R.G.* Toward a Social History of the October Revolution // American Historical Review. 1983. P. 31-52; *Radkey O.* Unknown Civil War in Soviet Russia. Stanford, 1976; *Husband W.* Revolution in the Factory. Oxford, 1990; *Chase W.* Workers, Society and the Soviet State: Labor and Life in Moscow, 1918-1929. Urbana, 1987; *Smith S.* Red Petrograd: Revolution in the factories, 1917-1918. Cambridge, 1983; *Koenker D.* Urbanization and Deurbanization in the Russian Revolution and Civil War / Party, State and Society in the Russian Civil War; *Bailes K.* Technology and Society under Lenin and Stalin; Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917-1941. Princeton, 1978; *Joaravsky D.* Cultural Revolution and the Fortress Mentality // Bolshevik Culture; *Figes O.* Peasant Russia, Civil War. Oxford, 1989; *Lin L.* Bread and Authority in Russia, 1914-1921. Berkeley, 1990; *Atkinson D.* The End of the Russian Land Commune, 1905-1930. Stanford. 1983; *Malet M.* Nestor Makhno in the Russian Civil War. L., 1982; *Palij M.* The Anarchism of Nestor Makhno, 1918-1921: An Aspect of the Ukrainian Revolution. Seattle, 1976.

[210] *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860-1930. Princeton, 1978; *Clements B.* The Birth of the New Soviet Woman; Porter C. Alexandra Kollontai: A Biography. L., 1980; *Farnsworth B.* Alexandra Kollontai: Socialism, Feminism and the Bolshevik Revolution. Stanford, 1980; *Clements B.* Bolshevik Feminist: The Life of Aleksandra Kollontai. Bloomington, 19794; *Stites R.* Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. Oxford, 1989;

Комитета Красного Креста и Советского Союза/России на различных временных этапах. Уже само название его книги, вышедшей в свет в 1998 г. под заглавием «Международный Комитет Красного Креста и Советский Союз (1917 – 1991),[211] и переизданной под тем же названием в 2000 г., заставляет усомниться в компетентности автора как историка. Определение временных границ существования Советского Союза, берущего начало, по мнению французского исследователя, в 1917 году, заставляет относиться со значительной долей скепсиса и к ее содержательной части.

И действительно, содержание книги охватывает период с 1917 по 1995 гг.: от Гражданской войны в России через период Холодной войны и до момента её, по мнению автора, окончания. Тематические разделы исследования посвящены изучению взаимоотношений Международного Комитета Красного Креста с советской властью в период Гражданской войны; репатриации русских военнопленных из европейских лагерей после Первой мировой войны; отношениям МККК с советским правительством в период Второй мировой войны и изучению участи советских военнопленных в этом контексте.

Уже на первых страницах книги автор задается сомнительным с моральной точки зрения вопросом. Он пишет, что МККК было трудно сразу определить линию поведения по отношению к новому (советскому) режиму. Следовало ли отказаться от любых контактов с новой властью, которую правительства других стран считали нелегитимной, а часть населения России отвергала, и скорое крушение которой предрекалось всеми экспертами? Или нужно было установить с ней отношения, чтобы иметь возможность оказать хоть какую-нибудь помощь бесчисленным военнопленным и жертвам ужасных столкновений Гражданской войны? У МККК, по мнению автора, «были веские основания для колебаний».[212] Автора ничуть не смущает то

[211] *Бюньон Франсуа*. Международный комитет Красного Креста и Советский Союз, (1917-1991): Пер. с фр. М., 1998. Оригинал: Le Comitè international de la Croix-Rouge et la protection des victims de la guerre. Genève, CICR, 1994.
[212] *Бюньон Франсуа*. С. 5.

обстоятельство, что в период этих «колебаний», которые испытывал Международный Комитет Красного Креста, на территории бывшей Российской Империи гибли от военных действий, голода, болезней сотни тысяч и миллионы ни в чем не повинных людей. Все же, «вспоминая свой долг» по предоставлению защиты и помощи жертвам войны, МККК в конце концов назначил делегата для коммуникации с советскими властями в гуманитарной сфере.

И далее автор на протяжении десятков страниц пространно рассуждает о контактах МККК с представителями советских властей, ни словом не упоминая о существовании и активной деятельности в этот период краснокрестных организаций, возникших на осколках Российского общества Красного Креста, и восстановивших свою работу и организационную структуру в Сибири и на Украине: Временного главного управления РОКК в Омске и Временного управления РОКК на Украине. Монография Франсуа Бюньона не содержит ни единой ссылки на документы, хранящиеся в российских государственных архивах и к моменту написании его книги уже рассекреченных, например, фонде ВГУ РОКК в Омске,[213] насчитывающем сотни единиц хранения и находящемся в Государственном архиве Российской Федерации. Автор лишь вскользь отмечает, что «как и вся империя, Красный Крест развалился на куски», но не предпринимает попыток установить, что же стало в итоге с этими «кусками».[214]

Значительное место в исследовании Бюньона отведено фигуре швейцарского гражданина Эдуарда Фрика, жившего в России с 1914 и «на добровольных началах» сотрудничавшего с Российским обществом Красного Креста. Этому достаточно случайному человеку в 1918 г. было доверено представление интересов МККК в России. Доверенность МККК так определяла его полномочия: «Полномочия, которыми мы Вас облекаем, имеют своей главной целью оказание помощи Красному Кресту России,

[213] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1.
[214] *Бюньон Франсуа*. С. 14.

чтобы та гуманитарная деятельность, которой покровительствует Красный Крест Женевы, продолжала осуществляться в этой стране, несмотря на происходящие в ней перемены. Более конкретно определить Вашу задачу мы не беремся».[215] По признанию Ф. Бюньона, деятельность Э. Фрика на этом посту нельзя было назвать удачной. Автор исследования повествует о многочисленных неудачных попытках Фрика встретиться с М.М. Литвиновым или выполнить поручения МККК в Москве, но это не мешает автору сделать парадоксальный вывод, что именно Эдуарду Фрику принадлежит почетная роль человека, чьи усилия привели к появлению на свет Декрета Совнаркома «О признании всех международных конвенций о Красном Кресте», объявлявшем, что «Российское Правительство считает необходимым довести до сведения Международного комитета Красного Креста и правительств государств, признавших Женевскую конвенцию, что во главе всех существующих организаций Русского Красного Креста стоит Комитет по организации Русского Красного Креста, находящийся в Москве».[216] Сейчас трудно достоверно установить, насколько сильно повлияло вмешательство швейцарского гражданина Эдуарда Фрика на принятие В.И. Лениным решения о подготовке упомянутого декрета. Однако один факт не вызывает сомнений – автор исследования Франсуа Бюньон, взявшийся за описание истории России прошлого века, ориентируется в ней весьма слабо. В противном случае он не допустил бы столь грубой ошибки в указании даты выхода указанного декрета в свет – 2 июня 1918 г., в то время как Декрет Совнаркома «О признании всех международных конвенций о Красном Кресте» был опубликован на два дня позже – 4 июня. И эта ошибка, к большому сожалению, начала тиражироваться другими исследователями, недостаточно ответственно подходящими к вопросу критики источников. И вот уже в статье «Восстановление деятельности благотворительных

[215] *Бюньон Франсуа*. С. 14.
[216] Декреты Советской власти. Том II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Гос. издат-во политической литературы, 1959. С. 112.

организаций на территории Западной Сибири в 1918-1919 гг.» автор механически перепечатывает ошибочную дату, ссылаясь в подстрочнике на работу Ф. Бюньона.[217]

Зарубежная историография, затрагивающая российскую гуманитарную деятельность в эмиграции, более представительна.

Социальный состав русских колоний подробно рассмотрен в монографии Д.Х. Симпсона «The refugee problem».[218] Автор уделил серьезное внимание численности, социальному составу, расселению беженцев по Европе. Симпсон тщательно изучил «константинопольский период», остановившись на гуманитарных проблемах: медицине, нехватке продовольствия и роли российских гуманитарных организаций в их решении.

Одним из наиболее качественных зарубежных исследований, в котором едва ли не впервые был затронут вопрос идентичности российских эмигрантов в условиях гуманитарной катастрофы, стала монография Роберта Джонстона «Новая Мекка, новый Вавилон».[219] Автор посвятил свое исследование изучению процесса становления и социальной адаптации русской колонии во Франции, описав все этапы этого процесса: от константинопольского периода до 1930-1940-х гг. Джонстон совершенно справедливо отмечал, что борьба беженцев за сохранение личной и коллективной «русскости» при одновременном отстаивании исторических национальных и культурных ценностей, порождала напряженные, и подчас изнурительные усилия, продолжавшиеся почти два десятилетия.[220] При этом, по мнению Джонстона, одним сохранение собственной идентичности давалось легче, чем другим. Эмигранты, прибывшие на Запад уже немолодыми людьми, без труда ощущали себя полноправными и неоспоримыми русскими. Их увлечения, воспоминания, переживания и язык

---

[217]*Тишкина К.А.* Восстановление деятельности благотворительных организаций на территории Западной Сибири в 1918-1919 гг. // Известия АлтГУ. 2017. №2 (94). С. 141.
[218]*Simpson J.H.* The refugee problem. London, 1939.
[219]*Robert H. Johnston*. New Mecca, New Babylon: Paris and the Russian Exiles, 1920-1945. Montreal. 1988.
[220]*RobertH. Johnston*. P. 37.

наделяли их иммунитетом к чужеродному культурному воздействию. В то же время подростки, по образному выражению автора, «беспокойно дрейфовали между новой страной и старой». Безусловно, беженцы всех возрастов разделяли общую любовь к России и глубокий интерес к тем особенностям русской жизни, которые в наибольшей степени способствовали развитию их покинутой страны и их собственной уникальной национальной идентичности.[221] При этом автор точно сформулировал неявный, но очень весомый фактор, оказывавший воздействие на размывание эмигрантской идентичности, назвав его «утонченной литературной культурой Франции, не говоря уже о ее языке», подразумевая под этим определением сильное ассимилирующее влияние французской национальной культуры на русскую интеллигенцию в изгнании.

Джонстон в монографии уделяет значительное внимание изучению сохранившихся источников, позволяющих установить численность и социальный состав российской эмиграции в разных странах мира, особое внимание уделяя русской колонии во Франции. Отмечая разрозненность и противоречивость доступной информации, и называя её «статистической сумятицей», автор склоняется к мнению, что в начале - середине 1930 гг. численность российских эмигрантов во Франции колебалась возле отметки в 150 тыс. человек. При этом Джонстон отмечал, что большинство беженцев не принадлежали к русской интеллигенции и не были заметны в общественной жизни. По его словам, большая «пассивная» масса, утомленная десятичасовым трудом на фабрике, ферме или шахте, не могла интересоваться происходившими в эмигрантской среде политическими событиями. Однако при этом их принадлежность к русскому сообществу и интерес к его проблемам были не менее подлинными, чем у более заметного и четко выраженного меньшинства.[222]

---

[221] *RobertH. Johnston*. P. 54.
[222] *RobertH. Johnston*. P. 68.

Взаимодействие и взаимовлияние французской общественной жизни и русской эмиграции становилось предметом исследования зарубежных ученых достаточно часто. Несколько лет назад вышла в свет на русском языке монография французской исследовательницы Катрин Гусефф «Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы)»,[223] ставшая переводом с французского издания «L'exilrusse. La fabrique du réfugié apatride (1920-1939)».[224] Развернутую рецензию на эту книгу подготовила Н.В. Турыгина.[225] Автор привлек к исследованию обширную источниковую базу по французской демографии периода 1920-1930 гг., сделав любопытные выводы о корреляции и согласованности гуманитарных процессов в среде российской эмиграции и французского общества. Это стало серьезным вкладом в эмигрантскую историографию, поскольку долгие годы наблюдался эффект изолированного изучения российского эмигрантского сообщества в Европе в отрыве от экономических и социальных процессов, происходивших в тот же период в странах расселения.

Гуманитарным проблемам российских эмигрантов в Германии посвящена монография Ханкса Эрика Волкмана.[226] С первых страниц своего исследования констатировав, что «для Веймарской республики 250 000 русских составляли тяжелое социальное бремя, не в последнюю очередь потому, что большинство эмигрантов не имели ни связей в Германии, ни языка принимающей страны»,[227] автор подобно остановился на экономическом и правовом положении беженцев. Однако особую ценность монографии Волкмана для диссертационного исследования придает подробное освещение автором деятельности российских гуманитарных

---

[223]*Гусефф К.* Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы). М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 306-307.
[224]*GousseffC.*L'exilrusse. Lafabriqueduréfugié apatride (1920-1939). Paris: CNRS Éditions, 2008.
[225]*Турыгина Н.В.* Беженцы, апатриды, иммигранты: новый взгляд // Stud. Slav. Balc. Petrop. SSBP Петербургские славянские и балканские исследования. 2014. №2 (16). С. 214.
[226]*Volkmann Hans-Erich.* Die Russische emigration in Deutschland 1919-1929. Holzner-Verlag, Wurzburg. 1966.
[227]*Volkmann Hans-Erich.*P. 5.

организаций в Германии, которых он насчитал на начало 1920-х гг. более шестидесяти.[228] Отмечая непродолжительность их работы из-за быстрого истощения финансовых ресурсов, Волкман исследует связи российских гуманитарных организаций с иностранными правительствами в деле помощи русским беженцам. Так, автор упоминал о малоизвестном сотрудничестве Российского общества Красного Креста с немецким Красным Крестом, в частности, в деле поддержки «Русского Комитета помощи детям». Волкман особо оговаривает, что архив этой организации был уничтожен во время Второй мировой войны, что делает информацию автора об этой малоизвестной гуманитарной организации крайне важной.

Монография американского историка Р. Виллиамса «Культура в изгнании»[229] посвящена изучению адаптационных процессов в русских колониях. Источниковой основой монографии Р. Виллиамса стала статистическая информация Лиги Наций, Международного и национальных обществ Красного Креста, документы российских гуманитарных организаций в эмиграции. Однако собственно российская гуманитарная деятельность в работе Виллиамса отражения не нашла; подробное рассмотрение получили лишь культурные, политические и демографические аспекты проблемы.

Восточноевропейская историографическая ветвь исследуемой проблемы начала активно развиваться в конце 1990-х – двухтысячных годах. Вероятно, интерес к «русской» теме у восточноевропейских историков возник под влиянием геополитических событий. Как бы то ни было, в последние два десятилетия на свет появились исследования болгарских, сербских, польских, хорватских, турецкий специалистов, затрагивающих гуманитарные аспекты российской эмиграции 1920-1930-х гг. в этих странах.[230] Так, болгарская исследовательница Е. Солнцева-Накова из

---

[228] *Volkmann Hans-Erich.* P. 9.

[229] *Williams R.* Culture in Exile. Ithaca, N.Y., 1972.

[230] *Суханек Л.* Место антропологии в эмигрантских исследованиях / Русское зарубежье и славянский мир: сборник трудов. Белград. 2013. С. 124; *Солнцева-Накова Е.* Деятельность русских эмигрантских организаций в Болгарии в конце 1920-х – середине 30-х гг. /

Софийского университета им. Св. Климента Охридского уделила внимание деятельности российских гуманитарных организаций в один из переломных моментов существования русских колоний в странах Восточной Европы, в конце 1920-х середине 1930-х гг., когда необратимость изгнания стала очевидна подавляющему большинству русских беженцев. Исследовательница отмечала, что потеря надежды в среде русских эмигрантов в Болгарии на скорое возвращение на родину привела к созданию в этот период целого ряда новых гуманитарных организаций, поддержанных Нансеновским комитетом и Лигой Наций. Одной из центральных задач, которую они были призваны решить, стала задача ускоренной адаптации эмигрантов болгарским условиям. Автор построил свое исследование на материалах эмигрантской и болгарской прессы, ошибочно полагая, что архивы этих организаций, вывезенные в 1947 в Советский Союз, «до сих пор недоступны для исследователей».[231] Несмотря на это досадное недоразумение в подготовке источниковой базы, отражающее существующие по сей день у восточноевропейских историков стереотипы, в работе нашли отражение малоизвестные факты о российской гуманитарной деятельности в Болгарии в исследуемый период.

Русское зарубежье и славянский мир: сборник трудов. Белград. 2013. С. 117; *Димитров Э.* Русская эмиграция в Варне / Э. Димитров // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. - София: Русский академический союз в Болгарии, 2009; *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България / Д. Даскалов. София, 1997. - 181 с.; Бялата емиграция в България : Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. - София, 2001. - 455 с.; *Кьосева Ц.* Русские школы в Болгарии (20-е - 40-е годы XX века) / *Кьосева Ц.* // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. - София, 2009; *Маркович С.* Вклад русской эмиграции в культурную и художественную жизнь Лесковаца и Лесковацкого района (Сербия) // Славянский альманах. 2008. №2007; *Шпекуляк М.* Опыт хорватского Общества русского языка и культуры в ознакомлении хорватских граждан русской национальности с хорватским языком и хорватской культурой / / Русское зарубежье и славянский мир: сборник трудов. Белград. 2013. С. 423; *Ангелов Т.* Вклад доктора В. Смоленского в развитие здравоохранения города Варны / Русское зарубежье и славянский мир: сборник трудов. Белград. 2013. С. 229.

[231]*Солнцева-Накова Е.* Деятельность русских эмигрантских организаций в Болгарии в конце 1920-х – середине 30-х гг. / Русское зарубежье и славянский мир: сборник трудов. Белград. 2013. С. 117

Малоизученным аспектам русской гуманитарной деятельности в Болгарии посвящена статья Т. Ангелова из Великотырновского университета им. Св. Кирилла и Мефодия в болгарском городе Велико-Тырново.[232] На материалах Регионального державного архива г. Варна автор воссоздал забытый эпизод истории российской эмиграции, связанный с жизнью и гуманитарной деятельностью в этом городе русского врача Владимира Смоленского. Лишенный возможности заниматься профессиональной деятельностью на государственной службе, доктор Смоленский создал частный родильный приют, в котором медицинская помощь оказывалась всем нуждающимся бесплатно. Автор повествует о просветительской деятельности русского врача, снискавшего уважение и благодарность местных жителей.[233]

Вопросы гуманитарного взаимодействия русской интеллигенции в эмиграции с научными и культурными элитами стран пребывания; просветительская деятельность русских ученых и педагогов, несмотря на сложный современный геополитический контекст, продолжают оставаться в поле зрения восточноевропейских историков.[234] Для российского исследователя труды восточноевропейских коллег представляют особый интерес из-за широкого круга используемых ими источников из региональных архивов Сербии, Болгарии, Хорватии, Чехии, в которых отложились документы по истории российской эмиграции. В силу целого ряда причин доступ к ним российского исследователя затруднен. Поэтому

---

[232] *Ангелов Т.* Вклад доктора В. Смоленского в развитие здравоохранения города Варны / Русское зарубежье и славянский мир: сборник трудов. Белград. 2013. С. 229.
[233] *Ангелов Т.* С. 232.
[234] *Элиаш А.* Научная и педагогическая деятельность представителей русского зарубежья на Философском факультете Университета им. Я.А. Коменского в Братиславе / Русское зарубежье и славянский мир: сборник трудов. Белград. 2013. С. 293; *Манова И.И.* М.Г. Попруженко – посредник между русской и болгарской культурой/ Русское зарубежье и славянский мир: сборник трудов. Белград. 2013. С. 341; *Джапа-Иветович В.* Педагогическая деятельность Лидии Александровны Шпис-Мирной / Русское зарубежье и славянский мир: сборник трудов. Белград. 2013. С.359; *Стоянова Е., Ангелова Р.* Русская гимназия в Шумене и традиции преподавания русского языка в Болгарии / Русское зарубежье и славянский мир: сборник трудов. Белград. 2013. С. 194.

научная периодика этих стран предоставляет уникальную возможность изучать историю русского зарубежья с привлечением качественного и малоизученного источникового массива.

Подводя итог в изучении зарубежной историографии российской гуманитарной деятельности, следует сделать следующие выводы.

Во-первых, в историографическом массиве, в той или оной степени затрагивающем российскую гуманитарную деятельность, отчетливо прослеживается несколько основных периодов. Первый пласт исследований рассматриваемой проблемы относится к межвоенному периоду, когда российскую эмиграцию можно было изучать непосредственно. Трудам этого периода была свойственна излишняя эмоциональность и вовлеченность авторов в изучаемые события. Вместе с тем, именно исследования этого периода предоставляют нам наиболее ценный материал, добытый историками «по горячим следам», с опорой на личные впечатления и переживания.

Во-вторых, научные труды зарубежных историков послевоенного времени несли на себе отпечаток идеологического противостояния великих держав. Российская эмиграция изучалась в контексте политических событий, происходивших в мире той эпохи. Гуманитарные сюжеты занимали в этих исследованиях второстепенное место: главное внимание авторы уделяли политическому и идеологическому потенциалу российской эмиграции как ресурсу в идеологическом противостоянии СССР. Парадоксальным образом историки – выходцы из России отличались в этом смысле большим радикализмом по сравнению со своими американскими и западноевропейскими коллегами.

В-третьих, период 1990-х – двухтысячных годов оказался отмечен всплеском интереса зарубежных исследователей к истории русского зарубежья. С одной стороны, очередное обострение ментального противостояния оживило интерес к идеологическому наследию эмиграции. С другой – проявилась тенденция более углубленного и предметного изучения

происходивших в русском зарубежье процессов. Особенно наглядно эти тенденции заметны в современных трудах восточноевропейских ученых, стремящихся найти в истории своих стран 1920-х – 1930-х гг. – и истории российской эмиграции в этом контексте – новые смыслы для проводимой правительствами этих стран внешнеполитической линии.

§ 1.4. Обзор и характеристика источниковой базы

Как отмечалось ранее,[235] при формировании источниковой базы диссертационного исследования предстояло решить целый комплекс задач, и одной из центральных в этом ряду стала задача архивной эвристики: источниковедческая работа, изучение истории возникновения тех или иных архивных фондов и коллекций; условий их зарождения, формирования, комплектования, хранения и использования.

Особое значение в этой связи приобрело решение задачи критики источника. Основной их массив был накоплен в фондах так называемого Пражского архива – коллекции документов, зародившейся в Праге в качестве учреждения при культурно-просветительском отделе пражского Земгора, и первоначально – в 1923 г. – вошедшей в состав его библиотеки. Год спустя было разработано специальное положение, определившее структуру архива и порядок его функционирования. Архив получил название «Русский заграничный исторический архив», и его целью декларировалось собирание документов по истории российской эмиграции. Однако очень скоро это уникальное архивное собрание переросло декларируемые первоначально тематические и хронологические границы, и стало крупнейшим архивным собранием не только по истории эмиграции, но и коллекцией документов по

[235] *Ипполитов С.С.* Источники изучения российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны в России. 1917-1921 гг. // Наследие веков. 2019. № 4. С. 26-41.

истории Гражданской войны в России; истории русской философской, правовой, экономической мысли; истории русской литературы и издательского дела; политической жизни Русского Зарубежья и Советской России.

Как уже отмечалось ранее,[236] впервые идея создания архива документов о жизни эмиграции возникла в 1923 г. в кругах эмигрантов, проживающих в Праге. Архив был образован постановлением комитета Земгора от 17 и 19 февраля 1923 г. как учреждение при культурно-просветительском отделе пражского Земгора и вошел в состав его библиотеки. Через год, в 1924 г., было разработано положение об архиве, упорядочена его структура, уточнен юридический статус и архив получил официальный статус.

Благодаря финансовой поддержке чехословацкого правительства и разветвленной системе представителей (архив имел своих официальных представителей в Берлине, Париже, Константинополе, Ревеле, Выборге, Варшаве, Харбине, Нью-Йорке, Риге, Ковно, Гельсингфорсе, Юрьеве и около 1500 корреспондентов в 44 странах, где проживали эмигранты из России) РЗИА ежегодно пополнял свои фонды документами, отражающими деятельность русских эмигрантов в различных странах мира.

Материалы, поступавшие для комплектования РЗИА, подразделялись ученой комиссией архива на семь основных разделов. Раздел «А» включал в себя поступающие в архив фотографии, рисунки, карикатуры, шаржи, карты, плакаты, листовки, воззвания, марки, денежные знаки. В 1932 г. в разделе «А» находилось более 7 тыс. фотографий, свыше 45 тыс. листовок и воззваний различных политических партий. Коллекция приказов включала в себя приказы по военному ведомству периода первой мировой войны, приказы главнокомандующего вооруженными силами Юга России генерала А.И. Деникина, верховного правителя России адмирала А.В. Колчака,

---

[236] *Ипполитов С.С.* Источники изучения российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны в России. 1917-1921 гг. // Наследие веков. 2019. № 4. С. 26-41.

полный комплект приказов генерала П.Н. Врангеля по правительству Юга России. В этом же разделе хранились два альбома художника Ю.К. Арцебушева с зарисовками деятелей революционного и общественного движения – В.И. Ленина, А.И. Рыкова, Л.Д. Троцкого, Л.Ф. Керенского и других, выполненных в 1917-1918 гг.

В раздел «В» входили мемуары, дневники, статьи, написанные на основе личных воспоминаний. Их авторами являлись политические и общественные деятели, а также рядовые участники событий. В числе этих документов –дневник генерала М.В. Алексеева за 1916-1917 гг., где он тщательно фиксировал все, что относилось к жизни фронта и нуждам обороны страны до своей отставки с поста Верховного Главнокомандующего в мае 1917 г., а также черновики писем А.В. Колчака, адресованные А.В. Тимиреной.

Раздел «С» содержал переписку частных лиц и личные архивы. Здесь хранились собрания А.Ф. Амфитеатрова, Е.К. Брешко-Брешковской, В.Л. Бурцева, Н.В. Чайковского и др.

В раздел «Д» входили материалы революционных и общественных движений с последней трети XIX в. Здесь отложились документы различных кружков, организаций и обществ, часть архива «Колокола» А.И. Герцена и Н.П. Огарева, архив Б.В. Савинкова, содержавший документы Боевой организации эсеров.

В раздел «Е» вошли две группы документов: об армии и материалы о политической жизни России периода Первой мировой войны.

Раздел «F» составили источники по истории революции и Гражданской войны в России. Этот раздел стал самым масштабным по количеству документов. Они группировались по территориальному принципу – центрам белого движения (Временное правительство Северной области, правительство Юга России, правительство генерала Врангеля в Крыму, Комуч, Директория, Временное Сибирское правительство и др.).

Документы, отражавшие текущую деятельность беженских организаций союзов и объединений (академических, политических, военных) в различных странах мира, были размещены в разделе «Н».

В специальном фонде хранились печатные издания РЗИА, которые не сформировали отдельного раздела. Ему был присвоен статус «Русская книжная Палата за рубежом». К 1938 г. этот фонд насчитывал более 30-ти тысяч книг и брошюр, около 4 тыс. журналов и газет. В 1923 г. заведующим библиотекой Русского заграничного исторического архива стал С.П. Постников. Под его редакцией в Праге вышел в свет библиографический справочник русской книги за рубежом «Библиография русской революции и гражданской войны 1917-1921 гг. Особую ценность этому изданию придает тот факт, что в него вошли не только книги, изданные как за границей, но и выходившие в период до 1938 г. в Советском Союзе.

Русский заграничный исторический архив просуществовал в Праге до конца Второй мировой войны. В 1945 г. по решению Чехословацкого правительства РЗИА был передан Академии наук СССР и вывезен в Москву. Ныне документы РЗИА рассредоточены по различным центральным архивам. Наиболее крупные комплексы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и Российском государственном военном архиве (РГВА). Процесс их рассекречивания начался в конце 1980-х гг. В эти годы отечественные и зарубежные исследователи получили доступ к ранее закрытым архивохранилищам, следствием чего стал расцвет историографии Гражданской войны и эмиграции.[237]

Особое место в комплексе источников занимает фонд Временного Главного управления Российского общества Красного Креста в Омске.[238] В ходе работы было исследовано более 500 дел. Основу этого фонда

---

[237] *Ипполитов С.С.* Источники изучения российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны в России. 1917-1921 гг. // Наследие веков. 2019. № 4. С. 26-41.
[238] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1; 177 ед. хр. 1918-1920 гг.

составляют протоколы заседаний Общего собрания и Исполнительной комиссии Временного главного управления РОКК; распоряжения о кадровых назначениях; финансовые отчеты; балансовые ведомости по месяцам, кварталам и в целом за год; переписку ВГУ с зарубежными миссиями и иностранными Красными Крестами, а также очерк деятельности РОКК, составленный уполномоченным Красного Креста. Такой широкий спектр источников предоставил возможность дать развернутую картину гуманитарной деятельности РОКК в рассматриваемый период. Вместе с тем, при работе с фондом РОКК задача критики источника стала чрезвычайно актуальной. Этот массив документов формировался в период активных военных действий на территории Сибири и Дальнего Востока, в условиях затрудненного учета и контроля за деятельностью тех или иных структурных подразделений РОКК; невозможности наладить строгий контроль и учет материальных ресурсов, чехарды кадрового состава, частых перемещений и утрат делопроизводственной документации. Все это вело, с одно стороны, к фрагментарности источникового массива, а с другой – к достаточно вольному обращению авторов документов с отражаемой информацией. Официальные отчеты РОКК, являясь ценнейшим источником о его деятельности, часто несли в себе приукрашенную и недостоверную информацию; документы по личному составу, особенно касавшиеся материального довольствия, изобиловали приписками, а финансовая отчетность редко сопровождалась первичными документами, что делало её практически непроверяемой. Тем не менее, этот источниковый массив представляет собой чрезвычайно ценную коллекцию документов, отражающую полную драматизма историю восстановления, организации и становления гуманитарной деятельности на территориях, в тот или иной период Гражданской войны подконтрольных белым режимам. Иногда эти документы создавались едва ли не под обстрелом, и несли на себе физическую «печать» событий, которые происходили вокруг. Так, в архивном деле, хранящем документы о расследовании пожара на

железнодорожной станции Омска, можно обнаружить фрагменты сгоревших растительных волокон и пепла (горели вагоны с сеном), а жалобы местных подразделений РОКК на острую нехватку чернил написаны настолько бледно, что их прочтение вызывает трудности.

Небольшой по объему фонд Управления Ачинского отдела Российского общества Красного Креста в Красноярске оказался интересен документами о привлечении на добровольной благотворительной основе местных жителей и горожан к изготовлению белья для лазарета РОКК. В фонде отложились документы о гуманитарной деятельности местной общины горожан, жертвовавших книги раненым; о создании и деятельности ачинской лечебницы РОКК, об организации курсов сестер милосердия Красного Креста.[239]

Помимо фонда ВГУ РОКК, для исследования гуманитарной деятельности «доэмигрантского» периода, были использованы фонды личного происхождения: председателя Временного главного управления РОКК, уполномоченного РОКК при Верховном Правителе адмирале А.В. Колчаке М.Л. Киндякова[240], включающего в себя информационные бюллетени РОКК для Международного Комитета Красного Креста в Женеве; отчеты и очерки ВГУ, попавшие в состав Пражского архива из Иокогамы, куда Киндяков эмигрировал в 1920 г.; и материалы фонда Центральной Коллегии советского Красного Креста,[241] которые использовались для описания процесса ликвидации старой организации РОКК советской властью.

Фонды личного происхождения, имеющие отношение к событиям Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке России, представляют собой редкое явление. И если документы правительства адмирала Колчака и его воинских штабов сохранились в изрядном количестве, то фондов личного

[239] ГА РФ. Ф. 2228, ед. хр. 6.
[240] ГА РФ. Ф. 6088, ед. хр. 19.
[241] ГА РФ. Ф. Р-3341, ед. хр. 1157 1918-1932.

происхождения крайне мало. Тем ценнее документальные собрания, позволяющие хотя бы фрагментарно дополнить полотно российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны. Так, в фонде М.Л. Киндякова обнаруживаются черновики документов и личная переписка автора, имеющие отношение к восстановлению гуманитарной деятельности РОКК на территории Сибири и Дальнего Востока; газетные статьи и вырезки, подобранные фондообразователем в соответствии с его профессиональными и политическими интересами.

К числу немногих фондов личного происхождения, хранящих источники по истории гуманитарной деятельности периода Гражданской войны и эмиграции, относится фонд Виссариона Яковлевича Гуревича,[242] адвоката и общественного деятеля, являвшегося в период войны членом Сибирского Земско-городского союза и членом Экономического Совещания при Главноуполномоченном адмирала А.В. Колчака, а в период эмиграции, с 1922 г, – председателем Земгора в Чехословакии и управляющим РЗИА. Этот массив источников крайне ценен информацией о создании и деятельности Русского заграничного исторического архива, отчетами о его работе, протоколами и журналами заседаний. Среди значительного количества материалов, относящихся к активной политической деятельности фондообразователя, обнаруживается его переписка с Правлением Российского политического Красного Креста в Париже и документы о гуманитарном положении российских эмигрантов в европейских государствах.

В значительно большей степени в отечественных архивах представлены фонды личного происхождения политических и общественных деятелей, в той или ной степени принимавших участие в деятельности правительств Деникина-Врангеля, и сумевших эвакуироваться и вывезти свои документы в период крымской эвакуации. К их числу относится фонд А.И. Гучкова, в период Гражданской войны являвшегося уполномоченным

[242] ГА РФ. Ф. 5910. 586 ед. хр.

Российского общества Красного Креста ВСЮР. В 1919 г. он был отправлен командованием Вооруженными силами Юга России в Париж во главе особой миссии, чьей целью были переговоры об оказании помощи былым армиям. В период эмиграции А.И. Гучков продолжал гуманитарную работу, являясь членом Правления РОКК за границей.

Работа российских организаций, осуществлявших гуманитарную деятельность в эмиграции, изучалась по материалам следующих фондов:

1. Представитель Российского общества Красного Креста в Загребе.[243]
2. Союз русских студентов Белградского университета.[244]
3. Русский культурный комитет в Белграде.[245]
4. Общество славянской взаимности, Белград.[246]
5. Союз ревнителей чистоты русского языка в Югославии, Белград.[247]
6. Русский научный институт в Белграде.[248]
7. Институт изучения России в Югославии. Белград.[249]
8. Объединение русских общественных организаций в Загребе.[250]

---

[243] ГА РФ. Ф. З-7524. 1 оп. 7 ед.х.

[244] ГА РФ. Ф. Р-6795. 1 оп. 42 ед.х. Союз создан для оказания академической и материальной помощи русским студентам Белградского университета.

[245] ГА РФ. Ф. З-6793. 1. Оп. 18 ед.х. 1928-1938. Занимался изданием книг русских авторов. Содействовал организации выставки русского искусства в Белграде в 1930 г.

[246] ГА РФ. Ф. Р-6134. 1 оп. 7 ед.х. 1919-1922. Создано в 1919 г. С целью развития и утверждения культурной, политической и экономической интеграции славянских народов. В структуру Общества входил Русский отдел.

[247] РГАЛИ. Ф. 2481. 1 оп. 202 ед.х. 1919-1940. Создан в Белграде в конце 1920-х гг. Издавал брошюры, листовки, воззвания с призывами охранения русского языка, устраивал собрания, посвященные русской литературе.

[248] ГА РФ. Ф. Р-6820. 1 оп. 29 ед.х. Основан в 1928 г. Председателями правления являлись профессор Е.В. Спекторский, Ф.В Тарановский. Институт находился под покровительством короля Александра I при содействии Державной комиссии по делам русских беженцев в Югославии и югославской культурной комиссии. Задачи института – исследовательская работа по проблемам русской и южнославянской истории, подготовка молодых ученых и издание научных трудов. С 1933 г. Размещался в Русском доме имени императора Николая II. За время существования института издано 17 выпуском записок (1930-1941). В институте читались курсы лекций по естественным и гуманитарным дисциплинам, издавались сборники материалов по библиографии русских научных трудов за рубежом и «Записки Русского научного института в Белграде». Институт предоставлял стипендии молодым русским ученым-эмигрантам, проводил торжественные заседания, посвященные знаменательным событиям и лицам. Деятельность института была прекращена в 1940 г.

[249] ГА РФ. Ф. Р-6821. 1 оп. 5 ед.х.

9. Представительство Всероссийского Союза Городов в Югославии, Белград.[251]
10. Представительство в Югославии Верховного комиссара по делам беженцев при Лиге Наций, Белград.[252]
11. Бюро русского кооперативного объединения для помощи голодающим в России, Ревель.[253]
12. Русский комитет помощи военнопленным в Стокгольме.[254]
13. Общество культурной помощи русским военнопленным в Лозанне.[255]
14. Общество народного издательства для русских военнопленных им. Герцена, Лозанна.[256]
15. Союз русских женщин, Лозанна.[257]
16. Русский комитет в Женеве по оказанию помощи голодающим в России.[258]
17. Бернский комитет помощи военнопленным, Берн.[259]

---

[250] ГА РФ. Ф. Р-6076. 1 оп. 31 ед.х. 1921-1938. Создано в 1930 г. Целью своей деятельности ставило объединение русских эмигрантских организаций для противодействия коммунизму в Европе. Председателем был избран П.М. Боярский, возглавлявший РОКК в Югославии.

[251] ГА РФ. Ф. Р-5771. 2 оп. 105 ед.х. . Создано в 1920 г., занималось оказанием помощи русским беженцам – обеспечивало возможности детям получить образование на русском языке. Была создана сеть детских домов, объединявших в себя ясли, детский сад и прогимназию, а в местностях с небольшим количеством русских детей организовывались школьные групповые занятия. Представительством были также открыты русские библиотеки в Белграде, Сараеве, Панчеве, Княжеваце и Загребе, а для отдаленных местностей организован т.н. коллективный абонемент. Возглавлял Представительство В.Д. Брянский.

[252] ГА РФ. Ф. Р-6791. 1 оп. 19 ед.х.

[253] ГА РФ. Ф. Р-6057. 1 оп. 7 ед.х.

[254] РГВИА. Ф. 13798. 1 оп. 12 ед.х. 1914-1932. Организован с началом Первой мировой войны по инициативе русского посланника в Швеции А.В. Неклюдова с целью оказания помощи русским военнопленным; содействовал также гражданам России, оказавшимся накануне войны за границей, в возвращении домой через Швецию.

[255] ГА РФ. Ф. Р-6168. 1 оп. 1 ед.х. 1917. Создано на организационном собрании 24 июня 1917 года с целью снабжения существовавших в лагерях военнопленных библиотек, кружков сомообразования и школ книгами, а также собственными изданиями.

[256] ГА РФ. Ф. Р-6221. 1 оп. 12 ед.х. 1917-1921, 1927. Создано 9 июля 1917 г. С целью удовлетворения культурно-просветительных нужд русских военнопленных, а также русских экспедиционных отрядов, находящихся за границей. Почетный председатель Общества – Н.А. Герцен. Последнее упоминание о деятельности Общества относится к 1921 г.

[257] ГА РФ. Ф. Р-6205. 1 оп. 5 ед.х.

[258] ГА РФ, Ф. Р-6208. 1 оп. 37 ед.х.

18. Лозаннский Комитет помощи русским военнопленным.[260]
19. Временный Комитет помощи российским гражданам в Лозанне.[261]
20. Центральный Комитет помощи российским гражданам в Швейцарии, Берн.[262]
21. Комитет помощи голодающим в России при Союзе русских студентов в Чехословацкой республике, Прага.[263]

---

[259] ГА РФ. Ф. Р-6171. 1 оп. 8 ед.х. Бернское бюро помощи русским военнопленным (первоначально – Русский отдел Бюро помощи военнопленным при Бернском «Комитете помощи») создано в марте 1915 г. И управлялось выборным комитетом во главе с А.А. Бахерахт. Бюро оказывало материальную помощь русским военнопленным в различных странах, финансировало санатории в Отвоцке, приюты для детей-сирот беженцев в Ковеле и Брест-Литовске (Польша). С 1916 г. Бюро возглавлял назначенный российским правительством чиновник – камергер А.А. Березников. В сентябре1917 г. Для заведования Бюро в Берн из Петрограда прибыл командированный Центральным Комитетом по делам военнопленных при Красном Кресте Н.А. Касьянов, реорганизовавший к октябрю 1917 г. Бюро в отделение петроградского Центрального Комитета. 1 ноября 1918 г. Руководящие органы Бюро самоликвидировались, а Н.А. Касьянов стал единоличным директором. Последнее документальное упоминание о деятельности Бюро относится к 1921 г.

[260] ГА РФ. Ф. Р-6169. 1 оп. 171 ед.х. Комитет осуществлял сбор пожертвований для снабжения русских военнопленных в лагерях на территории Германии и Австро-Венгрии одеждой, обувью и продовольствием.

[261] ГА РФ. Ф. Р-6130. 1 оп. 12 ед.х. Временный Комитет помощи нуждающимся русским выбран 6 августа 1914 г. На общем собрании русских в Лозанне (с апреля 1915 – Временный комитет помощи российским гражданам в Лозанне). Его основная цель – помощь российским гражданам, оказавшимся в критическом положении в связи с Первой мировой войной. Комитет оказывал помощь путем предоставления эмигрантам пособий для возвращения в Россию, выдачи ссуд, обеспечения бесплатными квартирами, обедами и ужинами в кредит, со скидкой и бесплатно, и т.д. Аналогичные комитеты были образованы в других городах Швейцарии (Берне, Давосе, Женеве, Монтре, Цюрихе). В ноябре 1914 г. В Берне состоялся съезд представителей всех этих комитетов. Было принято решение образовать Центральную кассу с целью оказания помощи отдельным лицам и учреждениям в исключительных случаях. Для управления делами Центральной кассы был избран Центральный Комитет помощи российским гражданам в Швейцарии (Берн).

[262] ГА РФ. Ф. Р-6402. 1 оп. 26 ед.х. 1914-1920, 1930. Создан в ноябре 1914 г. Для координации деятельности комитетов помощи российским гражданам, созданных в Швейцарии на съезде их представителей в Берне. Комитет занимался выдачей ссуд лицам, уезжающим в Россию и не имеющим средств на отъезд; оказанием помощи военнопленным, выдачей денежных переводов по указаниям Московского комитета помощи русским военнопленным и застигнутым войной за границей; розыском военнопленных, установлением и облегчением сношений между ними и их родственниками.

[263] ГА РФ. Ф. Р-5920. 1 оп. 26 ед.х. Образован в январе 1922 г. Американская методистская миссия оказывала помощь голодающим в России в кредит (!!). Комитет контролировал возвращение этого кредита русскими студентами-эмигрантами, обучавшимися в Чехословацкой Республике.

22. Родительское объединение при русской реальной гимназии в Праге.[264]
23. Институт изучения России, Прага.[265]
24. Русский заграничный исторический архив в Праге (РЗИА)[266]
25. Братство для погребения православных русских граждан и для охраны и содержания в порядке их могил в Чехословакии.[267]
26. Центральный комитет «Дня русского ребенка», Прага.[268]
27. Представительство Российского общества Красного Креста в Чехословакии, Прага.[269]

---

[264] ГА РФ. Ф. Р-5952. 1 оп. 18 ед.х. 1922-1924, 1930-1944. Образовано в феврале 1932. Основными направлениями деятельности стали: обращения в правительственные учреждения Чехословакии и к общественности о сохранении русской гимназии в Праге, оказание материальной помощи учащимся, организация вечеров, концертов и других культурно-просветительных мероприятий.

[265] ГА РФ. Ф. Р-5775. 1 оп. 260 ед.х. 1901-1907, 1924-1935. В мае 1924 г. В Праге при Объединении российских земских и городских деятелей (Земгор) был образован «Российский научный институт сельской культуры», переименованный в сентябре 1924 г. В Институт изучения России. В его состав входили кабинеты: социальной культуры и социальных движений, государственного устройства и управления, народного хозяйства и экономической политики, сельского хозяйства и экономической политики, сельского хозяйства и кооперации, духовной культуры. До 1929 г. При институте работал Сибирский отдел.

[266] ГА РФ. Ф. Р-7030. 2 оп. 94 ед.х. Архив русской революции был образован постановлением Комитета Земгора от 17 и 19 февраля 1923 г. как учреждение при Культурно-просветительном отделе Пражского Земгора в составе его библиотеки. В 1924 г. Было разработано Положение об архиве, введенное в действие 14 августа 1924 г. С этого времени архив получил название «Русский заграничный исторический архив в Праге (РЗИА)». По положению, основной задачей архива являлось «собирание, хранение, систематизация и научная обработка материалов по истории России и входящих в нее народов». Для определения ценности приобретаемых документов была организована из экспертов Ученая комиссия. Архив состоял из отдела документов, отдела печатных изданий, газетного отдела.

[267] ГА РФ. Ф. Р-9027. 1 оп. 16 ед.х. 1930-1942. Основано 23 июля 1924 г. Братство было закрыто по распоряжению гестапо в годы Второй мировой войны. Целью Братства была забота о совершении погребений членов русской православной церкви по русскому православному чину, о содержании в порядке могил православных русских граждан в Чехословакии.

[268] ГА РФ. Ф. Р-5851. 11 ед.х. Решение о ежегодном устройстве «Дня русского ребенка» было принято в 1928 г. в результате переговоров правления Союза академических организаций. Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей и Объединения русских учительских организаций за границей. Затем к делу организации Дня подключился Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей. День русского ребенка устраивался ежегодно в день Благовещения 7 апреля. На средства, собранные в этот день, Центральный комитет Дня русского ребенка оказывал помощь в устройстве детских санаториев, приютов и в содержании русских школ.

28. Благотворительное общество помощи политическим заключенным в России, Прага.[270]
29. Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике (Пражский Земгор), Прага.[271]
30. Объединение русских общественных организаций и благотворительных учреждений в Чехословацкой Республики, Прага.[272]
31. Временный главный комитет Всероссийского союза городов, Константинополь, Прага.[273]

Среди публикаций документов, привлекавшихся к работе над диссертационным исследованием, особое место занимает исторический

---

[269] ГА РФ. Ф. Р-5857. 1 оп. 21 ед.х. 1920-1941. Создано в целях оказания всесторонней помощи нуждающимся русским эмигрантам. Занималось распределением одежды, продуктовых посылок, денежных пособий, оплатой обедов, угля и т.д.; организовывало бесплатный прием у врачей Красного Креста, посылку книг и газет больным и нуждающимся.

[270] ГА РФ. Ф. Р-5880. 1 оп. 15 ед.х. Образовано по инициативе группы лиц, работавших ранее в Русском политическом Красном Кресте. Устав общества утвержден МВД Чехословакии 18 сентября 1925 г. Деятельность общества состояла в сборе пожертвований для политических заключенных в России и пересылке их адресатам через Е.П. Пешкову. После 1931 г. общество практически не действовало, однако ликвидация его признавалась недопустимой.

[271] ГА РФ. Ф. Р-5764. 6 оп. 7529 ед.х. Образовано 17 марта 1921 г. с целью оказания всех видов помощи российским эмигрантам в Чехословакии объединение вело учет эмигрантов; устраивало концерты, спектакли, чтения; учреждало трудовые артели, школы, курсы, общежития, столовые; выдавало ссуды; содействовало устройству эмигрантов на работу в Чехословакии и в других странах. Земгор был учредителем Института изучения России, экономического кабинета С.Н. Прокоповича, кабинета изучения Сибири, Русского заграничного исторического архива, библиотеки Земгора, Русского народного университета в Праге и других организаций.

[272] ГА РФ, Ф. Р-6146. 1 оп. 14 ед.х. 1921-1922, 1940-1945.

[273] ГА РФ. Ф. Р-5809. 1 оп. 485 ед.х. 1920-1932. После разгрома войск А.И. Деникина и прекращения деятельности Главного комитета Всероссийского союза городов в России эвакуировавшимся в Константинополь члены Главного комитета организовали Временный комитет ВСГ, ставивший своей целью гуманитарную деятельность среди беженцев. В дальнейшем, по согласованию с Всероссийским земским союзом (ВЗС) и Российским обществом Красного Креста (РОКК), его работа была ограничена культурно-просветительной сферой и помощью детям. С августа 1920 г. деятельность Главного комитета ВСГ возобновилась в Крыму, а после его эвакуации в ноябре 1920 г. из Крыма было принято решение о создании вместо Временного комитета в Константинополе – Временного главного комитета ВСГ. В апреле 1922 г. Временный главный комитет переехал в Прагу, а в Константинополе осталось его представительство. Представительства комитета имелись также в Болгарии, Германии, Югославии и других странах.

альманах «Минувшее»,[274] издававшийся в 1986-1999 гг. и ставший продолжением существовавшего до 1982 г. сборника исторических документов «Память». «Минувшее» включало публикации документов из частных собраний по истории России XX в. Все публикации в альманахе снабжены научными комментариями и качественным справочным аппаратом. В настоящий момент все выпуски альманах оцифрованы и доступны в открытом доступе.

Тома 1-12 готовились к печати и выходили в свет в Москве и Ленинграде; несколько томов вышли в свет в Париже. Альманах стал заметным событием в отечественной исторической науке. В него вошли чрезвычайно редкие и труднодоступные источники из семейных архивов русской эмиграции. Часть из них формировалась на территории России в постреволюционные годы и была вывезена в эмиграцию авторами документов или членами их семей; часть возникла в изгнании и хранилась наследниками. К первой группе относятся, главным образом, дневниковые записи, переписка и иные документы личного происхождения, созданные представителями, как было принято говорить в те годы «интеллигентского класса»: бывшими чиновниками государственных учреждений императорской России, офицерами, общественными деятелями, учеными, деятелями культуры, а также некоторых представителей российской интеллигенции, перешедших на сторону новой власти. Так, впервые были опубликованы Письма В.О. Лихтенштадта[275] к М.М. Тушинской «К тебе и о тебе мое последнее слово».[276] Этот документ, созданный сторонником большевистской власти, особенно интересен тем, что позволяет взглянуть на происходившие в стране события с точки зрения образованного,

[274] *Ипполитов С.С.* Источники изучения российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны в России. 1917-1921 гг. // Наследие веков. 2019. № 4. С. 26-41.

[275] Владимир Осипович Лихтенштадт-Мазин. Комиссар 6-й стрелковой дивизии Красной армии - (1882-1919)1 погиб 15 октября в бою под Кипенью во время наступления Северо-Западной армии Юденича на Петроград.

[276] «К тебе и о тебе мое последнее слово»: Письма В.О. Лихтенштадта к М.М.Тушинской: Публикация Н.К.Герасимовой и А.Д.Марголиса / Минувшее. Исторический альманах. № 20. М., СПб. 1996. С.139.

интеллигентного человека, искренне переживающего за судьбу своей родины, ее культуры и науки. Размышления автора о сопоставимости «пролетарской» и «буржуазной» культуры соседствуют в письмах В.О. Лихтенштадта с рассказами о его «спонтанной» гуманитарной, правозащитной деятельности, которой, похоже, он сам не придавал особого значения: «Выяснилось, что двум арестованным сегодня в 4 часа девицам (одной лет 17-18) не давали ни есть, ни пить, а сейчас тоже хотят везти в Смольный (арестовали их за расклейку воззваний Лиги Защиты Учредительного Собрания). Ну, конечно, мы отправились добыть им хлеба, чая, сахара и т.д. – отнесли, взяли у них письма, дали денег – знакомая история».[277]

Эпизоды гуманитарной катастрофы, разворачивавшейся в Петрограде в октябре 1917 – январе 1918 гг., отражены на «Страницах дневника» Владимира Амфитеатрова-Кадашева, забытого сегодня литератора. Он вспоминал о погроме, произошедшем в редакции газеты «Петроградский голос», где он работал в то время: «Ворвались какие-то матросы с ордером Екатерингофского районного совдепа, объявили газету закрытой и учинили форменный погром… Сорвали злость на рукописях: изорвали в клочки весь архив, весь запас, весь загон и даже – метрическое свидетельство редактора... Уничтожили почти половину книг библиотеки... Самое главное, между прочим, что это не были большевики: когда позвонили в Смольный, оттуда ответили, что никакого распоряжения о закрытии и тем более разгроме «Петроградского голоса» не было отдано».[278] Перу этого же автора принадлежат и свидетельства о ситуации в Молдавской демократической республике, находившейся в 1918 г. под контролем Румынии. Он вспоминал разговор с прокурором, высланным румынами из Кишинева, несмотря на его «бессарабское» происхождение: «Негодуя, рассказывал о гадостях, творимых

---

[277] «К тебе и о тебе мое последнее слово»: Письма В.О. Лихтенштадта к М.М.Тушинской: Публикация Н.К.Герасимовой и А.Д.Марголиса / Минувшее. Исторический альманах. № 20. М., СПб. 1996. С.150.

[278] *Амфитеатров-Кадашев В.* Страницы из дневника: Публикация С.В.Шумихина / Минувшее. Исторический альманах. № 20. М., СПб. 1996. С. 504.

этою знаменитою нацией над русскими: вся огромная культурная работа, производившаяся за сто лет Россией, пошла насмарку, закрываются русские школы, запрещается русский язык, чиновников безжалостно гонят со службы, и – самое гнусное – воображают себя «европейцами», а нас варварами».[279]

Тема постигшей Россию гуманитарной катастрофы продолжает раскрываться в переписке другого российского литератора, Ю.А. Никольского, хранящейся ныне в РГАЛИ. Этот молодой историк литературы и поэт повторил путь многих тысяч своих соотечественников: крымская эвакуация в Константинополь, Болгария, Белград, нелегальная репатриация в Россию, скорый арест и смерть от тифа в заключении. Однако за недолгий период своей жизни в Советской России и последующих эмигрантских скитаний Ю.А. Никольский оставил богатое эпистолярное наследие. Особенно красноречивы его бытовые зарисовки революционного Петрограда, дающие представление о глубине гуманитарного кризиса, в который погрузилась страна: «Представь то же с голодом. И вот, бежишь, бежишь, сломя голову, бежишь от Марсова поля на Литейный, угол Бассейной, где крохотные лепешки за пятьдесят. Это «обедоискательство», это «лепешкоискание». Но вот стала вода, стали уборные. Тогда люди стали все, что не надо, завертывать в бумагу и бросать в форточку. Тогда стали отводить одну комнату в доме «под», и когда она наполнялась, тогда ее забивали и очередь была за другой. Что будет весной? Какие болезни?»[280]

Попытки осуществления правозащитной деятельности в Советской России, как часть общего гуманитарного полотна постреволюционной эпохи, отражены в публикациях «Два эпизода из жизни литературных организаций»: Отчет депутатов литературных организаций о поездке в Москву по делу арестованных литераторов и ученых. Источник повествует о

---

[279] *Амфитеатров-Кадашев В.* С. 513.

[280] Судьба Юрия Никольского: Из писем Ю.А. Никольского к семье Гуревич и Б.А. Садовскому. 1917-1921: Публикация С.В. Шумихина / Минувшее. Исторический альманах. № 19. М., СПб. 1996. С. 188.

событиях 28-29 августа 1919 г., когда в Москве были арестованы руководители так называемого «Национального центра» и захвачены списки членов этой организации. Акция продолжилась 1-5 сентября обысками и арестами в Петрограде. Забирались люди, занимавшие должности культурно-просветительного характера, и даже состоявшие на советской службе при Комиссариате Народного Просвещения. Центральный Комитет Объединенного союза литературных организаций, в который входили Союз российских писателей, Союз драматических и музыкальных писателей, Профсоюз деятелей художественной литературы, Петроградский Профсоюз журналистов, Общество взаимопомощи литераторов и ученых и Всероссийское общество профессиональных переводчиков-литераторов, отправил депутатов к товарищу комиссара по Народному просвещению З.К. Гринбергу, с ходатайством об освобождении арестованных.[281]

Среди источников по истории российской гуманитарной деятельности нельзя не упомянуть публикацию Л. Поликовской «М.А. Осоргин в собственных рассказах и документах ГПУ»,[282] где впервые было обнародовано «Заключение по делу №15652 гр-на Осоргина[283] Михаила Андреевича», арестованного 18 августа 1922 года и содержавшегося во Внутренней тюрьме ГПУ. М.А. Осоргин проходил по следственному делу Всероссийского комитета помощи голодающим», еще одной гуманитарной организации, оставившей заметный след в общественной жизни России послеоктябрьского периода.

Особым видом источников по вопросам гуманитарной политики антибольшевистских правительств Сибири являются воспоминания и дневники современников событий, поскольку в них, как ни в каком другом источнике, ярко отражено восприятие повседневной жизни и

---

[281] Два эпизода из жизни литературных организаций: Публикация Н. Крамера: Отчет депутатов литературных организаций о поездке в Москву по делу арестованных литераторов и ученых / Минувшее. Исторический альманах. № 1. М., СПб. 1986. С. 324.
[282] *Поликовская Л.* М.А. Осоргин в собственных рассказах и документах ГПУ / Минувшее. Исторический альманах. № 19. М., СПб. 1996. С. 204.
[283] М.А.Осоргин (наст. фам. Ильин, 1878-1942)

правительственной политики в гуманитарных вопросах населением территории, находившейся под управлением антибольшевистских властей, отдельными представителями различных социальных групп.[284]

[284]*Артемьев И.К.* Воспоминания: эпизоды революции на Дальнем Востоке. Тяньцзин, 1939; *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. (Из цикла «Шесть лет» 1917 – 1922 гг.). Новониколаевск, 1925; *Бородин Н.А.* В Омске с Директорией и Колчаком (1918 – 1919 гг.) // *Бородин Н.А.* Идеалы и действительность: Сорок лет жизни и работы рядового русского интеллигента (1879 – 1919). Берлин; Париж, 1930; *Борисов Б.* Дальний Восток. Вена, 1921; *он же.* «За нас… буржуазия, спекулянты и купечество» (Публ. Ю.В. Иванова) // Военно-исторический журнал. 1998. № 1. С. 16 – 24; *Будберг А.П.* Дневник белогвардейца. Новосибирск. 1991; *он же.* Дневник. 1918 – 1919 гг. М., 1990; *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991; *Ватанабэ Ф.* Интервенция в Сибири. Токио, 1993; *Гинс Г.К.* Предприниматель. М., 1992; *он же.* Сибирь, союзники и Колчак: поворотный момент русской истории: 1918 – 1920: Впечатления и мысли члена Омского правительства. Харбин, 1921; Гражданская война в Сибири и Северной области: Мемуары // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М.; Л., 1927; *Грэвз У.* Колчак, Америка и Япония (Интервенция Америки в Сибири). М., 1932; *он же.* Американская авантюра в Сибири (1918 – 1920). М., 1932; *Елавский И.* Голодный поход Оренбургской армии. Пекин, 1921; *Енборисов Г.В.* От Урала до Харбина: памятка о пережитом. Шанхай, 1932; *Жаннен М.* Отрывки из моего сибирского дневника // Иркутск, 1923; *Жемчужная З.* Пути изгнания: Урал, Кубань, Москва, Харбин, Тяньцзин: Воспоминания. N.Y., 1987; *Иванов В.* В гражданской войне: Из записок омского журналиста. Харбин, 1921; *Иностранцев М.А.* Адмирал А.В. Колчак и его катастрофа. Воспоминания. Прага, 1922; *Казаков В.Г.* Немые свидетели. Шанхай, 1938; *Кислицин В.А.* В огне гражданской войны: Мемуары. Харбин, 1936; *Колосов Е.Е.* Сибирь при Колчаке: Воспоминания. Материалы. Документы. Пг., 1923; Колчаковщина: Сборник воспоминаний / Под ред. Н. Райвина. Екатеринбург, 1924; *Котомкин А.* О чехословацких легионерах в Сибири. 1918 – 1920: Воспоминания и документы. Париж, 1987; *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции / *Спроге В.Э.* Записки инженера. М., 1999; *Кроль Л.А.* За три года: Воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток, 1921; *он же.* Страницы из Сибирской общественности // Сибирские архивы. 1930. № 3. С. 150 – 120; *Кулаев И.В.* Под счастливой звездой. М., 1999; *Лавров И.А.* В стране экспериментов: Воспоминания. Харбин, 1934; *Литвинов И.И.* Из дневника 1922 г. // Неизвестная Россия. XX век. Т. 4. М., 1993; *Михайловский Г.Н.* Записки из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914 – 1920 гг.: В 2 кн. М., 1993; *Набоков К.Д.* Испытания дипломата. Стокгольм, 1921; *Орлов Н.В.* Смутные времена в Харбине и адмирал Колчак. Воспоминания; *Парфенов П.С.* Гражданская война в Сибири, 1918 – 1920. Изд. 2-е испр. и доп. М., 1925; *он же.* Уроки прошлого: Гражданская война в Сибири, 1918, 1919, 1920 гг. Харбин, 1921; *Пепеляев В.Н.* Дневник. Иркутск. 1989; Развал колчаковщины (Из дневника В.П. Пепеляева) // Красный архив. 1928. № 6 (31). С. 51 – 80; *Савич Н.В.* Воспоминания. Спб., 1993; *Сахаров К.В.* Белая Сибирь: Внутренняя война 1918 – 1920 гг. Мюнхен, 1923; *Семенов Г.М.* О себе: Воспоминания, мысли и выводы. Б.м., 1938; *Серебренникова А.Н.* С чехами от Иркутска до Харбина: Дорожные записки // Серебренников И.И. Мои воспоминания. Тяньцзин, 1940; *Солодовников Б.* Сибирские авантюры и генерал Гайда (Из записок русского революционера). Прага, 1921; *Устрялов Н.В.* Белый Омск: Дневник колчаковца // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 283 – 339; *Филатьев Д.В*. Катастрофа белого движения в Сибири, 1918 – 1922: Впечатления очевидца. Париж, 1985; *Филимонов Б.Б.* Белоповстанцы: Хабаровск, поход, зима 1921 – 1922 гг. Кн. 2. Борьба на амурской границе

С этой точки зрения, прежде всего, необходимо выделить воспоминания В.П. Аничкова.[285] В отличие от остальных мемуаристов того периода, затрагивавших в своих воспоминаниях вопросы гуманитарного и экономического положения Сибири, В.П. Аничков делал это профессионально. В совершенстве владея всей полнотой знаний о функционировании банковской сферы в стране за предшествовавшие двадцать пять лет, автор имел возможность анализировать процессы, происходившие в экономике Сибири, с точки зрения профессионала-практика. При этом повествование представляет собой две параллельные сюжетные линии. С одной стороны, автор воспоминаний – чиновник Министерства финансов, принимавший участие в реформировании и управлении денежной системы региона – раскрывает механизм разработки и осуществления политики по регулированию денежного, а с ним и товарного, обращения. С другой стороны, он – отец семейства, вынужденный ежедневно заботиться о хлебе насущном, покупавший продукты на рынке и скрупулезно фиксировавший динамику потребительских цен.

В воспоминаниях В.П. Аничкова нашли отражение все перипетии противоречивой гуманитарной и экономической политики сибирских (а позднее и приморских) властей. Будучи приглашен на работу в Министерство финансов, автор последовательно отстаивал необходимость проведения денежной реформы, смысл которой должен был свестись к выпуску собственных денежных знаков, обмену в течение первого месяца всех дензнаков рубль на рубль, с последующим понижением обменного курса.

В.П. Аничков выступал и за скорейшее принятие специального закона, на основании которого должна была производиться денежная эмиссия. В качестве обеспечения эмиссии новых денег предлагалось использовать

с 25-го декабря по 13-е января. Шанхай, 1933; *Флуг В.Е.* Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 г. // Архив русской революции. Берлин, 1923; и др.

[285] *Аничков В.П.* Екатеринбург – Владивосток (1917 – 1922). М. 1998.

золотой фонд, находившийся в тот период времени в распоряжении правительства адмирала А.В. Колчака.[286]

Другая, «неофициальная», часть воспоминаний В.П. Аничкова посвящена повседневной жизни автора и его семьи. Эти, на первый взгляд, довольно личные впечатления являются неоценимым источником для анализа гуманитарной ситуации в Сибири периода Гражданской войны, для изучения процессов, происходивших тогда в гуманитарной сфере региона. Помимо регулярных ссылок на курс сибирских денег по отношению к «романовским» и японским денежным единицам,[287] автор постоянно соотносит цены на продукты питания и товары первой необходимости с аналогичными ценами довоенных лет. Подобные описания обильно вкраплены в ткань мемуаров, предоставляя исследователю уникальную возможность анализировать динамику цен на потребительском рынке Сибири не только на протяжении нескольких лет Гражданской войны, охваченных автором воспоминаний, но и соотносить этот важнейший экономический показатель с довоенным периодом. Подобная работа велась в 1918 – 1919 гг. целенаправленно. Так, уполномоченным Министерства снабжения и продовольствия по Томской губернии была составлена сводная таблица цен на основные потребительские товары в 1914 и 1918 гг.[288]

Иван Васильевич Кулаев был незаурядным предпринимателем: золотопромышленником, металлургом, строителем, коммерсантом и финансовым деятелем, сыгравшем значительную роль в торгово-промышленном развитии Сибири, русского Дальнего Востока и Маньчжурии. Многие годы хозяйственной деятельности позволили ему изучить все стороны деятельности российских местных властей, судебной системы, транспорта, финансовых учреждений Сибири. Большое внимание

---

[286] *Аничков В.П.* Екатеринбург – Владивосток (1917 – 1922). М. 1998. С. 181 – 182.
[287] *Карпенко С.В.* Указ. соч. С. 180, 198, 205, 229, 251, и др.
[288] ГА РФ. Ф. 160. Оп. 2. Д. 34. Л. 6.

уделял он улучшению жизни трудящегося населения; его благотворительная деятельность была широко известна.

Глубокое знание законов жизнедеятельности региона позволили И.В. Кулаеву с большой точностью констатировать недуги, которыми была больна экономика региона. Поэтому кризис, разразившийся в Сибири в период мировой и Гражданской войн, не стал для него неожиданностью. Основной вывод, к которому он пришел при анализе причин происшедшего, – пороки государственного управления экономической жизнью на местах, пронизывающая все властные структуры коррупция, низкий жизненный уровень населения региона.

Большое внимание уделил автор той обстановке в предпринимательских кругах Сибири, которая сложилась в условиях товарного голода, ставшего следствием Гражданской войны и разрушения налаженных хозяйственных связей между регионами страны. В главе воспоминаний, названной «Азарт наживы», И.В. Кулаев описывал своего рода «золотую лихорадку», охватившую многих состоятельных людей, бросавших свои постоянные занятия и пускавшихся в прибыльные спекуляции на товарных рынках Сибири. Автор описывал предпринимателей, скупавших в Китае и Маньчжурии самые различные потребительские товары, отправлявшиеся в Западную Сибирь и на Урал, где они продавались населению по двойной и тройной цене. Результат этого кратковременного периода сверхприбылей наступил довольно быстро и оказался вполне закономерным: «Такое радостное благодушие, – писал И.В. Кулаев, – продолжалось до отхода армий Колчака в глубокий тыл, в Забайкалье; тогда наши богачи побросали свои товары на произвол судьбы и вывезли в Харбин нажитые капиталы в сибирских кредитных рублях, которые с падением власти Колчака потеряли всякую ценность, и вновь испеченные миллионеры лопнули, как мыльные пузыри».[289]

[289] *Кулаев А.А.* Под счастливой звездой: Воспоминания. М. 1999. С. 200.

Подводя итог в обзоре источниковой базы исследования следует сделать несколько выводов.

Во-первых, можно с уверенностью утверждать, что мемуары участников и свидетелей событий периода Гражданской войны и военной интервенции в Сибири являются чрезвычайно информативным и достоверным источником для изучения гуманитарной политики существовавших на ее территории антибольшевистских правительств и деятельности гражданского общества. Личные впечатления, путевые заметки, воспоминания людей, на коротком промежутке времени исполнявших в белых правительствах властные функции, – эти и подобные материалы насыщены прямой и косвенной информацией о гуманитарном состоянии региона, особенностях потребительского рынка и повседневной жизни населения, динамике гуманитарных процессов, экономическом, медицинском, культурном состоянии общества, и т.п.

Во-вторых, на всех источниках мемуарного происхождения лежит отпечаток личности автора, рассматривавшего происходившие события через призму своего интеллекта, убеждений и мировосприятия. По этой причине источниковедческий анализ в данном случае требует особо взвешенного подхода, при этом особое значение при работе с мемуарами приобретает сравнительный метод. С одной стороны, у разных мемуаристов имеется очевидная близость взглядов на гуманитарное состояние общества и на политику местных и центральных властей региона. С другой стороны, разные мемуаристы по-разному оценивают роль тех или иных гуманитарных факторов. Для «генеральского» восприятия гуманитарные проблемы тыла рассматриваются сугубо через призму срыва снабжения, общего экономического кризиса, охватившего страну, в плохой работе аппарата управления, в бюрократизме и взяточничестве чиновников, в своекорыстии предпринимателей. Если же сравнивать «генеральское» восприятие гуманитарных проблем тыла с оценками, которые давали специалисты – опытные и знающие чиновники, предприниматели, гражданские деятели, – то

становится очевидным, что всей глубины причин гуманитарного кризиса не понимал даже генерал А.П. Будберг, находившийся в Омске и осуществлявший контроль за снабжением войск. Следовательно, они могли только указывать на внешние проявления этих проблем и их губительные последствия для общественной жизни, но реальных путей решения этих проблем они не видели.

В-третьих, следует отметить хорошую сохранность и широкую представленность архивных документов по истории российской гуманитарной деятельности. Огромный массив документальных материалов, скрупулезно собиравшийся многие годы общественными деятелями и энтузиастами в эмиграции, позволяет сегодня написать обширное полотно гуманитарной деятельности. Документы благотворительных организаций, международных и российских гуманитарных сообществ, личные фонды деятелей антибольшевистских режимов и эмигрантов – эти и целый ряд иных источников, хранящихся ныне в российских архивах, позволяют продолжать исследования этой сложной и малоизученной проблемы отечественной истории.

В-четвертых, особый, маловостребованный и малоизученный комплекс документальных материалов представляют источники по экономической истории Гражданской войны и эмиграции. Однако именно здесь могут быть найдены самые достоверные материалы о гуманитарном положении огромных масс людей, вовлеченных в процесс гражданского противостояния. Порой излишняя увлеченность современных исследователей политическими или культурными сюжетами не позволяет составить полную картину происходивших в период Гражданской войны и в эмиграции процессов, хотя львиная доля причин деградации гуманитарной жизни общества была сокрыта именно в сфере экономики.

Подводя общий итог к первой главе, уместно сделать следующие выводы.

Гуманитарная деятельность как общественный феномен на сегодняшний день представляет собой малоизученную область науки. Несмотря на глубокие философские и исторические корни гуманитарной идеи, комплексное изучение этого явления находится в самом начале пути. Современным общественно-политическим дискурсом активно востребована гуманитарная лексика, однако до сих пор не выработаны точные индикаторы соответствия той или иной деятельности определению «гуманитарная». Следствием такого положения дел становится вольная интерпретация этого альтруистического понятия в интересах тех или иных политических сил. В то же время, к настоящему моменту накоплен огромный источниковый и научный потенциал для точного и полного описания этой важнейшей функции человеческой цивилизации.

Глава 2. Российская гуманитарная деятельность периода Гражданской войны как феномен общественной самоорганизации в условиях национальной катастрофы. 1917-1920 гг.

§ 2.1. Гражданская война на Востоке России: воссоздание гуманитарной инфраструктуры. 1918-1920 гг.

Революционные события 1917 года имели для гуманитарной жизни страны катастрофические последствия. Распад социокультурного пространства, исчезновение чрезвычайно тонкого слоя европейской цивилизованности на российском обществе того времени при невозможности вернуться к исконно русской, народной традиции повлекло за собой резкое обострение всех негативных тенденций, копившихся в государстве и обществе веками. Деградация гуманитарной жизни общества в условиях Гражданской войны стала одним из неизбежных следствий этого катастрофического процесса.

Слом гуманитарной традиции не мог не привести в краткосрочной перспективе к атомизации, маргинализации социокультурной жизни в стране. Гуманитарная деятельность в обществе, как составная часть единого культурного полотна нации, пала под этим ударом в первую очередь. Ужасы гражданского противостояния во всех сферах общественной жизни – от идеологической до военной – стали крайним проявлением этого разрушительного процесса. Взаимная ненависть, бессмысленное и неоправданное военной целесообразностью ожесточение, террор и репрессии против мирного населения, уничтожение культурных ценностей, разрушение традиционных жизненных укладов огромного населения страны стали

следствием разрушения общественного гуманизма и гуманитарности в широком понимании этого слова. Причем попрание гуманитарных, общечеловеческих норм происходило с обеих сторон; и «белые», и «красные» с равной жестокостью относились к представителям интеллигенции, казавшимся им идеологически чуждыми.

Гуманитарная катастрофа Гражданской войны нанесла непоправимый урон национально-культурной идентичности российского народа. Разрушение кровных семейных уз, ниспровержение традиционных норм общественного устройства, деградация основ государственной жизни, дискредитация исторического опыта, разрушение культурных и нравственных норм в условиях гражданского конфликта ставили перед каждым гражданином страны сложнейший вопрос о его идентичности. Ситуация нравственного, культурного, цивилизационного выбора; необходимость идентификации себя в качестве сторонника тех или иных общественных и политических сил; необходимость принятия решения об эмиграции из страны или согласия с революционными изменениями государственной и общественной жизни порождали у людей состояние острого социокультурного стресса, разрушавшего их представление о собственной идентичности. Гуманитарная деятельность общественных организаций, частных лиц, профессиональных объединений, образовательных и научных организаций приобретала в этом смысле системную роль: внутри раздираемого гражданским противостоянием общества восстанавливалась гуманитарная инфраструктура, позволившая сотням тысяч соотечественников сохранить свою идентичность в ситуации гуманитарной катастрофы.

В этих условиях гражданского противостояния возрождение гуманитарной деятельности казалось явлением невозможным. Однако стремление общества – пусть тяжко больного и раздираемого гражданской войной – к самоорганизации оказалось в состоянии преодолеть катастрофический социокультурный стресс. Стремление общества к

консолидации стало залогом сохранения гражданами страны собственной идентичности в условиях гуманитарного кризиса и атомизации общественной жизни.

Понимание и осознание необходимости возобновления гуманитарного процесса в стране привело к парадоксальному явлению. Практически одновременно на территориях, контролируемых большевистскими властями и белыми правительствами, была воссоздана деятельность крупнейшей гуманитарной организации страны – Российского общества Красного Креста. Одному из них предстояло в недалеком будущем трансформироваться в Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР; другому – продолжить свою деятельность в эмиграции.

Российское общество Красного Креста в изучаемый период воссоздало и сконцентрировало под своим влиянием гуманитарную деятельность организаций, являвшихся до 1917 г. местными учреждениями Всероссийского Земского союза и Всероссийского союза городов.[290] Государственное Казначейство также выделяло средства на гуманитарную деятельность; осуществлялись и специальные, установленные в законодательном порядке сборы.

Реорганизация Российского общества Красного Креста советской властью началась с декрета Совнаркома 4 января 1918 г. «О передаче имущества и капиталов учреждений Красного Креста и Всероссийского Союза городов в государственную собственность». В июле 1919 г., Временное Главное управление по делам РОКК в Киеве в переписке с

---

[290] Российское общество Красного Креста возникло после подписания Женевской Конвенции первоначально как частное общество, основанное в 1867 г. под названием «Общество попечения о больных и раненых воинах». Однако вскоре значение его изменилось, и уже с 1869 г. Красный Крест получил наименование Российское общество Красного Креста (РОКК) и приобрел особый общественно-государственный характер. В его состав входили выдающиеся государственные и общественные деятели и представители российской медицинской науки. Бюджет РОКК формировался за счет членских взносов и частных пожертвований. *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции, 1918-1924 гг.: Дисс. канд. ист. наук. М., 2000.

Международным комитетом Красного Креста в Женеве таким образом характеризовано произошедшие события: «Политические события в России в последние месяцы 1917 г. – свержение созданного февральской революцией Правительства, захват власти Советами солдатских, рабочих и крестьянских депутатов и образование Советской Социалистической Республики – повлекли за собой существенные изменения и в организации заведования делами Российского общества Красного Креста. Главное Управление общества было упразднено декретом нового Правительства и заменено Коллегией по управлению делами Российского общества Красного Креста, а на местах имущество и дела Красного Креста были переданы в заведование местных советов рабочих и солдатских депутатов в тылу, и солдатских комитетов – на фронте. В состав Центральной Коллегии по управлению делами вошли как представители работников Красного Креста военного времени, избранных на различных, весьма неполно представленных и неправомочных съездах, так, главным образом, и лица, ничего общего с задачами и деятельностью Красного Креста не имеющие, но удовлетворяющие требования известной партийной принадлежности».[291]

7 августа 1918 г. вышло в свет очередное постановление Совнаркома о Российском обществе Красного Креста.[292] С одной стороны, этот

---

[291] Декреты Октябрьской революции. Партийное издательство. М., 1933. Т. 1. С. 432-434.

[292] «Советская власть придаёт важное значение беспрерывному продолжению деятельности Российского Общества Красного Креста на обязательствах, проистекавших из соответственных международных актов: Российское Общество Красного Креста действует на основании Женевской конвенции 1864 года и других, последовавших в развитие ее конвенций. Оно входит в Международный Союз Обществ Красного Креста и непосредственно сносится с подобными же Обществами других стран. 2. Российское Общество Красного Креста пользуется покровительством высших правительственных учреждений Республики. О своих потребностях и нуждах оно представляет правительству через Народный Комиссариат Здравоохранения. 3. Российское Общество Красного Креста во время войны и при народных бедствиях оказывает всеми имеющимися в его распоряжении средствами содействие правительственным врачебно-санитарным органам в деле помощи раненым и больным и военнопленным, а также пострадавшему от бедствий населению. 4. Российское Общество Красного Креста пользуется полною автономией и самостоятельностью в вопросах, касающихся его организации и участия в правительственных и общественных мероприятиях, но находится под контролем Народного Комиссариата Здравоохранения и согласует свои действия с общим планом и указаниями Комиссариата и тех лиц и учреждений, на которых будет возложено

нормативный акт призван был сохранить преемственность гуманитарной деятельности Российского общества Красного Креста на международной арене, и значение его в этом смысле трудно переоценить. С другой стороны, процитированное постановление Совнаркома создавало правовой вакуум в деятельности организационных структур и активистов «старого» РОКК, продолжавших активно работать за границей с целью оказания помощи и русским беженцам, и остававшимся в России соотечественникам, чья нужда становилась с каждым годом все острее. Эта правовая неопределенность РОКК станет в недалеком будущем, уже в 1920-х гг., причиной многих проблем, возникавших при оказании Красным Крестом помощи русским военнопленным в Европе, голодающим в России и многочисленным российским беженцам, прибывавшим в европейские государства в этот период.

Следует отметить, что такая поспешность со стороны новой власти в отношении гуманитарной организации имела свои причины. Положение на фронтах в тот период времени было катастрофическим не только в военном смысле. Огромная масса раненых, антисанитария, эпидемии, фактический развал медико-санитарной работы требовал от советских властей незамедлительного решения целого комплекса задач. Промедление могло повлечь за собой необратимые последствия в виде массовых эпидемий и высокой смертности от ран на полях сражений, что не замедлило произойти осенью 1918 г., когда Сибирь охватила эпидемия тифа.[293]

правительством руководство по оказанию врачебной, лечебной и других видов помощи на театре военных действий и при народных бедствиях. Общество пользуется всеми правами юридического лица». Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М. 1942. С. 784-785.

[293] Вот что представляла в этот период Сибирь по воспоминаниям современников: «Целые вагоны вымирают от тифа. Врача ни одного. Медикаментов никаких. Целые семьи в бреду. Вдоль дороги трупы. У станций штабеля трупов… Положение сложилось катастрофическое. В Омске ежедневно заболевали 500 человек и 150 умирали. Эпидемией были поражены все общественные места – Беженский приют, сиропитательный дом, рабочие общежития, почтовая контора и другие помещения, где больные лежали на нарах вповалку, на полу на гнилых тюфяках. На новосибирской станции Кривощеково стояли 3 штабеля по 500 трупов в каждом. Еще 20 вагонов с умершими находились поблизости.

В этой обстановке национальной катастрофы современники отмечали удивительное сотрудничество воюющих сторон в преодолении общей беды, которая не выбирала политическую сторону, а грозила тотальным вымиранием всего народа. Такие случаи гуманитарного сотрудничества воюющих на фронтах Гражданской войны русских людей будут отмечаться неоднократно. Среди всеобщего кровавого одичания братоубийственной войны иногда вспыхивали очаги гуманности и сострадания: раненый противник не добивался на поле боя, а доставлялся в полевой госпиталь, где ему оказывалась помощь рядом с бойцами «своей» армии; больной враг, захваченный на больничной койке, получал необходимую помощь, а общая угроза объединяла политических противников и заставляла их работать плечом к плечу. История Гражданской войны в России знает лишь единичные случаи такого сотрудничества: как правило, поверженный враг не знал пощады, и участь десятков тысяч пленных, раненых и больных с обеих сторон решалась быстро и неумолимо. Тем ценнее эти редкие факты гуманного отношения друг к другу людей, сумевших в условиях гуманитарной катастрофы и всеобщего одичания соблюдать писанные и написанные человеческие законы и продолжавших ощущать себя гражданами одной страны. Н.В. Волков-Муромцев, участник Гражданской войны на стороне Добровольческой армии, вспоминал, как оказался после ранения в госпитале, где рядом с ним лежали раненые красноармейцы.[294] Прецеденты такого рода встречались на разных фронтах Гражданской войны – и на Юге, и на Востоке, и на Севере.[295] Парадоксальным образом участники

Аналогичное положение сложилось повсеместно». Цит. по: Тайны XX века, №24, июнь 2010.

[294] *Волков-Муромцев Н.В.* Юность. От Вязьмы до Феодосии(1902-1920). – М.: Русский путь, 1997. С. 328.

[295] Вот как по исследованию В.С. Познанского проходило взаимодействие враждующих сторон в Сибири: «Людей, борющихся с тифом, катастрофически не хватало. Произошло удивительное. Оставшихся в «красной» оккупации врачей Белой армии признали военными специалистами и поставили на довольствие. Здоровые колчаковцы были мобилизованы из фильтрационных лагерей как помощники медперсонала – кому-то нужно было вести разросшееся больничное хозяйство, хоронить трупы. Всего привлекли 54 роты (около 6 тысяч) белогвардейцев, которых в официальных документах стали

гражданского противостояния продолжали в некоторых случаях идентифицировать себя и друг друга в качестве граждан одной страны, одного народа, единой национально-культурной идентичности. Редкие случаи сотрудничества противоборствующих сторон перед лицом общей гуманитарной катастрофы; оказание помощи раненому или больному противнику являются подтверждением этого тезиса.

Однако одна из самых насущных проблем – проблема материального обеспечения медико-санитарной деятельности, оставалась нерешенной. Именно по этой причине 29 января 1918 г. появился приказ Народного Комиссариата по военным делам «Об учреждении Санитарного Отдела для обслуживания врачебно-санитарных нужд Рабоче-крестьянской Красной армии», фактически лишавший Российское общество Красного Креста и другие гуманитарные организации, продолжавшие свою деятельность в стране, всего имущества.[296]

А спустя три месяца, в апреле 1918 г., постановлением Совнаркома все находившиеся в собственности РОКК, Всероссийского Союза Городов и Всероссийского Земского Союза химические и химико-фармацевтические фабрично-заводские предприятия были переданы в ведение и управление Наркомата по финансовым делам.[297]

Комплекс мер по реорганизации РОКК советской властью, безусловно, принес видимые результаты. Гуманитарная деятельность практически на

уважительно называть белоармейцами. Всех их поставили на боевые пайки и ставки Красной армии. Об этом оставил свидетельство красный командир П.К. Голиков, возглавивший Сибчекатиф в тот период, когда главной военной задачей в весну 1919 года стало захоронение трупов». Цит. по: Тайны XX века, №24, июнь 2010.

[296] «1. Для обслуживания врачебно-санитарных нужд рабоче-крестьянской красной армии образуется Санитарный Отдел рабоче-крестьянской краевой армии. 2. Санитарный Отдел рабоче-крестьянской красной армии организуется на тех же началах, как и социалистическая армия, а именно: на началах добровольной службы медицинских работников и преданности их делу Советской власти. 3. Материальная часть и снабжение Санитарного Отдела рабоче-крестьянской красной армии получается из наличных запасов Военно-санитарного ведомства, Российского Общества Красного Креста, Всероссийского Земского Союза и Всероссийского Союза Городов». Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М. 1942. С. 330.

[297] Собрание узаконений. С. 460.

всей территории страны была обезглавлена и свернута на длительный период. Последствия не замедлили сказаться. Десятки тысяч военнопленных, как возвращающихся на родину, так и остававшихся в плену, нуждались в разносторонней и неотложной помощи. Перемещение огромных масс людей, страдающих от голода и болезней, должно было создать и в итоге создало условия для вспышки эпидемических заболеваний. Основная тяжесть этих проблем традиционно ложилась на Российский Красный Крест. Кроме того, упразднение Главного Управления Российского общества Красного Креста не могло не вызвать значительного резонанса от Международного Красного Креста. Такая внутри и внешнеполитическая ситуация заставила советскую власть осуществить мероприятия по созданию новых – советских – организационных структур, призванных взять на себя гуманитарные миссии в стране. С этой целью был разработан план, предполагавший, что смена власти не вызовет протеста у служащих и добровольцев РОКК, и все его местные утверждения автоматически станут лояльны новому центру принятия решений: этот вопрос был подробно изучен в кандидатской диссертации автора.[298]

Однако действия центральных советских властей натолкнулись на острое противодействие местных гуманитарных учреждений стремившихся

[298] «Комитет по реорганизации РОКК выпустил в свет два приказа: от 14 июня 1918 г., предписывавший «всем учреждениям Красного Креста, находящимся в сфере военных действий, выделить в срочном порядке из своего состава летучие отряды и направлять их, по первому требованию, в распоряжение Правительственных Военных органов, обслуживающих революционный фронт, и от 22 июня 1918 г., гласивший, что для «формирования и управления санитарной частью Красного Креста революционного фронта учреждается Чрезвычайная мобилизационная комиссия в составе 3 членов Комитета по реорганизации РОКК. Означенной комиссии поручалась организация госпиталей, лазаретов, передовых отрядов, питательных отрядов и все дело оказания помощи больным и раненым воинам Красной Армии революционного фронта. Комитет по реорганизации РОКК предлагал всем учреждениям и лицам Красного Креста оказать полное содействие к успешному выполнению означенной Комиссией возложенного на нее поручения». *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции, 1918-1924 гг. Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. Наук. Москва, 2000.

сохранить собственную независимость и неподконтрольность центральным властям.[299]

Реорганизация Российского общества Красного Креста простым волевым решением не удалась. Вторая попытка была предпринята 30 сентября 1918 г. Комитетом по реорганизации РОКК было подготовлено решение о записи в члены РОКК.[300]

Показателен в этой связи факт нахождения в фонде Центральной Коллегии по реорганизации РОКК копии постановления Совета рабочей и крестьянской обороны, подписанного В.И. Лениным, И.В. Сталиным и Н.П. Брюхановым, дающий представление о характере и масштабах «взаимоотношений» ВЧК и Российского общества Красного Креста.[301]

Названный акт завершал реорганизацию Российского общества Красного Креста. Привнесение в деятельность этой старейшей гуманитарной организации политической повестки, разрушение создававшейся десятилетиями гуманитарной инфраструктуры, преследование деятелей и

---

[299] «В постановлении Комитета Югозападокреста говорилось: Комитет по реорганизации Российского общества Красного Креста, образованный в Москве по распоряжению Советской власти, не является законным представителем Российского общества Красного Креста, т.к.: а) Советская власть не признается законной на значительной части территории бывшей Российской Империи, многие части которой объявили себя самостоятельными и б) В образовании Комитета, решившего возглавлять Российское общество Красного Креста, как учреждение частного характера и долженствующее не противоречить признанным на международных Конвенциях началах, не участвовали члены и деятели Российского общества Красного Креста». ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 35. Л. 3-6.

[300] Черновик этого политического решения содержал следующее: «Лица, скомпрометировавшие себя в общественно-политическом отношении перед народом и государственной властью, в члены РОКК не принимаются. Также в состав РОКК не принимаются паразитические элементы, эксплуатирующие чужой труд. Лица, не пользующиеся правом избирательным активным и пассивным, не могут быть зачислены в состав членов РОКК». ГА РФ. Ф. р-3341. Оп. 1. Д. 39. Л.16.

[301] [В виду того, что аресты сотрудников советских учреждений и предприятий, производимые по постановлениям Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, нередко отзываются крайне болезненно на ходе работы этих учреждений, и замена этих работников другими не всегда может быть произведена быстро и без ущерба для дела… Совет Рабочей и Крестьянской обороны постановляет: Предписать Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и ее местным органам, предварительно извещать соответствующее ведомство относительно своих постановлений]. ГА РФ. Ф. р-3341. Оп. 1. Д. 39. Л. 89.

активистов гуманитарных организаций негативно отразилось на всей российской гуманитарной деятельности.[302] Репутация и престиж российского Красного Креста как части международного гуманитарного движения оказались подорваны. О непопулярности созданного советской властью общества Красного Креста недвусмысленно гласит телеграмма во Всероссийский центральный совет профессиональных союзов: «Несмотря на объявленное воззвание к рабочим объединениям… профессиональные рабочие организации… не вступают в члены РОКК. Для обеспечения полного представительства рабочих организаций на предстоящем учредительном общем собрании членов Красного Креста… необходимо привлечь возможно большее количество членов от трудового класса».[303]

В процессе реорганизации стало очевидным стремление большевистских властей поставить под полный контроль все организационные структуры, материальные и нематериальные активы российских гуманитарных организаций. Именно на этом этапе проходит временная и понятийная граница между российской и советской гуманитарной деятельностью; именно с этого момента на территории бывшей Российской Империи на определенном отрезке времени начинают существовать две независимые друг от друга системы гуманитарной деятельности.

---

[302] 3 мая 1918 г. было опубликовано Постановление Совнаркома № 463 «О дополнении декрета Совета Народных Комиссаров от 6 января 1918 г. о Российском Обществе Красного Креста», подписанное председателем Совета Народных Комиссаров В. Ульяновым (Лениным), заместителем народного комиссара по иностранным делам Чичериным и управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевичем. Этот лаконичный документ декларировал преемственность созданного «советского» Красного Креста и «старого» Российского общества Красного Креста, являвшегося видным субъектом международной гуманитарной деятельности. Постановление гласило, что «означенным декретом Российское Общество Красного Креста во главе с Комитетом по реорганизации Красного Креста, как специальное отделение Международной Ассоциации Красного Креста, действующей на основании Женевской конвенции 1868-1907 гг., не уничтожено. Все прерогативы Российского Общества Красного Креста, как Отделения Международного Общества, сохраняются за Комитетом по реорганизации Российского Общества Красного Креста Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М. 1942, стр. 485-486.

[303] ГА РФ. Ф. р-3341. Оп. 1. Д. 39. Л. 41.

Воссоздание российской гуманитарной деятельности на территории белых правительств в Сибири и на Дальнем Востоке страны началось в июне 1918 г. С этого момента появляются первые данные об участии местных управлений и отрядов Российского общества Красного Креста в оказании помощи участникам летних боев 1918 г. Их работа на данном этапе не обеспечивалась координацией единого центра и носила стихийный характер. Обновленное Российское общество Красного Креста, как часть гуманитарной инфраструктуры военного времени, начало свою деятельность во второй половине сентября 1918 г. в Самаре, где было создано организационно-исполнительное бюро, приступившее к совместной работе с Комитетом членов Учредительного Собрания под наименованием «Временное главное управление РОКК. 5 октября ВГУ выехало из Самары в Омск».[304] Одновременно состоялись переговоры с местными учреждениями РОКК, подчинявшимися прежде Главному управлению, о вхождении их в состав нового управления ВГУ. С октября по декабрь 1918 г. ВГУ осуществило анализ дел в местных учреждениях РОКК, оказало помощь Ольгинской общине в Самаре, Александровской общине (Уфа), приняло под свое «покровительство» Хвалынский отряд Красного Креста, эвакуированный из Саратовской губернии; была отправлена экспедиция на Дальний Восток для изучения гуманитарной ситуации и положения дел в Иркутске, Харбине, Владивостоке, установления связей с местными учреждениями РОКК.[305]

Восстановление гуманитарной деятельности на территориях, охваченных гражданской войной, было не просто важным, но и жизненно необходимым: воспоминания современников изобилуют душераздирающими описаниями бедствий и страданий, выпавших на долю раненых и гражданского населения. Вот как описывал увиденное в Сибири сотрудник Американского Красного Креста Рудольф Бьюкели, оставивший драматические воспоминания «Поезд смерти»: «Я видел мёртвых, тела

[304]ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 3. Л. 35.
[305] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.

которых болезни и паразиты разъедали до тех пор, пока жизнь не покинула их после 5 месяцев ежедневной мучительной пытки от голода, грязи и холода. Клянусь богом, я не преувеличиваю. Через окна товарных вагонов размером 24 фута на 10, я видел животных, которые когда-то были людьми, мужчинами, женщинами и детьми; на меня глядели лица, в которых я не мог признать человеческие существ. Они были подобны мордам животных неизвестной людям породы. Полнейшее безумие и ужас смотрело на меня из их глаз, и на всём лежали знаки смерти, ошибаться в которых было невозможно».[306]

После передачи 18 ноября 1918 г. А.В. Колчаку всей полноты власти и присвоения титула «Верховный Правитель», в числе первых решений последовало утверждение 6 декабря 1918 г. Положения о Временном главном управлении Российского общества Красного Креста, констатировавшее, что «ВГУ в своей деятельности руководствуется и подчиняется уставу РОКК 1893 г».[307] В состав воссозданного общества вошли члены Главного управления РОКК, его представители из Западной Сибири и Поволжья, представители различных ведомств, земств, городов.[308] В управление ВГУ поступили личный состав и имущество ликвидированного в феврале 1918 г. Сибирского отдела ЦК о военнопленных, базировавшегося ранее в Омске.[309]

Эпидемия сыпного тифа, начавшаяся зимой 1918 г. в Челябинске и создавшая угрозу для всей Сибири, потребовала максимально быстрой мобилизации учреждений Красного Креста и других гуманитарных и государственных организаций. Приказ по Западному фронту объявил о создании Комитета по борьбе с эпидемией сыпного тифа «в составе представителей Земгора, Военно-санитарного ведомства, уполномоченных

---

[306] *Бьюкели Р.* Поезд смерти / Поезд смерти. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство. 1960. С. 136.
[307] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.
[308] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д.13. Л. 178.
[309] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 3. Л. 39.

Американского Красного Креста».[310] Временное Главное Управление РОКК в декабре 1918 г. призвало «всех членов общества и весь личный состав учреждений Красного Креста к совместной дружной работе и объявило мобилизацию учреждений и персонала».[311] Тогда же было констатировано начало гуманитарной работы и выработаны первоочередные направления неотложной деятельности.[312]

Масштаб задач, стоявших перед РОКК; протяженность территорий, где эта деятельность должна была осуществляться, требовали организации хорошо продуманного и безупречно отлаженного механизма местного управления, отражающего как специфику административно-территориального устройства, так и постоянно менявшуюся обстановку на фронтах.

Предпринятые действия положительно повлияли на всю гуманитарную деятельность. Фактическая экстерриториальность управления учреждениями РООК на местах обеспечила выживание местных учреждений в ситуации галопирующей инфляции и позволила не прерывать оказание помощи тысячам нуждающихся, обеспечив в конечном итоге эвакуацию за границу и продолжение деятельности в эмиграции.

В начале 1919 г. обострилось положение со снабжением учреждений Российского общества Красного Креста медицинским оборудованием, лекарствами, бельем, предметами первой необходимости. Количество инфекционных больных, раненых и инвалидов становилось с каждым днем все больше; одновременно материальные запасы РОКК в Сибири сокращались, а его склады за границей продолжали оставаться заблокированными до его признания де-юре в качестве правопреемника прежней – дореволюционной – организации. Попыткой решить эту нараставшую лавину проблем стало снаряжение закупочной экспедиции во

[310] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 155. Л. 26.
[311] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 15. Л. 20.
[312] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 3, л. 24.

Владивосток и Японию.[313] Ее работу осложняла неблагоприятная для России ситуация на заграничных рынках. Доверие к рублю было подорвано, кроме того, Россия, на какое-то время переставшая быть частью мировых экономических отношений, оказала негативное воздействие на экономику соседних стран, таких как Китай и Япония. Резкое снижение курса рубля повлекло за собой падение импорта, что не замедлило сказаться на внутреннем рынке Сибири и Дальнего Востока, собственная промышленность которых в условиях гражданской войны не могла удовлетворить потребности армии и потребительского рынка. В итоге вся гуманитарная деятельность оказалась в зависимости от зарубежных поставок медикаментов, оборудования, белья, целые составы которого стояли на границе из-за невозможности их оплаты обесценившимся рублем.

Временное Главное Управление РОКК постепенно интегрировалось в структуру Омского Правительства. В сентябре 1918 г. на Российское общество Красного Креста было распространено действие закона «Об особых пособиях на дороговизну служащим в правительственных учреждениях;[314] восстановлено присуждение «Знака Красного Креста» и «Знака отличия Красного Креста».[315] Активная деятельность РОКК в борьбе с эпидемией сыпного тифа и организация помощи раненым были отмечены благодарственной телеграммой А.В. Колчака.[316]

В итоге к концу 1918 г. в Сибири и Дальнем Востоке была воссоздана деятельность самой дееспособной и авторитетной гуманитарной организации – Российского общества Красного Креста. Произошло это в ситуации системного гуманитарного кризиса, когда наличие медицинской помощи и санитарной инфраструктуры являлось залогом физического выживания огромных масс людей, так или иначе втянутых в гражданское

[313] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12. Л. 108.
[314] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 13. Л. 39.
[315] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 13. Л. 53.
[316] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 13. Л. 57.

противостояние, а также мирного населения, страдавшего от лишений военного времени.

Структура и деятельность гуманитарных организаций были нацелены на решение, главным образом, военных задач: оказание медицинской и санитарной помощи раненым; предотвращение эпидемий; эвакуацию больных и раненых, реабилитацию выздоравливающих и инвалидов, оказание помощи гражданским беженцам.

Временное Главное управление Российского общества Красного Креста, объединившее практически всю гуманитарную деятельность на территории Сибири и Дальнего Востока, было вовлечено в постоянные контакты с военным командованием, правительственными учреждениями, государственными, коммерческими и общественными организациями. К концу 1919 г. это была уже достаточно сильная и хорошо продуманная гуманитарная структура. Общее собрание членов Временного Главного управления принимало стратегические решения по большинству вопросов. В феврале 1919 г. были созданы Исполнительная комиссия ВГУ и Финансовый совет ВГУ РОКК.[317]

Местными учреждениями РОКК управлял соответствующий отдел, в ведении которого состояли окружные управления Красного Креста в Омске, Иркутске и Хабаровске, а также местные управления и тридцать комитетов РОКК, комитеты общин сестер милосердия, больницы и приемные покои (Подробнее этот вопрос рассмотрен в *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции, 1918-1924 гг. Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. Наук. Москва, 2000.).[318]

---

[317] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 3. Л. 52.

[318] Январь 1919 г. был ознаменован слиянием учреждений Земгора, обеспечивавших нужды фронта, с «родственными» структурами Российского общества Красного Креста. С этого момента все местные учреждения Земгора начали осуществлять деятельность под флагом Красного Креста. В марте 1919 г. состоялось принятие постановления «о размежевании деятельности Земского и Городского союзов с одной стороны, и Красного Креста – с другой», а 24 мая совещание члена Главного комитета РОКК с председателем

губернского комитета Земгора о порядке деятельности организации Земского Союза на фронте Сибирской армии так регламентировало из взаимоотношения: «Официальным представителем Красного Креста в Штабе Армии является Особоуполномоченный Красного Креста, при котором по постановлению Земского Союза Главным управлением Красного Креста может быть назначен уполномоченный Земгора, который, неся работу при управлении Особоуполномоченного, является его ближайшим помощником и имеет особливую заботу об интересах Земгора. Внутренняя организация Земгора автономна, почему назначения служащих, порядок управления учреждений и их отчетность производится на самостоятельных началах. Средства, отпускаемые правительством на учреждения Земгора, отпускаются по сметам, составляемым по общим с Красным Крестом формам, нормам и штатам».

Правовой статус Земгора, как составной части Российского общества Красного Креста, был определен Положением о ВГУ, где оговаривалось введение в его состав представителей от Главного комитета Всероссийского Земского и Всероссийского Городского Союзов, а также от «Отдела призрения МВД, от Совета торгово-промышленного съезда и от Совета всероссийского союза кооперативов».

После организационного разграничения полномочий Земгора и Красного Креста, РОКК не потерял статуса единственной эффективной гуманитарной организации, которая была в состоянии предоставлять действенную помощь всем нуждавшимся.

Процесс объединения гуманитарных организаций получил продолжение в апреле 1919 г. В этом месяце были изданы два приказа начальника штаба Верховного Правителя: «Об объединении всех организаций, работавших на фронте по оказанию помощи больным и раненым, под флаг Красного Креста», и «О праве главноуполномоченного РОКК при штабе Верховного главнокомандующего распоряжаться всеми учреждениями и средствами, предоставлявшимися Красным Крестом, организациями Земгора и другими гуманитарными и частными учреждениями и лицами в районе театра военных действий, которые должны были сообщать главноуполномоченному обо всех санитарных учреждениях». 16 июля 1919 г. под флаг Российского общества Красного Креста был принят Объединенный комитет общественных организаций.

Летом 1919 г. Российское общество Красного Креста подверглось реформированию. Это было связано с назначением в июле 1919 г. на должность командующего Восточным фронтом и, одновременно, в августе военным министром Омского Правительства генерала М.К. Дитерихса.

Отступление на восток потребовало срочной реорганизации всей гуманитарной работы. В ноябре 1919 г. все учреждения и должностные лица РОКК, находившиеся в подчинении Временного Главного управления, были подчинены главноуполномоченному Красного Креста Внутреннего района князю И.А. Куракину. Для организации эвакуации и поиска помещений под лечебные заведения в Иркутске был организован особый «Эвакуационно-распределительный комитет». Временное главное управление РОКК, как управляющий орган наиболее значимой и авторитетной гуманитарной организации, занимало в структуре Сибирской власти значительное место. Его представители входили в целый ряд правительственных учреждений, которые в свою очередь периодически командировали в ВГУ своих служащих для организации совместной работы, как, например, в деле общего врачебно-санитарного наблюдения на железных дорогах. (Военно-санитарное управление 25 апреля телефонировало просьбу прислать представителей от ВГУ). *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции, 1918-1924 гг. Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. Наук. Москва, 2000.

23 июля начало работу межведомственное Совещание при участии Российского общества Красного Креста[319] и в составе представителей от Министерства иностранных дел, МВД, путей сообщения и земледелия, военно-санитарного ведомства, полевого санитарного инспектора, начальника военных сообщений, министерства снабжения, Земского Союза, Совета кооперативов, Комитета общественных организаций, представителей городов и губернского Земского управления и др.[320]

Противоречия и конфликты между РОКК и Военно-санитарным ведомством в конце 1919 г. приобрели довольно острый характер. Они стали проявлением скрытой конкуренции между «государственными» структурами и гуманитарными организациями, оказывавшимися зачастую значительно более эффективными в своей деятельности. Так, в апреле 1919 г. был отмечен конфликт из-за погрузки эшелона Красного Креста, перехваченного Главным санитарным управлением.[321] «Ревность» Военно-санитарного ведомства к Российскому обществу Красного Креста из-за его авторитета и популярности приводила зачастую к торможению и остановке жизненно-важных

[319] 28июля 1919 г. два представителя от ВГУ РОКК были посланы на совещание Высшего совета в здании морского министерства (Киндяков М.Л., Иванов Н.И.) (ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12. Л. 66.). Кроме того, работник Красного Креста входил в межведомственный совет при Особоуполномоченном министра снабжения и продовольствия во Владивостоке по закупке медицинского снабжения (ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12. Л.77.) и в межведомственную валютную комиссию (ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 147. Л. 23.). Как уже говорилось выше, контроль за финансовой деятельностью ВГУ осуществлялся органами государственного Контроля, которым периодически направлялись требования о предоставлении отчетности по обществу в израсходовании отпущенных из казны сумм. На период составления такой отчетности ВРУ иногда просило государственный Контроль о командировании в свое распоряжение чиновников этого учреждения и опытных контролеров для совместной работы (ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 9. Л. 39; 42.). В январе 1920 г. для передачи Политическим Центром власти ВРК, Комиссариат здравоохранения потребовал передать все учреждения Красного Креста мирного и военного времени в его ведение через ликвидационную комиссию (ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 9. Л. 155.). Штаты ее разрабатывалась распорядительным отделом ВГУ (ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 9. Л. 147.). Интересно, что 31 января исполнительная комиссия ВГУ предприняла последнюю попытку самостоятельно распоряжаться своим имуществом, передав Иркутскому государственному университету часть оборудования и имущества Красного Креста (ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 9. Л. 155.). Но Комиссариат здравоохранения отменил это решение, пригрозив ВГУ военно-революционным судом (ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 9. Л. 168.).

[320] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12. Л. 64.

[321] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 39. Л. 70.

процессов. К осени 1919 г. центр тяжести в организации гуманитарной помощи армии и населению сместился к Российскому обществу Красного Креста. Значительная часть раненых, находившихся на попечении Военно-санитарного ведомства, оказывалась в учреждениях Красного Креста.[322] Так, осенью 1919 г. медицинская помощь военнопленным в лагерях из ведения Военно-санитарного ведомства перешла в сферу ответственности РОКК.[323] В этом конфликте Военно-санитарное ведомство часто шло на откровенные фальсификации.[324]

[Гуманитарные традиции, имевшие глубокие корни в России до 1917 г., во многом удалось сохранить и возродить в тот короткий отрезок времени, который был отведен Красному Кресту под занавес славной истории его деятельности в России.[325] В июле 1919 г. для объединения и координации деятельности было созвано общее собрание представителей гуманитарных организаций, входивших в Комитет помощи воинам. В августе сенаторы 1-го Департамента Сената выразили желание принять участие в работе Красного Креста без вознаграждения.[326] В это же время был создан женский добровольческий отряд из интеллигенции, насчитывавший почти тысячу человек, предложивший РОКК свою помощь в несении санитарной службы].[327] В сентябре был создан «Комитет по устройству и обслуживанию

[322] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 62. Л. 349.
[323] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 14. Л. 131.
[324] В очерке деятельности РОКК отмечалось, что «где только это было возможно, военно-санитарная часть, под несомненным влиянием своего прямого и непосредственного начальника, всячески старалась… если не навредить, то, во всяком случае, умалить в глазах командного состава армии… качественную работу краснокрестных учреждений. ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 177. Л. 21.
[325] Банки и кооперативы, театры и дамские комитеты жертвовали деньги, вещи, заработки от концертов и свое время. Российскому обществу Красного Креста. В марте 1919 г. Челябинским союзом кредитных и ссудосберегательных товариществ пожертвовано 35 тысяч рублей (ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 153. Л. 44.). 1 апреля утверждено Положение о Сибирском военно-гуманитарном комитете имени Верховного Правителя адмирала Колчака (ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 52. Л. 2.); через несколько дней, 5 апреля, при ВГУ организован Дамский Комитет для сбора пожертвований (ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 6. Л. 113.), 24апреля был устроен гуманитарный спектакль, сбор от которого передан на оборудование госпиталя – парохода Красного Креста (ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 13. Л. 42.)
[326] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 7. Л. 253; д. 12. Л. 94.
[327] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 14. Л. 34.

лазарета министерства путей сообщения и Омской железной дороги для больных и раненых воинов»;[328] в Иркутске гуманитарными организациями организовано три питательных пункта,[329] а Ишимская уездная земская управа планировала формирование поезда «под флагом Красного Креста имени Ишимского уездного земства».[330]

В изучаемый период деятельность зарубежных миссий Российского общества Красного Креста приобрела особую важность. Именно при их посредничестве осуществлялись контакты с международными гуманитарными и правительственными структурами, направлявшими помощь в воюющую Россию. Её масштабы не были велики, но в условиях глубокого экономического кризиса и острого товарного голода на территориях, охваченных гражданским конфликтом, значение импортных товаров, особенно медицинских, трудно переоценить. Зарубежные миссии РОКК распоряжались и значительным имуществом Красного Креста, находившимся за границей. Миссии осуществляли правовое сопровождение всех операций с этими материальными ресурсами РОКК. О существенных зарубежных ресурсах медицинских принадлежностей упоминалось в секретной телеграмме российского посла в Париже В.А. Маклакова адмиралу А.В. Колчак, писавшего о «многомиллионном имуществе военно-санитарного ведомства, Красного Креста и Земгора с просьбой разрешить распределение оного между Сибирью, югом и севером России».[331] Однако весной 1919 г., когда эта телеграмма была составлена, передать заграничное имущество Омскому Красному Кресту было еще невозможно: несмотря на признание ВГУ РОКК Женевским Постоянным Международным Бюро Красного Креста, полностью легитимизировать воссозданную организацию могло только признание Международным комитетом Красного Креста.[332] По

[328] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 7. Л. 387.
[329] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 14. Л. 37; д. 7. Л. 376.
[330] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 14. Л. 54; д. 7. Л. 399.
[331] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57. Л. 31.
[332] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57. Л. 1.

давней традиции, решение МККК погрязло в бюрократической волоките. На обсуждении в июле 1919 г. в Женеве вопроса «кого считать всероссийским Красным Крестом»[333] вместо принятия срочного решения, от которого зависела жизнь и здоровье тысяч людей в России, «были выработаны условия, на которых Временное Главное управление РОКК в Омске могло быть признано таковым».[334] Секретная депеша с требованиями отправилась из Парижа в Омске и содержала следующие условия: «Омское Правительство должно было заявить графу Игнатьеву в Париже, что считает преемником признанного Российского Креста: а) Главный Крест в совокупном составе членов старого Главного Креста; б) Омский Главный Крест; в) Екатеринодарское Управление Креста. Главный Крест должен возбудить перед Женевским Международным Комитетам ходатайство о признании, удостоверенное возможно большим числом членов Главного Красного Креста, особенно предыдущего состава».[335]

Юридическая волокита отнимала у Красного Креста значительные ресурсы, и без того крайне ограниченные, от оказания помощи нуждавшимся. Однако, несмотря на ухудшавшуюся с каждым днем эпидемиологическую и общую гуманитарную ситуацию в Сибири, Омское ВГУ РОКК продолжало финансировать европейские миссии во Франции, Швейцарии, Польше, Чехословакии, Великобритании, Швеции, Японии и САСШ. Сохранение зарубежных представительств Красного Креста

---

[333] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57. Л. 31.

[334] В тот же день пришла вторая телеграмма с дополнением к первому параграфу пункта «2» о признании Главноуполномоченным Креста самостоятельных военных групп (ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57. Л. 83.). 16августа условия были приняты, граф П.Н. Игнатьев назначен главноуполномоченным РОКК для заграницы (ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57. Л. 78.). Международный комитет Красного Креста в Женеве в конце концов согласился поддерживать официальные отношения с ВГУ РОКК, но последнему еще не раз приходилось отстаивать свой статус и на Международном Конгрессе в Женеве, где присутствовали представители Советского Красного Креста, и осенью 1919 г. из-за начавшегося отступления Колчака и оставления им больших территорий, когда Игнатьеву пришлось возбуждать ходатайство перед Международным комитетом о «непрекращении юридического бытия национального РОКК вне территорий, занятых большевиками» (ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 8. Л. 310.).

[335] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57. Л. 73; 75

окажется в ближайшем будущем спасительным для всей российской гуманитарной деятельности: именно на базе зарубежных представительств РОКК в значительной степени строилась система помощи русским эмигрантам. Особую роль в скором времени сыграла одна из них – Константинопольская, ставшая в 1920 г. одним из основных центров российских гуманитарных организаций в эмиграции. Она стала составной частью Центрального Объединенного комитета Всероссийского Земского Союза, Всероссийского Союза городов и Российского общества Красного Креста – самого значимого общественного объединения, взявшего на себя основное бремя по гуманитарной помощи прибывавшим в Турцию из Крыма соотечественникам.

Весной 1919 г. была предпринята амбициозная попытка объединить российскую заграничную гуманитарную деятельность. Её инициатором стал С.А. Угет – начальник отдела по снабжению при Российском посольстве в Вашингтоне,[336] предложивший осуществлять координацию всех мероприятий с ВГУ РОКК посредством создания в «главнейших странах центральных комитетов помощи России».[337] Первый шаг в этой объединительной инициативе был сделан открытием в мае 1919 г. в Лондоне

[336] Сергей Антонович Угет был выпускником экономического отделения Петербургского политехнического института. Он поступил на службу в Министерство финансов и сделал там довольно успешную карьеру. В период Первой мировой войны Угет служил в русских заготовительных учреждениях в Англии, а в начале 1917 г. был направлен в США. В 1917 г. Угету исполнилось 32. Его послужной список в США выглядел следующим образом: со 2/15 января 1917 г. по 1 мая 1918 г. - уполномоченный Министерства финансов в Русском заготовительном комитете и одновременно заведующий финансовым отделом комитета; 7 апреля 1917 г. Угет был причислен к Российскому посольству в Вашингтоне со званием агента Минфина; в этой должности, по современной терминологии эквивалентной финансовому атташе, Угет состоял до 30 июня 1922 г.; в августе 1917 г. он был назначен председателем Русской закупочной комиссии в Вашингтоне, которую и возглавлял до ее ликвидации весной 1918 г.; с 1 мая 1918 г. no 1 мая 1920 г. Угет - начальник отдела по снабжению при Российском посольстве в Вашингтоне; с декабря 1918 г. по 1 августа I1) 19 г. он исполнял обязанности российского поверенного в делах в США. (*Будницкий О.В.* Деньги русской эмиграции: колчаковское золото 1918-1957. М., 2008)

[337] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57. Л. 45.

«Комитета российского Красного Креста в Великобритании для помощи раненым и беженцам из Сибири, Архангельска и Дона».[338]

В июне 1919 г. на заседании исполнительной комиссии ВГУ РОКК обсуждался вопрос о создании «российского Комитета помощи в заграничных странах в интересах уполномоченных Красного Креста и под их контролем, но на автономных началах»,[339] а 30 июня в Омск пришла телеграмма российского посла в Париже «об установлении контакта с Политическим совещанием и создававшимся Комитетом объединения помощи русским людям заграницей, целью которого стало наведение порядка в обособленной деятельности работников старого Красного Креста».[340]

В результате этих мероприятий по координации российской гуманитарной деятельности уже летом 1919 г. можно было говорить о существовании в зарубежье целого ряда гуманитарных структур, ставивших задачи по оказанию помощи России. На определенном отрезке времени омское Временное Главное управление РОКК играло в этом объединительном процессе ведущую роль посредством своих зарубежных миссий, являвшихся в свою очередь операторами иностранной и международной помощи. Сохранились сведения и о тесных контактах зарубежных миссий РОКК с иностранными гуманитарными и правительственными организациями: делегатами «Комитета соединенных

---

[338] Лондонский комитет находился под опекой трех именитых покровителей: Королевы Александры, герцога Корноутского и принцессы Елены-Христинес, и имел разветвленную структуру, состоявшую из Президента, на посту которого находился Председатель Британского Красного Креста сэр Артур Станлей. Бюро воззваний возглавляла супруга премьер-министра г-жа Ллойд-Джорж. После Президента в структуру Лондонского Комитета, в порядке убывания, входили вице-президент, главный комитет, исполнительный комитет, который в свою очередь осуществлял руководство Британским комитетом Красного Креста, Бюро Красного Креста, ведавшее помощью беженцам, пленным, связями с прессой, транспортным обеспечением. Исполнительный комитет был также напрямую связан с Главным Управлением РОКК через его главноуполномоченного. Характерно, что первый транспорт, сформированный Комитетом, предполагалось отправить в Петроград (ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57. Л. 113.).

[339] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12. Л. 38.

[340] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12. Л. 34; д. 7. Л. 5.

скандинавских Красных Крестов»,[341] японской дипломатической миссией в Сибири,[342] Британским и Американским Красными Крестами.[343] Так, Британским Красным Крестом был сформирован санитарный отряд, упоминавшийся в источниках как «российский отряд Британского Красного Креста»,[344] и «Англо-российский госпиталь в Екатеринбурге».[345]

Медицинская помощь в учреждениях Красного Креста оказывалась в три этапа: срочная помощь на переднем крае и до момента транспортировки раненых в госпиталь; стационарное лечение; реабилитация выздоравливающих и инвалидов. Сохранились фронтовые отчеты о работе санитарных летучек Красного Креста на реке Ик весной 1919 г., когда пятнадцать врачей и санитаров оказали помощь и эвакуировали более двух тысяч раненых.[346] Особенно драматично складывалась ситуация с ранеными в апреле – июне 1919 г. при контрнаступлении Восточного фронта советских войск. Возникла острая потребность в передвижных лазаретах, санитарных летучках и поездах. ВГУ РОКК оперативно формировала такие мобильные группы, включая плавучие госпитали.[347]

Параллельно осуществлялась работа по организации стационарных медицинских учреждений, нехватка которых резко обострилась весной 1919 г. Под стационары использовались даже мельницы и театры, как в случае с Иркутским Художественным театром.[348] Сыпной тиф, бушевавший в Сибири с конца 1918 г., к августу 1919 г. принял масштабы гуманитарного бедствия.[349] Российское общество Красного Креста осознавало приближающуюся опасность, и еще весной 1919 г. организовало работу изоляционно-пропускных пунктов, производивших санитарную обработку

[341] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 6. Л. 107.
[342] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12. Л. 91; д. 13. Л. 351.
[343] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12. Л. 59.
[344] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 16. Л. 141.
[345] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12. Л. 117.
[346] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 39. Л. 75.
[347] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Л. 74.
[348] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 153. Л. 286.
[349] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57. Л. 96; д. 14. Л. 12.

отступавших воинских частей.[350] Но предотвратить эпидемию не удалось. Первоочередной задачей РОКК в этих условиях стало создание заразных лазаретов; эпидемиологических отделений в стационарах; организация мер по дезинфекции и дезинсекции. Красноречивый факт; заболеваемость медицинских работников в лазаретах Красного Креста достигала 100%.[351] «Дезертиры» гуманитарного фронта строго наказывались: за отказ работать с тифозными больными сестры милосердия лишались этого звания.

Ситуация на фронтах Гражданской войны и эпидемиологическая ситуация в тылу вынуждали РОКК наращивать объемы помощи армии и населению. Осенью 1919 г. Красный Крест обслуживал пятнадцать тысяч коек и планировал увеличить их количество до двадцати тысяч.[352]

Однако оказание стационарной медицинской помощи больным и раненым являлось лишь частью проблемы. Инвалиды войны и выздоравливающие после изнурительного тифа больные нуждались в последующей реабилитации. С этой целью РОКК совместно с Военно-санитарным ведомством организовал курорты Широ (на тридцать мест), Усолье (на тридцать мест) и Шиванда (на сто пятьдесят).[353]

В условиях всеобщего дефицита, поражений на фронте и стремительно нараставшего коллапса государственного управления к лету 1919 г., основная тяжесть работы по эвакуации отступающих частей легла на подразделения Красного Креста. Только в тыловых подразделениях Южной армии особоуполномоченный РОКК А.А. Булыгин выявил нехватку более тысячи коек на фронте и такого же количества в тылу. Эпидемия, развал санитарного

---

[350] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 13. Л. 97.
[351] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 14. Л. 137.
[352] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 43. Л. 7-8.
[353] Кроме того, в Китае Красным Крестом содержался курорт Чигасаки. В августе ВГУ принимает решение о содействии Красного Креста в организации к югу и востоку от Ново-Николаевска патронатов для выздоравливающих солдат на 5000 коек. Финансировалось это предприятие военным ведомством, устройство приняло на себя министерство земледелия (ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 62. Л. 312.). Под опеку Красного Креста был взят санаторий Земгора «Озеро Карачи» и инвалидный дом в Иркутске (ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 147. л. 25; д. 8. Л. 465.).

обеспечения, отсутствие белья и медикаментов усугубляли гуманитарное положение. В качестве первоочередной задачи А.А. Булыгиным было принято решение о формировании большого медицинского отряда,[354] в состав которого должны были войти транспортно-перевязочные отряды, хирургические эпидемиологические госпитали, зубоврачебные кабинеты, бани-прачечные и тыловые госпитали. Для нужд отряда, в условиях острой нехватки квалифицированных медицинских работников, удалось собрать двенадцать врачей, четырех фармацевтов, одиннадцать фельдшеров и дезинфекторов, сестер милосердия, рабочих и санитаров. 12 сентября 1919 г. отряд направился из Омска в направлении Троицка. Однако отряд Булыгина оказать помощь фронту не успел: Южная армия была разгромлена, учреждения Красного разгромлены или захвачены частями Красной армии.

Впоследствии несколько врачей и сестер милосердия, провизор и работники администрации ВГУ смогли эмигрировать в Китай.[355] Позднее, в 1925 г., М.Л. Киндяков в очерке деятельности РОКК так охарактеризовал деятельность А.А. Булыгина: «…за именем Булыгина и его сотрудников остается навсегда святая память в истории российского Красного Креста и деятельность их должна послужить примером для будущих работников».[356]

Начавшееся 5 августа 1919 г. наступление Красной армии, начавшийся 5 августа 1919 г. и, как часть его, Омская операция советских войск восточного фронта, вынудили ВГУ РОКК приступить к срочной эвакуации.

---

[354] ГА РФ. Ф. 6088. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.

[355] В середине марта остатки отряда были интернированы в пределах Китайской территории. По ходатайству Булыгина, китайский губернатор разрешил всей организации Красного Креста разместиться в Чугучаке. 517 человек оставшихся в живых, перешли границу. 2 госпиталя действовали в лагере на реке Эмиль, один госпиталь был открыт в Чугучаке. Оценив пользу, приносимую учреждениями Красного Креста, китайское власти шли навстречу нуждам отрада, снабжая его продуктами. Деньги, взимаемые за амбулаторное лечение, и добровольные пожертвования поддерживали существование организации. Но, несмотря на это, вскоре возникла проблема занятости, около 250 служащих оставалось без дела. Поэтому Булыгин обратился с докладом к российскому послу в Пекине князю Кудашеву, прося его ходатайства перед оставшимися учреждениями РОКК. Международным и иностранными Красными Крестами, представителем иностранных держав о поддержании отряда, необходимо для российских беженцев на территории Китая (ГА РФ. Ф. 6088. Оп. 1. Д. 5. Л. 28.).

[356] ГА РФ. Ф. 6088. Оп. 1. Д. 5. Л. 29.

Угроза тотальной эпидемии тифа; зафиксированные случаи холеры, потребовали создания Противоэпидемиологического совета, в задачи которого входило «ознакомление с положением эпидемиологических заболеваний, объединение, согласование и общее направление дела предупреждения борьбы с заразными болезнями».[357] Однако этому полезному начинанию не суждено было реализоваться: централизованная координация санитарных мероприятий в условиях фактического бегства уже была невозможна.

С оставлением армией Колчака Перми, Екатеринбурга и Челябинска деятельность фронтовых учреждений РОКК была перенесена в Куломзино, товарную станцию в нескольких километрах от Омска. Именно туда начали поступать эшелоны с ранеными и больными. Об этом мы знаем из многочисленных телеграмм в адрес ВГУ РОКК, отправлявшимися уполномоченными Красного Креста: «В связи с эвакуацией Петропавловска свернул госпитали…, направляю Куломзино… Продолжает работу в крайне тяжелых условиях врачпункт… Больные раненые все прибывают»;[358] «вся работа по эвакуации в Тюмени легла на Красный Крест. В течение 3-х дней при трудных условиях было эвакуировано 1900 человек, из них 800 заразных».[359] Куломзино стало основным опорным и сортировочным пунктом санитарной эвакуации. Именно здесь концентрировались санитарные эшелоны, осуществлялась сортировка и погрузка раненых.

Ситуация усугублялась железнодорожным коллапсом. Отступление проходило по направлению железной дороги; составы с ранеными отправлялись в сторону Иркутска и не возвращались неделями; Красный Крест задыхался от нехватки эшелонов для раненых.[360]

---

[357]ГА РФ. Ф. 6088. Оп. 1. Д. 5. Л. 30.
[358]ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 107. Л. 1.
[359] ГА РФ. Ф. 6088. Оп. 1. Д. 5. Л. 31.
[360]Сохранившиеся телеграммы того периода дают представление о катастрофической ситуации: «величайшими усилиями удалось использовать весь наличный порожняк… Несмотря на усиленную эвакуацию больных и раненых, еще на станции Булаево… скопилось до двух тысяч больных, на станции Исилькуль… столько же. Больные все

Местные учреждения РОКК продолжали работать даже в экстремальных условиях отступления воинских частей и эвакуации. В Ново-Николаевске местное отделение РОКК заготовило запасы муки, было налажено мыловаренное производство. За несколько дней до взятия города Красной армией все имущество Красного Креста было погружено в вагоны, но так и не было эвакуировано: эшелоны остались на путях с замерзшими паровозами. В ходе Новониколаевской операции РГГА 14 декабря 1919 г. город был взят, но в нем оставалась значительная часть служащих РОКК, от которых стало известно о судьбе раненых, остававшихся в вагонах на станции Ново-Николаевска и не имевших возможности эвакуироваться.[361] В очерке деятельности ВГУ Российского общества Красного Креста описывались последовавшие события.[362]

прибывают санпоездов нет… Положение кошмарное… Требуется немедленно не менее пяти санпоездов. Больные раненые замерзают, ежедневно констатируются десятки. В случае неприсылки помощи будут насчитываться сотни». ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 107. Л. 6.

[361] 15 января 1920 г., в Красноярске, уже после установления там Советской власти, капитаном Куракиным, Харкевичем, Особоуполномоченным при 1-йармии Т.И. Соколовым и особоуполномоченным при 2-й армии Д.А. Баратынским был составлен акт обо всем происшедшем в декабре 1919 г., в Новониколаевске в частности. Объясняя причины таких огромных материальных и людских потерь во время эвакуации, помимо общих, типа недостаточной пропускной способности дорог; опоздания в приказе об эвакуации; отсутствия воды и топлива для паровозов, была определена причина, заключавшаяся в «возмутительном отношении» к эшелонам Красного Креста со стороны польских и чешских комендантов из числа польских и чешских войск, несших в то время охрану Сибирской железной дороги, причем эта охрана вылилась в форму способствования продвижению на восток почти исключительно одних эшелонов с польскими и чешскими частями и всяческого препятствования движению российских эшелонов, в т.ч. с имуществом и учреждениями Красного Креста. Более того, по сохранившимся сведениям, поляки и чехи отбирали от российских эшелонов паровозы, воду и топливо, сознательно отправляли санпоезда КК с больными и ранеными на пути, заведомо забитые замершими эшелонами, обрекая их, таким образом, на смерть от голода и замерзания. Известен факт самоубийства уполномоченного Красного Креста во 2-й армии А.С. Депрейе, застрелившегося из-за «конфискации» вверенного ему имущества КК советскими властями (ГА РФ. Ф. 6088. Д. 5. Л. 42.).

[362] «Тяжело и больно было видеть, как разграблялось и уничтожалось богатое военное и санитарное имущество; как погибали в не отапливаемых поездах больные и раненые; все, что могло двигаться, спасалось, как умело, но местное население, под именем партизан, совершало злое дело, отбирая у этих несчастных последнее имущество; они погибали сотнями». ГА РФ. Ф. 6088. Оп. 1. Д. 107. Л. 43.

5 января 2020 г., после ниспровержения Колчака и прихода к власти Политического Центра, последний предпринял попытку подчинения себе краснокрестных учреждений при посредничестве Американского Красного Креста. Сохранился документ, датированный пятнадцатым января 1920 г., – удостоверение с подписью управляющего делами Политического Центра, в котором говорилось следующее: «Дано сие Главному хирургу Американского Красного Креста Н. Рогозинскому в том, что он уполномочен Политическим Центром принять в свое ведение все передаваемое Красным Крестом Политическому Центру имущество и персонал».[363] ВГУ РОКК, вопреки требованиям Политического Центра, сформировало два поезда с медицинским имуществом и персоналом, но отправить их не смогло из-за противодействия Чехословацкого командования.

С этого момента некогда стройная и эффективная структура Российского общества Красного Креста перестала существовать. Несколько отрядов РОКК сопровождали генерала В.О. Каппеля в Ледяной поход, но отсутствие лекарств и материалов сводило всю их работу к нулю.[364]

После работы в Забайкальской области, ВГУ РОКК эвакуировалось в Харбин, где в конце 1920 г. прекратило свое существование. Распоряжением председателя МЛ. Киндякова дела были переданы местному Дальневосточному Совещанию, которое являлось затем лишь местным представительством Красного Креста. В 1922-1924 гг. в его ведении находилось 15 медицинских учреждений в Харбине, включая дом инвалидов

[363]ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Л. 60.

[364] Некоторая часть служащих РОКК, как свидетельствуют документы, к сожалению, очень отрывочно, осталась в Иркутске после взятия его Красной армией и попыталась наладить отношения с Советской властью. Продолжая именоваться Временным Главным управлением, оставшиеся в Иркутске служащие на собрании вынесли постановление о необходимости «…созвать в ближайшем будущем общее собрание всех служащих Красного Креста для выбора представителей в Главное Управление, а также в Совет солдатских и рабочих депутатов» (ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Л. 51.). Это Постановление было принято 25 января, а уже 29-го в документах появилась формулировка: «Согласно постановлению Исполнительной Комиссии ВГУ КК и требованию Военно-гражданского комиссариата здравоохранения» (ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Л. 51. Л. 83.).

на 100 мест. Содержались общежития для беженцев, выдавались денежные пособия.[365]

Подводя итог в изучении деятельности российских гуманитарных организаций на территории Сибири и Дальнего Востока в контексте сохранения национально-культурной идентичности, уместно сделать следующие выводы.

Во-первых, можно утверждать, что российским гуманитарным организациям удалось создать в Сибири и на Дальнем Востоке под эгидой Российского общества Красного Креста эффективную структуру санитарных, питательных, лечебных учреждений, оказывавших помощь участникам боевых действий и гражданскому населению. Эта деятельность отчасти помогала смягчать гуманитарный кризис на территориях, охваченных гражданским противостоянием. Российские гуманитарные организации во многом взяли на себя государственные функции. Их деятельность подменяла стремительно деградировавшее государственное управление, создавая ему реальную альтернативу. Сотни тысяч вовлеченных в эту деятельность людей смогли обрести ощущение причастности к общему национальному организму, почувствовать общественный уход и заботу, идентифицировав себя частью единой страны. Гуманитарная деятельность «сшивала» разорванную гражданской войной идентичность, позволяя людям находить нравственные точки опоры в их стремительно разрушавшемся мироощущении.

Во-вторых, опыт Гражданской войны в России позволяет наблюдать парадоксальную, на первый взгляд, преемственность в политике антибольшевистских и советских властей по сохранению культурного достояния и исторического наследия. Непримиримые противники, не испытывавшие друг к другу на поле боя ни капли сочувствия, приходя к власти в различных регионах Сибири и Дальнего Востока, в числе первых законодательных решений принимали акты о защите тех или иных объектов

[365] ГА РФ. Ф. 6021. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.

национального наследия: книжных собраний, художественных коллекций, архивов. Объяснить подобный феномен можно лишь уверенностью обоих враждующих сторон, и «красных», и «белых», в непреходящем значении гуманитарного достояния общества. Эти факты, довольно часто встречающиеся в источниках, стали безусловным феноменом Гражданской войны, требующим специального исследования.

Наконец, сам факт восстановления гуманитарной деятельности в условиях вооруженного гражданского конфликта стал едва ли не уникальным примером самоорганизации общества, разделенного на непримиримые стороны. Террор и зверства обеих сторон конфликта, страдания мирного населения, неизбежно вовлеченного в гражданское противостояние, стремительная деградация общественной морали, социальной жизни, экономики и культуры в условиях гражданской войны были бы еще ужаснее без небольших очагов гуманитарной деятельности. Безусловно, роль государственного и военного управления в осуществлении гуманитарной деятельности была велика. Логистика, снабжение, материальные и финансовые ресурсы, международные контакты – без всех этих элементов, находившихся в руках «официальных» структур гуманитарная деятельность была бы невозможна. Однако без гуманитарного начала, исходившего от российских общественных организаций; без гуманистического стремления оказать помощь ближнему деятельность государственных и военных властей не были бы столь эффективны, как работа общественных структур.

§ 2.2. Российская гуманитарная деятельность на Украине и Юге России в 1918-1921 гг.

Разрушение и деградация общественной жизни в стране, дегуманизация отношений между людьми, резкая поляризация общества,

экономическая разруха и обнищание населения – эти и целый ряд иных катастрофических факторов оказывали разрушающее воздействие на национально-культурную идентичность граждан бывшей Российской Империи. Люди переставали ощущать свою принадлежность к огромной стране, сильному государству, общей национальной культуре и истории. Национальные регионы бывшей империи ощущали на себе дестабилизирующее воздействие гражданского конфликта особенно остро. Страдала не только ментальность и духовность людей в условиях резкого слома цивилизационной парадигмы; разрушались все сферы общественной жизни, так или иначе связанные с понятием «идентичность»: сфера образования, природное и культурное наследие, призрение наименее защищенных членов общества, наука, культура.

Вместе с тем, как уже отмечалось ранее,[366] на территории огромной, истекающей кровью страны возникали и развивались очаги сопротивления этой гуманитарной катастрофе, охватившей все сферы социальной жизни. Такими очагами становились гуманитарные, благотворительные организации, восстанавливавшие и развивавшие свою деятельность и на территории Советского государства, и на территории антибольшевистских властей: в Сибири и на Дальнем Востоке, на Украине и на юге России.[367]

К сожалению, мы располагаем в настоящий момент совсем небольшим количеством источников о деятельности российских гуманитарных организаций на территории Украины и Юга России. Единственная единица хранения с документами Временного управления по делам РОКК в Киеве попала в СССР в составе Пражского архива. Незначительный объем информации содержится в Отраслевом государственном архиве СБУ.

---

[366] *Ипполитов С.С.* Деятельность Российского общества Красного Креста на территории Украины, Кубани и Крыма в 1918 – 1920 годах // Новый исторический вестник. 2018. №2 (56). С. 155-168.

[367] *Ипполитов С.С.* «Я видел мертвых…»: Российское общество Красного Креста и Американский Красный Крест в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918 – 1920 гг. // Россия и современный мир. 1918. № 1 (98). С. 100–112.

Однако масштабы российской гуманитарной деятельности на Украине и Юге России, в частности по оказанию помощи Добровольческой армии генерала А.И. Деникина и, позже, Русской армии генерала П.Н. Врангеля, а также гражданскому населению, представляются куда большими, чем аналогичная деятельность на территории, подвластной адмиралу А.В. Колчаку. Дело в том, что даже начальное количество медицинских учреждений, перешедших в ведение, например, Российского общества Красного Креста на Украине, почти вдвое превышало показатели Сибири и Дальнего Востока: почти пятьсот учреждений на Украине и лишь 254 аналогичных заведений в Сибири.[368] Всего же к 1917 г. Российское общество Красного Креста имело на всех фронтах 2255 учреждений, в том числе 149 госпиталей на 46 тыс. коек, в которых трудилось 2450 врачей, 17 тыс. медсестер, 100 аптекарей, 50 тыс. санитаров. Внутренняя инфраструктура РОКК насчитывала 60 тыс. коек в эвакуационных госпиталях, 6 плавучих госпитальных судов, 33 тыс. лошадей, 530 автомобилей.[369]

Высоки были и качественные показатели работы учреждений РОКК на Украине:[370]

В тылу отступления работавшие отряды неоднократно разбивались на части и рассеивались, но быстро сорганизовывались вновь и самоотверженно продолжали свое дело на помощь и служении страждущему воину. Такая работа передовых отрядов говорит о доблестных качествах их личного состава, о его стойкости, верности долгу, готовности к постоянному

---

[368] Список лечебных заведений внутреннего района Империи, находящихся в ведении Главноуполномоченного Российского Общества Красного Креста к 1 января 1915 года. Петроград, 1915.

[369] ГА РФ. Ф. 6021. Оп. 1. Д. 5. Л. 5 об.

[370] В приказе Верховного главнокомандующего Русской армии генерала Л.Г. Корнилова 19 июля 1917 г. деятельность Российского общества Красного Креста получила такую оценку: «При поспешном отходе армий из Голицина и Буковины, вызванном развалом дисциплины и падением воинского духа, передовые отряды Красного Креста вели себя выше всякой похвалы. Я отмечаю с чувством глубокого удовлетворения, что эти передовые отряды, работавшие нередко в сфере неприятельского огня и понесшие потери ранеными, исполняли свое святое дело до последней возможности, несмотря на царившую вокруг дезорганизацию и панику». ГА РФ. Ф. 6021. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.

самопожертвованию, и мне лестно отметить эту работу и выразить всему личному составу глубокую признательность от имени армии фронта.

Главноуполномоченного Красного Креста на фронте сенатора Иваницкого благодарю за то, что он сумел в эти тяжелые месяцы разложения и развала армии удержать и сохранить в организациях Красного Креста дисциплину и высокий дух самопожертвования и беззаветного служения страданиям ближнего.[371]

«Об этом говорит и международное признание организации РОКК на Украине и Юге России, которая рассматривалась и как составная часть всего Российского общества Красного Креста, каким он понимался в 1919 г., и как законный правопреемник старой организации РОКК. Это было подтверждено Международным комитетом Красного Креста в Женеве в июле 1919 г.: одним из условий признания новых организаций Красного Креста, действовавших на небольшевистской территории, было названо признание Омским правительством адмирала Колчака Екатеринодарского управления РОКК (Екатеринодар являлся в то время «столицей» как казачьего Кубанского края, так и Вооруженных сил на Юге России, которыми командовал генерал А.И. Деникин[372]) законным преемником Российского общества Красного Креста».[373]

«Восстановление деятельности РОКК на территории Украины приходится на осень 1918 г., когда 16 ноября на Совещании членов бывшего Главного управления РОКК было создано Временное управление по делам РОКК в Киеве[374]. Первоначально в него вошли пять членов Главного управления старого РОКК: Васильчиков, А. Гусков, Г. Фальборн, Б.Е. Иваницкий, Н. Антонов; председателем был избран главноуполномоченный

---

[371] ГА РФ. Ф. 6021. Оп. 1. Д. 7. Л. 7 об.

[372] *Карпенко С.В.* Белые генералы и красная смута. Москва, 2009; *Kenez P.* Civil War in South Russia, 1918: The First Year of the Volunteer Army. University of California Press, 1971; *Kenez P.* Civil War in South Russia, 1919 – 1920: The Defeat of the Whites. University of California Press, 1977.

[373] ГАРФ.Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57. Л. 73; 75.

[374] ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 35. Л. 7.

Юго-Западного фронта, сенатор и член Государственного Совета Б.Е. Иваницкий.[375] По решению собравшихся членов Главное управление возглавило и объединило всю работу многочисленных учреждений Красного Креста в районах Киева и Одессы, продолжив эту работу на Кубани и Дону.[376] Уже к августу 1919 г. при войсках главнокомандующего ВСЮР и в тылу Красный Крест имел госпитали и отряды различной специализации на 15 тысяч раненых и больных; три склада: в Киеве, Харькове и Ростове, а также сеть вспомогательных учреждений».[377]

В этот период первоочередной задачей всех гуманитарных организаций было оказание помощи возвращающимся военнопленным, поэтому уже 30 ноября была создана Комиссия по вопросу об организации управления делом помощи военнопленным, переименованная впоследствии в Особый комитет по эвакуации и призрению в военнопленных[378].

Временное управление по делам РОКК в Киеве было создано 16 ноября 1918 г.[379] Уже в начале декабря появляется информация о ликвидации советской миссии Красного Креста на Украине. Её помещение было опечатано, а управление имуществом передано Министерство внутренних дел. Тогда же была создана «Комиссия по вопросу об организации управления делом помощи военнопленным»,[380] ставшая в последствии «Особым комитетом по эвакуации и призрению».

Параллельно с организацией Особого комитета, было создано Бюро по устройству военнопленных, в которое вошли представители Войска Донского, Добровольческой армии и общественных организаций.[381] Временное управление по делам РОКК считало его создание

---

[375]ГА РФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 191. Л. 6.
[376] ГА РФ. Ф. 6021. Оп. 1. Д. 5. Л. 9 об.
[377] ГА РФ. Ф. 6021. Оп. 1. Д. 5. Л. 8. Цит. по: *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции, 1918-1924 гг. Дисс. канд. ист. наук. М., 2000.
[378]ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 35. Л. 13.
[379] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 35. Л. 47.
[380] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.
[381]ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 35. Л. 14.

нецелесообразным, будучи уверенным в своих силах, и вполне обоснованно. Тем не менее, с фактом существования Бюро необходимо было считаться; оно действовало под флагом Красного Креста, но полностью самостоятельно, лишь иногда прибегая и посредничеству Временного управления. Однако от материальной помощи последнего не отказывалось, и представители Красного Креста были даже допущены в его состав].[382]

Вот как описывал возвращение военнопленных из Европы в Россию по украинским городам очевидец и непосредственный участник тех событий, сам бывший военнопленный А.А. Гвоздинский[383]: «Ехал я каким-то кружным сложным путем через Гомель, Харьков, Полтаву, так как все время приходилось лавировать между большевиками и петлюровцами. Меня окружала тупая, злобная чернь с ее опостылевшими разговорами о «буржуях», пьющих кровь, о том, что их надо резать, резать и резать. Меня, знавшего Россию только 1914 года, поразил этот всеобщий развал и беспорядок, грязные, заплеванные вокзалы, разбитые ободранные вагоны, фантастическая дороговизна, отсутствие интеллигентных лиц... Да, я иначе представлял себе возвращение на родину! Все дороги, все вокзалы были забиты толпами голодных и оборванных пленных; это были существа, потерявшие облик человека, они были предоставлены самим себе, никто о них не заботился, никто их не принимал, не давал каких бы то ни было руководящих указаний. Питательные пункты только начинали организовываться, и то на юге, по инициативе частных лиц и после того, как из

[382]ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 35. Л. 13. Цит. По: *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции, 1918-1924 гг. Дисс. канд. ист. наук. М., 2000.

[383] Алексей Антонович Гвоздинский, сын драгомана Императорского Российского посольства в Турции, родился в 1883 в Константинополе. По окончании гимназии поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, однако курса не окончил и до начала Первой мировой войны работал маклером у старшего брата-биржевика. В 1914 Гвоздинский был призван на военную службу и отправлен сапером-прапорщиком на фронт, где попал в плен с армией генерала Самсонова. После окончания войны всех военнопленных вернули в Россию; Гвоздинский добрался до Одессы, откуда бежал в Константинополь после того, как французское командование сдало город большевикам. В Константинополе Гвоздинский прожил до осени 1921, после чего перебрался в Германию.

вагонов выносили окоченевшие трупы пленных, умерших от истощения».[384] Подробнее этот вопрос рассмотрен в кандидатской диссертации автора.[385]

---

[384] Письма А.А. Гвоздинского Е.Л.Миллер (1918-1921): Публикация, вступительная статья и комментарий О.Р. Демидовой / Минувшее. Исторический альманах. № 18. М., СПб. 1995. С. 428.

[385] В конце января 1919 г. Временное управление по делам РОКК перенесло свою деятельность в Одессу в связи со взятием Киева войсками Советской Украины; после же оставления Одессы войсками Антанты – в Екатеринодар. В период непродолжительного пребывания в Одессе, Временным управлением формируется Комитет Красного Креста по оказанию помощи жертвам гражданской войны. В феврале 1919 г. Временное управление по делам РОКК потеряло часть имущества Красного Креста. Это произошло вследствие отступления войск Украинской Директории к городам Жмеринке, Виннице, Ровно, Каменец-Подольску из-за разгрома войсками Советской Украины. Все краснокрестное имущество в этих городах было захвачено петлюровской Директорией. Поэтому 18 февраля Временное управление приняло решение обратиться за помощью к французскому консулу и французскому командованию и просить их о защите. Подобное сотрудничество Красного Креста с иностранными военными миссиями и краснокрестными организациями не было единичным фактом. 12 декабря 1918 г. Временное управление ходатайствовало перед Датским Красным Крестом о защите учреждений РОКК в Минске от большевиков. Тогда же Временное управление решило принять под свое покровительство учреждения Австро-венгерского Красного Креста в связи с оставлением Киева австро-венгерскими войсками. Эпидемия сыпного тифа, весной 1919 г. охватившая Сибирь и Дальний Восток, не обошла стороной и Украину. И, как в Сибири американцы, так на Украине помогали бороться с ней англичане. 15 марта 1919 г. Временное управление обратилось с ходатайством к Британскому Красному Кресту об оказании помощи в борьбе с сыпным тифом. Просьба была удовлетворена: 10 врачей и 30 сестер милосердия Британского Красного Креста приняли участие в оказании помощи. Сохранились также сведения о деятельности в Екатеринодаре Англо-российского госпиталя. В марте 1919 г. Временное управление по делам РОКК в Киеве установило постоянную связь с Временным Главным управлением РОКК в Омске. Последние дни Российского общества Красного Креста на территории Крыма, оставляемого армией Врангеля, были трагическими. Мародерство в Крыму в период межвластия больно ударило по местным учреждениям Красного Креста: подверглись разграблению склады РОКК Ялтинского района, грабились санатории и госпитали. В этот период была предпринята не увенчавшаяся успехом попытка объединить под флагом Красного Креста все лечебные заведения Земгора, Белого Креста и РОКК. Пришедшее к власти большевистское руководство начало создавать альтернативную систему медицинской помощи и санитарии в лице Ялтинского здравотдела, в деятельности которого приняли участие бывшие служащие Земгора. При их непосредственном участии все лечебные заведения и остатки материальных запасов Российского общества Красного Креста были переданы Здравотделу. Однако оставшиеся служащие РОКК, практически без средств и материальной базы, создали зимой 1920/1921 гг. Чрезвычайную санитарную комиссию по борьбе со вспыхнувшей эпидемией сыпного тифа. Декабрь 1920 г. был назван свидетелями и участниками событий «ялтинским кошмаром». Сотрудники РОКК, остававшиеся в Крыму, подверглись репрессиям, большинство расстреляны. Первым был убит санитар РОКК М. Носков, вызванный на регистрацию в качестве «прибывшего в Крым после 1917 г.» и не вернувшийся. Затем подвергся разгрому Ливадийский санаторий РОКК. Первыми отправлены на расстрел врач Кудрин с женой, обвиненные в неисполнении декрета Ялтинского ревкома о «передаче последнему всех вещей,

В рассекреченных в 2015 г. документах из Отраслевого государственного архива Службы Безопасности Украины мы находим подтверждение этой информации.[386] Так, «Дело с документами об исполнении приговоров КрымЧК и списки осужденных по решениям КрымЧК за 1920 – 1921 – 1922 гг.»[387] состоит из более чем ста документов: приказов, рапортов, приговоров и актов о произведенных расстрелах в Крыму. Настоящий шок вызывает список приговоренных к расстрелу людей на 45-ти страницах, осужденных Крымской областной Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при Крымревкоме по приговорам «тройки особого отдела Черноазморей». В этих списках содержатся имена княгини Н.Н. Трубецкой, работавшей в санатории Российского общества Красного Креста сестрой милосердия (номер 2670 в списке); княгини Надежды Барятинской (номер 138 в списке), которой на момент расстрела было 75 лет. Вместе с княгиней была расстреляна и ее беременная дочь, княжна Ирина Барятинская (в замужестве Мальцова), вместе с мужем и свекром. Всего 20 декабря 1920 года было расстреляно 203 человека.[388] При этом расстрелом «дело» не ограничивалось. Сохранился документ, предписывающий карающим органам на местах установить родственников казненных и «принять меры к обслуживанию последних» (см. Приложение 2).[389]

остававшихся после смерти больных». Их вина заключалась в том, что по просьбе одного из больных передали некоторые его вещи на память матери. Во время расстрела врача, больной все еще был жив, однако эта «неувязка» не повлияла на решение Ревкома. Потом арестам подвергся остальной персонал санатория, после чего было расстреляно несколько врачей и семнадцать сестер милосердия Красного Креста, обвиненных в подаче петиции об освобождении сестры милосердия Трубецкой, якобы застрелившей красноармейца. И хотя было известно, что это не та Трубецкая, а однофамилица, приговор был приведен в исполнение.

[386] *Ипполитов С.С.* Деятельность Российского общества Красного Креста на территории Украины, Кубани и Крыма в 1918 – 1920 годах // Новый исторический вестник. 2018. №2 (56). С. 155-168.

[387] Отраслевой государственный архив СБУ (ОГА СБУ). Ф. 6. Оп. 6. Д. 61.

[388] ОГА СБУ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 61. Л. 76–121.

[389] ОГА СБУ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 61. Л. 122.

Эти бессудные казни, затронувшие и деятелей Красного Креста, происходили невзирая на принятое 30 мая 1918 г. постановление Совета народных комиссаров о соблюдении Советской Россией Женевской и других международных конвенций, касавшихся Общества Красного Креста.[390]

При этом должностные лица, приговаривавшие сотрудников Красного Креста к расстрелу и приводившие приговоры в исполнение, знали об их принадлежности к этой гуманитарной организации: в одном из расстрельных списков прямо указано: «Булгакова Л.И., сестра милосердия».[391]

«В декабре 1919 г. состоялся потрясший все население Крыма расстрел 272 больных и раненых в Алупкинских санаториях Земгора. По имевшимся санаторным спискам больных выводили в горы на расстрел; тех, кто не мог идти, выносили на расстрел на носилках. Потрясение от происшедшего было настолько сильным, что местное татарское население Алупки и Кореиза наложило на себя трехдневный пост, восприняв эти события как «гнев божий»».[392]

Еще один трагический эпизод в истории Российского общества Красного Креста связан с деятельностью Отдела помощи погромленным при РОКК на Украине. На протяжении 1917–1920 гг. там наблюдались смена самостийных правительств и кровавый разгул атаманщины. Банды украинских националистов – Петлюры, Цюпы, Струка, Григорьева, Ангела, атамана Зеленого, Грициана Таврического и многих других – вступали в

---

[390] [Ввиду того, что во внутренней организации Российского общества Красного Креста произошли некоторые изменения, о которых подробнее будет сообщено Международному комитету Красного Креста дополнительно, – Российское правительство считает необходимым довести до сведения Международного комитета Красного Креста и правительств государств, признавших Женевскую конвенцию, что… на Комитет по реорганизации Русского Красного Креста… возложено Русским правительством выполнение по отношению к краснокрестным функциям всех обязанностей и использование всех прав и прерогатив, основанных на Женевской конвенции и других международных соглашениях]. Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. Москва, 1959. С. 355.

[391] ОГА СБУ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 61. Л. 82.

[392] ГА РФ. Ф. 5923. Оп. 1. Д. 7. Л. 53. Цит. по: *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции, 1918-1924 гг. Дисс. канд. ист. наук. М., 2000.

столкновения с белыми, красными и друг с другом. Помимо перечисленных, были анархисты (Махно, атаманша Маруся Никифорова), большевики (Щорс, Котовский) и деникинские части. Все перечисленные силы в той или иной степени были причастны к преступлениям против мирного населения. Волна еврейских погромов, принесшая, по различным оценкам, более 100 тысяч жертв, стала самой страшной в XX в., исключая, разумеется, Холокост и зверства нацистов во Второй мировой войне. Отличились в этих преступлениях все воюющие стороны, но более всего – украинские националистические банды и Добровольческая армия Деникина. В каких-то вооруженных формированиях погромы составляли обыденную и поощряемую сторону повседневности Гражданской войны, в других – преследовались и жестоко карались, как это часто происходило в махновских отрядах и в частях Красной армии.[393]

Одним из самых зверских погромов стал Проскуровский, названный так по наименованию города Проскуров (ныне Хмельницкий, Украина). Подробности этого преступления стали известны из «Доклада уполномоченного Отдела помощи погромленным при РОКК на Украине А.И. Гиллерсона о погромах, устроенных воинскими частями армии УНР в г. Проскурове и м. Фильштин Подольской губ. 15 и 16 февраля 1919 г.».[394] Исполнителями погрома стали гайдамаки атамана Семосенко, входившие в Запорожскую казацкую бригаду Украинского республиканского войска имени Головного атамана Петлюры. Гайдамаками называли себя с XVIII века

---

[393]Соотношение убитых теми или другими установлено: «в период с декабря 1918 по декабрь 1919-го погромные акции на Украине распределяются следующим образом:
439 (40 %), убито 16 706 (54 %) – Директория и союзники
307 (25 %) , убито 4165 (14,9 %) – различные банды
213 (17 %), убито 5235 (16,9 %) – белые
106 (9 %), убито 725 (2,3 %) – красные
52 (4 %) , убито 3471 (11,2 %) – григорьевцы
33 (3%) , убито36 (0,1%) – неустановленные погромщики
32 (3%) , убито 134 (0,4%) – польские интервенты». *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917 – 1920). Москва, 2005, 547 с.; Книга погромов: Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918 – 1922 гг.: Сборник документов. Москва, 2007.

[394]ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 24. Д. 17. Л. 30–46.

участники вооруженных отрядов (чаще – бандиты), действовавшие на территории Правобережной Украины.

Особо шокирующим фактом, отражающим ожесточение Гражданской войны и расчеловечивание всех сражающихся сторон, стало участие в погромах врача Красного Креста по фамилии Скорник (в некоторых следственных документах Скорняк) и двух сестер милосердия.[395]

Но подобный вопиющий случай являлся исключением. Значительно чаще работники Российского общества Красного Креста сами становились объектами насильственных преступлений со стороны вооруженных участников гражданского противостояния. Сохранился документ – [Сводка сообщений Отдела помощи погромленным при РОКК на Украине о погромах в Киевской и Черниговской губерниях в августе-сентябре 1919 г. различными регулярными воинскими частями, атаманческими отрядами и бандами].[396] Согласно этому источнику, только за два месяца 1919 г. было убито двое служащих РОКК: делопроизводитель и помощник контролера, и не менее десяти подвергнуты грабежу или арестованы.

Не менее заметной и масштабной была деятельность другой гуманитарной организации, имевшей на юге бывшей Российской Империи разветвленную сеть местных учреждений и высокую репутацию – Всероссийского Земского Союза. Он возобновил свою деятельность на юге России в конце 1918 г. весной 1919 г. – 28 апреля – в Екатеринодаре состоялся Съезд уполномоченных ВЗС и представителей его местных комитетов. Съезд избрал Комитет ВЗС, который был утвержден главнокомандующим Вооруженными силами юга России А.И. Деникиным (приказ № 1040 от 25 мая 1919 г.).[397] Практически одновременно в Сибири возобновил работу Комитет Всероссийского Земского Союза в Сибири. Он признал права екатеринодарского Комитета в качестве главного. 6 декабря

[395]ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 24. Д. 17. Л. 46.
[396]ГА РФ. Ф. Р-1339 Оп. 1 Д. 415. Л. 53–60.
[397] ГА РФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 6 об.

1919 г. состоялся съезд уполномоченных ВЗС, избравший Главный Комитет, утвержденный А.В. Колчаком приказом от 15 августа 1919 г.

Общее количество лечебных заведений Всероссийского Земского Союза на юге России на 1 декабря 1919 г. составляло около 150-ти. Среди них были госпитали и иные лечебные заведения общей вместимостью в 35 тыс. коек, лаборатории, санатории, протезные мастерские, ортопедические и физио-терапевтические институты, перевязочные (хирургические) и эпидемиологические отряды. Санитарные поезда и гужевые конные транспорты для эвакуации больных и раненых, стационарные лазареты разных типов (хирургические, эпидемиологические, челюстные, и пр.), амбулатории, фельдшерские пункты, рентгеновские и зубоврачебные кабинеты, бани, прачечные, дезинфекционные и прививочные отряды, чайные, чайно-питательные пункты, столовые, хлебопекарни.[398]

По количеству эти учреждения ВЗС распределялись следующим образом (на 1 декабря 1919 г.):[399]

Таблица 1. Численный состав учреждений ВЗС. 1919 г.

Лазареты разных типов (хирургические, эпидемиологические, челюстные, и пр.)	45
Амбулатории и прививочные отряды	6
Ветеринарно-фельдшерские пункты	3
Зубоврачебные кабинеты и лечебницы	11
Банно-прачечные и дезинфекционные отряды	90
Санитарные поезда, поезда-бани	12
Чайно-питательные пункты	30
Аптекарские и вещевые склады	8
Мастерские	9
Лаборатории и рентгеновские кабинеты	5

[398] ГА РФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
[399] ГА РФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об.

Помимо перечисленного, ВЗС организовывал подвижные солдатские лавки с дешевыми продуктами, производство медицинской техники и инструментов, вакцин, белья, занимался восстановлением разрушенных в ходе боев больниц (за период Гражданской войны ВЗС удалось восстановить 21 стационарную больницу).[400]

Отступление ВСЮР в Крым заставило ВЗС фактически восстанавливать гуманитарную деятельность с чистого листа. В ходе отступления было потеряно огромное количество оборудования и материалов, необходимых для оказания помощи больным и раненым. Сделанное этой гуманитарной организацией за короткий срок – до момента эвакуации из Крыма частей Русской армии – можно было бы сравнить лишь с эвакуацией и организацией производства на Урале в период Великой отечественной войны, только в меньших масштабах. В кратчайшие сроки, на крайне скудной материальной базе Крыма, были развернуты лечебные учреждения, созданы мастерские по ремонту и изготовлению медицинского оборудования, сбор лекарственных трав и производство на их основе фармацевтических препаратов, отремонтирован и запущен мыловаренный завод в Феодосии; приспособлен под госпиталь пароход «Херсон», на котором было отправлено в эвакуацию 1 тыс. больных и раненых.[401]

---

[400] ГА РФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

[401] После эмиграции в Константинополь в 1920 г. организация РОКК и ВЗС, действовавшие прежде на территории Украины и юга России, вошли составной частью в Центральный Объединенный комитет российских общественных организаций – Всероссийского Союза городов, Всероссийского Земского Союза и Российского общества Красного Креста. Восстановив свою организационную структуру в эмиграции, Российское общество Красного Креста продолжало оказывать всестороннюю помощь соотечественникам, вынужденным покинуть свою Родину. И здесь необходимо признать, что без опыта, приобретенного в 1918-1920 гг., РОКК не смог бы наладить эффективную работу в эмиграции. Причем имеет смысл говорить о двояком опыте. Это, во-первых, разносторонняя деятельность, направленная на обеспечение значительных людских масс предметами первой необходимости: питанием, одеждой, медикаментами. Именно с такой задачей столкнулся Красный Крест впоследствии заграницей, в частности, в Константинополе, где в 1920 – 1921 гг. шла речь о физическом выживании российских беженцев, терпевших голод и нужду. *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции, 1918-1924 гг. Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. Наук. Москва, 2000.

Деятельность российских гуманитарных организаций в период Гражданской войны стала едва ли не самым ярким проявлением стремления вовлеченных в гражданский конфликт людей сохранить собственную гражданскую, национальную идентичность. Глубинное понимание необходимости противостоять общественной и государственной деструкции посредством гуманитарной деятельности, призрения слабейших членов общества, оказания помощи нуждающимся объединило все здоровые силы общества. Понимание гражданской идентичности при этом наполнялось новым смыслом: в условиях деградирующей государственности присущая ей гуманитарная миссия переместилась на уровень местных сообществ и гуманитарных организаций и была подхвачена ими. Разорванная гражданской войной ткань общественной жизни и государственного управления соединялась гуманитарной деятельностью, ставшей последней преградой для окончательного общественного разложения.

Подводя итог в изучении российской гуманитарной деятельности на Украине и Юге России и ее роли в сохранении национально-культурной идентичности, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, становится очевидным, что в этих регионах бывшей Российской Империи к моменту начала Гражданской войны существовала развитая гуманитарная инфраструктура местных учреждений, сыгравшая в последствии весомую роль в купировании и преодолении последствий военных действий и оказании помощи мирному населению. Лечебные заведения, система реабилитации инвалидов и выздоравливающих, склады общественных организаций с предметами первой необходимости стали той основой, на которой была восстановлена гуманитарная помощь раненым, больным и местному населению. Особую роль в этом процессе суждено было сыграть местной кустарной промышленности, в кратчайшие сроки наладившей выпуск санитарной и медицинской продукции, предметов первой необходимости.

Во-вторых, население Украины и Юга России, в силу складывавшегося веками национально-этнического состава, очень по-разному ощущало собственную идентичность. Гражданское противостояние в этих регионах носило ожесточенный характер, обостряясь за счет межнациональных и межэтнических конфликтов. В этих условиях российская гуманитарная деятельность, базирующаяся на общечеловеческих принципах, представляла собой едва ли не единственную альтернативу всеобщему одичанию и войне «всех против всех». На коротком отрезке времени 1918-1920-х гг. российским гуманитарным организациям удалось создать действенную систему помощи всем нуждавшимся, вне зависимости от их национальности, политических пристрастий и социального статуса. Это позволило на кратком историческом этапе сохранить идентичность вовлеченных в эту деятельность людей в качестве граждан единой некогда страны, предложив им универсальные гуманитарные ценности.

Перспективы дальнейшего исследования в этом направлении очень широки.

Во-первых, требует изучения деятельности зарубежных миссий РОКК, пик активности которых приходится именно на годы Гражданской войны в России. Это направление научного поиска особенно актуально из-за тесных и разветвленных связей российских гуманитарных организаций за границей с иностранными правительствами. Тщательное изучение этой сюжетной линии позволит дать ответы на целый ряд сложных вопросов европейской политики начала XX века.

Во-вторых, документы, относящиеся к этому вопросу, могут дать ключ к истории всей последующей российской гуманитарной деятельности в эмиграции, поскольку именно краснокрестные учреждения оказывались главной опорой русских беженцев. Имевшаяся на момент окончания Первой мировой войны сеть местных учреждений Российского Красного Креста за границей стала базовой гуманитарной инфраструктурой, позволившей

организовать призрение и лечение значительной части самых обездоленных российских беженцев.

2.3. Сохранение национального наследия в условиях гражданского конфликта

Одной из главнейших гуманитарных функций общества и государства является сохранение национального исторического и культурного наследия. Объекты культурного наследия, библиотеки, архивы, природные заповедники, музеи, памятники архитектуры и искусства – это очень хрупкая и ранимая материальная и нематериальная ткань, определяющая национально-культурную идентичность каждого гражданина страны. Стихийные бедствия, военные действия, иные гуманитарные кризисы наносят непоправимый ущерб, в первую очередь, именно объектам исторического и культурного наследия. Гражданский конфликт в этом смысле является еще более разрушительным. Гражданская война в России нанесла национальному наследию катастрофический урон: не только военные действия, но и отношение всех противоборствующих сторон к объектам истории, культуры, природным памятникам по своим разрушительным последствиям сравнимо лишь с периодом фашистской оккупации. Расчеловечивание противников в гражданском противостоянии, демонстративный отказ от идейного и культурного багажа предшествующих поколений имели своим следствием безвозвратную утерю огромного массива исторических и культурных памятников.

Тем более важными являются факты гуманитарной деятельности по сохранению объектов культурного и исторического наследия в условиях Гражданской войны. Это была работа подвижников, в условиях гуманитарной катастрофы и всеобщего одичания пытавшихся сохранить национальное наследие народа. Еще более значимой является преемственность политики местных антибольшевистских и советских

властей в вопросах сохранения культурного и исторического наследия. Факты такого рода единичны, и вовсе не они определяли общую ситуацию в стране. Однако существование такой преемственности свидетельствует о глубоко укоренённой традиции, которой следовали представители научного сообщества России вне зависимости от политического режима в конкретный момент истории.

Источниковая база изучения гуманитарной деятельности по сохранению объектов исторического и культурного наследия на территориях, подконтрольных антибольшевистским режимам, крайне ограничена. Причин тому несколько. Во-первых, сохранность документов местных учреждений – архивов, библиотек, природных заповедников, музеев – на территориях, охваченных военными действиями, была крайне низкой. Их делопроизводственная документация не считалась ценной, и не подлежала первоочередному учету и сохранению. Во-вторых, само делопроизводство в этих учреждениях в период Гражданской войны было крайне упрощенным и ограниченным, если было вообще. Это объяснялось материальными причинами: скудные финансы; нехватка самых элементарных ресурсов, включая бумагу и чернила; разрушение управленческих цепочек – все это не способствовало накоплению источниковой базы.

По названным причинам специальных трудов, посвященных сохранению наследия в период Гражданской войны, немного. Основными научными центрами, которые занимаются данной проблематикой, стали Южный филиал НИИ природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева и Томский государственный университет, ведущие исследования Юга и Востока России соответственно.

Революционные события в России 1917 г. породили в сфере науки и культуры неожиданный эффект: в регионы страны перемещались тысячи работников интеллектуального труда в попытке найти убежище и пропитание в охваченной войной и экономическим кризисом стране. Происходил и отток лиц духовного звания из центра страны на

периферию.[402] Этот процесс, при всей драматичности, послужил мощным фактором повышения научного и культурного уровня провинциальных учреждений, занимавшихся сохранением исторического и культурного наследия. Так, пополнила свой штат столичными профессионалами Екатеринодарская картинная галерея, где получили работу архитекторы А. Вайтенс и Н. Лансере, художник А. Мочалов.[403]

Российская интеллигенция принимала активное участие в деле сохранения историко-культурного наследия. В Крыму был создан Центральный архив под руководством Б.Д. Грекова, профессора русской истории Таврического университета, архивиста, автора многочисленных трудов по истории России, в последствии академика Академии Наук СССР.

В Государственном архиве Республики Крым сохранилось «представление» академика Б.Д. Грекова на имя назначенного А.И. Деникиным Таврического губернатора Н.А. Татищева о создании Таврического центрального архива: «Его превосходительству господину Таврическому губернатору. [От] Профессора Таврического университета, заведующего Таврическим центральным архивом Б.Д. Грекова.

Имею честь представить Вашему превосходительству копию с докладной записки и проект сметы Таврического центрального архива при Таврическом университете, извлеченную из общего доклада о Таврическом университете с каковым докладом отправлено Таврического Университета специальная делегация к главнокомандующему Южнорусскими армиями генералу Деникину.

При этом имею честь просить о следующем:

Разрешить продолжать начатую перевозку архивов, для чего необходимо иметь Центральному архиву соответствующее удостоверение.

---

[402] *Косых В.И.* Деятельность Забайкальского епархиального Комитета по оказанию помощи беженцам духовного звания и ведомства в 1919-1920 гг. // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2009. №1. С. 86.

[403] *Еремеева А.Н., Коваленко Т.В.* Провинциальные музеи в условиях Революции и Гражданской войны // Культурное наследие России. 2017. № 2. С. 60.

Заведующий архивом профессор Б. Греков Симферополь 25 июня 1919 г.».

В прилагавшемся к документу обосновании академик Греков напоминал, что мысль о центральных архивах по всей России – старая мысль, но осуществить ее по тем или иным причинам до сих пор не приходилось. Ученые архивные комиссии, учрежденные далеко не во всех губернских городах, должны были иметь общее наблюдение за состоянием архивов, но они не могли выполнять даже своей сравнительно скромной задачи, так как бюджет их не превышал обычно несколько сот рублей в год. Российская Академия Наук давно лелеяла план устройства в различных местах России центральных архивов; представители специально архивного дела, как например, покойный профессор Самоквасов, очень много писали о необходимости подобных учреждений, а в последнее время академик А.С. Лаппо-Данилевский, который специально ведал губернскими архивными комиссиями, высказывался самым определенным образом за устройство центральных архивов и, между прочим, указывал на Таврическую губернию, с которой, по его мнению, удобнее всего было бы начать это дело, так как архивы этого края сравнительно молодые, их легче свести в одно место, легче справиться с описанием документов и т.п.

И далее Б.Д. Греков описывал катастрофическую ситуацию, сложившуюся в Крыму и на юге России с архивными хранилищами и массивами исторических документов. Академик упоминал в записке о распаде профессиональных коллективов, острой нехватке квалифицированных архивистов, помещений оборудования. Рассказывал об уничтожении архивов толпой, гибнущих под открытым небом уникальных собраниях, разгромленных в Симферополе военных архивах, похищении уходившими из Крыма немцами архива Черноморского флота. Сам академик Греков покупал на рынке части полицейского симферопольского архива на вес, по два рубля за фунт документов, продававшихся для самокруток. Был

разгромлен ценный исторический архив в Васильевке Мелитопольского уезда и архив наследников Ю.В. Попова.[404]

Схожая ситуация в годы Гражданской войны складывалась и с музейными собраниями. Проблемы в этой области у всех гуманитарных учреждений были едиными: нехватка финансирования, помещений, квалифицированных кадров, невозможность защитить научное и культурное наследие от мародерства и вандализма. В мае 1920 г. академик В.И. Вернадский обращался к П.Н. Врангелю с просьбой оказать поддержку в сохранении Ялтинского Естественно-исторического музея, оказавшегося под угрозой выселения и потери уникальных экспонатов. Вернадский обращал внимание Врангеля не только на ценность музея для науки, но и писал о постоянном интересе жителей к экспозиции музея, которая оказалась востребованной у посетителей даже в самое тяжелое военное время.[405]

В конце своего письма академик Вернадский написал очень интересную фразу, подтверждающую тезис о существовании ситуативной преемственности советских и антибольшевистских властей в деле сохранения национального наследия: «такую поддержку музею оказывала даже советская власть, и было бы чрезвычайно тяжело, если бы русское правительство ему в

---

[404] Крымский архив. 2003. № 9. С. 158-159.

[405] В докладной записке на имя П.Н. Врангеля, подписанной В.И. Вернадским и В.А. Обручевым, в числе прочего, говорилось следующее: «По поручению правления Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба мы просим Ваше высокопревосходительство, как главного начальника Крыма, обратить внимание на безвыходное положение ялтинского Естественно-исторического музея, имеющего большую культурную ценность. «Мы считаем долгом указать, что этот музей представляет единственное научное учреждение в Ялте и одно из немногих в Крыму. В музее собраны большие коллекции по естествознанию, археологии и этнографии Крыма, и все коллекции отделения противотуберкулезной лиги, накопленные за много лет; при нем имеется единственная для Ялты научная библиотека. В эпоху развала и разрушения России охрана всех уцелевших еще культурных очагов является особенно важной задачей власти; уничтожение Ялтинского музея нанесет большой ущерб росту русской культуры в Крыму и просветительной работе в Ялте. Ввиду важности дела мы просим вас обратить на него свое просвещенное внимание и сделать распоряжение о возврате музею отнятых у него помещений, а также об оказании ему необходимой материальной поддержки». Цит. по: В.И. Вернадский и Крым: люди, места, события… / Н.В. Багров, В.Г. Ена, В.В. Лавров и др. – 2-е изд., перераб. – К.: Лыбидь, 2012. – 248 с.

этом отказало».[406] Конечно, такие слова Владимира Ивановича Вернадского отражали его знаменитое бесстрашие в отстаивании принципов, проявлявшееся на всем его жизненном пути, без оглядки на возможные последствия от власти предержащих. И надо отдать должное П.Н. Врангелю: он не обратил внимания на провокативный тон именитого ученого и принял участие в сохранении ялтинского Естественноисторического музея.[407]

Такой же логики придерживались и власти Кубани. Ведомство торговли и промышленности планировало создание музея «всех производств краевой промышленности».[408] Обсуждалась возможность создания сельскохозяйственного музея.

Реалии военного времени налагали свой отпечаток на деятельность местных просветительских учреждений. С одной стороны, сохраняя собственные традиции, музеи занимались выставочной деятельностью по актуальным и волнующим граждан проблемам. Ставропольский земско-городской музей устроил в 1919 г. прикладные выставки: «по сельскохозяйственным пособиям и литературе, по борьбе с тифом, холерой и чумой и большая выставка учебных пособий по всем отраслям знания».[409]

Постоянная смена властей, военные действия, нехватка материальных ресурсов создавали критическую ситуацию в области охраны природного наследия Юга России. Руководители государственных и гуманитарных общественных организаций пытались привлечь внимание всех властей, в то

---

[406] В.И. Вернадский и Крым. С. 128.

[407] Продолжалась работа и по мо
дернизации существовавших и созданию новых музеев. Решением Ростовской городской думы был учрежден в Ростове-на-Дону Музей промышленности и сельского хозяйства. Мотивировалась необходимость создания нового музея не в самое благоприятное время следующим образом: [В богатом и оригинальном крае Юго-Востока России, промышленность и сельское хозяйство которого после войны должны занять в жизни края, но и всей страны выдающееся значение — создание музея промышленности и сельского хозяйства, как культурно-просветительного центра, безусловно, необходимо]. Цит. по: *Еремеева А.Н., Коваленко Т.В.* Провинциальные музеи в условиях Революции и Гражданской войны // Культурное наследие России. 2017. № 2. С. 60. doi:10.24411/2308-2062-2017-00020

[408] Цит. по: *Еремеева А.Н., Коваленко Т.В.* Указ.соч. С. 63.

[409] Цит. по: *Еремеева А.Н., Коваленко Т.В.* Указ.соч. С. 63.

или иное время распоряжавшихся в Крыму, и сподвигнуть их на осуществление природоохранных мероприятий.[410]

Тяжелые испытания выпали на долю Аскании-Нова. Эта страница истории уникального степного заповедника до сих пор редко становится предметом исследования. На сегодня имеется лишь несколько работ профессиональных историков, затрагивающих период Гражданской войны в истории заповедника.[411]

Традиционно в судьбе заповедника активное участие принимали ученые и общественные деятели Крыма, в частности, Таврическая Ученая Архивная Комиссия. 11 марта 1919 года, в протоколе заседания ТУАК появилась запись о катастрофическом положении Аскании-Нова. В ней говорилось о «беспомощном положении зоопарка, после того как чины Добровольческой Армии были обезоружены, а грабительские шайки начали опустошать хозяйство Аскании-Новы и предназначенные для корма животных и птиц запасы сена, зерна, муки».[412]

---

[410] Руководитель Крымского национального заповедника М.П. Розанов в начале 1918 г. обращался в большевистский Военно-революционного комитета в Симферополе: [Настоящим имею честь довести до сведения Военно-революционного штаба, что я вынужден был покинуть вверенное мне дело на том основании, что разбежавшиеся после военных столкновений на Альме и под Ялтой банды вооруженных людей ходят по лесу и ежедневно приходят к нам с угрозами, требованиями и просьбами о пище и приюте, что ставит нас в крайне тяжелое положение. Вместе с тем прошу Военно-революционный комитет принять со своей стороны меры к тому, чтобы редкостные породы животных (оленей, зубров, косуль и др.), которых, кроме Национального Заповедника нигде в мире нет, не были бы совершенно истреблены. Кроме того, прошу указать мне источники, из которых мы могли бы доставать средства, чтобы удовлетворить служащих жалованием]. Цит. по: *Шарипов О.А.* Крым – часть русского мира. Период революции и Гражданской войны // Крымский архив. 2016. №3 (22). С. 114-111.

[411] *Безбражная Е.А.* Роль крымских ученых в восстановлении заповедно-исследовательского комплекса Аскания-Нова (1918-1930 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2008. №1. С. 88-96; *Безбражная А.Е.* К вопросу о начале государственно-правового регулирования заповедного дела в Аскании-Нова (1919-1929 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2009. №2. С. 321-327; *Еремеева А.Н.* «Для сохранения на вечные времена»: природоохранные инициативы на Юге России в 1914-1920 гг. // Наследие веков. 2017. №3 (11). С. 15-23; *Еремеева А.Н., Коваленко Т.В.* Провинциальные музеи в условиях Революции и Гражданской войны // Культурное наследие России. 2017. № 2. С. 60.

[412] Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии // ИТУАК., 1920., № 57. С. 1-82. Цит. по: *Безбражная Е.А.* Роль крымских ученых в восстановлении заповедно-

К этому же периоду относятся сведения об уничтожении уникального зоопарка Аскания-Нова: «Около сорока снарядов трехдюймового орудия легло в области зоопарка... Всего погибло более трех четвертей населения зоопарка.... Бывали дни, когда весь парк положительно кишел непрошеными посетителями. Всюду раздавалась стрельба; неслись крики, хохот и ругань».[413]

Михаил Михайлович Завадовский, выдающийся российский биолог и будущий академик, находившийся в 1919 г. в экспедиции в Аскания-Нова, вспоминал о значительном сокращении количества птиц из-за передвижения войск.[414]

В июне 1919 г. Управлением земледелия и землеустройства Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России основан Комитет по устройству Черноморского побережья. Первым проектом созданного учреждения стало создание ботанического сада в Новороссийском районе. Планировалось устройство заповедников в Астраханском крае.[415]

исследовательского комплекса Аскания-Нова (1918-1930 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2008. №1. С. 88-96.

[413] *Козлова Е.В.* Аскания-Нова: зоопарк в южно-русских степях. - Петроград: «Начатки знаний», 1923.- 136 с. Цит. по: *Безбражная Е.А.* С. 88-96.

[414] [Причиной тому – сокращение числа выводков и яйцекладки, что стоит в зависимости от передвижения в степях Аскании воинских частей в 1919, 1920 и 1921 годах. Что касается рыб, то большая часть из них погибла вследствие безобразий проходящих воинских частей и недостатка воды в каналах и прудах; последнее находит себе объяснение в сокращении деятельности водонапорной станции, из-за недостатка топлива. Зоотехническая лаборатория наиболее пострадала: увезены и украдены микроскопы, уничтожена часть реактивов, погибли опытные животные, весь инвентарь лаборатории приведен в хаотическое состояние, вольеры разобраны. Музей сильно пострадал в течение последнего года: совершенно уничтожены коллекции яиц, собиравшихся в течение 25-ти лет, бабочек и насекомых. Совершенно сожжен гербарий, увезена коллекция старинного оружия, сорваны этикетки с большинства шкурок птиц, уничтожены этикетки на археологической коллекции… Библиотека в значительной своей части уничтожена: часть увезена офицерами добровольческой армии при отступлении, часть разобрана и сожжена советскими частями. Общий итог: Аскания продолжает в своем израненном виде сохранять свою мировую ценность и требует к себе прежнего концентрированного внимания]. *Завадовский М.М.* Страницы жизни. М.: МГУ, 1991. С. 234.

[415] *Еремеева А.Н.* «Для сохранения на вечные времена»: природоохранные инициативы на Юге России в 1914-1920 гг. // Наследие веков. 2017. №3 (11). С. 15-23.

Свои особенности имела гуманитарная деятельность по сохранению культурного и исторического наследия в Сибири в исследуемый период. В отличие от юга России, где эта работа критическим образом зависела от участия центральных властей, общественность Сибири взяла на себя значительную долю ответственности за сохранение национального достояния. Меценатство и благотворительность в Сибири в период Гражданской войны, в условиях острого экономического кризиса и частой смены властей, сыграли определяющую роль не только в деле оказания помощи раненым и больным, о чем говорилось выше, но и в деле сохранения памятников культуры и нематериального наследия страны и региона.

При этом наблюдалась парадоксальная, на первый взгляд, преемственность антибольшевистских и советских властей в политике по сохранению национального наследия. Так, с конца 1917 по май-июнь 1918 гг., с установлением советской власти, начался процесс формирования государственных органов по сохранению культурного наследия. В марте 1918 г. в Народном комиссариате по просвещению создается Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины, приступившая к формированию подразделений на местах. Весной 1918 г. в исполкоме Томского губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов создан Отдел по народному образованию и Отдел народного образования в Томском городском Совете; в апреле 1918 г. – Отдел музеев и архивов.[416] Приход к власти в конце мая – начале июня 1918 г. Временного Сибирского правительства, и позднее – Правительства адмирала А.В. Колчака остановили работу Томского губисполкома. Но это не означало прекращения деятельности по сохранению культурного и исторического наследия в Сибири: в начале 1919 г. появляется на свет проект Постановления Совета министров правительства Колчака «Об охране памятников истории, старины и искусства и архивов центральных и местных учреждений», осуществляется ряд других мероприятий по сохранению национального наследия, как,

[416] *Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М.* Указ. соч. С. 181.

например, создание Института исследования Сибири. После восстановления в Томске советской власти эта работа продолжилась. Уже в мае 1920 г. было создано Томское губернское архивное управление, а в июне того же года – губернский архив.[417]

Меценат П.И. Макушин пожертвовал Институту исследования Сибири пять тысяч рублей; назначал премии за литературные произведения о Сибири, передал сто пятьдесят тысяч на строительство Дома искусств в Томске. А.В. Колчак своим указом присвоил П.И. Макушину звание почетного гражданина Сибири.[418]

В период Гражданской войны Томск становится одним из центров интеллектуальной жизни Сибири, куда стекаются представители творческой и научной интеллигенции в надежде укрыться от разворачивавшегося гражданского противостояния. Одним из центров гуманитарной деятельности по сохранению научного и исторического наследия становится Томский университет. В годы Гражданской войны здесь нашли убежище и работу преподаватели и ученые Пермского и Казанского университетов. В 1918 г. в университетском Обществе этнографии, истории и археологии была создана комиссия, целью которой стало «прекращение существующего архивного нестроения».[419] Общее понимание катастрофических последствий, которые могли иметь происходившие в стране события для сохранности архивных фондов, стремление сохранить в условиях войны историческое наследие оформилось в решение создать в Томске Центральный исторический архив Западной Сибири: соответствующий проект был направлен в Министерство народного просвещения Правительства Колчака в конце 1928 г. Несколько месяцев спустя появился проект Постановления Совета министров правительства Колчака «Об охране памятников истории,

---

[417] *Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М.* Указ. соч. С. 184.
[418] *Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И.* Благотворительность в Томске в годы революции и Гражданской войны (1917-1919) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2018. №30. С. 222-228.
[419] Цит. по: *Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И.* С. 225.

старины и искусства и архивов центральных и местных учреждений». Следует отметить, что еще до момента появления этого документа, когда летом 1918 г. в Томске установилась власть Временного сибирского правительства, один из первых его циркуляров был посвящен охране исторического наследия. Он предписывал «сдать в местные архивные комиссии все, что имеет художественный или исторический интерес, произвести регистрацию этих предметов и озаботиться о дальнейшей судьбе их, для чего войти в сношение с местными археологическими и художественно-просветительными обществами».[420]

Тогда же, в конце 1918 г., в Омске создается Книжная палата, взявшая на себя функции спасения архивного наследия Сибири. Поиском бесхозных и гибнущих архивных собраний занималось Русское географическое общество, сотрудники архивов, музеев, университетов. В декабре 1918 г. в Совет министров правительства Колчака был представлен доклад о сохранности культурных ценностей.[421]

Проблема сохранения культурного наследия широко обсуждалась сибирским научным сообществом. Планировалось организовать работы по собиранию фольклора и диалектов русского населения Сибири, собирание и публикацию фольклорных материалов; изучение «предметов художественной старины» и открытие художественных музеев, составление археологической карты Сибири.[422]

Активную деятельность проводил Институт исследования Сибири, при котором был сформирована библиотека библиографическим бюро. Особое

---

[420] Цит. по: *Костанов А.И.* Архивы Сибири и Дальнего Востока в 1917–1920 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 5. С. 13-26.

[421] В документе отмечалось, что, [являясь формально представительницей государственных книгохранилищ России, Книжная палата могла бы, а за отсутствием надлежащих учреждений и должна была принять на себя представительство их интересов в отношении архивов вообще. Архивы сейчас буквально гибнут, по сообщениям газет в Селенгинске архив съеден свиньями, в Кабанске – продан на обертку, в Гусино-Озерском дацане – то же, в Верхне-Удинске – то же]. Цит. по: *Костанов А.И.* С. 24.

[422] *Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М.* Из истории сохранения памятников культурного наследия в Томске в 1917-1920 гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. №422. С. 181-190.

значение в этот период институтская библиотека уделяла собиранию личных фондов и архивов.[423]

Российская гуманитарная деятельность по сохранению национального наследия в период Гражданской войны позволяет сделать целый ряд выводов.

Во-первых, в годы гражданского противостояния в России проявилась неожиданная тенденция: интеллигенция, профессиональные ученые и деятели культуры, принадлежавшие порой к противоположным сторонам конфликта, на определенном этапе проводили политику преемственности в вопросах сохранения природного и культурного наследия страны. Власти регионов России, за годы противостояния неоднократно переходивших из рук в руки, старались не разрушать наработки предшественников в этой области. Более того, очень часто профессиональные работники сферы науки и культуры оставались на своих должностях при смене политических режимов, имя возможность продолжать охранительную или научную деятельность. Подобные факты не были повсеместным явлением, однако их наличие свидетельствует о глубоко укоренной традиции сохранения национального наследия в том слое российской интеллигенции, который принято называть «образованным классом».

Во-вторых, становится очевидным, что природное, историческое, культурное и научное наследие народа при конфликтах любого происхождения является самой уязвимой и ранимой сферой общественного достояния. Военные действия, вандализм, экономический кризис, разрушение управленческой логистики и хозяйственной инфраструктуры самым тяжелым образом сказываются на объектах материального и нематериального наследия. Архивы и библиотеки, памятники архитектуры и природные заповедники, художественные галереи и усадебные комплексы – все эти гуманитарные богатства общества утрачиваются одними из первых.

---

[423] *Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М.* С. 182.

Наконец, при изучении российской гуманитарной деятельности по сохранению национального наследия в условиях гражданского конфликта трудно не заметить системную роль, которую сыграли в этом процессе высшие учебные заведения страны. Университеты стали местом прибежища многих тысяч преподавателей и научных работников, которые своими знаниями и творческой энергией сохраняли наследие страны в самых отделенных её регионах.

Подводя общий итог к главе 2 можно констатировать следующее.

Следует считать доказанным факт воссоздания и активной работы на территориях, занятых антибольшевистскими режимами Сибири и Юга России, действенной структуры российской гуманитарной деятельности. Изначально оказывая помощь армейским частям в лечении, эвакуации, санитарном обслуживании больных и раненых, российские гуманитарные организации стали в итоге едва ли не главной реальной силой, взявшей на себя решение всего комплекса гуманитарных проблем в тех регионах, где они осуществляли свою деятельность. Борьба с эпидемиями, реабилитация выздоравливающих и инвалидов, сохранение научного, культурного, природного наследия, просветительская и медико-санитарная работа – эти и целый ряд других направлений деятельности стали их зоной ответственности. Гуманитарный кризис Гражданской войны в России имел бы значительно более тяжелые последствия без способности общества к самоорганизации; без волонтерской и благотворительной деятельности; без стремления общества сохранить собственную национально-культурную идентичность в условиях тотального военного, экономического, идейного и политического кризиса.

Российская гуманитарная деятельность периода гражданского противостояния имела еще один неожиданный эффект. Люди, непосредственно вовлечённые в нее, становились не только субъектами, оказывающими помощь нуждавшимся в самых различных формах, но и сами становились её объектом: гуманитарная деятельность требовала огромного

количества специалистов в области медицины, науки, культуры, образования, т.е. тех специальностей, которые в период кризиса несли наибольшие потери. Гуманитарная деятельность обеспечивала работой российскую интеллигенцию, подвергавшуюся наибольшему социокультурному стрессу и находившуюся в самом сложном экономическом положении. Забота о ближнем; о сохранении национального культурного, научного, природного наследия; благотворительность и меценатство способствовали сохранению в условиях гражданской войны научных школ и коллективов, навыков и компетенций, утеря которых была бы неизбежной в условиях развернувшегося в России в 1917-1920-х гг. гуманитарного кризиса.

Наконец, забота общества о сохранении национального наследия стала неотъемлемой частью общегуманитарной деятельности по сохранению национально-культурной идентичности. Общенациональные памятники природы, истории, науки, культуры нуждались в охране вне зависимости от того политического режима, который в условиях гражданской войны контролировал ту или иную территорию. Осознание этого факта служило побудительным мотивом для общества в деле сохранения национального наследия. Совместная работа над этой миссией, вероятно, как ни в какой другой области общественной жизни, способствовала сохранению национально-культурной идентичности, поскольку именно здесь взаимосвязь национальной культуры, языка и наследия с людьми, от которых зависело сохранение этого богатства в условиях гуманитарной катастрофы, была столь наглядна и ощутима.

Глава 3. Институционализация и деятельность гуманитарных организаций как фактор сохранения идентичности российской эмиграции в 1920-1930-е гг.

§ 3.1. Гуманитарный кризис начального периода российской эмиграции

Бегство из страны трудоспособного населения; людей, любящих свою страну и испытывающих острую боль от вынужденного расставания с ней, стало одной из тяжелейших гуманитарных катастроф в истории России. Именно гуманитарное измерение этого процесса, получившего в литературе того времени библейское наименование «исход», по-прежнему оставляет огромное количестве нерешенных вопросов. Что именно становилось побудительным мотивом бегства? Действительно ли существовала опасность для жизни большинства эмигрантов? Какую роль в момент принятия решения об эмиграции играли материальные факторы, а какую – духовное, ментальное неприятие происходивших в стране событий? Где пролегала грань между спонтанным импульсом эмигрировать во что бы то ни стало, заставлявшим русского крестьянина бросать хозяйство и бежать из родной страны, и осмысленным, выстраданным решением российского интеллектуала, в какой-то момент осознававшего невозможность своего дальнейшего пребывания на родине? Какой оказалась гуманитарная ситуация исхода и что предстояло испытать беженцам на этом пути? Наконец, каким образом стремление эмигрировать из собственной страны может быть совмещено с сохранением национально-культурной идентичности и возможно ли оно?

Поражение, понесенное антибольшевистскими силами в ходе братоубийственной борьбы, вынудило значительную часть населения искать

убежище от преследования советской власти в других странах мира. Чем был вызван такой массовый исход на чужбину? Можно ли было остаться в России, смирившись с новой властью, и продолжать жить по-прежнему?

Ответ на эти вопросы для большинства эмигрантов на начальном этапе изгнания звучал категорично: нет! Участники боевых действий в составе белых армий в случае плена, как правило, были обречены на физическое уничтожение. Судьба немногих остававшихся в живых была незавидна: тюрьма или лагерь, лишение гражданских прав, жизнь под неусыпным контролем, а в итоге – неизбежные репрессии, которых не смогли избежать даже лояльные к власти.

Не могли оставаться в России и так называемые «представители эксплуататорских классов»: бывшие помещики, коммерсанты, владельцы промышленных и торговых предприятий. Лишенные своей собственности и средств к существованию, они в одночасье превратились в «социально-чуждые элементы», поставленные властью в положение «вне закона». Их убийство могло быть мотивировано такой расплывчатой формулировкой, как «революционное правосознание», означавшей на деле всевластие человека с ружьем, получившего разрешение карать или миловать по своему собственному усмотрению. В результате десятки тысяч людей, вся вина которых заключалась лишь в том, что они достигли в жизни определенного материального достатка, были лишены жизни представителями новой власти.

Сложнее дать ответ на вопрос о причинах эмиграции российской интеллигенции. Очень часто уезжали в изгнание даже те ученые, артисты, писатели, учителя, представители других интеллектуальных профессий, которым не угрожало прямое физическое насилие или смерть. Их эмиграция была вызвана еще и другими, более глубинными причинами, нежели страх за собственную жизнь. Острое неприятие установившегося в стране режима, постоянный социокультурный стресс, в котором пребывала российская интеллигенция в годы революции и гражданской войны, вынуждали ее искать убежище за пределами своей родины, в странах, в которых

сохранились традиционные культурные и социальные ценности. Эмиграция представителей российской интеллигенции была тесно связана с пониманием этой частью общества собственной национально-культурной идентичности. Угроза жизни и здоровью, материальные трудности и лишения далеко не всегда становились главным побудительным мотивом эмиграции этих людей. Стремление сохранить возможность независимого мышления и творчества; собственное понимание истории, культуры и общественных явления в своей стране; возможность независимого самовыражения как составные части понятия «национально-культурная идентичность», заставляли людей отправляться в изгнание.

Российские беженцы, выбравшие направлением своей эмиграции Индию и Китай, оказались одной из самых пострадавших категорий русских эмигрантов, на чью долю выпали тяжелые испытания. Путь их бегства пролегал по враждебным к русскому населению окраинам и тяжелым климатическим зонам со скудными ресурсами. Массовая гибель русских беженцев, ставших жертвами местного населения и голода, часто становилась предметом описания русскоязычной прессы на Западе.[424]

Драматично проходила эвакуация воинских частей и гражданского населения, по различным причинам опасавшегося оставаться под властью большевиков, из Северной области. Тяжелые климатические условия, падение дисциплины в частях, враждебное отношение местного населения, огромная протяженность линии фронта и бездарно организованная эвакуация не позволили большей части из них покинуть Россию. Лишь небольшой группе численностью около 1100 человек, состоявшей, главным образом, из штабных офицеров с семьями и местных предпринимателей, удалось 19 февраля 1920 г. погрузиться в Архангельске на ледокол «Минин» и благополучно прибыть в норвежские порты Гаммерфест и Тромзе. В городе и его окрестностях было оставлено на произвол судьбы и подходивших частей

[424] *Парчевский К.К.* В Парагвай и Аргентину. Очерки Южной Америки. Париж. 1936. С. 25.

Красной армии огромное число раненых и больных; после пешего перехода из Архангельска в Мурманск по непроходимым лесам попал в плен отряд Архангельского фронта численностью более тысячи человек; сотни солдат, офицеров и служащих бывшего правительства Северной области были посажены в тюрьму или расстреляны.

Удалось уйти за границу некоторым частям Мурманского фронта. 23 февраля из Мурманска в направлении российско-финской границы вышел отряд численностью в 1500 человек. После двухнедельного броска через полузамерзшие карельские болота, где люди и лошади на каждом шагу проваливались по горло в снег и воду, отряд достиг финской границы.[425]

Однако наибольшая часть беженцев попала за границу из Крыма, вместе с эвакуированными частями Добровольческой армии П.Н. Врангеля.

Стоявшие на рейде корабли были переполнены беженцами. Вот как описывали условия эвакуации очевидцы событий. Н. Кнорринг, офицер Морского корпуса, вспоминал: «Были ли с берега благословения, – я не знаю, но проклятия были». Неравенство в жизни продолжало оставаться неравенством и в бегстве: «внизу, на пристанях, был ад. Лодки брались с боя, заламывались сумасшедшие цены, дрались, вещи сбрасывались в воду». Для многих попасть или не попасть на уходившие корабли означало жить или погибнуть. Но те, у кого были деньги, даже в эти страшные моменты эвакуации могли не отказывать себе в удовольствии взять на борт необходимый в хозяйстве скарб.[426]

---

[425] *Добровольский С.Ц.* Борьба за возрождение России в Северной области // Белый Север. 1918-1920 гг. Мемуары и документы. Выпуск II. Архангельск, 1993. С. 196.

[426] «Население корабля возросло в 7-8 раз, на его борту было несколько тысяч человек различной формы, пола и возраста. Дамские шляпки, английские зеленые шинели, френчи, русская форма, черные пальто моряков мешались с кавалерийским рейтузами, форменные фуражки с кепками, полушубки с каракулевыми саками. Сгрудились предметы домашнего хозяйственного обихода – кровати, комоды, самовары; на носу терлись боками коровы, козы… Это был не только кажущийся для непривычного взгляда беспорядок, это был настоящий хаос, в котором команда корабля была поглощена нахлынувшей стихией и растворилась в ней до неузнаваемости… А люди шли, шли, ползли, как тараканы, без конца подъезжали лодки, груженые нужным и ненужным; поднимались по высокому трапу, лязгали лебедки, стучали трапами матросы и на баке

Положение беженцев на пароходах было ужасным. За то время, которое корабли находились в море, все продовольствие было съедено, и беженцы в течение первых двух суток пребывания в бухте Мода голодали. К голоду прибавилась жажда; турецкие торговцы, наживаясь на людском горе и нужде, развозили на лодках кувшины с питьевой водой, требуя за них огромные деньги. Большинство беженцев не имели каких-либо наличных средств; они расплачивались обручальными кольцами, женскими украшениями и предметами верхней одежды; многие офицеры отдавали личное оружие. Только на третьи сутки союзники и русские власти организовали подвоз на стоявшие на рейде корабли воды и продовольствия.[427]

Русские эмигранты на берегах Босфора оказались в центре пересечения самых разнообразных политических интересов большого количества иностранных государств, являвшихся выражением острого геополитического противостояния в регионе Среднего Востока.

«Осколки» Добровольческой армии, расположившиеся на берегах Босфора, некоторое время оставались дееспособной силой, с опытом ведения боевых действий, стремившейся возвратиться в Россию победителем после позора крымской эвакуации. На определенном отрезке времени Врангелю удавалось поддерживать дисциплину в воинских частях; это была реальная сила с огромным опытом военных действий. Державы Антанты были заинтересованы в контроле и управлении этой силой для борьбы с большевистским режимом в качестве основы для новой интервенции. С этой целью иностранные и международные организации устанавливали контакты с российскими гуманитарными организациями.

Однако с течением времени шла ускоренная маргинализация и расслоение воинских частей: нищета, безделье, отсутствие дисциплины вели к

появлялись новые баркасы, автомобили…». *Кнорринг Н.* Сфаят. // Узники Бизерты. М., 1998. С. 125.

[427] *Слобоцкой А.* Среди эмиграции. Харьков, 1925. С. 89.

деморализации и ускоренному переходу Добровольческой армии в «беженское» состояние.[428] К бывшим западным союзникам Российской Империи приходило понимание, что расчеты на участие российских беженцев в Турции в свержении советской власти бесперспективны. К этому моменту относятся регулярные заявления союзнических властей о прекращении продовольственной помощи российским беженцам.[429]

Опасения союзников вызывала и активная деятельность Кемаля по налаживанию контактов с советской властью и то финансирование, которое получала Анкара из России. Соединение же армии Кемаля с российской военной эмиграцией, процесс пролетаризации которой шел стремительными темпами, могло привести к изменению всей геополитической ситуации в Юго-Восточной Европе. Реальная оценка союзниками подобной возможности неожиданно выдвинула комплекс связанных с российской эмиграцией вопросов на передний план в политической игре крупнейших мировых держав – победительниц в Первой мировой войне.[430]

Реальная оценка союзниками подобной возможности неожиданно поставила на передний план в этой политической игре российскую гуманитарную деятельность – оказание помощи русским в Турции стало для

---

[428] *Карпенко С.В*. Бесприютная армия // Новый исторический вестник. 2000. № 1. С.

[429] *Казаджян Р.* Большевики и младотурки. М., 1996. С. 28.

[430] Военным властям Антанты в Константинополе постепенно становилось очевидным и другое. Та же самая сила, на использование которой в борьбе с большевиками они уже перестали рассчитывать, внезапно может выйти из-под контроля вследствие нищеты и неопределенности своего положения. 70 тысяч российских солдат, расположенные в непосредственной близости от турецкой столицы, обладали реальной возможностью с легкостью овладеть городом. К тому было немало предпосылок, в том числе настойчивый интерес к такому «проекту» советской власти. Так, Коллегия Наркомата иностранных дел 22 апреля 1921 г. обсуждала на своем заседании эту возможность. В письме наркома иностранных дел Г.В. Чичерина в ЦК РКП (б), в числе прочего, содержалась и такая информация: «Коллегия НКИД решительно высказывается за принятие предложения… относительно Константинополя. Она считает это предложение заслуживающим серьезного внимания. При проведении этого плана следует однако действовать осторожно по дипломатическим соображениям «…» Врангелевцы резко настроены против Антанты, «…» они охотно возьмут Константинополь. Престиж Советской России среди них очень велик, но не настолько, чтобы они сами обратились к нам с заявлением о своем подчинении». *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции, 1918-1924 гг. Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. Наук. Москва, 2000.

союзных держав одной из приоритетных задач. Причем предоставление помощи было тесно увязано со статусом эмигранта: в том случае, если какой-либо военный чин Добровольческой армии давал согласие перейти на «беженское» положение, он сразу же начинал получать гуманитарную помощь.

Статистические данные Земгора содержат информацию двух независимых источников: французского и российского военного командования, и позволяют оценить расселение русских беженцев по лагерям в окрестностях Константинополя.[431]

Российские гуманитарные организации пытались смягчить разворачивавшийся кризис. В отчете о деятельности Временного главного комитета Всероссийского Земского союза в лагерях гражданских беженцев Константинопольского района, датированном октябрём 1921 г., содержится информация об открытии в феврале 1921 г. питательных пунктов в Лемносе, а июне того же года – в Галлиполи и Кабадже. Организация питательных пунктов происходила на фоне эпидемии тифа, сыпного и возвратного.[432] Не

[431] В военных лагерях на 16 ноября 1921 г., по сведениям российского командования, было размещено, в общей сложности, 19893 человека. Из них 548 человек — женщины и дети. По лагерям размещение представляло собой следующую картину: Галлиполи — всего 26485 человек; из них 1354, детей 246. Лемнос: Кубанский лагерь — всего 10600 человек; из них женщин и детей 374; Донской лагерь — всего 8052, женщин 149, детей 25; Беженский лагерь насчитывал всего 1235 человек. В Чаталдже размещалось 8729 человек, из них 548 — женщины и дети. В лагерях гражданских беженцев было расселено на 4 апреля 1921 г. всего 6488 человек. «Беженские общежития насчитывали к 5 апреля 1921 г. 1215 мужчин, 492 женщины и 165 детей. В госпиталях находилось 824 человека, в Константинополе 20 тысяч. На судах, стоящих на рейде, размещалось 560 гражданских беженцев и 1200 человек судовой команды. Общее количество войск и беженцев крымской эвакуации составляло 120388 человек (по данным российского командования на 5 апреля 1921 г.)» и действий белых армий и в эмиграции (1918-1924 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М., 2000.

[432] Кроме типичных для беженских лагерей проблем с проблем с продуктами питания, жильем и общей нищетой, в местах компактного содержания беженцев часто вспыхивали эпидемии, в результате которых умирали сотни и тысячи людей. Так, на Чилингирский лагерь обрушилась эпидемия холеры, приводившая к смертельному исходу за сутки. Ситуация осложнялась нахождением рядом с Чилингиром озера Деркос, питавшего водой Константинополь. Для изоляции очага холеры и предохранения Константинополя от эпидемии в Чилингирском лагере был введен карантин, отрезавший его от остальной территории Турции. Для предотвращения возможности выхода лагерь был оцеплен

только больные, но и выздоравливающие остро нуждались в усиленном питании. Французский рацион состоял главным образом из консервов, был для всех одинаков, и совершенно недостаточен по количеству. У многих людей обнаруживалось истощение, нарывы на теле, туберкулез, ослабление зрения. После получения дополнительного питания от ВЗС в течение двух недель люди делались, по словам источника, «неузнаваемыми».[433]

Питание женщин и детей во всех лагерях осуществлялось продуктами Международного Красного Креста силами российских гуманитарных организаций. Продукты получались в сухом виде, а на питательных пунктах из них готовилась горячая пища. В Галлиполи и Лемносе существовала «сухая раздача» – наиболее хлопотный и дорогостоящий вид помощи. Он был наиболее предпочтителен для женщин с детьми, предпочитавших готовить самостоятельно. На питательных пунктах выдавалось, как правило (помимо 250-ти граммов хлеба) одно горячее блюдо (борщ, солянка, каша, макароны), мясные консервы. Женщинам с детьми иногда выдавался молочный кисель, кофе, какао или чай. Всего в Галлиполи действовало 5 питательных пунктов ВЗС, на Лемносе – 7, в Кабадже – 2.[434]

вооруженной охраной. Вывозить из лагеря тяжелобольных не дозволялось, поэтому они заведомо обрекались на смерть из-за отсутствия в Чилингире помещений под лазарет, лекарств и инструментов. Цит. по: *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции (1918-1924 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М., 2000.

[433] ГА РФ. Ф. 5924. Оп. 2. Д. 28. Л. 2.

[434] Медицинская помощь беженцам была сосредоточена в учреждениях Российского общества Красного Креста. РОКК обеспечивал деятельность госпиталя Святого Николая на сто тридцать мест и Гильдиз на триста коек; содержал приемные покои в Тузле, Буюк-Дере и на острове Халки; амбулатории в Стамбуле и Сиркеджи; санаторий на Босфоре; детский приют Беке, содержавшийся за счет хлебопекарни РОКК; дом инвалидов в Арнаут-Кей. Весной 1921 г. положение беженцев в Константинополе стало катастрофическим. «Эмигрантский женский совет опубликовал в марте воззвание, в котором говорилось о нищете, достигшей в городе ужасающих размеров: сотни тысяч обречены на гибель, цены возросли на 1400% по сравнению с довоенными, к нищете и безработице присоединяется невообразимый голод…». В подобных условиях российская гуманитарная деятельность стала залогом сохранения десятков тысяч жизней русских беженцев. Центральный Объединенный комитет Российского общества Красного Креста, Всероссийского Земского Союза и Всероссийского Союза городов стал той гуманитарной структурой, которой на кратком отрезке времени удалось сконцентрировать под своим управлением практически всю деятельность по оказанию помощи русским беженцам в Константинополе. ЦОК

Накопленный за период гражданской войны опыт с создании кустарных предприятий послужил основой для развития этого направления гуманитарной деятельности в эмиграции. Общее количество мастерских, организованных российскими гуманитарными организациями в русских военных лагерях Турции, к сентябрю 1921 г. достигло 43-х. Это были сапожные, портняжные, столярные, слесарные, кузнечные, механические предприятия, на которых нашли себе работу 478 рабочих, 38 служащих; там же ремеслу обучался 61 ученик. Они производили все самое необходимое, без чего не могла обойтись огромная масса обездоленных людей на чужбине: ремонт обуви и белья, столы и стулья, посуду и гробы, чемоданы и табуретки. За весь 1921 г. мастерские выполнили в общей сложности более 60-ти тысяч заказов. В отчете ВЗС сохранилось характерное примечание по поводу работы этих малых предприятий русских беженцев: «Тому опрятному виду, который имеют войска на Галлиполи, Лемносе и Чаталдже, армия обязана в значительной степени мастерским Земского Союза».[435]

Однако попытки сделать из чисто гуманитарного проекта беженских мастерских доходные коммерческие предприятия, как правило, терпели неудачу. Вывод этого эмигрантского бизнеса на «внешний» – турецкий – рынок ограничивался острой конкуренцией, неподготовленностью беженцев к профессиональной деятельности в новых областях, неумением приспособиться к требованиям местного рынка, общим экономическим кризисом в стране.[436]

финансировался государствами Антанты и фактически стал «министерством по гражданским делам». Через Центральный объединенный комитет осуществлялось снабжение беженцев питанием и предметами первой необходимости, организовались и содержались госпитали, приемные покои, лазареты, общежития и инвалидный дом. Для инвалидов, которых в 1921 г. в Константинополе насчитывалось более двух тысяч, были организованы мастерские, включая протезные, и курсы иностранных языков. ГА РФ. Ф. 5924. Оп. 2. Д. 28. Л. 3.

[435] ГА РФ. Ф. 5924. Оп. 2. Д. 28. Л. 4 об, 5.

[436] В июне 1921 г. при Комитете РОКК на Ближнем Востоке было создано Временное медико-санитарное совещание, в состав которого вошли представители гуманитарных организаций и санитарного отдела штаба главнокомандующего Русской армии. Именно в медико-санитарном обслуживании гуманитарные организации сыграли решающую роль.

В этих условиях санитарная работа приобретала особое значение. Острая нехватка белья и огромное количество насекомых способствовали стремительному распространению эпидемий и целого комплекса инфекционных заболеваний. С целью предотвратить распространение болезней в беженской среде, российские гуманитарные организации начали организацию бань в гражданских и военных лагерях. В течение 3-х месяцев 1921 г. в Галлиполи было организовано 9 бань, где мылись по 10 тысяч человек еженедельно. На Лемнос привозили передвижные бани из Константинополя. Но открытые душевые кабины, на которые возлагались большие надежды из-за их большой пропускной способности, удавалось применять не всегда: дождливая и ветреная погода налагала ограничения на этот способ санитарной обработки.

Другой насущной потребностью русских беженцев Константинополе и его окрестностях были прачечные, приобретавшие в условиях эпидемических заболеваний жизненно важное значение. Эта сфера деятельности также оказалась в поле зрения российских гуманитарных организаций. Усилиями Центрального Объединенного Комитета русских общественных организаций было организовано несколько прачечных, куда для стирки белья приходили воинские части в порядке строго расписания. Каждый пришедший мог стирать только собственную смену белья, пользуясь при этом своим мылом. Затем все простиранное бельё закладывалось в механическую стиральную машину, где происходила вторичная промывка, дезинфекция и кипячение. Для этой процедуры со склада Земского Союза выдавался стиральный порошок; уголь и дрова вначале выделялись французским командованием, но очень скоро выдача топлива французами была прекращена.[437]

В августе 1921 г. военные лечебные и санитарные заведения были переданы под управление РОКК. Эта мера оказалась весьма своевременной, поскольку в августе в странах Ближнего Востока началась эпидемия холеры. ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 7 (2). Л. 99. Цит. по: *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции (1918-1924 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М., 2000.

[437] ГА РФ. Ф. 5924. Оп. 2. Д. 28. Л. 6.

Именно в период 1921-1922 гг. стали возникать идеи расселения российской эмиграции из Турции по различным странам мира. Осуществление этого плана должны были взять на себя российские гуманитарные организации. Объяснялось это довольно просто: попытки переселять российских казаков, предпринимавшиеся французами и американцами, как правило, заканчивались конфликтами, а иногда и вооруженным противостоянием.

Комплекс гуманитарных проблем, связанных с российской эмиграцией, широко обсуждался во всем мире.[438] Французские власти к середине 1921 г. стали отчетливо понимать, что использование русских армейских частей на Босфоре для интервенции в Советскую Россию является малореальным, и по этой причине вложения в российскую эмиграцию никогда не «окупятся». С этого момента начался процесс секвестра бюджетов, выделявшихся союзными властями на помощь беженцам. Более подробно этот вопрос был изучен в кандидатской диссертации автора.[439]

---

[438] Так, «Американские известия» в марте 1921 г. писали о [таком своеобразном явлении, как российская эмиграция, которая привлекла к себе внимание многих общественных и правительственных кругов, особенно в европейских государствах и вызвала обсуждение на Совете Лиги Наций, где предполагалось представить проект о создании особого комиссариата по делам российских беженцев при Совете Лиги Наций, как такого органа, который мог бы, пользуясь содействием правительств отдельных стран и помощью со стороны российских организаций и учреждений, позаботиться о надлежащей постановке помощи российским эмигрантам в международном масштабе]. Американские известия (Нью-Йорк), 1921, 18 марта.

[439] Центральный Объединенный комитет всеми путями старался продлить действие иностранной помощи российским беженцам и, по мере своих возможностей, смягчить последствия ее прекращения. В июне 1921 г. президиум ЦОК отправил в Американский Красный Крест благодарственный адрес от «российского беженства». По имеющимся сведениям, этот адрес был передан в Вашингтонский Национальный музей, что, правда, не помешало американцам оставаться крайне сдержанными в финансовых вопросах и 16 июня 1921 г. прекратить выдачу продуктов для бесплатных столовых. И хотя это решение несколько позднее было отменено, но весьма ненадолго. Благодарственный адрес не помог, и ЦОК вынужден был обратиться к Главному управлению Американского Красного Креста и его парижскому отделению с ходатайством о продлении помощи, а также к верховным комиссарам Лиги Наций с просьбой «обратить внимание» на бедственное положение беженцев».

Независимо от ЦОК в Турции осуществляла деятельность гуманитарная организация Белого Креста. Его устав так определял цели деятельности: помощь нуждающимся российским людям, в какой бы форме их нужда не проявлялась, попечение о больных, инвалидах, старцах, одиноких женщинах, особенно с малолетними детьми, бездомных детях и сиротах. Общая координация деятельности возлагалась на Главный

Комитет. В уставе конкретизировались средства, которыми располагал Белый Крест: «Средства общества за границей состоят из вывезенной из России валюты, добровольных пожертвований и членских взносов, а равно и имущества, вывезенного обществом и вновь им приобретенного.

Местные учреждения Белого Креста занимали значительное место в общем количестве медицинских и вспомогательных учреждений эмиграции. Они вошли в аналитическую записку, поданную Центральным Объединенным комитетом в Лигу Наций в октябре 1921 г., где определялась потребность в медицинских заведениях для беженцев в Константинополе и окружающими его лагерями. В записке сообщалось об уже имевшемся лечебном фонде к лету 1921 г., который был определен в 1055 коек, из которых 420 обслуживались Российским обществом Красного Креста; почти триста принадлежали французскому командованию; Белому Кресту — сто пятьдесят; Земгору — немногим более ста. Еще не менее ста мест было открыто в иностранных госпиталях.

«В августе 1921 г. состоялась встреча между генералом П.Н. Врангелем и членами Центрального Объединенного комитета на яхте главнокомандующего Российской армией «Лукулл». Врангель попытался поставить под свой контроль деятельность общественных организаций и использовать их возможности и авторитет, прежде всего, для сохранения армии. Он предложил объединить все российские благотворительные организации в одно учреждение, которое действовало бы под его управлением. Члены Центрального Объединенного комитета, заявив П.Н. Врангелю, что «в вопросе о желательности сохранения армии… нет никаких разногласий между его точкой зрения и точкой зрения руководящих кругов константинопольских общественных организаций», тем не менее отвергли предложение главнокомандующего, аргументируя это тем, что «нельзя соединить в одну организацию совершенно разнородные и даже враждебные элементы». Тогда Врангель попытался переложить на общественные организации заботы по оказанию материальной помощи войсковым частям: «Если объединение невозможно, будем действовать врозь, но в таком случае вопрос должен быть поставлен отчетливо и ясно: до такого-то момента армия находится на моем попечении, и общественные организации к ней касательства не имеют, а с такого-то времени она переходит на попечение общественных организаций, но это должно быть объявлено во всеобщее сведение, ответственность должна лечь на общественные организации». Подобная постановка вопроса не вызвала энтузиазма у членов ЦОК, и встреча закончилась безрезультатно.

Это событие стало проявлением острого конфликта между Врангелем и российскими гуманитарными организациями за влияние на армию, суть которого, вероятно, была сокрыта в ответе на вопрос: кто именно будет распоряжаться иностранным финансированием российской эмиграции — исполнительный аппарат главнокомандующего или же организации, осуществляющие гуманитарную деятельность в изгнании. Вот как видел эту коллизию современник событий, И. Калинин: «Земский Союз организовал за счет американцев разные мастерские, «питательные пункты», где подкармливались слабые, курсы французского языка и т.д. Высшее военное начальство ненавидело эту самодовлеющую организацию, завидуя ее хозяйственным операциям, которые она перехватывала у него. Вырывала лакомый кусок изо рта. Развращенные в период гражданской войны, не чувствуя над собой никакого контроля и не боясь никакой ответственности, военные хозяйственники знали, как надо вести при теперешних условиях хозяйственные операции.

Конфликт продолжал расширяться. Исполняющий обязанности председателя ЦОК П.П. Юренев посетил генерала Врангеля для очередного выяснения отношений. На этот раз речь шла о расселении армии и о роли Совета по расселению в этом деле. Совет по расселению российских беженцев был учрежден Врангелем 8 мая 1920 г. под наименованием «Эмиграционный Совет» и переименован 4 мая 1921 г. Постепенно попадая под влияние гуманитарных организаций, он заслужил неудовольствие

Социальный состав эмиграции был очень пестрым. Из России бежали люди самых различных социальных групп: от обеспеченных землевладельцев и предпринимателей, до крестьян и городских обывателей.

В итоге оказалось, что не менее 70% российских беженцев или занимались в прошлом интеллектуальным трудом, либо не имели профессии вовсе. Подобная диспропорция негативно влияла на адаптацию беженцев. Отсутствие практических навыков осложняли трудоустройство; хроническая безработица в эмигрантской среде стала явлением обыденным, ставя семьи беженцев на грань физического выживания.[440]

Со временем менялась и политика турецких властей в вопросе предоставления убежища российским беженцам. Острый гуманитарный кризис, возникший в Турции с прибытием сотен тысяч обездоленных россиян, проявлялся во всех сферах общественной жизни. Безработица, нищета, экономический кризис, тяжелая эпидемиологическая ситуация в Константинополе и его окрестностях – все эти негативные явления служили

главнокомандующего, что и проявилось во время встречи с руководством Центрального Объединенного комитета. Генерал Врангель заявил, что армия будет расселена им самим непосредственно при содействии его штаба и без всякого участия Совета по расселению. На деле это означало расформирование Совета, прекращение его финансирования и потерю весьма теплых мест в его руководстве. Поэтому Президиум ЦОК после дискуссии о том, следует ли представителям общественных организаций продолжить свою работу в Совете по расселению, пришел к заключению, что, конечно, стоит, и названный Совет должен работать на прежнем основании и, следовательно, смета его должна быть рассмотрена, утверждена и необходимые суммы выделены из кассы ЦОК. Подобная скрытая борьба и интриги продолжались в течение всего пребывания в Галлиполи и Константинополе, причем борьба напрасная, ибо круги белой общественности, конкурируя с Врангелем за право распоряжаться жертвуемыми на армию средствами, отнюдь не добивались ее уничтожения и перевода всех военных чинов на положение гражданских беженцев. Армия в эмиграции была курицей, приносившей золотые яйца. В протоколах заседаний ЦОК сохранился характерный документ, подтверждающий этот тезис: В связи с предложением международного Красного Креста взять на себя кормление всех детей российских беженцев, как в Константинополе, так и в ближних и дальних лагерях, отдел столовых ВЗС считает необходимым установить следующие положения: 1. Все питание должно быть передано ЦОК.

Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции, 1918-1924 гг. Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. Наук. Москва, 2000.

[440]*Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: Несостоявшийся альянс. М., 2004. С. 22.

сильнейшим раздражителем для турецкого населения. Постепенное «выдавливание» эмигрантов на протяжении 1920-х гг. завершилось ультиматумом турецких властей. Всем российским беженцам была предложена альтернатива: или принять турецкой подданство, либо переехать в одну из европейских стран. 27 января 1928 г. Б.Е. Иваницкий, на тот момент времени заместитель председателя Главного управления РОКК в Париже графа П.Н. Игнатьева, в своем письме на имя представителя Российского общества Красного Креста в Турции В.А. Подгородецкого писал:

«Согласно полученным Главным Управлением из разных источников сведениям, турецкое правительство решило окончательно ликвидировать беженский вопрос в Турции и требует выезда не позднее февраля всех русских беженцев, не принявших местного подданства. В связи с этим, русские и иностранные организации озаботились устройством беженцев в других государствах и изысканием необходимых для этого средств. Так, ведутся переговоры о принятии известного числа беженцев в Болгарии и Сербии, производится сбор пожертвований в Америке. Не получая от вас никаких по этому предмету сведений, я позволяю себе покорнейше просить вас сообщить Главному Управлению имеющиеся у вас данные по настоящему вопросу».[441]

Страстная тяга домой заставляла многих искать возможность вернуться в Россию, получив от большевистского режима хотя бы минимальные гарантии своей личной безопасности.[442] Играла свою роль и активная

[441] ГА РФ. Ф. 6021. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

[442] [Русское командование бдительно следило за попытками отъезда, выставляя на дорогах, ведущих в город к пристаням, усиленные наряды, которым вменялось в обязанность задерживать всех, идущих с вещами и не имеющих увольнительных записок. Вместе с тем процесс расселения приобретал все большую активность. Многие государства, особенно те, которые остро нуждались в освоении малонаселенных территорий, внезапно осознали ценность и перспективность российских трудовых ресурсов. Так, активно поддерживало переселение в свою страну правительство Аргентины; крупные русские колонии располагались в канадских провинциях Калгари, Квебеке и Онтарио; российскими эмигрантами были созданы земледельческие колонии в Бразилии и Перу. Вместе с тем российских земледельцев в странах Южной и Северной Америки подстерегали многочисленные опасности и невзгоды. Нехватка денег на удобрения, борьбу с вредителями, посевной материал и сельскохозяйственную технику ставили поселенцев в зависимость от климата и правительственных и частных кредитов.

агитация, которую проводили в Турции советские агенты. Сотни килограммов литературы, листовок, брошюр и пропагандистских писем прибывало в Константинополь из Крыма каждую неделю. Правительства советских России и Украины, хорошо осведомленные через разведку РККА о реальных условиях жизни и настроениях константинопольской эмиграции, предпринимали меры к возвращению на родину наибольшего количества беженцев. Разведывательная агентура также получила задание проводить соответствующую работу в Константинополе и лагерях. В частности, широко использовались письма репатриантов о «великолепном» с ними обращении властей.[443] Большевики обещали амнистию вернувшимся, публиковали восторженные письма репатриантов о теплом приеме в России, призывали «всем миром» восстанавливать разрушенное хозяйство… Многие верили. Те, кто не участвовал в расстрелах и карательных акциях, садились на пароходы, уходившие в Россию, и возвращались домой. В Крыму их ждали красноармейские части. Репатриантов обыскивали, сортировали и, построив в колонны, грузили в железнодорожные составы, отправлявшиеся на соляные копи, в шахты, лагеря, тюрьмы.

Издававшиеся в Париже «Последние новости» 19 июля 1921 г. перепечатали опубликованный в «Одесских известиях» от 30 июня протокол ГубЧК, по которому 800 человек из числа прибывших на пароходе «Решид-паша» были приговорены к расстрелу. В прилагавшемся списке казненных значились не только офицеры, но и много нижних чинов. Оправданные же солдаты были зачислены в Красную Армию, а матросы распределены на три категории: одну отправили на Балтийский флот, другую на Волгу, а третью – на принудительные работы на соляных промыслах под Одессой.[444] После этой

Засуха или нашествие саранчи могли обернуться для русских поселенцев катастрофой, вслед за которой следовала нищета. Русскими поселенцами осваивались и сельские районы самой Турции; там возникали сельскохозяйственные общины, артели по сбору лекарственных трав, лесопилки и т.п.]. *Ипполитов С.С.* Аграрный бизнес российских эмигрантов в 1920-1930-х гг. // Экономический журнал. 2014. № 36. С. 138.

[443] ГА РФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 98. Л. 88.

[444] Последние новости (Париж), 1921, 5 июля.

публикации «Решид-паша» получил у русских беженцев прозвище «Кровавый перевозчик».

Перепечатка в «Одесских известиях» протокола ГубЧК произошла скорее по недосмотру местных властей, чем умышленно – советские власти старались тщательно скрывать свои истинные цели в отношении репатриантов. Такое лицемерное противоречие декларируемой и реальной политики было обусловлено стремлением советских властей всеми возможными способами расколоть и распылить российскую эмиграцию на возможно большем пространстве, чтобы уменьшить угрозу белого реванша, о котором мечтали эмигрантские политические лидеры. Репатриация представлялась в этом смысле наилучшим способом раскола, поскольку не только численно сокращала эмигрантские колонии, но и вносила в души беженцев непреодолимое стремление вернуться обратно домой с покаянием и надеждой начать новую жизнь на родине. Надеждам этим не суждено было сбыться, но проводившаяся большевиками многие годы подряд политика поощрения репатриации принесла свои плоды: тысячи эмигрантов вернулись в Россию, ослабив тем самым заграничный антибольшевистский лагерь.[445]

Содержание и смысл этого послания трудно объяснить. Почему Врангель благодарил французов за то, против чего так долго и упорно боролся? О какой благодарности могла идти речь, если само слово «репатриация» воспринималось в 1921 г. эмигрантским сообществом почти как неприличное? И что могло вынудить главнокомандующего, еще год назад

[445]18 декабря 1921 г., когда репатриация эмигрантов из Константинополя и окрестных военных лагерей вступала в завершающую стадию, на свет появилось письмо П.Н. Врангеля Верховному комиссару Французской Республики генералу Пеллё с благодарностью за оказанную поддержку русским беженцам. В письме, помимо прочего, содержались и такие слова: [Господин Верховный комиссар! Окончательная репатриация русских военных подразделений, находившихся в районе Галлиполи, Чаталджи и на острове Лемнос, близится к концу. Для меня является приятным долгом обратиться к Вашему Превосходительству с просьбой – соблаговолить быть перед правительством Республики выразителем моих чувств глубокой благодарности за дружеское гостеприимство, щедро предоставленное Францией моим соратникам, гостеприимство, которым они пользовались не один год]. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание 1920 – 1922 гг. Книга вторая. На чужбине. М., 1998. С. 105.

с огромным трудом и напряжением сил эвакуировавшего Русскую армию из Крыма, благодарить Францию за репатриацию ее разложившихся и обнищавших частей? Трудно дать мотивированный ответ на эти вопросы. Возможно, это была попытка заручиться расположением французов в деле сохранения оставшихся боеспособных частей, переселяемых в страны Восточной Европы. После крушения планов превратить Константинополь в плацдарм для победного возвращения в Россию, П.Н. Врангель, видя неуклонное охлаждение интереса союзников к перспективам его армии, возлагал большие надежды на консолидацию боеспособных частей уже на территории Восточной Европы. Поддержка этих надежд со стороны Франции была бы очень кстати. Тем более что все основания рассчитывать на обострение интереса к возможности новой интервенции в Советскую Россию у Врангеля были.[446]

Российской эмиграции в Константинополе на сравнительно коротком отрезке времени с конца 1920 по конец 1921 гг. суждено было стать весомым фактором международных отношений. Ее исключительное геополитическое положение; неопределенность и беспрецедентность правового статуса; мощное социально-экономическое и социокультурное воздействие на

[446]Так, в сводке Иностранного отдела ГПУ от 13 апреля 1922 г. о планируемой П.Н. Врангелем интервенции в Россию и отношении к ней руководства европейских стран говорилось следующее: «Французский Генеральный штаб только о том и мечтает, чтобы какой-нибудь провокацией вызвать военные действия со стороны России. Тогда не только удалось бы сломить, теперь несомненно существующую, сильную оппозицию буржуазии против интервенции (социалистической, а тем паче коммунистической оппозиции Французское правительство совершенно не боится), но и окружить новую войну против России ореолом борьбы за право и справедливость. В этом случае французы рассчитывают на благожелательный нейтралитет Англии и на моральную, и даже финансовую поддержку Соединенных Штатов. Шумиху об интервенции французы объясняют: 1) докладной запиской Фоша, представленной Пуанкарэ по случаю обсуждения военных кредитов в палате; в этой записке Фош указывает на необходимость всестороннего контроля военных сил России для предотвращения русско-германского военного союза; французы допускают возможность, что эта записка попала в руки советского правительства; 2) недобросовестностью некоторых агентов советской разведки, заинтересованных в том, чтобы раздуть опасность и получить новый кредит на военную информацию». Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание 1920 – 1922 гг. Книга вторая. На чужбине. М., 1998. С. 247.

общественно-политическую жизнь региона, оказанное самим фактом ее пребывания на Босфоре; близость Советской России, для которой эмигрантский Константинополь являлся реальной и зримой угрозой, – эти и целый ряд подобных факторов предопределили пристальный интерес к судьбе российских беженцев со стороны ведущих мировых держав.

Страны Антанты, продолжавшие в 1921 г. рассматривать Русскую армию в Турции как потенциальную силу для новой интервенции в Советскую Россию, уделяли поддержанию ее боеспособности значительное внимание. Вместе с тем, внутренние процессы в самой эмигрантской среде, приведшие к фактическому разложению армейской дисциплины и боеготовности, – с одной стороны, и постепенная смена ориентиров во внешней политике союзных держав, находившая выражение во все более настойчивых поисках дипломатических и коммерческих контактов с большевистским руководством, – с другой, привели к снижению ее удельного веса в происходивших в регионе процессах.

Геополитические преимущества константинопольского плацдарма не могли не беспокоить и большевистское руководство. Пристальное внимание, которое с самого начала появления беженцев на Босфоре уделялось советской разведкой и ВЧК изучению, разложению и распылению эмиграции свидетельствует о том, что остатки Добровольческой армии воспринимались в качестве реальной угрозы, потенциальную силу которой нельзя было недооценивать.

Уникальное международно-правовое положение, в котором оказались российские эмигранты вообще, и в Константинополе – в частности, неизбежно привело к возникновению многочисленных правовых коллизий, в которые оказались вовлечены представители иностранных держав. В этом смысле Константинополь стал своего рода полигоном, на котором испытывались различные формы взаимодействия различных правовых систем с целью «вписать» выходцев из России в существовавшие рамки европейских юридических и правовых норм. В то же самое время,

российская эмиграция в Константинополе на коротком промежутке времени оставалась, своего рода, «гео-правовым» и «политико-правовым» анклавом, в котором существовали и действовали свои судебные органы, своя тюрьма, свои инстанции досудебного разбирательства. Умело используя несогласованность, противоречия и атавизмы международных правовых актов, имевших действие в послевоенный период на территории Турции, российские эмигранты искали и находили возможности минимизировать неблагоприятные последствия дискриминационных мер оккупационных властей.

Воздействие российской эмиграции на сложный узел гуманитарных и политических проблем и противоречий, сложившихся к началу 1920-х гг. в регионе, не огранивалось созданием нового геополитического центра. Социально-экономические последствия прибытия российских беженцев в Константинополь не могли не вызвать напряженного внимания иностранных государств к экономическим проблемам региона. Необходимость материального обеспечения эмигрантов, большая часть которых находилась на грани физического выживания, потребовал от союзных правительств увеличения ассигнований на гуманитарные цели, что кране неоднозначно воспринималось и военным командованием, и национальными парламентами.

Прибытие российских эмигрантов в Турцию усугубило кризисное положение экономики и социальной сферы страны. Перенаселенность, безработица, инфляция, сложная санитарная и эпидемиологическая ситуация в Константинополе и его окрестностях потребовали от стран Антанты неотложных мер по обеспечению эмиграции хотя бы минимальным количеством средств первой необходимости и фактического спасения значительной части беженцев от голодной смерти. Вместе с тем, с самого начала оказания такой помощи ее размер и регулярность были тесным образом увязаны с перспективами использования русских вооруженных сил в дальнейшей борьбе с советской властью. Чем менее реальными становились

планы такого рода, тем стремительнее сокращались выделяемые беженцам продовольственные пайки.

Вместе с тем, помощь, оказанная союзными державами российским эмигрантам, обострила как международные отношения между спонсорами, так и внутриполитическую ситуацию в этих странах. Взаимные упреки в недостаточном финансировании российских беженцев в Константинополе происходили на фоне недовольства национальных парламентов внеплановыми расходами бюджетов. Все эти факторы неизбежно вели к сокращению и свертыванию помощи.

Однако гуманитарная помощь, оказанная союзниками российской эмиграции, не была полностью и однозначно бескорыстной. Даже без учета возможности использования военного потенциала эмиграции для будущей интервенции в Советскую Россию, затраты на ее содержание в значительной степени были компенсированы стоимостью кораблей Добровольческого флота, перешедших в собственность Франции. Помимо собственно кораблей, Франция приобрела еще и геополитическое преимущество, лишив Советскую Россию значительной части военного флота на Черном море и существенно ослабив ее стратегический потенциал.

Конфликт интересов между ведущими мировыми державами и постепенная трансформация их политики в отношении российской эмиграции в Константинополе неизбежно привели к изменению отношения к беженцам местного турецкого населения.

От почти дружеских и доброжелательных за довольно короткий срок в один – полтора года они превратились в отношения нетерпимости. Дискриминация российских эмигрантов начала проявляться практически во всех сторонах повседневной жизни беженской колонии. Катализатором этого процесса стал острый конфликт на рынке труда Константинополя, где российские беженцы оказались незваными гостями. Обострив конкуренцию, невольно подстегнув безработицу и инфляцию в стране, они навлекли на себя неприязнь местного населения, справедливо связавшего ухудшение своего

положения с прибытием эмигрантов из России. Ситуацию обострили и социокультурные противоречия, вызванные нарушением российскими эмигрантами существовавших в турецком обществе норм и обычаев.

К началу 1923 г. «русский» Константинополь постепенно стал исчезать. К декабрю в городе и прилегающих к нему районах из 200 тыс. осталось около 10 тыс. российских беженцев. Большинство эмигрантов, в страхе перед приходом Кемаля, стремились покинуть Турцию и переселиться в европейские государства. В Константинополе остались лишь те, кто сумел организовать свое предприятие, да русские женщины, вышедшие замуж за турецких граждан.[447]

Подводя итог в рассмотрении гуманитарной ситуации начального периода эмиграции, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, многочисленные свидетельства очевидцев и непосредственных участников событий позволяют констатировать, что российские граждане, в силу целого ряда причин вынужденные бежать из своей страны, столкнулись с невиданным ранее гуманитарным кризисом, перекинувшимся с территории России на земли ее ближайших соседей. Условия бегства и эвакуации из охваченной гражданской войной страны ставили эмигрантов на грань выживания. Лишения часто усиливались враждебным отношением коренных жителей регионов, через которые

---

[447] Вот что представлял собой «русский» Константинополь в 1926 г.: [Общее число русских беженцев в Турции не превышает ныне 4 000 – 5 000 человек. Не менее 90 % этого числа проживает в Константинополе, а остальные 10 % рассеяны по различным местностям Анатолии, причем в последнее время эти проживающие в провинции беженцы постепенно лишаются своих мест и заработка и высылаются на жительство в Константинополь. Как и в других местах расселения, русские беженцы в Константинополе в подавляющем числе зарабатывают средства к существованию наемным и поденным трудом. Более или менее крупных предприятий, организованных русскими и дающих постоянный заработок своим соотечественникам, в Константинополе почти не осталось. Одной из характерных особенностей русской беженской колонии в Константинополе является довольно значительное число инвалидов и нетрудового элемента: последовательные эвакуации, сначала в Балканские страны, затем в Соединенные Штаты и в последние два года во Францию, в значительной мере выкачали из Константинополя молодежь и вообще энергичных и способных к физическому труду людей.] Цит. по: *Голотик С.И., Зимина В.Д., Карпенко С.В.* Российская эмиграция 1920 – 30-х гг. // Новый исторический вестник. 2002. № 2. С. 231.

пролегал их путь. Межнациональные, межкультурные, межэтнические и религиозные конфликты ближнего зарубежья, долгие годы находившиеся в «спящем» состоянии благодаря стабилизирующему влиянию Российской Империи, очень быстро разгорелись с новой силой. Российские беженцы, силой обстоятельств заброшенные в чуждые им общества, стали невольным катализатором этих процессов. Перманентный экономический кризис и нищета ближнего российского зарубежья того периода лишь усиливали это враждебное отношение: коренные жители воспринимали российских беженцев в качестве конкурентов на и без того скудные ресурсы своих государств.

Во-вторых, гуманитарное положение русских эмигрантов было напрямую связано с ситуацией на ранке труда приютивших их стран, причем это влияние оказывалось двусторонним. Погрузившись в экономические реалии стран Восточной Европы, Азии, Северной Африки и Китая российские беженцы смогли ощутить на себе всю тяжесть послевоенного положения этих государств. Экономический упадок, отсутствие социального обеспечения, общая деградация гуманитарной ситуации делали трудоустройство русских эмигрантов крайне сложным процессом, затрудняя их социальную адаптацию. С другой стороны, прибытие в Турцию, Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, Тунис, Китай и целый ряд других стран большого количества беженцев без средств к существованию привел к острому дисбалансу на рынках труда этих стран. Такая ситуация еще больше усугубила враждебность местного населения по отношению к беженцам. Спасительным выходом для многих становился малый бизнес в сфере общественного питания, сельского хозяйства и услуг, позволявший эмигрантам заработать средства к существованию, минуя рынок наемного труда.

В-третьих, этап первичной адаптации русских эмигрантов в принимавших их странах наглядно показал, что эта адаптация происходит скорее вопреки, нежели благодаря политике местных правительств.

Дискриминационные юридические нормы по отношению к иностранцам, отсутствие сформулированной политики по отношению к беженцам из России, подозрительность и неприкрытая враждебность местного населения, особенно в странах Азии и Африки, создавали ту социокультурную среду, в которой приходилось строить новую жизнь нашим соотечественникам. Сохранение в этих условиях национальной культуры и идентичности являлось крайне сложной задачей. Настойчивое стремление государств Антанты как можно быстрее расселить российских беженцев, находившихся в Константинополе и его окрестностях, объясняется, прежде всего, той новой геополитической реальностью, которая сложилась в регионе с момента появления эмигрантов. Опасаясь потенциально возможного захвата города обездоленными русскими солдатами, союзное руководство стремилось в максимально сжатые сроки ликвидировать эту угрозу. Процесс разложения частей Русской армии на Босфоре шел ускоренными темпами. По этой причине всем заинтересованным сторонам становилось очевидно, что использовать остатки Добровольческой армии для дальнейшей борьбы с Советской Россией не представляется возможным. Содержание же столь внушительной армии только лишь из соображений возможного ее использования против большевиков в будущем было слишком дорогим удовольствием. Постепенно экономические и гуманитарные мотивы в вопросе расселения или не-расселения стали преобладать над соображениями военно-стратегическими. Особенно весомыми эти доводы являлись для Франции, несшей значительно большую материальную нагрузку по содержанию российской эмиграции в Турции, нежели другие страны союзницы. Французское правительство имело дополнительный стимул для инициации процесса расселения и контроля за его осуществлением. Хроническая нехватка боеспособных волонтеров во французском Иностранном легионе для ведения боевых действий в Алжире, Марокко, Сирии и целом ряде других «горячих точек» того времени, с одной стороны, и наличие среди российских эмигрантов большого количества хорошо

обученных и опытных солдат и офицеров – с другой, сделали практически неизбежным процесс комплектования легиона русскими волонтерами. Однако французское военное ведомство оказалось недобросовестным работодателем: практически все данные им при вербовке обещания нарушались самым беззастенчивым образом.

В-четвертых, составной частью политики иностранных государств в деле расселения российских эмигрантов было создание условий для начала процесса репатриации. Очень часто репатриация, организованная и проводившаяся французским военным командованием, сопровождалась насильственными действиями, что наносило серьезный ущерб отношениям, воспринимавшимся ранее российскими беженцами как союзнические.

В-пятых, необходимо отметить интерес, который проявляли к расселению российской эмиграции страны Латинской Америки и Восточной Европы. Перу, Боливия, Аргентина и целый ряд других латиноамериканских государств, обладавшие огромными площадями неосвоенных земель, были крайне заинтересованы в их скорейшем освоении. Выходцы из России подходили для этих целей наилучшим образом. Благодаря своему социальному и половозрастному составу они становились практически идеальными поселенцами на новых, неосвоенных территориях. Практически теми же мотивами руководствовались и восточноевропейские правительства, предоставляя убежище расселяемым российским эмигрантам. Но, в отличие от Латинской Америки, Чехословакия, Болгария и Югославия были заинтересованы еще и в притоке в свои страны интеллектуальных ресурсов, которыми в избытке располагала российская эмиграция.

Наконец, не вызывает сомнений тот факт, что подавляющее большинство российских беженцев на начальном этапе изгнания продолжали ощущать себя российскими гражданами, членами единой общности и носителями единой национально-культурной идентичности. Возникла «Россия вне России», «жители» которой отнюдь не стремились стать частью нового общества, ассимилировать и превратиться со временем в поляков,

французов, немцев или болгар. Сохранение в эмиграции собственной национально-культурной идентичности было не только целью, но и средством выживания в изгнании, смыслом существования и способом жизни.

§ 3.2. Организация помощи беженцам в системе Земгора и РОКК и формирование центров российского зарубежья в Европе в 1920-е гг.

История адаптации российской эмиграции начала XX века, сохранение ею собственной национально-культурной идентичности в условиях гуманитарной катастрофы стала ценнейшим опытом, изучение которого не только помогает понять происходящие сегодня в среде русского зарубежья процессы, но и выработать способы решения тех острейших проблем, которые стоят сейчас перед нашей страной. Как уже отмечалось ранее,[448] изучение в этом контексте российской гуманитарной деятельности по призрению самых незащищенных членов эмигрантского сообщества позволяет проследить духовную традицию общественной самоорганизации в условиях глубокого кризиса. Раненые воины Первой мировой и Гражданской войн, многие из которых были прикованы к постели, полностью лишились зрения, потеряли трудоспособность и нуждавшиеся в постоянном уходе и лечении, оказались без попечения и средств к существованию. Ситуацию усугубляла политика по «выдавливанию» российских беженцев, проводившаяся рядом восточноевропейских государств и Турцией в начале и середине 1920-х гг. Единственной надеждой для этих обездоленных людей стала деятельность российских гуманитарных организаций, восстановивших свою работу в эмиграции. Российское общество Красного Креста, Всероссийский союз городов, Зарубежный союз русских военных инвалидов – эти и целый ряд

[448] *Ипполитов С.С.* Инвалиды двух войн: увечные русские воины в эмиграции (1917 – 1920-е годы) // Новый исторический вестник. 2020. № 1 (63). С. 45-59. DOI: 10.24411/2072-9286-2020-00005.

других общественных организаций сумели за короткий срок воссоздать и развить инфраструктуру лечебных заведений, инвалидных домов и приютов, питательных пунктов, лечебниц и санаториев, оказывавших медицинскую помощь и призрение русским инвалидам в изгнании. Благодаря этой поддержке раненые воины получали не только призрение и медицинскую помощь, но и возможность социальной адаптации и реабилитации, постепенно интегрируясь в новое для них общество. Призрение и помощь русским инвалидам за границей отразили в себе все сильные и негативные стороны русского эмигрантского сообщества, став, с одной стороны, примером гражданской самоорганизации на благо самых обездоленных, но с другой стороны, высветив в своей среде деятелей, готовых наживаться даже на скорби и страданиях ближних.

Оказание помощи, призрение наименее защищенных членов эмигрантского сообщества являлось частью решения более сложной и масштабной задачи: создание за рубежами родной страны полноценной системы социального обеспечения беженцев и интеграция ее с аналогичными системами стран пребывания. Под социальным обеспечением и помощью здесь следует понимать «применение механизмов, мер, способов по минимизации издержек адаптации человека в обществе, по преодолению жизненных трудностей, консервации, а, возможно, и повышению социального статуса и качества жизни. Деятельность по преодолению дезадаптации, дезинтеграции, девиации в особый период жизни человека, когда он оказывается в инонациональной, иноэтничной, инокультурной среде без поддержки своего отечества, в ряде случаев без средств существования, без документов, создание системы компенсационных мер, корректировка при отклонении от общепринятых в стране нового проживания стандартов и норм, направленных на улучшение положения иммигранта».[449]

[449] *Бочарова З.С.* Пути и формы осуществления социальной помощи в русском зарубежье (к теории вопроса) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 2 (88) [Электронный ресурс]. DOI: 10.18254/S207987840008779-5

К моменту массовой эмиграции за границей уже начала формироваться инфраструктура российской гуманитарной деятельности. Начало этому процессу было положено в период Первой мировой войны. Так, заграничная работа Российского общества Красного Креста началась в 1916 г. с отправки в Париж двух лечебных заведений: Крестовоздвиженских госпиталя и лазарета с медицинским персоналом и отрядом сестер милосердия во главе с А.В. Романовой. Позднее в состав учреждений Красного Креста во Франции вошел еще один госпиталь, созданный в 1914 г. в Париже по инициативе и на средства русской колонии. К 1917 г. в ведении главноуполномоченного РОКК в Париже состояли три госпиталя, несколько санитарных отрядов и автомобильно-хирургических колонн, инвалидная школа-приют, отряд сестер милосердия и сестер-переводчиц. Работа РОКК во Франции была высоко оценена французским военным командованием и в 1918-1920 гг. средства на работу РОКК ассигновались, в том числе, и французским правительством, при этом лечебная помощь учреждения Красного Креста оказывали не только соотечественникам, но и французам.[450]

Одним из крупнейших центров российской гуманитарной деятельности стала Франция. Российское общество Красного Креста, Земгор, Зарубежный союз русских военных инвалидов[451]; Особое совещание по оказанию помощи чинам флота и их семьям[452]; Союз русских врачей,[453] значительное количество иных общественных и профессиональных организаций в той или иной степени пытались оказывать воздействие на социокультурную среду эмигрантских колоний.

Российское общество Красного Креста во Франции в начале 1920-х гг. сумело создать действенную и эффективную сеть местных лечебных заведений, в которую входили три госпиталя, два лазарета, более двадцати

[450] ГА РФ. Ф. 6021. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.
[451] ГАРФ. Ф. 5813.
[452] Там же. Ф. 5916.
[453] Там же. Ф. Р-6270, д. 21.

лабораторий и стоматологических кабинетов, туберкулезные санатории, дома отдыха, приюты для престарелых и инвалидные дома.

Вся гуманитарная деятельность РОКК была рассредоточена по специализированным комитетам, коих насчитывалось четыре по адресатам оказываемой помощи: детям, туберкулезным больным, больным по общим заболеваниям, престарелым. Помимо этих специализированных комитетов Российским обществом Красного Креста было организовано Бюро труда, в задачи которого входила помощь в трудоустройстве беженцам, имевшим какую-либо специальность.[454] Занималось Бюро и профессиональным образованием и переподготовкой.

Помимо перечисленных направлений деятельности, Красный Крест оказывал социальную помощь наименее защищенным членам эмигрантской колонии. Для этих целей были созданы Убежище для безработных и Девичье общежитие, где нуждавшиеся могли получить бесплатный ночлег, пищу и медицинскую помощь.[455] Схожей деятельностью занимались и другие организации: "Общество помощи детям беженцев из России, Центр помощи русской эмиграции, Русский комитет помощи и др. В том случае, если они не могли самостоятельно оказать какую-либо помощь эмигрантам, за исключением бесплатного питания или ночлега, они оказывали содействие в решении бытовых проблем, например, помогали больным устраиваться во французские больницы».[456]

Не менее значимой в этот период во Франции была гуманитарная деятельность российского Земгора. Налаженные связи с русскими финансовыми кругами зарубежья позволяли этой организации реализовывать многочисленные благотворительные проекты. При этом особое внимание Земгором уделялось самым насущным потребностям беженцев, для

---

[454] *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: история и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). Париж, 1971.
[455] *Ковалевский П.Е.* Указ. соч. С. 55.
[456] *Руденцова Ю.И.* Социальная адаптация российской эмиграции во Франции: (1920–1930-е гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю.И. Руденцова. М., 2000. С. 167.

удовлетворения которых открывались бани, прачечные, ночлежки, столовые, санитарные и медицинские пункты. Налаженные контакты с французскими властными органами позволяли Земгоры получать направления на работу для безработных беженцев. Так, в 1921 г. сельскохозяйственные предприятия юга Франции было отправлено восемьдесят человек.[457]

Общее количество зарегистрированных русских инвалидов в эмиграции на 1922 г. составляло 6,5 тыс. человек,[458] причем количество инвалидов Первой мировой войны превышало количество инвалидов войны Гражданской.[459] Сохранилась информация о количестве учреждений Российского общества Красного Креста заграницей в 1921-1925 гг., которая позволяет проследить динамику их численности на протяжении самых трудных лет становления российской гуманитарной деятельности в эмиграции. Приводимая ниже таблица отражает наименования и численность зарубежных учреждений РОКК в 1921-1925 гг.[460]

Таблица 2. Наименования и численность зарубежных учреждений РОКК. 1921-1925 гг.

	1921 г.	1925 г.
Госпиталей	13	4
Санаториев	6	1
Лазаретов	4	3
Амбулаторий	55	30
Врачебных пунктов	6	
Убежищ для инвалидов	9	5
Общежитий для престарелых и нетрудоспособных	3	1
Детских приютов	2	1
Общежитий	23	8
Мастерских для беженцев	37	3

[457] Последние новости. Париж, №355, 1921.
[458] ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 22. Л. 18.
[459] ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 22. Л. 12.
[460] ГА РФ. Ф. 6021. Оп. 1. Д. 5. Л. 18-19.

Данная сравнительная таблица дает представление о процессах, происходивших со всей российской гуманитарной деятельностью в первой половине 1920-х гг., и тому месту, которое занимали учреждения по призрению и оказанию помощи русским инвалидам в общей системе российских гуманитарных организаций. Значительное количество учреждений Красного Креста в 1921 г. складывалось в ходе Первой мировой и Гражданской войн. Это была гуманитарная инфраструктура военного времени, перенесенная в эмиграцию организационно и ментально. На начальном этапе эмиграции она сыграла крайне важную роль, сумев в жесточайших условиях гуманитарного кризиса существенно смягчить его последствия для сотен тысяч обездоленных людей. Организация питания, медицинской помощи, занятости, образования спасли от голодной смерти и деградации многие тысячи соотечественников из наименее обеспеченных беженских слоёв. Вместо лечения и обслуживания больных и раненых воинов, на Красный Крест в эмиграции ложится общее лечение массы беженцев, а иногда и местного населения. Хирургические госпитали становились больницами общего профиля, заполнялись хроническими больными. Выздоравливающие, не требующие стационарного лечения, задерживались из-за их бесприютности: их некуда было выписывать.[461]

Нетрудно заметить, что в 1921 г. среди зарубежных учреждений РОКК наибольшей востребованностью пользовались инвалидные приюты, столовые, амбулатории, общежития и мастерские для беженцев. Красный Крест, по мере имевшихся в его распоряжении ресурсов, предоставлял беженцам пищу, кров, медицинскую помощь и работу. Вполне закономерно, что к 1925 г. именно эти учреждения РОКК сокращались ускоренными темпами: постепенная интеграция беженцев в новые общества вели к переориентации нуждавшихся на местную систему гуманитарной поддержки. Люди находили работу, лечились у местных врачей, постепенно становились на ноги и могли сами заработать на пропитание.

[461] ГА РФ. Ф. 6021. Оп. 1. Д. 5. Л. 14 об.

Но по-прежнему оставалась острая потребность в приютах для детей, престарелых и инвалидов, чьё положение в эмиграции было наиболее драматичным. При эвакуации из Крыма в Константинополь и его окрестности попадали русские солдаты и офицеры, имевшие зачастую тяжелые ранения, полученные ими на фронтах Мировой и Гражданской войн. Многие из них имели полную потерю трудоспособности. Особенно драматичным было положение молодых солдат, прикованных к постели. Сохранились имена некоторых из них: поручик В.И. Игнатьев, 29 лет, 100% потеря трудоспособности. Фельдшер С.П. Шевченко, 33 года, 100% потеря трудоспособности. Хорунжий М.Ф. Дьяченко, 35 лет. 75% потеря трудоспособности.[462]

З.С. Бочарова предложила четыре сферы социальной помощи, потребность в которых для российских эмигрантов являлась первоочередной: «1. Естественно-антропологическая сфера: обеспечение жильем, одеждой, питанием, медобслуживанием. В этом контексте можно говорить об организации общежитий (студенческих, для бывших военных чинов), столовых, ночлежек, амбулаторий и тому подобного эта помощь способствовала элементарному выживанию эмигранта. 2. Духовно-культурная сфера, чрезвычайно важная с точки зрения социализации, сохранения, воспроизводства, формирования национального самосознания, поддержания духовных ценностей и нравственного достоинства, идентификации. 3. Трудовая помощь. Содействие по реализации потенциала мигранта в профессиональной сфере требовалось для полноценного освоения в новой среде, получения средств существования, удовлетворения бытовых и творческих запросов. Трудоустроенность была индикатором успешности адаптации эмигрантов, придавала уверенность, осознание востребованности, полноценности и самодостаточности, способствовала установлению нормальных связей с обществом. 4. Гуманитарная сфера включала в себя решение проблемы беспризорности, социально-педагогическую, правовую,

[462] ГА РФ. Ф. 7501. Оп. 1. Д. 3. Л. 100.

психологическую поддержку, налаживание взаимодействия с автохтонным населением».[463] Собственно, именно по этим генеральным направлениям и шло становление и развитие российской гуманитарной деятельности в эмиграции.

Положение русских инвалидов в эмиграции привлекало внимание российской общественности. В 1926 г. ряд русских писателей обратился с воззванием «Русским зарубежным людям. Призыв группы русских писателей». Воззвание подписали И.А. Бунин, И.С. Шмелев, Н.А. Теффи, А.И. Куприн, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, В.Ф. Ходасевич, П.Б. Струве и ряд других известных литераторов. В воззвании говорилось следующее:

«Тысячи наших инвалидов без помощи и без приюта. Необходимо прочное устройство убежищ, мастерских и санаториев. Жизнь инвалидов наших зависит от случайных сборов. Так нельзя. Самым бесспорным, самым необходимым делом должна стать забота о всех тех, кто жертвовал своею жизнью за Россию, кто принял за нее увечья, раны, потерял зрение, кто теперь – калеки. Таких до 5 тысяч, объединившихся в союзы. Но их, конечно, больше. Голос Союза инвалидов должен быть услышан. Мы, русские писатели за рубежом России, призываем на помощь нашим инвалидам всех…»[464]

С воззваниями к русским колониям о помощи инвалидам обращалось и Российское общество Красного Креста: «Судьба оставила им жизнь, но лишила их жизнеспособности. Они сохранили от упрека в предательстве свою честь, но заплатили за это увечьем и нищетой. Они оказались изгнанниками без крова и приюта в среде тех друзей своей Родины, за верность которых боролись до конца, и победе которой служили кровью».[465]

Российскому обществу Красного Креста удавалось в первой половине 1920-х гг. отчасти смягчать положение русских инвалидов в эмиграции. На

---

[463] *Бочарова З.С.* Пути и формы осуществления социальной помощи в русском зарубежье (к теории вопроса) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 2 (88) [Электронный ресурс]. DOI: 10.18254/S207987840008779-5

[464] ГА РФ. Ф. 7501. Оп. 1. Д. 3. Л. 67.

[465] ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 22. Л. 35.

азиатском берегу Босфора, в Канлидже, работал санаторий Красного Креста на 100 мест,[466] убежище сестер милосердия на острове Халки, где могли поправить здоровье и получить временное убежище сестры милосердия красного Креста.[467] На 1921 г. в Турции действовало два дома инвалидов РОКК: сначала на острове Принкино, затем в Стамбуле. Второй – в Арнаут-Кей на 200 человек. Инвалидный дом был открыт в Новой Загоре (Болгариия) на 250 человек.[468]

Однако главным фактором резкого сокращения количества учреждений российских гуманитарных организаций заграницей являлось сокращение ассигнований иностранных правительств, часть из которых проводило политику ускоренной ассимиляции эмигрантов, а часть – политику их правового, культурного и экономического «выдавливания» в другие страны.

Масштабы деятельности и востребованность гуманитарной помощи российских общественных организаций заграницей (включая Дальний Восток) с 1921 по 1925 гг. становится понятной из следующей таблицы.[469]

Таблица 3. Масштабы гуманитарной помощи. 1921-1925 гг.

Число лиц, прошедших госпитали	59 013
Число койко-дней в лечебных заведениях	1 856 505
Число инвалидов, пользовавшихся помощью Красного Креста	2 689
Число престарелых и нетрудоспособных в учреждениях Красного Креста	1 013
Число выданных бесплатных обедов	3 201 556
Число хлебных пайков	6 031 081
Число выданных вещей (белье, одежда, обувь)	892 338
Число лиц, получивших денежную помощь	50 938

Промежуточный итог российской гуманитарной деятельности в первой половине 1920-х гг. был подведен в Очерке деятельности Российского общества Красного Креста, опубликованном в Париже в 1925 г.:

[466] ГА РФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 65. Л. 8.
[467] ГА РФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 65. Л. 10.
[468] ГА РФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 65. Л. 13.
[469] ГА РФ. Ф. 6021. Оп. 1. Д. 5. Л. 18 об.

«Сделано много, но вместе с тем и мало. И особенно по сравнению с теми преувеличенными надеждами, которые возлагают сами нуждающиеся в помощи, на Красный Крест в силу своих представлений о широте задач и мощности его в прошлом».[470]

Иностранная помощь, при множестве сомнительных моментов и политической ангажированности, имела чрезвычайно важное значение в деле оказания помощи наиболее обездоленным беженцам. На начальном – константинопольском – этапе гуманитарную помощь английских, французских, американских, греческих организаций трудно переоценить. В условиях тотального дефицита самого необходимого: питания, одежды, предметов первой необходимости, медицинского оборудования и препаратов снабжение такой массы беженцев было возможно только с помощью иностранных правительств и общественных организаций. При этом далеко не всегда это снабжение было эффективным. В отчете представительства РОКК в Турции описывалась следующая ситуация. При ликвидации Американским Красным Крестом складов в Константинополе в 1921-1922 гг. вместе с ценными вещами, среди которых не было почти обуви, белья и платья, поступило также немало предметов, совершенно не пригодных для помощи беженцам. РОКК пришлось продавать ненужные вещи: бумажные полотенца и салфетки, бумажную тесьму, меховые полушубки, жестяную посуду, неизвестные медикаменты. На вырученные деньги была куплена подержанная одежда и обувь для инвалидных домов и приютов.[471]

Медико-санитарная деятельность РОКК в Германии брала свое начало в 1921 г. с амбулатории Л.В. Аксенова при Красном Кресте – «крошечной комнате, служившей одновременно кабинетом, амбулаторией, перевязочной и приемной».[472] В том же году Э.В. Фальц-Фейн[473] приобрел поликлинику,

---

[470] ГА РФ. Ф. 6021. Оп. 1. Д. 5. Л. 21 об.
[471] ГА РФ. Ф. 6021. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.
[472] Руль. Берлин, 13 марта 1921 г.
[473]Фальц-Фейн Эдуард Владимирович – бывший депутат Государственной Думы, помещик Екатеринославской губернии.

безвозмездно переданную им Красному Кресту. Поликлиника очень быстро приобрела известность: за первые три года работы оказала помощь семидесяти пяти тысячам больным.[474]

Положение русских военнопленных и беженцев постоянно находилось в поле зрения Российского общества Красного Креста. Он финансировал закупку продуктов питания, одежды, образование и медицинскую помощь. Гуманитарная деятельность РОКК не ограничивалась удовлетворением материальных потребностей: Красный Крест по мере возможностей стремился противодействовать процессу денационализации, снабжая лагеря «духовной пищей». Сохранилась финансовая отчетность уполномоченного РОКК в лагере русских беженцев в Альтенау, где значатся суммы, выделявшиеся на проведение новогодней ёлки и оплату киномеханика.[475]

Материальное положение проживавших в лагерях эмигрантов было крайне сложным. Питание, организованное германским правительством, не удовлетворяло насущных потребностей людей. В отчете Российского общества Красного Креста о его деятельности в лагерях русских беженцев в Гарце особо отмечалось, что «…немецкое пищевое довольствие в лагерях не было удовлетворительно… и беженцы им не пользовались, предпочитая довольствоваться пищевыми продуктами из посылок английского и американского Красных Крестов».[476] Однако продовольственные посылки проблемы не решали. По этой причине большинство российских эмигрантов вынуждены были искать возможность заработать деньги в окрестностях лагерей.[477]

---

[474] Руль. Берлин, 3 октября 1924 г.; *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М., 2004. С. 173.
[475] ГА РФ. Ф. 5817. Оп. 1. Д. 31. Л. 32 об.
[476] ГА РФ. Ф. 5817. Оп. 1. Д. 9. Л. 20.
[477] В уже упомянутом отчете Красного Креста говорилось: «многие офицеры в виду полного отсутствия средств, усиленно работали в шахтах и в лесу, где, буквально каторжным трудом, зарабатывали деньги… Эти беженцы принуждены были почти весь свой небольшой заработок расходовать на приобретение пищевых продуктов». ГА РФ. Ф. 5817. Оп. 1. Д. 9. Л. 28.

Решать продовольственную проблему в обеспечении беженских лагерей призваны были общественные полевые работы на участках, выделенных для этих целей местными властями. Так, например, в лагерях Альтенау, Вамбек, Вильдеман в окрестностях Гарца такая форма артельного труда получила широкое развитие. Помимо общественных огородов, многие эмигранты разбивали и собственные участки, «…и летом имели с них редиску, огурцы, картофель, салат и пр.».[478]

Беженские лагеря и общежития часто становились своего рода центрами, объединявшими трудовые коллективы российских эмигрантов. В общежитиях жили, в основном, одинокие беженцы из числа младшего и среднего офицерского состава белых армий. После посещения в 1931 г. одного такого офицерского общежития, А.А. фон Лампе писал: «В общежитии я нашел офицеров, работающих над деревянными игрушками, что дает 100 марок в день, набивкой папирос при доходе 50 марок с тысячи и выделыванием портсигаров с инкрустацией».[479]

Бывшие офицеры, оказавшиеся на территории Чехословакии, как правило, не имевшие иных специальностей, кроме военной, с большим трудом находили возможность заработать себе на жизнь. Еще в большей степени это относилось к старшим офицерам, которые брались иногда за совершенно «неподходящие» для них занятия. Оккупация немецкими войсками Чехословакии повлекла за собой возникновение трудовой миграции российских эмигрантов в Германию. Многие из них, после почти двадцати лет жизни в Чехословакии – наиболее гостеприимного по отношению к русским государства – вынуждены были покинуть эту страну из-за безработицы и мигрировать в Германию, испытывавшую в тот период потребность в рабочих руках для набиравшей обороты военной промышленности. Большая часть из них получили за годы эмиграции в Чехословакии высшее или среднее специальное образование;

[478] ГА РФ. Ф. 5817. Оп. 1. Д. 9. Л. 37.
[479] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 8. Л. 89.

первоначальный этап их социальной адаптации был пройден, поэтому переселение в Германию и низкоквалифицированный труд, который был доступен лицам, не имевшим германского гражданства, воспринимались российским эмигрантами крайне драматично.

Сложившаяся с русскими трудовыми мигрантами ситуация вынудила А.А. фон Лампе обратится к В.В. Бискупскому, являвшемуся на тот момент времени директором «Русского национального управления» и активно сотрудничавшему с национал-социалистами, с просьбой о посредничестве с германскими властями в решении возникших проблем. В своем письме по этому поводу в июле 1939 г. фон Лампе писал: «Русские офицеры, проживавшие до сего времени на территории бывшей Чехословакии, силою вещей вынуждены теперь… искать себе пропитания в самой Германии, куда привлекаются на работы партии чешских рабочих. В состав этих партий записываются также и русские офицеры и с партиями отправляются в Германию для работы по контракту с той или иной фирмой. Работы эти в большинстве случаев физические, но особых жалоб на это обстоятельство… не поступало. Жалуются больше на то, что приходится жить принудительно вместе с чехами, по природе грязными и по политическому своему устремлению совершенно чуждыми… Громадное большинство русских офицеров в свое время попавших в Чехословакию, принадлежало к наиболее молодому слою Русской Армии… Поэтому большинство из них смогло получить в Чехословакии высшее образование и среди них немало инженеров, врачей. Есть отдельные работавшие на заводах на ответственных должностях по десять и более лет. Все они теперь работают на физической работе».[480] И далее фон Лампе приводил несколько частных примеров: «В районе Нюрнберга по 10 часов работает лопатой на земляных работах сотник Петров – он на самом деле ветеринарный врач и специалист по консервированию мяса… В районе Бантельна работает, меняя рельсы на железной дороге, вольноопределяющийся Коджаспиров – он инженер-

[480] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 68 (1). Л. 52.

агроном, рядом с ним – подпоручик Коньков – не инженер, но человек со стажем практических работ по проведению дорог и т.д.».[481]

Однако фон Лампе в конце письма делала неожиданный вывод о том, что подобная ситуация с российским эмигрантами сложилась не в силу социально-экономических и политических предпосылок в нацистской Германии, а лишь потому, что германским властям, якобы, неизвестен «сам факт наличия в среде чешских рабочих… русских офицеров».[482] Появление в эмигрантской среде таких откровенно античешских настроений, совершенно нехарактерных в 1920-х гг., очевидно, явилось отголосками пропагандистской компании гитлеровского правительства в преддверии осуществления «Зеленого плана» – плана захвата Чехословакии осенью 1938 г., когда нацистская пресса развернула шовинистическую компанию против этой страны. Приходится признать, что работа на гитлеровский режим не вызывала морального отторжения у эмигрантов. В июле 1939 г., когда был написан процитированный документ, у российских эмигрантов еще продолжали оставаться альтернативные направления для трудовой миграции в пределах европейских государств. Тем не менее, выбор у значительной части из них пал именно на Германию, что косвенно подтверждает определенную степень близости существовавшего там режима с политическими воззрениями и мировосприятием эмигрантов, поскольку объяснять поиск работы в Германии исключительно экономическим причинами, было бы ошибкой – в ряде европейских государств, например, во Франции или Югославии, не говоря уже о «странах дальнего зарубежья» – Америке, Канаде и др., существовали значительно более благоприятные условия для жизни и трудоустройства, нежели в предвоенной Германии.

Подводя итог в рассмотрении процесса становления российской гуманитарной деятельности в Европе, необходимо сделать ряд выводов.

---

[481] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 68 (1). Л. 53.
[482] ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 68 (1). Л. 54.

Во-первых, организационные структуры российских гуманитарных организаций в Европе закладывались в период Первой мировой и Гражданской войн. Попечение о русских военнопленных в европейских лагерях, благотворительные общества и частные жертвователи, госпитали Российского общества Красного Креста – эти и целый ряд других гуманитарных институтов стали той основой, на которой позднее стала базироваться вся российская гуманитарная деятельность в эмиграции. Без опыта, полученного в военный период, призрение, снабжение, лечение и обустройство огромной массы беженцев, хлынувшей через европейские границы из России, было бы невозможно. Особенно ценным в этом смысле оказался опыт попечения о русских военнопленных, чье положение в европейских, и особенно в германских лагерях было катастрофическим. Последующая их репатриация еще более усилила роль гуманитарных организаций, чья деятельность позволила сохранить десятки тысяч жизней.

Во-вторых, российская гуманитарная деятельность явилась следствием общественной самоорганизации людей, волею судьбы оказавшихся в изгнании. Профессиональные и воинские союзы, благотворительные общества и приюты, землячества и артели – эти и подобные объединения соотечественников становились субъектами гуманитарной деятельности, с одной стороны, оказывая посильную помощь наиболее обездоленным беженцам, а с другой становясь центрами сохранения национальных традиций, языка и культуры. Гуманитарная деятельность постепенно превращалась из средства выживания в самостоятельную цель, когда национальное самосознание начинало прочно ассоциироваться с необходимостью помощи ближнему.

В-третьих, необходимо признать, то российская гуманитарная деятельность в эмиграции развивалась не благодаря, а вопреки правовым, экономическим и социокультурным реалиям стран пребывания. И если восточно-европейские страны и Франция были, в целом, лояльны прибывавшим к ним беженцам, то Германия, Турция, страны Северной

Африки не спешили создавать для них благоприятные условия, проводя в жизнь политику правового и экономического «выдавливания» российских эмигрантов. В этих условиях помощь российских гуманитарных организаций в деле трудоустройства, попечения об инвалидах, в решении правовых вопросов, в переселении в другие – более дружелюбные – страны оказалась крайне важной.

В-четвертых, общий «правовой фон», на котором шел процесс правовой адаптации эмигрантов в странах пребывания, не был благоприятным. Долгая неурегулированность правового положения; значительное количество правовых препон, имевших, как правило, надуманный характер; произвол должностных лиц при фактическом бесправии беженцев; правовая коллизия в международном праве, возникшая с возникновением феномена российский эмиграции; беспрецедентность гуманитарно-правового кризиса послевоенного периода в Европе – все эти факторы существенно осложняли их гуманитарно-правовое положение, тормозя интеграцию в европейское общество. Очевидно и то, что перечисленные выше проблемы не являлись неизбежными следствиями послевоенной разрухи в Европе, а стали целенаправленной политикой национальных правительств по правовой дискриминации российских эмигрантов. В этих условиях российскому эмигрантскому сообществу удалось выработать действенные механизмы помощи соотечественникам в юридической сфере. Деятельность профессиональных союзов русских юристов, российских гуманитарных организаций в решении правовых проблем российских беженцев в Германии 1917-1920-х гг. оказало влияние на весь гуманитарно-правовой фон европейского общества в исследуемый период.

Наконец, требуется отметить, что в условиях гуманитарного кризиса, начавшегося в период Первой мировой войны и перманентно продолжавшегося в Европе на протяжении 1920-х гг., российские гуманитарные организации, с одной стороны, становились каналами

коммуникации между массой российских беженцев и властями стран пребывания в деле распределения благотворительной помощи, в решении правовых вопросов и административных вопросов, а с другой являлись сильным стабилизирующим фактором, который позволил сотням тысяч соотечественников обустроиться в новом и чуждом для них обществе. Образовательные, культурные, благотворительные проекты, призрение больных и инвалидов, русская издательская деятельность позволили значительной части покинувших родину людей ощущать себя частью единого сообщества, препятствуя тем самым денационализации и ассимиляции.

§ 3.3. Деятельность эмигрантских гуманитарных организаций в сфере поддержки за рубежом российского образования и воспитания

Гуманитарная катастрофа начального периода изгнания в полной мере проявилась именно в сфере образования и воспитания детей и подростков. Лишенные в период Гражданской войны нормальных возможностей для жизни и образования, оставшиеся без родителей, имевшие тяжелый жизненный опыт и испытавшие острый социокультурный стресс, русские дети в эмиграции нуждались в том, что беженская реальность не предполагала: в хорошем питании, крыше над головой, призрении, воспитании и образовании.

Надо сказать, что угроза потери русскими детьми национально-культурной идентичности, угроза их денационализации и утраты духовной и ментальной связи с покинутой Родиной вполне четко осознавалась эмигрантским сообществом. Поэтому с первых дней изгнания гуманитарная задача по воспитанию и образованию детей стала одной из приоритетных.

Однако образовательные задачи, стоявшие перед российскими гуманитарными организациями, отнюдь не ограничивались подрастающим поколением. С фронтов Первой мировой и Гражданской войн пришло целое поколение молодых людей, не имевших никакой иной профессии, кроме

военной. Их образовательный и культурный уровень после нескольких лет войны был крайне низок. Ситуация усугублялась наличием в эмиграции бывших военнопленных Первой мировой войны, на долю которых выпали еще большие страдания, и которые остро нуждались и в духовной пище, и в образовании. Поэтому российская гуманитарная деятельность в области воспитания и просвещения стала едва ли не главным основанием, на котором базировалось решение главной задачи: сохранение российскими беженцами национально-культурной идентичности.

Духовный голод русских беженцев на берегах Босфора был не менее острым, чем голод физический. И если проблему образования и призрения детей школьного и дошкольного возраста удавалось решать совместными усилиями, то информационный и духовный голод взрослых долго оставался насущной проблемой. Отчасти решить её была призвана «Устная газета» в Галлиполи – гуманитарный проект Земсоюза. Первый «сеанс» газеты состоялся в марте 1921 г. и был посвящен переселению русских. Начинание имело успех; сеансы начали устраиваться три раза в неделю во всех военных и гражданских лагерях. Это была своеобразная «политинформация» с пропагандистским оттенком. Вот некоторые темы, которые затрагивались лекторами: «Международное положение», «Судьба Русской армии», «Экономическая политика и военное положение Советской России». Политическая информация сопровождалась чтением фельетонов. На пике успеха в конце 1921 г. количество слушателей «Устной газеты» могло одновременно доходить до 1500-т человек.[483]

«Среди российских общественных организаций, занимавшихся оказанием гуманитарной помощи беженцам, особое место занимал

[483] ГА РФ. Ф. 5924. Оп. 2. Д. 28. Л. 8 об.-10. В феврале 1921 г. Земгором в Константинополе были организованы гимназии и начальные школы, детские дома и сады. Одновременно с Земгором школьные и дошкольные учреждения создавались частными благотворителями: гимназия В.В. Нератовой, начальная школа баронессы Врангель и католическая школа-интернат, основанная о. Синягиным. В 1922 г. из 80-ти культурно-просветительных организаций был создан «Российский комитет в Турции», который оказывал благотворительную помощь беженцам посредством создания русских школ и приютов.

Временный главный комитет всероссийского союза городов заграницей. ВСГ сосредоточил свою деятельность, главным образом, на культурно-просветительной работе в среде российских эмигрантов».[484] Эта работа началась сразу же по прибытии российский беженцев в Турцию уже в декабре 1920 г. вели активную работу учреждения ВСГ в Константинопольском районе: училище и детский сад в самом городе; училище на острове Поти; библиотека и училище на островах Халки, Кипре, Лемносе, Антигоне; курсы русского труда, школа, ясли.[485]

В отчете Временного главного комитета ВСГ о его деятельности за май 1920 – ноябрь 1922 гг. так описывался эффект работы системы русских школ и состояние учащихся:

«Беженской школе удается сравнительно быстро выравнивать и дисциплинировать разношерстные и разновозрастные элементы; ученики младших классов бывают сплошь да рядом запущены вследствие того, что родители их целыми днями должны отсутствовать дома, зарабатывая себе на пропитание. Исправление их идет хуже, чем учеников старших классов вследствие их меньшей сознательности. Великовозрастные же ученики, иногда свыше 20-25 лет, на первый взгляд настолько поломанные жизнью, побывавшие на внешне фронте, на междоусобной войне, зарабатывавшие себе на пропитание в беженстве физическим трудом или торговлей, несколько лет не бравшие книгу, садились за школьную скамью и так ревностно занимались, что за несколько месяцев делали то, что не достигалось ранее годами».[486]

---

[484] *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М., 2004. С. 161.

[485] ГА РФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 8. Л. 100.

[486] [В 1921 г. Временный главный комитет ВСГ открыл в Чехословакии смешанную русскую гимназию на 580 учащихся, живших в интернате при ней. Программа гимназии была приравнена к программе чехословацких реформированных реальных гимназий с добавлением «русских» предметов. При гимназии имелись два подготовительных класса и детский сад, открытый в ноябре 1922 г. на средства министерства Иностранных дел Чехословакии. При содействии чехословацкого Красного Креста и Земгора детский сад получил бесплатно помещение, оборудованное необходимым инвентарем, учебными пособиями и игрушками. В январе 1925 г. был открыт второй детский сад в Ржичанах; в

Школы ВСГ в Чехословакии, помимо собственно общеобразовательных дисциплин, создавали спортивные секции и кружки, как, например, в Тшебовской гимназии, где был открыт кружок бактериологии. Скорее всего, появление этого кружка было обусловлено отнюдь не высоким интересом школьников к этой дисциплине, а просто наличием соответствующего преподавателя, но значение этой гуманитарной деятельности не умаляется подобным обстоятельством. В русских гимназиях создавались школьные театры, действовали хоры, оркестры, выпускались школьные журналы и газеты, ученики принимали участие в оформлении церквей.[487]

В том же отчете Временного главного комитета ВСГ отмечалась и общая гуманитарная проблема российской эмиграции, начавшая проявляться уже на самом начальном этапе, в начале 1920-х гг. – денационализация русской молодежи: русские беженские школы знакомили детей с достижениями западной культуры и со значением национальной идеи вообще, и славянской – в частности. Но так как часть детей остается за бортом русской школы и обучается в иностранных школах, то во избежание денационализации следует заводить для них дополнительные курсы закона Божия, русского языка и литературы, русской истории и родиноведения, устраивать для них русские ученические библиотеки.[488]

В Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев ВСГ содержал школы и прогимназии: в Белграде на 83 ученика, в Панчево на 80, в Сараево – 68, в Земуне – 86, Княшеваце – 49, Ерцег-Нови – 76, Новом Саде – 117, Поновече – 150.[489]

На определенном этапе гуманитарная деятельность РОКК в Германии начала вступать в противоречие с идеями, активно пропагандировавшимися русской общественностью. Мысль о необходимости сохранения русскими

ноябре 1925 г. – третий; и в январе 1926 г. – четвертый, в Черношицах.] ГА РФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

[487] ГА РФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 2. Л. 12-13.

[488] ГА РФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

[489] ГА РФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

детьми за границей национальной, культурной, гражданской идентичности красной нитью проходила через высказывания всех эмигрантских «лидеров мнений». Однако реальная повседневная жизнь диктовала свои требования: родители стремились создать условия для максимально комфортного вхождения детей в иноязычную и инокультурную среду. Освоение немецкого языка и обучение в германской школе являлось непременным условием такой адаптации. Поэтому в середине 1920-х гг. Российское общество Красного Креста активно способствовало устройству русских детей в германские школы и гимназии, такие как гимназия пастора Мазинга в Берлине, участие в финансировании которой принимал РОКК. Предполагалось, что родители также будут принимать участие в расходах на обучение и содержание детей, но их беженское положение в германских лагерях не позволило осуществиться этим планам.[490]

Борьба русской колонии во Франции за сохранение собственной национальной и культурной идентичности оставила наиболее заметный след в истории. После оттока из Германии в середине 1920-х гг. основной массы русских беженцев, интеллектуальным и культурным центром русского зарубежья становится Париж. Джонстон в своем исследовании отмечал, что защита исторических русских ценностей в эмиграции поглощала особенно много интеллектуальной энергии. Просветительская кампания была сосредоточена на сохранении знаний о природе России, ее истории, народе, искусстве и прогнозировании будущего развития страны. Борьба эмигрантов за сохранение своей личной и коллективной «русскости», при одновременном отстаивании исторических национальных ценностей и наследия, стимулировала напряженные, в конечном счете «изнурительные» усилия, продолжавшиеся почти два десятилетия. [491] При этом под «сохранением русскости» Джонстон понимает вовсе не националистическую

[490] ГА РФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 14. Л. 49. Цит. по: *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М., 2004. С. 183.
[491] *Robert H. Johnston.* New Mecca, New Babylon: Paris and the Russian Exiles, 1920-1945. Montreal. 1988. P. 36.

составляющую этого определения, а гражданскую и культурную идентичность эмигрантов. Джонстон отмечает в исследовании, что «сохранение русскости» требовало больших усилий в каждый момент жизни беженцев. Для одних это было легче, чем для других. Эмигранты, прибывшие на Запад уже немолодыми или пожилыми, чувствовали себя полноправными и неоспоримыми русскими. Их увлечения, воспоминания, переживания, преданность и язык не оставляли никакой другой возможности и наделяли их почти полным иммунитетом к чужеродному культурному проникновению. Те, кому еще не исполнилось сорока, могли быть подвержены опасности ассимиляции и денационализации, в то время как подростки «беспокойно дрейфовали между новой страной и старой». Безусловно, беженцы всех возрастов разделяли общую любовь к России и глубокий интерес к тем особенностям русской жизни, которые в наибольшей степени способствовали развитию их страны и их собственной уникальной национальной идентичности.[492] По Джонстону, особую роль в сохранении идентичности призвана была сыграть эмигрантская интеллигенция, взявшая на себя ответственность сопротивляться чужеродному культурному давлению и потере контакта с Россией. Проза и поэзия при этом оставались для последующих поколений русских эмигрантов центральным элементом их чувства идентичности и цели.[493] При этом Джонстон ссылается на опубликованную в 1971 г. хронику культурно значимых событий, произошедших в русской колонии в течение 1920-1930 гг. Информация, почерпнутая из парижской русской прессы, отражает «усердие», с которым русские эмигранты старались поддерживать высокий уровень культурной активности для сохранения чувства национальной идентичности. Лекции, концерты, театры, кружки, клубы и всевозможные общества были доступны для русской аудитории в Париже и окрестностях. Профессора из Петрограда и Москвы читали лекции на темы русской истории и философии.

[492] *Robert H. Johnston*. P. 147.
[493] *Robert H. Johnston*. P. 149.

Центральную роль в этом сыграл российский народный университет. Он был основан в 1921 году в Париже группой ученых-беженцев в подражание Петроградскому оригиналу. Он преследовал две цели: обеспечить «воспитание русской молодежи в русских условиях» и создать «интеллектуальный центр для русских, попавших в тяжелую материальную борьбу эмигрантской жизни». Занятия проводились за счет скудного бюджета, зависящего от гонораров студентов, которые зачастую ничего не могли заплатить. Основной упор делался на преподавании русской истории и литературы. Так, в октябре 1924 года профессор М. Гофман в ресторане «Франко-Русс» в Билланкуре провел беседу с местными русскими о психологии творчества Пушкина и о месте поэта в русской литературе. В другой раз Гофман и Д.М. Одинец отправились в ратушу шестого округа Парижа, чтобы прочитать собравшимся лекцию о декабристах. Финансовые ресурсы, необходимые для поддержания этой деятельности, поступали главным образом от российских частных лиц и организаций, в частности от Земгора.[494]

Однако оказание материальной помощи военнопленным было важным, до не единственным способом облегчения их бедственного положения. Не менее важной областью деятельности российских гуманитарных организаций была работа в духовной и образовательной сфере. Организация в лагерях для военнопленных библиотек и общеобразовательных школ, снабжение пленных гуманитарной и образовательной литературой, профессиональная переподготовка через организацию в лагерях ремесленных курсов, чтение лекций и снабжение периодикой – эти и иные формы организации гуманитарной деятельности имели большее значение для сохранения русскими военнопленными национальной и культурной идентичности, нежели любая материальная поддержка.

Очень часто инициатива по снабжению беженцев и военнопленных «духовной пищей» исходила не только от гуманитарных организаций, но и

[494] *Robert H. Johnston*. P. 158.

являлась запросом оказавшихся в изгнании или плену людей, чья духовная жажда, стремление получить образование или специальность для интеграции в новое общество часто наталкивались на элементарное отсутствие русских книг и русских учителей. Так, например, в 1920 г. полковник Н.Г. Бернард-де-Греве, член русской колонии в г. Митровец (Сербия) писал в правление Общества народного издательства им. Герцена:

«В Сербии в Митровице находится колония русских беженцев, свыше 100 человек и число это ежедневно увеличивается. Достать русские книги здесь не представляется возможным, а приобрести в Белграде или других городах невозможно за отсутствием средств. Потребность в духовной пище, в чтении очень велика. Кроме того, желательно использовать свободное время для приобретения специальных знаний. От лица колонии обращаюсь с покорнейшей просьбой не отказать и снабдить колонию книгами по беллетристике и специальными руководствами: по сельскому хозяйству, виноделию, животноводству, огородничеству, свиноводству, сыроварению, молочному делу, а также ремеслам: столярному, слесарному, малярному, сапожному, кожевенному, мыловаренному. Среди колонии – интеллигенты и бывшие солдаты.[495] Общество смогло удовлетворить запрос колонии лишь частично, отправив буквари и учебники французского языка».[496]

Еще более остро книжный голод ощущался в лагерях. В отчете о деятельности Общества народного издательства всего лишь за полтора месяца 1920 г. сообщалось, что на тот момент оно обслуживало около 90 тыс. военнопленных в 24-х лагерях. За период с 20 января по 8 марта 1920 г. в лагеря было отправлено 196 учебников; «собранных с большим трудом в разных местах» 1965 экземпляров других изданий и более 11 тыс. экземпляров газеты «Родина». Было послано 8 чеков по 400 марок в наиболее крупные лагеря для поддержки школ, посещавшихся ежедневно, по

[495] ГА РФ. Ф. 6221. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.
[496] ГА РФ. Ф. 6221. Оп. 1. Д. 10. Л. 28.

информации источника, «сотнями учащихся».[497] Правление общества установило деловые связи с русскими издательствами «Наша Речь» и «Русское слово» в Праге; с издательством Ж. Поволоцкого в Париже и Ладыжникова в Берлине, издательством Христианского союза молодежи в Лозанне. В издательстве «Наша Речь» для нужд военнопленных было закуплено 300 букварей.[498] В июле 1920 г. по лагерям было разослано 110 грамматик и 210 хрестоматий;[499] издательство «Наша Речь» выслало для нужд военнопленных 250 букварей, 400 книг для чтения;[500] в издательстве Генриха Закса в Берлине Общество им. Герцена разместило заказ на 100 экземпляров каждого издания.[501]

Следует отметить, что ситуация плена, концентрационного лагеря, постоянной угрозы насилия и неопределенности будущего являлась для пленных ситуацией острого стресса, длившегося иногда годами. Такого рода состояния хорошо изучены мировой и отечественной наукой.[502] Для узника характерен «стресс скученности», который «может проявляться в возникновении у субъекта чувства дискомфорта, раздражительности, обидчивости, а в ряде случаев в агрессивности или отчужденности от окружающих людей, или в самоотчужденности. У него может развиваться повышенная чувствительность к посягательству, стрессовая раздражительность, чувство ущемленности, либо склонность к чрезмерной замкнутости, пренебрежение к порядку, пренебрежение к одежде, гигиене

---

[497] ГА РФ. Ф. 6221. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
[498] ГА РФ. Ф. 6221. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
[499] ГА РФ. Ф. 6221. Оп. 1. Д. 10. Л. 69.
[500] ГА РФ. Ф. 6221. Оп. 1. Д. 10. Л. 70.
[501] ГА РФ. Ф. 6221. Оп. 1. Д. 10. Л. 71.
[502] См., напр., *Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса. М.: 1983; *Быстрицкая А.Ф., Новиков М.А.* Изменения устойчивости в групповой деятельности в условиях конфликтной напряженности. – В кн.: Проблемы космической медицины. М.: Медицина, 1966, с. 83–87; *Короленко Ц.П.* Психология человека в экстремальных условиях. Л.: Наука,"1978; *Werner E.* Transformation of a man: The founding of est. N.Y., 1978; *Altman J.* Human behavior and the social environment: Privacy, territoriality, personal space and crowding. Belmont (Cal.): Brook / Cole, 1975; *Booth A., Welch S.* Stress, health, and political participation. – Social Biol., 1978, vol. 25, № 2, p. 102–114, и др.

тела и т.п.»[503] Все эти психологические проявления «синдрома военнопленного» не имели в начале XX века сколько-нибудь качественного описания в научной литературе: человеческая цивилизация впервые в своей истории столкнулась с проблемой пленения огромной массы людей и нахождения их в течение длительного времени в ограниченном пространстве. Поэтому российские гуманитарные организации, наблюдая происходящее в концентрационных лагерях, были вынуждены вырабатывать собственные подходы к решению целого комплекса психологических, физиологических, культурных и поведенческих проблем, не имевших ранее изученных и описанных прецедентов.

Понимание беспрецедентности происходящего с огромной массой российских граждан, оказавшихся в плену и вынужденных каждый день бороться за свою жизнь, требовало от российских гуманитарных организаций не только оказания им материальной и медицинской помощи, но и посильное воздействие на их духовный мир, оказание психологической поддержки, поддержание культурной и национальной идентичности находящихся в заключении людей. Основную роль в решении этой задачи призвана была сыграть русская книга. Многие русскоязычные издательства, восстановившие свою деятельность в эмиграции, оказывали благотворительную помощь и снабжали своими книгами лагеря военнопленных. Сохранились сведения о поступлении в лагеря книг издательства Ладыжникова в Берлине, «Славянского издательства» в Праге, издательства Поволоцкого в Париже.[504] Российским обществом Красного Креста создавались при лагерях военнопленных школы грамотности и курсы родиноведения.[505] Эту же работу проводило Общество культурной помощи

[503] *Китаев-Смык Л.А.* Указ. Соч. С. 238.
[504] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 116.
[505] ГА РФ. Ф. 5857. Оп. 1. Д. 9. Л. 22.

русским военнопленным в Лозанне[506] и Общество народного издательства для русских военнопленных им. Герцена.[507]

В результате российской деятельности в лагерях русских военнопленных Первой мировой войны возникла достаточно эффективная система гуманитарной поддержки соотечественников. Особенно востребованными в этом смысле были общеобразовательные школы, на поддержание которых и на оплату труда преподавателей средства из бюджетов гуманитарных организаций выделялись постоянно. Публикуемая ниже таблица дает представление о размахе этой работы.

Таблица 4. **Сведения о лагерных школах в Германии**[508]

Название лагеря **1**	Количество военнопленных **2**	Количество учащихся в школе **3**	Количество учителей **4**
Сольтау	7 000	700	12
Кведлинбург	3 150	200	7
Пархим	3 000	300	4
Минден	2 300	40	4
Коттбус-Зилоу	8 000	120	4
Зеннелагерь	5 000	75	5
Гамельн	6 000	550	7
Штаргард	5 000	Начальная и высшая	4
Заган	1 000	68	3
Нидерцверен	3 600	100	12
Штроен-Моор	900	3 группы	3
Нейгаммер	3 500	720	6
Кроссен	5 000	200	н.д.
Кенигсмоор	700	180	5
Франкфурт	2 850	200	3
Мюнхберг	800	114	2
Байройт	2 000	60	4

[506] ГА РФ. Ф. Р-6168. Оп. 1.
[507] ГА РФ. Ф. Р-6221. Оп. 1.
[508] ГА РФ. Ф. 6221. Оп. 1. Д. 10. Л. 61-62.

1	2	3	4
Гарделеген	2 120	350	5
Губен	8 500	400	2
Гюстроф	10 000	150	н.д.
Гаммельбург	3 800	80	н.д.
Ульм	7 000	400	н.д.
Цербст	4 000	60	н.д.
Вюнсдорф	3 000	400	7
Мерзебург	6 000	100	3
Целле	6 200	500	н.д.

Наряду с комплексом психологических, медицинских, правовых и материальных проблем, гуманитарная деятельность российских организаций в лагерях военнопленных сталкивалась с острым противодействием не только администрации лагерей, видевших в сотрудниках Красного Креста и других гуманитарных организаций досадную помеху, но и с отчаянной конкуренцией за умы и души пленных со стороны большевистского правительства. Как уже отмечалось выше, советская власть видела в огромной массе русских военнопленных за границей потенциальный ресурс влияния на политику иностранных государств – с одной стороны, и возможных рекрутов гражданской войны в России – с другой. По этим причинам советское руководство предпринимало серьезные усилия для ведения пропаганды в европейских лагерях военнопленных, и усилия эти очень часто заканчивались успехом. Так, Российским обществом Красного Креста в госпитале в Кромержиже (Чехословакия) были организованы три школы, хор, с успехом выступавший в окрестностях, оказывалась материальная помощь больным военнопленным: в ноябре 1919 г. РОКК выдал каждому находившемуся в госпитале пленному по комплекту теплого белья, пару носков, носовые платки, полотенце, сапоги, штатский костюм и кусок мыла. Была устроена библиотека, выписывались газеты. Эта гуманитарная деятельность продолжалась до тех пор, пока политическая

агитация против РОКК, развернутая в госпитале сторонниками большевистских идей, и проявившаяся в форме провокаций против учителей, не привела к закрытию в апреле 1920 г. всех трех школ.[509]

Похожая ситуация сложилась и в чехословацком лагере в Хоцене. Делегация Бернского Бюро помощи военнопленным организовала дополнительное питание для военнопленных, библиотеку, корзиночную, сапожную и портняжную мастерские.[510] Но многочисленные злоупотребления лагерной администрации привели к тому, что группа лагерных большевиков использовала недовольство пленных, и направило его как против собственно администрации, так и против русских офицеров, выступавших посредниками между лагерной администрацией и заключенными. На эту ситуацию противостояния наложился и национальный аспект: «самостийные украинцы» стремились посеять раздор между русскими обитателями лагеря.[511] В этих условиях гуманитарная деятельность общественных организаций оказалась практически парализована.

Примерно по такому же сценарию развивалась ситуация в Иозефовском лагере. Как и в Хоцене, усилиями Российского общества Красного Креста в этом лагере была открыта школа, закуплены учебники, тетради, географические карты, музыкальные инструменты для хора балалаечников, создана театральная труппа и певческий хор, Красным Крестом проводились спортивные мероприятия. За первые две недели число учащихся военнопленных достигло пятисот человек. Но агрессивная позиция сторонников советской власти также привела эти гуманитарные достижения к ликвидации. Как отмечал источник, «никем не сдерживаемая группа советских сторонников полностью завладела настроениями в лагере и сумела убить остатки здоровых стремлений у психически неуравновешенных лагерных сидельцев».[512] По ночам группа агитаторов стала проводить

[509] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 72.
[510] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 77.
[511] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 78.
[512] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 91.

собрания в бараках, на которых военнопленных уговаривали отказать от помощи Российского общества Красного Креста. По итогам этих тайных собраний появились на свет заявления с многочисленными подписями, переданные впоследствии коменданту лагеря. О том, насколько искренними были подписанты этих заявлений, говорит следующий факт: на следующий день после передачи заявлений лагерной администрации несколько военнопленных, поставивших свои подписи, вновь обратились к РОКК за помощью.[513]

В фонде Общества народного издательства им. Герцена сохранился любопытный документ, дающий возможность изучить тематический срез литературы, которую получали русские военнопленные. Этот документ – список книг, отправленных из Бернского представительства Российского общества Красного Креста в адрес Общества им. Герцена для пересылки в лагеря. В него вошли Программы и правила испытаний на звания учитель уездного училища и домашний учитель; Душеполезное чтение для церкови, школы и народа; Географический справочник; История римского права; Руководство по кристаллографии; Курс физики; Французская грамматика; Мир в картинах; Чудеса карточных фокусов и др.[514] Все вошедшие в список издания вышли в свет в период, предшествовавший мировой войне и драматическим событиям в России. Возможности российских гуманитарных организаций в этом смысле были крайне ограничены: в самом начале 1920-х гг. они располагали весьма скудными книжными запасами, формировавшимися за счет нераспроданных остатков русских издательств в Европе, и не могли учитывать потребности эмигрантских колоний и огромной массы военнопленных в специальной литературе, которая могла бы помочь адаптации и профессиональному становлению в новом обществе. Выпуск русских книг в зарубежье был налажен позднее: русский «книжный бум» в Европе возник к середине 1920-х гг. когда многие десятки издательств

[513] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 95.
[514] ГА РФ. Ф. 6221. Оп. 1. Д. 10. Л. 15-19.

начали выпускать сотни наименований русских книг, удовлетворивших не только запросы эмигрантского сообщества, но и отправлявшихся на определенном отрезке времени в Советскую Россию. Поэтому в списке Бернского представительства РОКК в 1920-м г. среди нескольких сотен наименований не содержалось ни одного практического руководства по ремеслам, которые могли бы помочь военнопленным и беженцам в социальной реабилитации. Конечно, «Чудеса карточных фокусов» могли пригодиться на определенном этапе в лагере для военнопленных, но «Руководство по кристаллографии» вряд ли могло помочь русскому военнопленному в социальной адаптации.

Сложности, с которыми сталкивались российские гуманитарные организации в своей деятельности, наглядно иллюстрируют два не публиковавшихся ранее документа из фондов ГА РФ. Первый – письмо из Парижа, из редакции газеты «Последние новости» осенью 1920 г. в Общество имени Герцена, в котором говорилось следующее:

«В ответ на ваше письмо сообщаем, что ввиду весьма больших расходов, связанных с печатанием русской газеты в Париже, нам, к сожалению, не представляется возможным выслать вам бесплатно в день 10-летия кончины Л.Н. Толстого 1 тысячу экземпляров нашей газеты. Требующееся вам количество экземпляров юбилейного номера «Последних новостей» может быть выслано по цене себестоимости, каковая будет вам сообщена по получению от вас подтверждения заказа».[515]

Второй документ также датирован октябрем 1920 г. Это письмо особоуполномоченного Российского общества Красного Креста в Берне Н.А. Касьянова в адрес Общества им. Герцена. Деятель РОКК сообщает:

«Наше Центральное управление в Париже, от которого мы должны были получить кредиты на продолжение нашей деятельности согласно представленным мною сметным предположениям, за полным истощением средств отказано мне в ассигновании и предписано приступить к ликвидации

[515] ГА РФ. Ф. 6221. Оп. 1. Д. 10. Л. 113.

организованных мною и субсидируемых Красным Крестом предприятий. Те мизерные средства, которые еще остаются у меня на руках, я стараюсь употребить на поддержание мастерских… Я уже отдал распоряжение по Бюро о полном прекращении оказания материальной помощи лагерям на культурные нужды. С таким же тяжелым чувством должен сообщить Герценовскому обществу о полной невозможности для нас оказывать ему дальнейшую материальную поддержку».[516]

Однако эта пасторальная картина не могла скрыть глубинные гуманитарные процессы, происходившие в среде российской эмиграции; процессы, которые получили в общественной дискуссии термин «денационализация». 4-5 октября 1928 г. в Праге состоялось Совещание русских гуманитарных организаций по борьбе с денационализацией русской эмигрантской молодежи. Попытка начать обсуждение проблемы потери национальной идентичности российскими эмигрантами не случайно была предпринята в конце 1920-х гг.: именно в этот период в эмигрантской среде начали происходить процессы, связанные со сменой поколений. Повзрослели и начали создавать семьи молодые люди, вывезенные из России еще детьми; уже в эмиграции появилось на свет поколение, никогда не жившее в России, для которых родиной становились те страны, где жили их родители. Социокультурная среда стран пребывания настоятельно требовала ассимиляции этих детей. Родители, даже те из них, кто понимал необходимость и ставил перед собой осознанную цель воспитать своих детей в традициях русской культуры и русского образа мышления, не могли противостоять влиянию окружающей среды. Они понимали, что ассимиляция дает их детям шанс и конкурентные преимущества в борьбе на рынке труда, возможность получить качественное образование и создать семью. Вот как выглядели типичные эмигрантские семьи по прошествии полутора десятков лет после бегства из России:

[516] ГА РФ. Ф. 6221. Оп. 1. Д. 10. Л. 7, 7 об.

«Моей дочке уже восемь лет. Жена по-русски, конечно, не понимает, дома говорим по-французски, девочка немного понимает по-русски, но говорить не может. Я научил ее читать русскую газету. Она возьмет «Последние новости», водит пальцем и читает заголовки: «Ста-лин бо-лен». А потом спрашивает: – Папа, кес-ке-сэ Сталин? Кес-ке-сэ болен? Времени все не хватает как следует обучить ее…»[517]

Русские семьи видели и осознавали опасность потери идентичности детьми, родившимися в эмиграции или попавшими туда в раннем возрасте. Во французских школах училось гораздо больше русских детей, чем в русских учреждениях. Уже 1923 г. занятия по французской литературе, языку и истории должны были проводиться на французском языке, так же как математика и химия для старшеклассников. Жизненно важную роль в кампании против денационализации сыграло Русское студенческое христианское движение (RSKIID), при YMCA. Начав свою деятельность в Чехословакии, в 1926 г. оно перенесло свою деятельность в Париж. Через дискуссионные группы, лекции, молодежные лагеря и пропагандистскую работу движение боролось с потерей религии и языка молодыми эмигрантами. Религия, в частности, рассматривалась как неотъемлемая часть русской культуры. Она должна была сохраниться среди русской молодежи в эмиграции.[518]

Особое место в истории российской гуманитарной деятельности занимают публичные просветительские мероприятия, посредством которых творческая и научная интеллигенция стремилась поддерживать культурный и образовательный уровень русских колоний. Бесплатные лекции и семинары; литературные и дискуссионные клубы стали для российской эмиграции в 1920-х гг. особой приметой времени. Эта гуманитарная деятельность имела в вопросе сохранения национально-культурной идентичности двоякий эффект.

---

[517] Последние новости. 1936. № 5684.

[518] *Robert H. Johnston.* New Mecca, New Babylon: Paris and the Russian Exiles, 1920-1945. Montreal. 1988. P. 167.

С одной стороны, публичные образовательные и просветительские мероприятия вызывали в среде русских беженцев неподдельны интерес; в лекционных залах, где читались лекции на русском языке, всегда наблюдался аншлаг. С другой стороны, такая благотворительная работа позволяла представителям русской интеллигенции в изгнании сохранять собственную квалификацию, ощущать востребованность своих знаний и идей в среде соотечественников.

Наблюдалось и стремление местных властей и интеллигенции участвовать в этом гуманитарном обмене. Так, например, во Франции дирекция национальных музеев в1922 г. выступила с инициативой проведения цикла лекций по французскому искусству на русском языке. Перед слушателями выступили русские ученые-эмигранты, в том числе, бывшие сотрудники Эрмитажа.[519]

Аналогичные бесплатные мероприятия, но уже на французском языке, проводились в Сорбонне. Российские преподаватели читали цикл лекций по русской литературе.[520]

Подводя итог в рассмотрении деятельности российских гуманитарных организаций в сфере поддержки образования и воспитания, уместно сделать следующие выводы.

Во-первых, российская гуманитарная деятельность в сфере образования и воспитания русских детей в эмиграции стала весомым фактором сохранения национально-культурной идентичности. Русские школы, детские сады, гимназии, другие детские и юношеские учебные заведения, созданные и управлявшиеся российскими гуманитарными организациями за границей, стали средоточием национального образования и менталитета, где русские дети знакомились с российской историей и культурой, говорили на родном языке и получали патриотическое воспитание. Эта системная работа позволила на определенном этапе

[519] Последние новости. Париж. 1922. №640.
[520] Последние новости. Париж. 1922. № 641.

существенно затормозить процессы денационализации и ассимиляции в молодежной эмигрантской среде.

Во-вторых, велика роль российского образования была и в профессиональной переподготовке взрослых беженцев и бывших военнопленных Первой мировой войны в Европе. Духовный голод в эмигрантской среде, ставший особой приметой изучаемого периода, мог быть удовлетворен исключительно русским литературным и научным словом. И российская гуманитарная деятельность в этом направлении на протяжении многих лет обеспечивала духовные и образовательные потребности соотечественников, сохраняя тем самым их идентичность.

В-третьих, российская образовательная инфраструктура за рубежом не только предоставляла обучение и воспитание детям эмигрантов, но и сама являлась инструментом социальной адаптации для тысяч учителей, ученых и беженцев других профессий, находивших работу по специальности. В этом смысле русская школа в изгнании позволила не только воспитывать детей и подростком, но и сохранить национальный интеллектуальный капитал, обеспечив занятость наименее приспособленной к изгнанию категории людей.

Наконец, традиции русского образования, укоренившиеся на зарубежной почве, позволяют говорить об особом феномене русской школы, русской научной и политической мысли в эмиграции, ставшем следствием российской гуманитарной деятельности. Тысячи русских ученых, литераторов, журналистов, инженеров, получивших образование в беженских русских школах, заняли достойное место в мировой науке и культуре, сохранив при этом духовную и благодарную связь с покинутой Родиной.

Подводя общий итог к главе 3, следует отметить, что начальный период эмиграции был связан с огромными людскими страданиями, социокультурным стрессом, разрушением устоявшегося миропорядка для сотен тысяч беженцев. Однако подавляющее их большинство в этот период

продолжали ощущать себя российскими гражданами, членами единой общности и носителями единой национально-культурной идентичности. Они не стремились стать частью приютивших их государств, адаптироваться и ассимилировать. Сохранение в эмиграции собственной национально-культурной идентичности стало для них не только целью, но и средством выживания в изгнании, смыслом существования и способом жизни. На начальном периоде эмиграции этому способствовали организационные структуры российских гуманитарных организаций в Европе, деятельность которых закладывалась в период Первой мировой и Гражданской войн. Попечение о русских военнопленных в европейских лагерях, благотворительные общества и частные жертвователи, госпитали Российского общества Красного Креста – эти и целый ряд других гуманитарных институтов стали основой, на которой позднее стала базироваться вся российская гуманитарная деятельность в эмиграции, ставшая следствием общественной самоорганизации людей. Гуманитарная деятельность постепенно превращалась из средства выживания в самостоятельную цель, когда национальное самосознание начинало прочно ассоциироваться с необходимостью помощи ближнему.

В условиях гуманитарного кризиса российские гуманитарные организации становились каналами коммуникации между массой российских беженцев и властями стран пребывания в деле распределения благотворительной помощи, в решении правовых вопросов и административных вопросов, являясь сильным стабилизирующим фактором, который позволил сотням тысяч соотечественников обустроиться в новом и чуждом для них обществе. Образовательные, культурные, благотворительные проекты, призрение больных и инвалидов, русская издательская деятельность позволили значительной части покинувших родину людей ощущать себя частью единого сообщества, препятствуя тем самым денационализации и ассимиляции. В значительное степени этому способствовали традиции русского образования, укоренившиеся на

зарубежной почве и ставшие залогом сохранения русскими колониями своей национально-культурной идентичности.

Глава 4. Гуманитарная деятельность в системе корпоративных и общественных связей российского зарубежья

§ 4.1. Инфраструктура взаимопомощи и благотворительности в основных европейских центрах русского зарубежья

Расселение российских беженцев по европейским государствам не было спонтанным, а подчинялось вполне конкретным закономерностям. Наиболее состоятельные беженцы стремились в Западную Европу, где у многих из них имелись финансовые средства, филиалы коммерческих фирм и недвижимость. Окрестности Константинополя и восточноевропейские государства становились убежищем для наименее состоятельной и малообеспеченной части беженцев, нуждавшихся в самом необходимом. Подобное расслоение беженских потоков не могло не отразиться на формировании инфраструктуры российской гуманитарной деятельности в Европе. В этом смысле задача сохранения членами российских колоний национально-культурной идентичности решалась в разных странах по-разному. И если во Франции, Германии, Бельгии или Швейцарии середина 1920-х гг. была отмечена зарождением феномена «русской моды», а культурная и интеллектуальная жизнь на русском языке была чрезвычайно насыщенна, то в балканских государствах речь шла о самых насущных потребностях людей в питании, лечении, образовании.

В таких обстоятельствах воссоздание и консолидация российской гуманитарной инфраструктуры стали жизненно необходимы. Поэтому уже в марте 1921 г. в Праге начало свою деятельность Объединение Российских земских и городских деятелей. Эта инициатива российского эмигрантского

сообщества в Чехословакии, несмотря на очевидную политизированность, нашла правительственную поддержку: в декабре 1921 г. правительство Бенеша выделило на финансирование мероприятий Земгора 80 тыс. чешских крон.[521]

С определенного момента российские гуманитарные организации в Чехословакии стали едва ли не единственным каналом распределения правительственных средств, направлявшихся на помощь беженцам. Кончено, помощь чехословацкого правительства в полной мере благотворительной не являлась: ее антибольшевистская направленность артикулировалась в то время достаточно четко. Вместе с тем, средства, получаемые российским Земгором по правительственной линии, позволили ему реализовать значительное количество гуманитарных программ, жизненно необходимых на начальном периоде социальной адаптации эмигрантских колоний.[522]

Так, в сентябре 1923 г. состоялось открытие здравницы Пражского Земгора, располагавшейся недалеко от столицы. Здравница специализировалась на лечении и последующей реабилитации туберкулезных больных, количество которых в беженской среде было весьма значительным: за период с 1922 по 1927 гг. было зарегистрировано более полутысячи заболевших. Особенно драматично складывалась ситуация среди русского студенчества, обучавшегося в чехословацких вузах: туберкулезом болела пятая часть из них.[523]

Одновременно с Земгором, в Чехословакии начало деятельность Объединение российских эмигрантских организаций. В созданную гуманитарную структуру вошли сорок три эмигрантские организации:

---

[521] Русские в Праге. С. 110.
[522] Русские в Праге. С. 93.
[523] Русские в Праге. С. 205. Вот как описывал один из постояльцев быт этого учреждения: «В санатории 30 больных. Здесь люди всяких политических направлений и различного воспитания. Есть рабочие, казаки, офицеры, крестьяне, люди интеллигентных профессий. Все с эмигрантским прошлым, побывали во многих местах. В каждой палате по 5 человек. Кормят хорошо, дают много молока и масла. В день кормят 5 раз. В санатории лечатся преимущественно молодые люди, много студентов. При приеме не спрашивают ни о политических, ни о других каких-либо убеждениях и принадлежностях».

профессиональные объединения земледельцев, литераторов,, врачей, артистов, Общество российских инженеров и техников, Российское общество Красного Креста, Братство по погребению православных в Праге.

Похожие задачи декларировал и Русский Комитет – еще одно эмигрантское объединение, созданное в Праге в 1920 г. Свое главной целью вновь созданный Комитет провозгласил трудовую помощь беженцам, выдачу ссуд и пособий, создание эмигрантской биржи труда, небольших коммерческих предприятий, приютов и т.п.

В качестве источников финансирования были названы «собственные средства» Комитета и частные пожертвования.[524]

Однако информации о реализованных Русским Комитетом проектах обнаружить не удалось. В то же время, сохранилось значительное количество обращений Комитета к эмигрантским объединениям в других европейских странах, в которых красной нитью проводилась идея о целесообразности координации всей зарубежной гуманитарной деятельности именно Русским Комитетом в Чехословакии.[525] Анализ обнаруженной переписки наводит на предположение об истинных целях этой Русского Комитета, который под вывеской благотворительной, гуманитарной деятельности попытался сконцентрировать в своих руках денежных потоки, направлявшиеся на помощь беженцам в разных странах мира, и конкуренция за управление которыми обострилась в начале и середине 1920-х гг.

Другой российской гуманитарной организацией, оказывавшей системную помощь и поддержку беженцам в Чехословакии, являлся Временный главный комитет всероссийского союза городов заграницей (Согор), сосредоточивший усилия на образовательной сфере и сфере культуры. В 1921 г. этой организацией была открыта гимназия, где в условиях

[524] Славянская Заря. 1920. 20 мая.

[525] ГА РФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 8. Л. 70. Достичь этой цели предполагалось на съезде гуманитарных организаций, восстановивших свою деятельность за границей. Съезд должен был состояться «в одном из центральных городов Западной Европы, в стране нейтральной по отношению к России. *Наиболее подходящим в этом отношении* является город Прага в Чехословацкой республике».

круглосуточного проживания обучалось почти 600 русских детей. Учебный план гимназии коррелировал образовательными программами чехословацких средних школ, но включал в себя целый блок дисциплин по российской истории и культуре, что стало ключевым моментом в деле сохранения русскими детьми национально-культурной идентичности, поскольку процесс денационализации и ассимиляции в среде русских школьников, обучавшихся в местных гимназиях, проходил ускоренными темпами, и усилий родителей не доставало для сохранения у детей чувства принадлежности к покинутой родине.

Этим же гуманитарным целям призваны были служить детские сады, открытые Согором при участии чехословацкого МИДА, Красного Креста и российского Земгора. Русские детские сады в середине 1920-х годов уже начали принимать детей, родившихся на чужбине. Функционирование этих дошкольных заведений было особенно важно, поскольку перед родителями стояла альтернатива: отдать своего родившегося в изгнании ребенка в местное дошкольное учреждение, или выбрать русский детский сад. Динамика численности воспитанников российских детских садов с 1922 по 1927 гг. наглядно доказывает, что многие родители выбирали именно русские детские сады: в 1922 г. в них насчитывалось 27 детей; к 1927 г. число воспитанников возросло до 119.[526]

К 1921 г. на Балканах действовала достаточно эффективная структура российских гуманитарных организаций. Всероссийский Союз городов, Делегация, ведающая интересами российской эмиграции в Югославии, Земгор, Общество единения русских в Болгарии – эти и целый ряд других организаций в том или ином виде принимали участие в обустройстве и удовлетворении насущных нужд российских беженцев. После выхода в свет в мае 1921 г. приказа П.Н. Врангеля о переводе армии на беженское положение,[527] поле деятельности для гуманитарных организаций расширилось

[526] Русские в Праге. С 198.
[527] Владимиров Л. Указ. соч.. С. 31.

еще более. Летом 1921 г. был создан Русский комитет по делам беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, в сфере деятельности которого должны были оказаться все коммуникации между правительственными структурами Королевства СХС и русскими гуманитарными организациями. В Комитет вошли представители РОКК, Земгора и ВСГ, а также представители эмигрантского сообщества. [528]

Поле деятельности гуманитарных организаций было широчайшим. Инфекционные заболевания, привезенные из константинопольских лагерей; туберкулез;[529] физическое истощение, социокультурный стресс и деградация, безработица и нищета – все эти беды требовали от гуманитарных структур быстрых и эффективных действий.

Российское общество Красного Креста к 1921 г. содержало в Сербии сто двадцать стационарных мест в госпиталях и амбулаториях. Всего за два года их количество удалось удвоить; Красный Крест в 1923 г. содержал и обслуживал четыре госпиталя, несколько лазаретов и врачебных пунктов.[530]

Проблемами безработицы в беженской среде занималось представительство Земгора в Болгарии, где было создано Бюро труда. Функции этого учреждения были исключительно информационные: они собирали сведения о наличии рабочих мест в городах Болгарии. Потом собранная информация анализировалась и доводилась до нуждавшихся в работе беженцев, которые могли отправиться на указанное рабочее место. В конце 1920 г. в документах Бюро содержались сведения о почти трех тысячах русских безработных, половине из которых удалось найти временную или постоянную занятость на болгарских предприятиях.[531]

---

[528] Там же. Д. 87. Л. 1.
[529] ГА РФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 102. Л. 160.
[530] ГА РФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 102, л. 162.
[531] Там же. Ф. 5923. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

Русские начальные школы в Чехословакии к 1923 г. насчитывали более 1600 человек.[532] Помимо Земгора и Согора, организацией образования на русском языке занимались и частные благотворители, вкладывавшие значительные средства в эту гуманитарную деятельность. Одним из наиболее заметных частных учреждений в Чехословакии стала русская гимназия в Моравской Тржебове, которую основала А.В. Жекулина. Под нужды гимназии был отведен школьный городок, где проживали и учились более пятисот русских детей. По окончании гимназии выпускники имели возможность поступить в высшие учебные заведения Чехословакии.

В 1923 г. Земгором в Праге был основан Русский народный университет, который стал одним из наиболее успешных вузов, просуществовавший вплоть до 1939 г. Помимо классического высшего образования, университет давал своим слушателям и практические знания: стенографию, бухгалтерию, иностранные языки, и т.п.[533]

Гуманитарная деятельность российского Земгора вскоре вышла за рамки оказания помощи эмигрантам, обеспечения их наименее болезненного вхождения в новое общество. Ускоренная ассимиляция и денационализация русской молодежи, падение нравственного и культурного уровня старшего поколения беженцев в условиях непрекращающегося стресса требовали создания и поддержания инфраструктуры по сохранению национально-культурной идентичности. Подобная масштабная задача не могла быть решена только за счет образовательных учреждений. Поэтому уже в 1922 г. Земгор приступил к созданию в Чехословакии «низовой» сети учреждений культуры и образования, призванных доносить до беженцев русское слово. Ими становились тематические кружки, научные сообщества, русские библиотеки и читальни. Так, русские библиотеки открылись в Праге, Братиславе, Ужгороде.[534]

---

[532] Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов. Указ. соч. С. 87.
[533] ГА РФ. Ф. 5899. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.
[534] Воля России. 1922. 14 февраля.

Чехословакия стала одним из главных центров беженского рассеянья, где российская гуманитарная деятельность получила в исследуемый период наибольшее развитие. В начале 1920-х гг. – к 1922 г. – в этой стране было зарегистрировано немногим более 20 тысяч российских эмигрантов. Через два года их численность достигла отметки 30 тыс. человек. В это число входили не только беженцы Гражданской войны, но и значительное количество так называемых «невозвращенцев» – бывших советских служащих, теми или иными путями оставшиеся за границей. В русской колонии в Чехословакии высока была доля детей и инвалидов: 1300 и 600 соответственно.[535]

Помимо общегуманитарных проблем с жильем, питанием, медицинским обслуживанием, особую остроту в Чехословакии, как и во всех европейских государствах, имела проблема правового статуса эмигрантов. Отчасти облегчить решение многочисленных беженских проблем в государственных органах власти призвана была юридическая консультация Земгора, начавшая свою деятельность в Праге в декабре 1927 г. В специальном докладе, подготовленном в этот период, отмечалось: «Беженец лишен многих прав, он ограничен в осуществлении и защите своих и публичных частных прав, он стеснен в осуществлении права материального и пользовании правом процессуальным».[536] Ситуация усугублялась политикой чехословацких властей по правой дискриминации беженцев, находившая проявление в ограничении их права на труд и передвижение. Эти ограничения были наложены законом, принятым в марте 1928 г., который ограничил в правах беженцев, прибывших в страну позднее 1 мая 1923 г. По данным российского Земгора, таких насчитывалось не менее 50%. Земгор предпринимал попытки оказывать влияние на ситуацию через обращение к центральным и местным властям, обращая их внимание на рост и безработицы и нищеты в беженской среде.[537]

---

[535] Пашуто В. Российские историки-эмигранты в Европе. М., 1991. с.128.
[536] Дни. 1927. 24 декабря.
[537] *Пашуто В.* Указ соч.. С. 381.

Как уже отмечалось,[538] в Германии, на протяжении ряда лет остававшейся центром притяжения российских беженцев из-за низкого курса немецкой марки и относительной дешевизны повседневной жизни, восстановил свою деятельность целый ряд российских гуманитарных организаций. В 1921 г. была предпринята попытка, инициированная Обществом помощи русским гражданам, объединить русские общественные и благотворительные организации в единую структуру. Мотивировалось такое решение необходимостью создания «особого органа для сношения с Германским Красным Крестом от имени всех обществ, в этом органе представленных». Созданное Объединение насчитывало в 1922 г. пятнадцать коллективных членов: Общество помощи русским гражданам, Союз торгово-промышленных и финансовых деятелей, Союз немцев-колонистов, Союз русской присяжной адвокатуры, Союз русских евреев, Русский студенческий союз, Союз русских студентов, Союз сценических деятелей, Общество литераторов, Американский фонд помощи литераторам и ученым, Академическая группа, Союз русских увечных воинов, Союз врачей, Союз инженеров, Союз русских летчиков.[539] Главной декларируемой целью созданного объединения называлась помощь российским беженцам в трудоустройстве. Эмигранты интеллигентных профессий находили работу по специальности в Германии с большим трудом. Главной причиной здесь являлся, прежде всего, языковой барьер. Поэтому взгляды эмигрантов и организаций, оказывавших им помощь в деле трудоустройства, чаще всего обращались в сторону российских коммерческих предприятий и объединений русских промышленников и финансистов, которые смогли успешно восстановить свою деятельность в Германии. Шансы получить работу в одной из подобных организаций были вполне реальными, особенно в конце 1920 – начале 1921 гг., когда безработица в Германии не приняла еще

---

[538] *Ипполитов С.С.* Российские гуманитарные организации на рынке труда Германии как фактор адаптации российских беженцев в 1919-1920-х гг. // Человек и культура. – 2020. – № 1. – С. 110 - 122. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.1.31912

[539] ГА РФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д.27. Л. 26.

катастрофических масштабов и не были приняты законодательные акты, ограничивавшие для иностранцев право на труд. Именно в этот период Российским обществом Красного Креста была предпринята попытка организовать с помощью русского Торгово-промышленного союза в Германии своего рода биржу труда для эмигрантов. В декабре 1920 г. Красным Крестом в Торгово-промышленный союз было направлено письмо с просьбой «…принять меры к выяснению… не имеется ли как в Берлине, так и вообще в Германии, спроса на труд русских бухгалтеров, конторщиков, переводчиков, переписчиков на пишущей машинке и других интеллигентных работников…». Для решения этой задачи Красный Крест рекомендовал «…войти в самые тесные отношения со многими русскими и германскими финансовыми и коммерческими предприятиями».[540] Одновременно предпринимались попытки решить и одну из главных проблем социальной адаптации – преодоление языкового барьера, для чего в беженских лагерях, где «ощущалась острая необходимость иметь курсы немецкого языка», Красным Крестом финансировалось его изучение.[541]

Крайне сложная ситуация на квалифицированном рынке труда в Германии отмечалась и Обществом помощи русским гражданам: «Специфический подбор лиц, обращающихся в Общество, не дает возможности организовать бюро труда. Огромное большинство клиентов Общества – бывшие офицеры и солдаты белых армий, частью бывшие военнопленные, люди без всякой специальности, а подчас без всякого образования… В Берлине (и в Германии вообще) наблюдается спрос на физический труд или на случайную работу, не связанную со специальностью (например, участие в массовых сценах при съемках фильмов). Спрос на квалифицированный труд в Берлине по сравнению с предложением ничтожен».[542]

---

[540] ГА РФ. Ф. 6007. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
[541] ГА РФ. Ф. 5817. Оп. 1. Д. 9. Л. 42.
[542] ГА РФ. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 27. Л. 31.

Положение русских рабочих регламентировалось общими правовыми нормами, относившимися к труду иностранцев. Большое количество необходимых формальностей существенно осложняло деятельность российских организаций по оказанию трудовой помощи беженцам. Так, например, русские, поступившие на предприятие с немецкими рабочими, обязаны были вступать в профессиональные союзы и присоединяться к стачкам и забастовкам в случае их проведения. Однако материальной помощи от немецкого профсоюза, несмотря на уплаченные взносы, русские рабочие не получали. Такая же практика складывалась и в отношении «больничного сбора» – русские рабочие в случае болезни никакими льготами не пользовались, невзирая на необходимость ежемесячных его отчислений. Особенно широкое распространение находила в беженских лагерях артельная форма организации труда российских эмигрантов. Этому способствовало совместное проживание больших коллективов людей, многих из которых объединяло общее прошлое. Кроме того, часто при формировании беженских лагерей учитывался социальный состав размещавшихся в них эмигрантов. Так, например, в лагере Вильдеман была размещена часть русского светского хора. Не удивительно, что скоро в этом лагере возникла художественная артель «Вече». В лагере Альтенау проживали, главным образом, семейные пары с детьми школьного возраста. Поэтому вполне естественным выглядело появление здесь дамской бельевой артели, портняжной мастерской и детского хора.[543]

Летом 1921 г. было создано Русское благотворительное общество в Германии, ставившее перед собой цель создавать общежития, столовые, мастерские, справочные и посреднические конторы, кооперативы, коммерческие предприятия, школы и иные организации, призванные оказывать помощь беженцам в вопросах трудоустройства и адаптации.

Устав Русского благотворительного общества в Германии дает обильную пищу для размышлений. Его учредители прекрасно владели

[543] ГА РФ. Ф. 5817. Оп. 1. Д. 9. Л. 3-4.

информацией о нуждах и проблемах русской колонии, знали потребности беженцев в работе, образовании детей, жилье, решении правовых вопросов. Устав общества предусматривал деятельность по всем этим направлениям. Однако «родимые пятна» старой российской бюрократической традиции просматриваются в этом документе вполне определённо. В уставе общества, призванном решать насущные проблемы беженцев, многие из которых банально голодали, не имели медицинской помощи и жилья, подробнейшим образом был прописан перечень лиц, которые могли стать его членами, подразделявшиеся в свою очередь на «почетных, действительных членов и *членов-соревнователей»*.[544] Не менее тщательным образом был определен порядок созыва общих собраний, процесс выборов и голосований, и проч. При изучении этого документа трудно избавиться от ощущения, что гуманитарная деятельность созданной организации для её отцов-основателей была задачей вторичной: главной целью, вероятно, являлось политическое представительство русской эмиграции в Германии, нежели реальная помощь нуждавшимся.[545]

К середине 1920-х г. в Германии стало ощущаться заметное ухудшение внутриполитического климата, проявившееся в отношении властей к русской колонии в этой стране. Первыми ощутили на себе предвзятый интерес германского правительства российские гуманитарные организации. Эта предвзятость находила проявление в сужении прав, ужесточении контроля за их деятельностью. Более подробно – в кандидатской диссертации автора. Консолидация российских гуманитарных организаций во Франции привела к созданию в 1924 г. Союза русских обществ помощи беженцам во Франции. Миссией созданного объединения провозглашалась координация усилий всех ее членов в деле помощи наименее защищенным эмигрантским слоям: инвалидам, потерявшим трудоспособность пожилым беженцам и членам их

[544] ГА РФ. Ф. 5817. Оп. 1. Д. 14. Л. 12.
[545] *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М., 2004. С. 185.

семей. В цели Союза входила также реабилитация выздоравливающих и призрение детей инвалидов.[546]

Заметную роль в деле медицинской и санитарной помощи русским колониям призван был сыграть Союз обществ и Союз русских врачей заграницей, созданный в 1927 г. Он был учрежден Обществом русских врачей им. Мечникова во Франции; Русским медицинским обществом в Берлине; Обществом русских врачей в Югославии; Союзом русских врачей в Болгарии и Обществом русских врачей в Чехословакии.[547] Головной офис этого гуманитарного объединения располагался в Париже.

Особое значение для сохранения национально-культурной идентичности русских колоний имели профессиональные объединения российской интеллигенции: ученых, писателей, журналистов. Среди наиболее известных следует отметить Комитет помощи русским литераторам и ученым во Франции, в цели которого входила не только посильная помощь бедствующим русским писателям, но и просветительская деятельность посредством лекций, концертов, издания трудов российских литераторов на русском языке.[548]

Деятельность Комитета помощи русским литератором и ученым часто согласовывалась с мероприятиями Союза русских литераторов и журналистов:[549] начиная с совместных политических заявлений и заканчивая общими литературно-музыкальными вечерами, которые постепенно превратились в подобие клуба для русской интеллигенции, заседания которого пользовались огромной популярностью в среде русского Парижа.[550]

Подводя итог в рассмотрении процесса воссоздания российской гуманитарной инфраструктуры в основных центрах русского зарубежья и ее

---

[546] К русским людям. Париж, 1924. С.5-7.
[547] ГА РФ. Ф. 6270. Оп. 1. Д. 21. Л. 8.
[548] Последние новости. Париж, № 629, 1922.
[549] Последние новости. Париж, № 632, 1922.
[550] Последние новости. Париж, № 654, 1922.

роли в сохранении национально-культурной идентичности русских колоний, необходимо сделать ряд выводов.

Во-первых, можно с уверенностью утверждать, что российская гуманитарная инфраструктура была воссоздана в кратчайшие сроки, что позволило в значительной мере облегчить первичный этап социокультурной адаптации беженцев в странах расселения. Оказание правовой помощи на родном языке, русскоговорящие врачи и медицинский персонал, дошкольные и общеобразовательные учреждения, просветительские и благотворительные мероприятия, профессиональная переподготовка и помощь в трудоустройстве – все эти жизненно-важные элементы российской гуманитарной деятельности не только позволили сохранить здоровье и жизни сотен тысяч соотечественников, но и оказали системное влияние на их мироощущение и идентичность. В изгнании они продолжали ощущать себя частью единой национальной общности, объединенной языком, культурой, историей, взаимопомощью. В этом смысле общий язык и общее гражданство становились основой консолидации и препятствовали ассимиляции. Гуманитарная инфраструктура, нацеленная на оказание помощи соотечественникам, тормозила и оборачивала вспять процесс денационализации, обеспечивая эмигрантскому сообществу возможности для сохранения собственной идентичности.

Во-вторых, можно считать доказанной уникальную способность российского эмигрантского сообщества к консолидации и взаимопомощи, ставших своего рода составной частью понятия «национально-культурная идентичность». На определенном историческом промежутке огромная масса рассеянных по всему миру людей продолжала ощущать себя часть единого национального и гражданского организма. Это стало возможным исключительно благодаря гуманитарной деятельности, ставшей цементирующим фактором национальной идентичности. Особенно заметен это эффект оказался в отношении русских детей в эмиграции: инфраструктура образования, призрения и воспитания оказала неоспоримое

стабилизирующее воздействие, длительное время ограждая молодое поколение эмигрантов от денационализации.

§ 4.2. Взаимопомощь и гуманитарная деятельность адвокатских союзов в российском зарубежье 1920 – 1930-х гг.

Одной из острейших гуманитарных проблем российского зарубежья долгие годы оставался вопрос неопределенности правового статуса. И речь в данном случае шла не только о проблеме гражданства для беженцев, получить которое в первые годы эмиграции в странах пребывания было почти невозможно. Комплекс правовых проблем охватывал все сферы жизни беженцев: семью, работу, наследство, образование, коммерцию, авторское право, имущество. Нахождение в незнакомой и недружественной правовой среде, отсутствие самых элементарных прав – права на работу, на свободное передвижение, на занятие профессиональной деятельностью – резко ухудшали для беженцев возможности адаптации, создавая дополнительный социокультурный стресс. При этом правосознание бывших граждан России было неразрывно связано с понятием национально-культурная идентичность: ментально они продолжали пребывать в правовых координатах покинутой родины, где они являлись полноправными гражданами, со всеми вытекавшими из этого статуса правами и обязанностями. Одномоментное лишение этого статуса, с потерей элементарных прав, стало шоком для сотен тысяч бывших сограждан. В некоторой степени улучшить эту гуманитарную ситуация призваны были профессиональные объединения российских юристов, восстановившие свою деятельность в эмиграции.

Деятельность российских гуманитарных организаций в Турции в начале 1920-х гг. не ограничивалась санитарной, медицинской и материальной помощью. В этот период насущной проблемой беженцев по всему миру

являлся их правовой статус. До Первой мировой войны судебные дела в Турции между подданными других государств разбирались в соответствии с особыми правовыми актами, закреплявшими привилегированное положение иностранцев по отношению к гражданам Турции – *капитуляциями*. Сами судебные процессы проводились в Консульских судах. Попытка Турции в самом начале Первой Мировой войны отменить этот дискриминирующий национальное законодательство порядок успехом не увенчалась, и была заблокирована державами Антанты. По итогам Мудросского перемирия 1918 г. действие капитуляций в Турции было восстановлено, и российские эмигранты оказались в правовом поле этих законодательных актов.[551] На определенном отрезке времени – вплоть до 1921 г. – этот порядок давал русским беженцам определенный иммунитет от преследований местных властей. Но в конце 1921 г. все «русские» дела были переданы в иностранные уголовные трибуналы. В результате российская судебная власть, сосредоточенная ранее в консульском суде и действовавшая на основе капитуляций, превратилась в консультационную инстанцию, потеряв право судебных решений в отношении русских беженцев.[552]

В подобной правовой ситуации юридическая помощь Центрального объединенного комитета стала чрезвычайно необходимым делом, т.к. конфликты русских беженцев с турецким населением и оккупационными властями были явлением довольно частым. Как правило, почвой для них становилось бедственное положение эмигрантов: вывезенные из России скудные средства быстро иссякали, аренду жилья оплачивать было нечем, владельцы недвижимости подавали в суд. Иностранные суды, где судопроизводство шло на различных европейских языках, и зачастую было

---

[551] ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 4. Л. 62. Цит. по: *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции (1918-1924 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М., 2000.

[552] ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 4. Л. 35.

непонятно обвиняемым, редко принимали сторону беженцев. В этих условиях правовая поддержка ЦОК играла очень важную роль.[553]

Эта помощь осуществлялась посредством юридической консультации Земгора, предоставлявшей правовую поддержку нуждавшимся. Она имела преимущественно консультационную форму, поскольку юристы Земгора не могли защищать и своих клиентов в иностранных трибуналах, однако значение ее крайне велико, учитывая общую враждебную по отношению к беженцам правовую ситуацию в Турции.

После прекращения деятельности юридической консультации Земгора в конце 1921 г., ее работа была продолжена Советом российских присяжных поверенных в Константинополе, которая, если верить источнику, на 70% осуществлялась на бесплатной основе.[554]

Общая правовая ситуация в стране, характеризовавшаяся созданием властями условий «наименьшего благоприятствования» для эмигрантов, нашла отражение и в германском трудовом законодательстве, вводившем целый ряд искусственных ограничений для трудоустройства «неграждан». Зачастую отсутствие в германском законодательстве прямых трактовок той или иной ситуации, возникавшей в процессе трудоустройства эмигрантов, трактовалось местными властями, под влиянием общих настроений в немецком обществе, не в их пользу. Такая практика влекла за собой существенное сужение перечня возможных направлений деятельности, в

---

[553] ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 4. Л. 35 об. Цит. по: *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции (1918-1924 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М., 2000.

[554] Военное командование всеми правдами и неправдами стремилось взять на себя посредничество между заморскими благодетелями и «гражданскими беженцами», жившими при военных лагерях. Наконец, оно добилось желанной цели и начало предоставлять фантастические сведения о числе беженцев, раздавая полученный на «мертвые души» излишек тем, кто числился в армии. Осуществлялось это следующим образом. «Бежавшие из списков частей не исключались «…» чтобы не вызвать уменьшения даваемого числа пайков. По этому поводу часто происходили недоразумения с французами, которые доказывали, что состав частей значительно меньше представляемого [на бумаге]. Несмотря на некоторую прибыль из Константинополя отчаявшихся в поисках работы и хлеба людей, состав корпуса в последнее время был около 16 тысяч, но в списках показывалось всегда 30-32 тыс. человек. Впрочем, лишние пайки до солдат не доходили». ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 4. Л. 36.

которых российские эмигранты могли рассчитывать на возможность приложить свой труд. В результате русский наемный труд не получил в Германии такого широкого развития, как в других странах Западной Европы, в частности, во Франции, где российские «трудовые коллективы» в 1920-х – 30-х гг. стали неотъемлемой приметой крупных промышленных предприятий. В Германии же, в качестве основной формы трудоустройства российских эмигрантов, можно назвать трудовые артели, обеспечивавшие работой наименее социально адаптированные слои эмиграции – бывших военнослужащих белых армий, беднейшие слои беженцев, одиноких женщин без средств к существованию и пр. Своеобразной особенностью предложения «русского» труда в Германии было незначительное количество желавших получить работу в обслуживающих отраслях – должности домашней прислуги, лакеев и т.д. Этот факт можно объяснить существованием целого комплекса чисто русских традиций и предубеждений, основанных на многовековой антипатии к немецкой нации, ставшей следствием кардинального отличия культур и многочисленных конфликтов на всем протяжении общей истории. Кроме того, в 1920-х гг. слишком сильны еще были воспоминания о мировой войне, и образ немцев, как врагов, укоренившийся в сознании русских людей, не позволял им идти «в услужение» к бывшим противникам. Все эти факторы, наряду с общим социально-экономическим и политическим положением Германии, обеспечили постепенное, но неуклонное сокращение российской колонии, в значительно большей степени, нежели граждане Германии, подверженной влиянию безработицы. Так называемые «нюрнбергские законы», принятые в период с сентября 1935 г. по сентябрь 1938 г., сделали фактически невозможным дальнейшее существование в Германии той части российской колонии, которая состояла из эмигрантов еврейского происхождения. Нацистское законодательство обязывало граждан еврейской национальности выплатить «миллиардный коллективный «штраф»; они были лишены возможности заниматься торговлей и производством, ограничивались в

передвижении в пределах Германии. Евреям были установлены жесткие временные сроки, в течение которых они должны были продать или ликвидировать свои коммерческие фирмы; они обязывались передать государству акции и доли в коммерческих предприятиях, которыми они владели; запрещалась продажа и покупка евреями золота и драгоценных камней; владельцам недвижимости разрешалось разрывать с евреями договоры найма до истечения установленного срока, и т.д.».[555] В итоге к середине 1930-х гг. большая часть евреев – выходцев из России, обладавших достаточными для этого средствами, покинули Германию, и переселись в другие страны мира, преимущественно, во Францию.

Удалось ли российским эмигрантам сохранить свою идентичность, состоялась ли социальная адаптация российской эмиграции в Германии? Можно ли говорить об ее интеграции в общественную, политическую, хозяйственную жизнь страны? Несмотря на целый комплекс формальных признаков, казалось бы, свидетельствовавших о факте адаптации, думается, ответ на эти вопросы должен быть отрицательным. Постоянный правовой гнет германского государства; чуждая, зачастую враждебная социальная среда; экономическая нестабильность влекли за собой неуклонное сокращение российской колонии. Ее численность, определявшаяся в 230 – 250 тыс. человек в 1921 г., на протяжении последующих восемнадцати лет продолжала постоянно уменьшаться, и к концу 1930-х гг. достигла отметки в 45 тыс. человек. Общая правовая ситуация в стране, характеризовавшаяся созданием властями условий «наименьшего благоприятствования» для эмигрантов, нашла отражение и в германском трудовом законодательстве, вводившем целый ряд искусственных ограничений для трудоустройства «неграждан». Зачастую отсутствие в германском законодательстве прямых трактовок той или иной ситуации, возникавшей в процессе трудоустройства эмигрантов, трактовалось местными властями, под влиянием общих настроений в немецком обществе, не в их пользу.

[555] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. М., 1988, т. 2. С. 113.

Другой крайне острой гуманитарно-правовой проблемой начального периода эмиграции, как уже отмечалось,[556] стала репатриация. В 1922 г. в Лигу Наций было направлено 76 протестов от русских эмигрантских организаций, требовавших, чтобы репатриация касалась «лишь тех беженцев, которые сделают о том заявление».[557] И, несмотря на то, что европейские власти так и не решились на осуществление принудительной репатриации, напряжение в эмигрантских кругах не ослабевало. К этой проблеме попытался привлечь внимание Съезд русских юристов, заявив, что русские беженцы должны быть наделены правом получить убежище в странах пребывания, и принудительная репатриация, где было бы невозможно «какое-либо обеспечение прав личности» помимо их желания недопустима.[558] Вполне обоснованным с правовой точки зрения выглядело и требование съезда о предоставлении российским эмигрантам права свободного передвижения внутри страны пребывания. Однако это требование неизбежно вступало в противоречие с германским жилищным законодательством. Российские юристы требовали предоставления российской эмиграции прав заведомо больших, чем права коренных жителей страны. Обосновывалось такое требование введением в правовой лексикон словосочетания «политические эмигранты».[559] Эта формулировка стала новым словом в международном праве, положив начало разработке понятия «политическое убежище». Обсуждение личного статуса эмигрантов сводилось, главным образом, к декларации желательности распространения на российскую эмиграцию действия национальных законодательств. Обсуждение этого вопроса в тот момент времени было актуально по причине правовой неопределенности статуса российских беженцев и отсутствия

---

[556] *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция первой волны в Германии: гуманитарно-правовые аспекты адаптации. 1917-1920-е гг. // Исторический журнал: научные исследования. – 2020. – № 1. – С. 115 - 128. DOI: 10.7256/2454-0609.2020.1.31909 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31909

[557] Русские в Германии. Юридический справочник. Берлин, “Слово”, 1920. С. 11.

[558] ГА РФ. Ф. 5923. Оп. 1. Д. 2. Л. 87.

[559] ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

ясности в вопросе: в соответствии с законодательством какой страны, как уже говорилось выше, должны осуществляться судебные действия в отношении эмигрантов – Германии, Российской Империи или Советской России? И такое обсуждение отнюдь не было праздным: имущественные вопросы – наследование, доказательство прав на собственность в Германии и т.д. – являлись для русских эмигрантов насущными и трудноразрешимыми. Пристальное внимание на съезде было уделено коммерческому праву. Восстановление «юридического бытия» русских коммерческих организаций в эмиграции было сопряжено с целым комплексом правовых проблем. Процесс этот не был регламентирован никакими законодательными актами. Отсутствовали и прецеденты в мировом праве, которые могли бы внести ясность в эту крайне запутанную ситуацию. Сложность ее заключалась в том, что, в соответствии с декретом советской власти «О национализации акционерных обществ», имущество российских фирм заграницей уже не принадлежало им. С другой стороны, названный декрет противоречил нормам европейского права, нарушая незыблемый статус частной собственности. Одновременно и иностранные банки, и фирмы не были заинтересованы в восстановлении прав российского бизнеса – в этом случае многим из них предстояло бы выплатить значительные суммы по ранее заключенным договорам или размещенным депозитам. Да и политика протекционизма, проводимая европейским правительствами, вовсе не предполагала создания режима наибольшего благоприятствования для «чужих» коммерсантов. Все эти причины и породили для фирм с российскими корнями в эмиграции крайне неблагоприятную правовую ситуацию.

Ответом на этот гуманитарный вызов стало создание в центрах беженского рассеянья профессиональных объединений российских юристов, чья деятельность в межвоенный период внесла заметный вклад в сохранение национально-культурной идентичности эмигрантов. Формирование в европейской юридической практике самого понятия «российская

эмиграция», привлечение внимания к огромному количеству существовавших проблем в области коммерческого, семейного, трудового права; работа в качестве посреднических структур между беженцами и местными властями – все это играло важную роль в деле социальной адаптации русских колоний.

Одним из первых профессиональных объединений российских юристов в Европе стал Союз русской присяжной адвокатуры в Германии, начавший практическую деятельность летом 1920 г. Устав Союза таким образом определял цели создаваемой организации: «Союз имеет целью предоставить находящимся в настоящее время в Германии членам русской присяжной адвокатуры возможность взаимной поддержки и защиты профессиональных и иных их интересов, а равно возможность применить свои специальные знания в качестве сведущих лиц по вопросам русского права».[560] В том же году при Союзе русской присяжной адвокатуры была создана юридическая консультация, оказывавшая консультационную помощь эмигрантам на безвозмездной основе и, главное, на русском языке. Новость об открытии консультации широко освещалась в эмигрантской прессе.

Союз русской присяжной адвокатуры в Германии активно сотрудничал с иностранными и российскими гуманитарными организациями: Союзом русских адвокатов в Париже; Объединением русских адвокатов во Франции; Союзом русских адвокатов в Бельгии; Союзом русской присяжной адвокатуры в Нью-Йорке; Русским юридическим обществом в Финляндии; Русским юридическим обществом в Латвии; Союзом русских судебных деятелей в Германии; Комитетом съезда русских юристов; Русским научным институтом в Берлине; Германским обществом правовой помощи иностранцам и бесподданным; Институтом международного права в Гааге; Русским историческим архивом в Праге и рядом других.[561]

---

[560] *Юрьева Ю.С.* Функционирование Союза русской присяжной адвокатуры в Германии (20-е - 30-е годы XX века) // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2009. № 4 (15). С. 95.

[561] ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

Следует отметить, что спрос на услуги российских профессиональных организаций и объединений в начале 1920-х гг. в среде российской эмиграции был чрезвычайно велик. Неопределенность правового положения, невозможность осуществить элементарные действия в области гражданского и коммерческого права, языковой барьер, не позволявший пользоваться услугами иностранных адвокатов, создали благоприятную ситуацию для деятельности российских юристов. Так, учрежденная Союзом русских адвокатов юридическая консультация просуществовала более семи лет, пик ее деятельности пришелся на 1924 г. – 103 обращения и 1925 г. – 108 обращений.[562]

Представляет интерес дискуссия, возникшая в 1922 г. в среде русских юристов в Германии по незначительному, на первый взгляд, вопросу «о допустимости производства членами Союза публикаций в газетах». На самом деле речь шла о попытках некоторых русских адвокатских контор скрыть свое «русское» происхождение с целью расширения клиентской базы за счет привлечения иностранных клиентов. Подобная практика была осуждена Союзом, но вопрос не ограничивался чисто моральными категориями. Дело в том, что российским юристам не было предоставлено право производить нотариальные действия и вести дела в германских судах и, следовательно, их деятельность могла носить лишь законоведческий и консультационный характер. Этот статус русской адвокатуры был закреплен немецкими властями 9 мая 1923 г. в циркулярном письме, запрещавшем членам Союза именовать себя в каких-либо юридических документах званием «Rechtsanwalt» без присовокупления к нему прилагательного «russischer».

Определенный интерес представляет политическая деятельность Союза русской присяжной адвокатуры. С одной стороны, руководство Союза старалось, со свойственной юристам осторожностью, держаться подальше от громких заявлений и политических деклараций. В то же время, полная политическая нейтральность была невозможна – подобная позиция оказала

[562] ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 3. Л. 191.

бы крайне нежелательное влияние на авторитет организации, поскольку и беженскими и правительственными кругами от всех эмигрантских объединений ожидалось резкое неприятие советской власти и посильная борьба с ней. В 1921 г. русские юристы приняли участие в обсуждении вопроса о концессиях, предоставлявшихся советской властью иностранным компаниям. Надо сказать, что стремление иностранной и русской буржуазии в эмиграции к сотрудничеству с большевистским режимом очень остро воспринималось именно представителями российской адвокатуры, ощущавшими себя «носителями» русского права и законности в изгнании. Вопрос о концессиях по этой причине стал одним из немногих политических вопросов, по которому русские юристы приняли активное участие. Их внимание акцентировалось, главным образом, на правовом статусе созданных в России предприятий с участием иностранного капитала после гипотетического падения большевистского режима. Доказывая, что в основе деятельности любых концессий лежит принцип частной собственности, русские юристы приходили к выводу, что после возможного прихода к власти в России законного правительства имущество концессий должно будет вернуться к его прежним владельцам. Кроме того, под сомнение ставился и сам факт признания новой властью договоров на концессии, заключенные большевиками. Эти рассуждения венчало эмоциональное заключение о том, что концессионеры не понимают, «что сам факт их прислужничанья в большевистских передних будет достаточным основанием, чтобы новая власть сделала выводы: действия большевиков не могут иметь для нее никакого значения».[563] По этой причине – проявление лояльности к общеэмигрантским политическим интересам – Союз русских юристов время от времени был вынужден «обозначать присутствие» на антибольшевистском фронте. Так, например, в 1927 г. Союз принял «посильное участие в распространении воззвания Лиги Наций по борьбе с

[563] ГА РФ. Ф. 6270. Оп. 1. Д. 170. Л. 126.

большевизмом», а в 1928 г. в составлении протеста против «безсудных казней в России».

Не менее значимой представляется культурно-просветительская деятельность Союза русских адвокатов в Германии. Уже на общем собрании 18 ноября 1920 г. была избрана Рефератная комиссия, в задачи которой входила подготовка и организация докладов и лекций по юридическим и обществоведческим вопросам, и председателем которой стал В.С. Мандель. За десять лет своего существования для членов Союза и всех желающих из берлинской эмигрантской колонии рефератная комиссия подготовила свыше семидесяти докладов и сообщений на самые разнообразные темы. Среди них – «О правах русских граждан заграницей», «Последние дни Петроградской адвокатуры», «О проекте русской конституции, составленной Крамаржем», «Уголовная ответственность вождей побежденной революции», «О советском гражданском кодексе», «Общественный идеал в современной научной литературе», «Правовые вопросы русской эмиграции в Германии»[564] и целый ряд других. Эта просветительская гуманитарная деятельность была призвана поддерживать духовную и ментальную связь российских беженцев с покинутой родиной, сохраняя тем самым идентичность эмигрантов, ускоренными темпами размывавшуюся реалиями повседневной жизни в изгнании.

Гуманитарная деятельность Союза продолжила свое развитие в 1925 г., когда при его участии начало работу Объединение одиннадцати русских общественных организаций, куда вошли Союз русских студентов, Союз русских евреев и инженеров; берлинское бюро Комитета Съездов русских юристов, Комитет помощи писателям и ряд других.[565]

---

[564] ГА РФ. Ф. 6270. Оп. 1. Д. 170. Л. 197-198.

[565] ГА РФ. Ф. 6270. Оп. 1. Д. 170. Л. 130. Названное Объединение, в свою очередь, стало составной частью Совещания русских общественных организаций и учреждений в Германии, в качестве уставных задач декларировавшее «…согласование деятельности русских общественных организаций и учреждений в Германии по оказанию правовой и материальной помощи русским беженцам и содействию в удовлетворении их культурно-просветительских потребностей». Финансирование созданного Совещания

Нежелание германских властей создать благоприятную для эмигрантов правовую атмосферу, принимавшее зачастую форму откровенного «вытеснения чуждого элемента», привело к появлению в Берлине особого органа досудебного разбирательства гражданских и коммерческих споров, призванного, хотя бы отчасти, стать альтернативой государственной судебной системе. Таким органом стал Постоянный Третейский суд, созданный Союзом русской присяжной адвокатуры в мае 1921 г.[566]

Огромные суммы, взимавшиеся германским правосудием за рассмотрение дел; нераспространение на русских эмигрантов «права бедности»; языковой барьер, с которым сталкивалось большинство беженцев – даже в дворянской среде немецкий язык никогда не был популярен и владели им немногие – все эти причины обусловили появление Третейского суда. Постепенно его посредничество стало входить в коммерческую практику российских фирм – к середине 1920-гг. многие торговые или трудовые соглашения, контрагентами в которых выступали российские эмигранты, стали вносить в текст договора пункт об обязательности решения Третейского суда при возникновении споров между ними,[567] создав по сути альтернативную национальную правоприменительную систему в изгнании. К 1926 году условия типовых договоров и трудовых соглашений в большинстве случаев начали содержать формулировки, типа: «В случае недоразумений, каждая сторона должна обратиться к Третейскому суду, решение которого для сторон обязательно».[568]

Такое широкое представительство объясняется несколькими причинами. Во-первых, структурное оформление русской эмиграции, рост

предполагалось осуществлять из средств, выделяемых Лигой Наций и Германским Красным Крестом.

[566] ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 67. Л. 20.

[567] ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 67. Л.22.

[568] ГА РФ. Ф. 6270. Оп. 1. Д. 170. Л. 32 об. В постоянном Третейском суде, помимо Союза русской адвокатуры, было представлено большое количество общественных организаций русской эмиграции. Среди них – Общество помощи русским гражданам в Германии, Общество русских евреев, Центральный комитет русских немцев, союзы инженеров, врачей, артистов, офицеров, художников и некоторые другие.

количества общественных и коммерческих организаций создавали широкое поле деятельности для нового судебного органа. Но была и еще одна, более завуалированная причина подобной активности. 1921 г. был годом иллюзий для русской эмиграции, когда еще оставались надежды на возвращение на родину к привычной жизни и занятиям. По этой причине и вся общественная жизнь русских колоний заграницей носила печать подготовки к победному возвращению и восстановлению разрушенного образа жизни в России. Подобные настроения имели место и при создании постоянного Третейского суда в Берлине. Так, на заседании бюро по организации Третейского суда 15 июня 1921 г. бывшим российским сенатором А.В. Бельгардом была высказана мысль, что создаваемый судебный орган станет «основанием, на котором возможна будет реорганизация русского суда в России».[569]

Однако действительно широкого распространения в среде русской эмиграции идея третейского арбитража не получила. В силу общей правовой традиции не доводить дело до какого-либо суда вообще, из-за нищеты подавляющего большинства русских беженцев Третейский суд не пользовался популярностью в эмигрантской среде. В 1925 г. председатель Союза русской присяжной адвокатуры в Берлине Б.Л. Гершун писал в Союз русской адвокатуры в Бельгии: «Большого успеха Третейский Суд ни здесь, в Германии, ни в Париже не имеет».[570]

Спрос на русскоязычную юридическую помощь привел к созданию в 1921 г. Русского бюро справок и поручений. Созданное российскими юристами в эмиграции, названное бюро осуществляло наведение справок и розыск русских людей заграницей, ведение дел в государственных учреждениях, консультирование при операциях с недвижимостью, акциями и векселями, составление договоров, осуществление нотариальных действий и т.п.[571]

---

[569] Руль. Берлин. 17.06.21. № 175. С. 5.
[570] ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 50. Л. 20.
[571] ГА РФ. Ф. 6006. Оп. 1. Д. 4. Л. 60.

Этой же цели служил и действовавший при редакции газеты «Последние новости» в Париже юридический отдел. В специальной рубрике публиковались ответы на вопросы читателей по правовому положению российской эмиграции, русскому и французскому законодательствам, вопросам гражданского и уголовного права и т.д. Наибольшей активности работа юридического отдела достигла в конце 1921 – начале 1922 гг., когда обращения русских беженцев стали носить массовый характер. И если в 1921 г. основными проблемами, интересовавшими эмиграцию, были вопросы юридического оформления своего пребывания в стране, то к началу 1922 г. стали появляться вопросы коммерческого права, что было связано со становлением и развитием русского предпринимательства во Франции. Таким образом публикации юридического отдела «Последних новостей» позволяют сделать своего рода срез правовых проблем и интересов русской эмиграции в данный момент времени и изучить их динамику.

Спектр мнений, трудов и воззрений русских юристов и теоретиков права в эмиграции был чрезвычайно широким. Главным же вопросом, вокруг которого разгорались ожесточенные дискуссии, был вопрос об отношении к Советской России, путях ее дальнейшего развития и о возможности сотрудничества с большевистским режимом.

В июне 1932 г. начался процесс создания особого института при представительствах Нансеновского комитета в государствах беженского рассеяния – эмигрантских Совещаний, в задачи которых должно было входить постепенное замещение нансеновских комитетов в вопросах гуманитарного представительства русской эмиграции перед национальными правительствами и решение других проблем российского беженства, находившихся на тот момент времени в ведении международных организаций. Сами же отделения Нансеновского комитета предполагалось закрыть к 1937 г. Летом 1932 г. эмигрантские Совещания были образованы в

Париже и Женеве.[572] В их создании приняли участие представители 14-ти центральных русских организаций: Владимирского братства, Делегации по делам беженцев, Российского общества Красного Креста, Общества 16-го года, Союза русских евреев, Союзов адвокатов, врачей, академический, журналистов, инженеров, общевоинский, судебных деятелей, увечных воинов и сценических деятелей. В июле 1932 г. подобное Совещание возникло в Германии. В состав его исполнительного органа –эмигрантского совещательного Комитета - были избраны С.Д. Боткин, Б.Л. Гершун, А.А. Гольденвейзер и А.А. Лампе. Присутствие в исполнительном органе такого серьезного общественного института сразу двух русских юристов, являвшихся членами Союза русской присяжной адвокатуры в Германии – Б.Л. Гершуна и А.А. Гольденвейзера, не случайно. Совещанию в своей деятельности предстояло решать главным образом юридические и правовые вопросы, такие как составление заключения по поводу проекта международной конвенции о русских беженцах; разработка ответов на вопросы анкеты Нансеновского комитета о правовом положении российской эмиграции и т.п.[573]

С законодательными ограничениями, аналогичными германским, столкнулись русские юристы в Бельгии. Накануне Первой Мировой войны вышел закон, воспрещавший кому бы то ни было, не записанному в одном их *барро* Бельгии, называться “avokat”. В качестве причины появления на свет подобного закона источник называет «неприличное поведение одного русского адвоката».[574] Так это или не так, установить не представляется возможным, однако правовые последствия названного законодательного акта для русских юристов в эмиграции оказались весьма серьезными: они не могли представлять интересы своих клиентов в суде, осуществлять нотариальные действия, удостоверять права наследования и т.п., другими

[572] ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 61. Л. 2.
[573] ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 61. Л. 6.
[574] ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 50. Л. 12.

словами российская адвокатура в Бельгии была лишена возможности заниматься своей профессиональной практикой как таковой. Однако выход, с присущей выходцам из России изобретательностью, был найден. Присяжный поверенный Л.М. Берлин, родной брат председателя Совета присяжных поверенных во Франции, зарегистрировал Союз русской адвокатуры в Бельгии (Union des Avokats russes en Belgique), довел этот факт до сведения Брюссельского дисциплинарного совета и последний был вынужден официально признать профессиональное объединение юридически несуществующих профессионалов.[575]

Деятельность созданного в Бельгии Союза развивалась довольно успешно. Несмотря на небольшое число присяжных поверенных, ставших членами Союза – 6 человек – летом 1924 г. им был создан постоянный Третейский суд для русских в Бельгии.[576]

Русские юристы в Бельгии не оставались в стороне и от обсуждения проблем и вопросов, волновавших в тот период адвокатские объединения во всех странах: правовой статус русских беженцев, помощь коллегам в России, созыв съезда русских юристов – эти и другие вопросы обсуждались в оживленной переписке с Германией, Францией, Великобританией, Америкой, Финляндией.

Источники финансирования бельгийского Союза были традиционными для подобных объединений. Основной кассовый доход приносили членские взносы и так популярные в среде русских юристов в эмиграции балы и концерты.[577]

В конце 1925 г. группой проживавших в Финляндии русских юристов было создано Русское юридическое общество, определившим в качестве своего местопребывания город Выборг. В перечне уставных задач нового объединения значилось, в числе прочего, «изучение права Финляндской

[575] ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 50. Л. 13.
[576] ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 50. Л. 22.
[577] ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 50. Л. 8-11.

республики… и всех остальных европейских государств… для изучения правового положения российской эмиграции во всех странах, где она находит себе убежище.” Особо оговаривалось, что Союз не преследует политических целей и создается исключительно для “профессиональных задач».[578]

Во Франции в исследуемый период действовало несколько организаций, объединявших представителей русской адвокатуры в эмиграции. Наиболее заметными из них являлись Союз русских юристов заграницей; Бюро защиты прав русских граждан при Российском финансово-торгово-промышленном союзе; Русское юридическое общество; Объединение русских адвокатов во Франции; Юридическая секция объединения русских, окончивших высшие учебные заведения за рубежом (ОРОВУЗ);[579] Союз деятелей судебного ведомства[580] и Совет присяжных поверенных.

Такое, на первый взгляд, большое количество организаций объяснялось значительными трудностями, с которыми сталкивались русские эмигранты в вопросах защиты своих гражданских прав во Франции. Согласно французским законам, каждый иностранец должен был получить у властей временный вид на жительство и разрешение на временную работу на конкретном промышленном или сельскохозяйственном предприятии. В случае с русскими беженцами особая трудность состояла в том, что многие из них не имели документов, выданных в России дореволюционными властями, у многих были временные удостоверения личности, выданные различными военными и дипломатическими представителями в Турции и других пограничных с Советской Россией странах.

Главная задача русских беженцев во Франции состояла в том, чтобы в соответствии с этими временными и ненадежными в глазах французских

[578] ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 50. Л. 17.
[579] ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 50. Л. 35.
[580] ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 50. Л. 37 об.

властей документами получить вид на жительство. Виды на жительство во Франции существовали различных категорий, срок временного проживания обычно ограничивался несколькими месяцами (от трех до шести). Необходимо было регулярно менять просроченные виды на жительство на новые. В Париже обмен этих карточек был более легким, чем во французской провинции, но все равно приходилось выстаивать многочисленные очереди в учреждения Министерства внутренних дел.[581] В том случае, если эмигрант хотел выехать из Парижа в провинцию, он должен был получить специальное разрешение.[582]

Право на работу давала специальная карточка, выданная в органах Министерства труда. Причем для того, чтобы получить эту рабочую карточку, необходимо было предоставить рекомендацию от Бюро труда, так называемый “благоприятный отзыв”, в котором давалась характеристика предшествовавшей трудовой деятельности. Но даже при наличии “благоприятного отзыва” русский беженец имел возможность получить рабочую карточку лишь в том случае, если отсутствовал спрос на этот вид работы со стороны французов. Именно поэтому рабочая карточка, выданная иностранному беженцу, определяла на установленное время конкретное место работы и специальность, конкретное предприятие, ферму и так далее.[583]

В 1924 г. после установления дипломатических отношений между Францией и СССР дипломатические учреждения России во Франции, прежде всего посольство в Париже, лишились возможности выполнять консульские функции и защищать русских во Франции, так как они не являлись гражданами СССР. Однако французское правительство приняло меры для сохранения бывших российских дипломатических учреждений. Оно при этом

---

[581] *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека: (1920-1970) / П.Е. Ковалевский. Paris: Librairie des cinqs continents, 1971. С. 27.
[582] ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 74. Л. 64.
[583] Там же. Л. 58, 64.; *Ковалевский П.Е.* Указ. соч. с. 27-28.

пыталось помочь русским эмигрантам, но также заботилось и о своих интересах, потому что с русскими эмигрантами постоянно возникали проблемы, решение которых требовало участия бывших русских посольских работников и юристов, привлекавшихся в качестве консультантов. В результате в 1924 г. бывшие русские посольство в Париже и консульства в крупных городах были переименованы в “офисы” (управления). Парижскому “офису” было присвоено наименование Центрального “офиса” по делам русских беженцев. Его остался возглавлять Маклаков – посол бывшего Временного правительства во Франции. В мае 1925 г. французское Министерство внутренних дел особым циркуляром признало эти “офисы” правомочными заниматься делами русских эмигрантов.[584]

Намного сложнее выглядела ситуация с признанием прав самих российских юристов в эмиграции заниматься частной адвокатской практикой и представлять интересы своих клиентов в судах. Дело в том, что согласно декрету от 20 июня 1920 г. звание “адвокат” (d’avocat) могли носить лишь юристы, состоявшие в списках французской адвокатуры. Русские юристы во Франции должны были в официальных документах присваивать себе пространное наименование “ancien avocat a la Cour d’Appel de…”, в дословном переводе с французского звучащее как “бывший адвокат апелляционного суда…” и далее следовали имя и фамилия.[585] Подобные правила резко ограничивали сферу возможной деятельности российской адвокатуры. Прежде всего это касалось привлечения французской клиентуры, что было вполне по силам русским юристам из-за свободного владения несколькими иностранными языками, меньшими требованиями к размеру гонораров и значительным опытом в вопросах трактовки европейских законодательств. Но и русские беженцы, вполне естественно тяготевшие к юристу-соотечественнику, не могли получить от него весь

[584] Ковалевский П.Е. Указ. соч. С. 18.
[585] ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 45. Л. 100.

комплекс правового сопровождения, вынужденно ограничиваясь консультационными услугами.

Объединение русских адвокатов во Франции было основано 3 декабря 1926 г. в Париже. На момент создания Объединение насчитывало 57 членов – русских адвокатов, живших в Париже.[586] К 1 февраля 1928 г. их число возросло до 154-х, что позволило говорить о «подавляющем большинстве русских адвокатов, живущих во Франции»,[587] ставших членами созданной организации.

Денежные поступления объединения складывались из трех основных источников: членских взносов – 25 франков в год; добровольных пожертвований и доходов от пользовавшихся большой популярностью балов и театрализованных спектаклей с юридической тематикой, как например «Суд над Катюшей Масловой».[588] В 1929-м, наиболее удачном в финансовом отношении году, доход Объединения составил 57.843 франка.[589]

Являясь профессиональным союзом, созданным для общения между членами и взаимопомощи, Объединение русских адвокатов, тем не менее, осуществляло определенную гуманитарную деятельность. Так, 21 июня 1927 г. была создана специальная комиссия, призванная оказывать помощь русским, подвергшимся аресту и отбывавшим наказание во французских тюрьмах. Строить подобную работу предполагалось по образцу существовавших в тот период у общественных объединений других национальных принадлежностей *патронатов.* Деятельность в этом направлении имела практические результаты. Совету – исполнительному органу Объединения – удалось добиться от французских властей разрешения на посещение русскими адвокатами тюрьмы “Сантэ” в Париже и Центрального исправительного дома в Пуасси; благодаря ходатайствам

[586] ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 52. Л. 51 об.
[587] ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 52. Л. 52 об.
[588] ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 52. Л. 66.
[589] ГА РФ. Ф. 5890. Оп. 1. Д. 52. Л. 43 об.

Объединения был отменен ряд приказов о высылке из Франции русских эмигрантов, отбывших наказание в тюрьме.[590]

Русские студенты-юристы, оказавшиеся в эмиграции во Франции, создали в 1923 г. в Париже Юридическую секцию при Союзе русских студентов во Франции. Целью секции являлось объединение студентов-юристов в Париже для “основательного изучения, путем теоретического и практического ознакомления, всех французских институтов”. Эта цель достигалась через организацию лекций и докладов по данной тематике, проходивших иногда в очень интересной форме так называемых лекций-экскурсий. Например, для изучения уголовного права студенты посещали дома заключения, колонии для малолетних преступников, знакомились с патронажем освобожденных и так далее. Вопросы конституционного права изучались ими в Палате депутатов и Сенате; политическая экономия – в Банке де Франс и на бирже. Студенческая юридическая секция действовала под патронажем Института русского права в Париже, одновременно поддерживая связи с Союзом русских юристов заграницей и французскими учебными заведениями.[591]

Особый интерес представляет частная практика русских юристов в эмиграции. Гражданские дела, находившиеся в их ведении в 1920-х гг., в полной мере отражают правовое положение российских беженцев, существовавшее в этот период. Лишенные возможности представлять интересы своих клиентов в судах, русские адвокаты сосредоточили свою деятельность на юридических консультациях и работе частных поверенных в делах. Многие российские беженцы, еще до октября 1917 г., в качестве граждан Российской Империи заключали договоры страхования жизни с иностранными страховыми компаниями, размещали вклады в западных банках, покупали акции зарубежных акционерных обществ. Некоторым из них удалось вывезти из России документы, подтверждавшие их договорные

[590] ГА РФ. Ф. 6270. Оп. 1. Д. 152. Л. 65 об.
[591] Последние новости. Париж, № 882, 1923.

отношения с рядом крупных западных фирм и банков. Поэтому середина 1920-х годов в истории русских юристов в эмиграции была отмечена их активным участием в попытках бывших российских граждан доказать свои права и добиться от иностранных компаний выполнения своих обязательств. Надо сказать, что поставленная задача оказалась крайне непростой. Западные страховые компании и банки в делах по искам русских беженцев оказались в чрезвычайно выгодной ситуации: они могли безнаказанно отказаться от исполнения обязательств по договорам, заключенным с российскими клиентами, прибегая для этого к самым незамысловатым поводам, как например, требованию предоставить “необходимую” справку, дополнительные документы об имуществе, оставшемся в России и т.д. Естественно, что любое подобное требование становилось для русских эмигрантов непреодолимым препятствием. Например, в 1925 г. российский адвокат М.С. Маргулиес, будучи в Париже поверенным в делах русской эмигрантки О.М. Верт, вынужден был вести долгую и трудную переписку с американской страховой компанией “New York life insurance company” по делу о выплате страхового возмещения после смерти мужа своей клиентки, застрахованного в России в 1903 г. на 25 лет. Американская фирма требовала то собственноручное заявление О.М. Верт, то фотокопию страхового полиса, то копию завещания, всеми возможными путями затягивая решение вопроса. Русский адвокат скрупулезно выполнял все выдвигавшиеся требования, но в результате из Америки в Париж было прислано письмо, в котором “с огромным сожалением” сообщалось, что полис русской эмигрантки “…не может быть принят к оплате”, без объяснения причин. Однако в этом же послании содержалась информация, косвенно дававшая объяснение такому отказу. В преамбуле письма говорилось, что американская компания в последнее время начала получать большое и даже очень большое количество – “large number” – подобных требований об оплате страховых полисов от бывших российских граждан, разбросанных по всему миру. Но что еще более интересно—требования предъявлялись и русскими клиентами,

проживавшими в тот период на территории Советской России.[592] Ясно осознавая, что ни эмигранты, ни граждане СССР не смогут в судебном порядке добиваться защиты своих прав, американцы решили не платить ни тем, ни другим.

Европейские компании поступали схожим образом. В 1924 – 1926 гг. русские юристы вели целый ряд аналогичных дел, как например, по иску А.А. Волкова к французской компании “Films abel ganse”;[593] Н.Ф. Кудрявцева к торговому дому “Метуль и К”[594] и т.п. Содержание дел было различно, но общая политика совпадала – русским беженцам заграницей было практически невозможно выиграть процесс у национальной компании в защиту своих имущественных прав.

Дела, подобные рассмотренным выше, возникали в середине 1920-х годов очень часто. Значительная их часть попадала для ведения к русским юристам. Причины этого вполне понятны. С одной стороны, как уже говорилось ранее, психологический контакт русских клиента и адвоката был достигаем намного легче, следовательно и степень взаимного доверия была выше. Кроме того, многим российским адвокатам в эмиграции удалось найти своих бывших клиентов, у которых они были поверенными еще в старой России, что позволило им продолжить заграницей начатые на родине дела. Иногда русские адвокаты становились для своих клиентов в эмиграции почти близкими людьми и воспринимались в качестве своего рода «защитников попранных прав». Этот факт объясняется общими для всей эмиграции психологическими закономерностями – разрыв родственных связей, расставание с родиной, потеря дома, имущества и гражданских прав иногда заставляли беженцев видеть в русских юристах больше, нежели просто адвокатов, выполнявших поручения за деньги. Оттенки именно таких

[592] ГА РФ. Ф. 6270. Оп. 1. Д. 152. Л. 63.
[593] ГА РФ. Ф. 6270. Оп. 1. Д. 154.
[594] ГА РФ. Ф. 6270. Оп. 1. Д. 170.

отношений прослеживаются например, в переписке М.С. Маргулиеса с упоминавшейся выше О.М. Верт[595] и некоторых других.

Законодательства европейских государств, запрещавшие русским адвокатам в эмиграции защищать интересы своих клиентов в суде и осуществлять нотариальные действия, создали условия для возникновения частных юридических фирм, основанных на профессиональном союзе русских и немецких адвокатов. Российские юристы способствовали притоку клиентуры из эмигрантской среды, в то время как немецкие адвокаты имели возможность осуществлять весь комплекс правовой защиты и юридического сопровождения клиента в судебных и государственных органах. В 20-х годах в Германии действовало несколько подобных совместных предприятий: юридическое бюро русского присяжного поверенного Г.Л. Бродского и немецкого адвоката Керстена[596]; бюро Я.Г. Перского и Мюллера[597] и ряд других.

Подводя итог в рассмотрении роли и значения профессиональных объединений русских адвокатов в Западной Европе в вопросе сохранения беженцами национально-культурной идентичности, необходимо сделать следующие выводы.

Во-первых, становится очевидным, что объединения русских юристов в эмиграции, как правило, не могли в полном масштабе выполнять декларируемые задачи – консолидировать деятельность в области защиты прав русских беженцев, вырабатывать единую линию поведения в политических вопросах, в частности, по вопросу допустимости сотрудничества с Советской Россией. Причины такого положения дел носили объективный характер: сами представители русской адвокатуры в эмиграции были бесправны и не могли в полном объеме заниматься

[595] ГА РФ. Ф. 6270. Оп. 1. Д. 170. Л. 12-17.
[596] Руль. Берлин. 10.04.21. № 120, с. 8.
[597] Там же. № 173. 1921. С. 4.

профессиональной практикой из-за противодействия национальных законодательств.

Во-вторых, несмотря на неблагоприятный правовой климат в странах пребывания, гуманитарная деятельность русских юристов имела вполне конкретные результаты. Им удалось привлечь и поддерживать внимание общественности западноевропейских государств, международных организаций, на правовых проблемах российской эмиграции.

Было еще одно важное следствие деятельности русской адвокатуры в эмиграции. Социальная адаптация российских беженцев в странах Западной Европы проходила с большим трудом. Языковой барьер, неопределенность правового положения, отсутствие средств к существованию и работы, незнание “правовой среды обитания” – все эти факторы делали русских людей в эмиграции крайне уязвимыми перед всевластьем и беззаконием чиновников стран пребывания. Поэтому просветительская работа русских юристов через средства массовой информации и консультационную деятельность имела неоценимое значение для социальной адаптации российского беженства.

Наконец, следует констатировать, что правозащитная гуманитарная деятельность профессиональных объединений российских юристов внесла ощутимый вклад в дело сохранения эмигрантами национально-культурной идентичности. В период полной неопределенности правового статуса, когда в общемировом общественном дискурсе в отношении беженцев из России стало использоваться определение «апатриды», или «лица без гражданства», создание русскими юристами действенных структур правовой помощи не только способствовало социальной адаптации, но и позволяло людям сохранять человеческое достоинство в условиях бесправия и социокультурного стресса.

§ 4.3. Союз инвалидов, офицерские корпоративные организации как институты сохранения национально-культурной идентичности российской эмиграции

Задача сохранения национально-культурной идентичности в эмигрантской среде нигде не была столь насущной, как в среде российских инвалидов Первой мировой и Гражданской войн. В силу своего физического состояния они являлись наименее обеспеченной и защищенной группой русских колоний. И если обеспечение физического ухода в той или иной степени удавалось обеспечить силами российских гуманитарных организаций, то создание условий для ощущения этими людьми своей востребованности и полноценности в условиях изгнания и постоянного социокультурного стресса являлось задачей крайне сложной.

Особенно драматично складывалась судьба российских инвалидов в Турции. Помимо общей нищеты и неустроенности начала 1920-х гг., русские беженцы на берегах Босфора стали объектом политики местных властей по «выдавливанию» эмиграции. Она стала следствием геополитических маневров западных государств, пытавшихся обезопасить проливы от возможных эксцессов со стороны остатков Русской армии с одной стороны, а с другой – вследствие влияния советских властей на Кемаля в стремлении обезопасить свои южные границы от попыток белого реванша. В конце августа 1922 г. Лига Наций в ультимативной форме предложила русским инвалидам переселиться из Константинополя и его окрестностей в Болгарию под угрозой лишения пайка и любой иной помощи для отказавшихся от всех иностранных гуманитарных организаций. Не имея выбора, 700 русских инвалидов с семьями переехали в Болгарию.[598] Переезд был плохо подготовлен; отсутствовали оборудованные для жизни помещения; под расселение нуждавшихся в постоянном уходе и медицинской помощи людей

[598] ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

отдавались старые солдатские казармы, требовавшие ремонта и оборудования. Генерал Николай Николаевич Баратов, один из создателей и председатель Зарубежного союза русских инвалидов, а позднее главный редактор газеты «Русский инвалид», в 1922 г. отмечал враждебное отношение к русским инвалидам в Болгарии со стороны властей и местного населения.[599]

Другой общественной организацией, оказавшей значительное влияние на призрение и адаптацию больных и увечных воинов в эмиграции, стал Союз русских военных инвалидов. О масштабах деятельности этой гуманитарной организации дает представление перечень местных отделений Союза в различных странах мира. Англия, председатель генерал князь Долгорукий; Бельгия, полковник Д.А. Абрамович; Германия, генерал-майор Н.И. Глобачев; Греция, полковник Левчук; Дания, генерал Потоцкий; Польша, полковник Матвеев; Сербия, генерал-лейтенант князь Вадбольский; Турция, генерал Солунский; Франция, генерал Чекотовский; Эстония, полковник Алексеев; Чехословакия, генерал Михеев; Шанхай, поручик Шат; Сиэтл, генерал Ельшин; Бейрут, шт.капитан Бакуревич.[600]

Устав Союза так определял его цели и принципы деятельности:

Союз образуется в целях поддержания среди своих членов воинского и рыцарского духа, основ воинской дисциплины и этики. Предоставления инвалидам и их семьям бесплатного или льготного лечения. Заботы и попечения о вдовах и сиротах инвалидов (членов Союза) и о воспитании и обучении детей инвалидов. Представительства и защиты интересов инвалидов перед правительствами, общественными организациями и иностранными учреждениями.[601]

Порядок приема в Союз определялся уставом следующим образом. Кандидаты должны были подать заявление на имя председателя Союза или

---

[599] ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 22. Л. 19.
[600] ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 57. Л. 20.
[601] ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.

местного правления с приложением врачебного свидетельства об инвалидности, рекомендации двух членов Союза, опросного листа, засвидетельствованного двумя действительными членами Союза, двух фотокарточек и вступительного взноса в размере 25 турецких пиастров в любой валюте.[602] Правом на вступление в Зарубежный союз русских военных инвалидов обладали лишь получившие инвалидность на войне, во время боя, вследствие ранения, контузии или отравления газами. Также принимались потерявшие трудоспособность по причине военно-походной службы. Причину возникновения инвалидности призвана была установить медицинская комиссия, при этом правом на получение помощи от Союза могли пользоваться лишь те бывшие военнослужащие, чья трудоспособность вследствие ранения падала более чем на 50%.[603]

Все пункты этих требований были вполне объяснимы, и выполнение их не представляло труда, за исключением одного: наличие двух рекомендаций от членов Союза. По какой причине в устав был введен этот пункт, представить сложно. И еще сложнее понять, каким образом, например, семья обездвиженного инвалида, заброшенная в Сербию или Тунис, могла бы раздобыть требуемые рекомендации.

Принципы деятельности инвалидных домов и приютов, в которых находили призрение русские инвалиды, наглядно демонстрируют правила Приюта для русских военных инвалидов в г. Бари, организованный А.К. Букналл при русском православном подворье православного Палестинского общества в Италии. Каждый инвалид получал кровать с постельным бельем и стол. «Пока не выберет себе по душе какое-нибудь занятие», дополнительно инвалиду выдавалось на руки 50 лир в месяц. Однако такая благотворительность длилась недолго: по прошествии некоторого времени на адаптацию, каждому постояльцу приюта вменялось в обязанность приняться за работу. Администрация приобретала за свой счет необходимые

[602]ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.
[603] ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 45. Л. 117.

инструменты и материалы. За готовую работу инвалид получал плату за вычетом 20% на погашение долга за материал. Конечной целью реабилитации являлся переход инвалида на независимое и самостоятельное существование. При инвалидном приюте планировалось даже открытие мастерских, которые должны были бы полностью покрывать все его расходы.[604]

О жизни русских инвалидов писал «Русский инвалид» в 1924 г., условно разделяя их на три категории. Первая – холостые инвалиды в инвалидных домах и приютах. Туда попадали потерявшие 60% трудоспособности люди. Они имели крышу над головой и скудное питание. Но средств, выделявшихся приютившими их правительствами и собранными в различных странах беженского рассеянья, не хватало на достойное содержание. Так, в Ново-Загородском инвалидном общежитии на 250 мест в Болгарии 90% постояльцев были больны малярией. Все заболевшие стояли в очереди за порошком хины, выдававшимся один раз в месяц. На баню ежемесячно выдавалось 6 лев; этих денег не хватало даже на мыло. Изредка бывавшие в приюте комиссии российских гуманитарных организаций отмечали нехватку лекарств и жиров в рационе питания инвалидов.[605]

Вторую группу русских инвалидов составляли бывшие военнослужащие, получившие тяжкие увечья, но не устроенные в инвалидные дома по причине их семейного положения. Считалось, что они имели уход и попечение, и по этой причине не нуждаются в специально организованном приюте. Так, на содержание холостых тяжелых инвалидов в болгарских приютах выделялось 400 лев. Семейному тяжелому инвалиду полагалось в Болгарии лишь 150 лев, выделявшихся ему в качестве продовольственного пайка, который он должен был съедать сам – поделиться с родными он права не имел. В результате подобной политики, проводившейся правительственными и международными гуманитарными организациями в отношении русских инвалидов, они сами и их семьи были

[604]ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 34. Л. 59.
[605] ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 22. Л. 13.

обречены на нищенское существование на грани голодной смерти. Дети собирали милостыню; семьи с тяжелобольными, часто обездвиженными, инвалидами жили в неприспособленных помещениях, разделенных одеялами на несколько «комнат» с такими же обездоленными.

Наконец, третью группу составляли инвалиды, с частичной потерей трудоспособности и не получавшие пайка вообще. Эта группа являлась самой бесправной. Люди не могли зарегистрироваться на бирже труда из-за инвалидности. Если же им удавалось найти временную работу, то они подвергались немилосердной эксплуатации, что в скором времени приводило к полной потере трудоспособности от непосильного труда.[606]

Не всегда членам Союза удавалось выполнять и первое требование устава о воинском и рыцарском духе, воинской дисциплине и этике. Призрение инвалидов, или, скорее, наличие определенных материальных ресурсов, вращавшихся в этой сфере, притягивали к ней и нечистых на руку деятелей. Русскую общественность нередко сотрясали скандалы, связанные с деятельностью тех или иных групп или персон, в обязанности которых входила забота об увечных воинах. Так, Союз русских инвалидов в Константинополе в 1921 г. принял постановление о придании всех членов правления суду. 25 мая 1921 г. новое правление возглавил генерал Н.Н. Баратов, один из создателей Союза русских военных инвалидов.[607]

Одной из весомых статей дохода Союза инвалидов и его местных отделений являлись благотворительные лотереи. Суть этих мероприятий сводилась к следующему. В типографии печатались лотерейные билеты, продававшиеся затем всем желающим. Собранная сумма делилась на три основные части: одна шла на возмещение расходов и призы, вторая – в доход организаторов, третья – собственно на помощь инвалидам.[608]

---

[606] ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 22. Л. 14.
[607] ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 22. Л. 30.
[608] Архивы русской эмиграции в Париже. Набрано и опубликовано М. Блиновым. Сайт «Русский Париж». http://paris1814.com/invalides-russes/inv1938

Особой формой организации гуманитарной помощи российским инвалидам в эмиграции стало проведение в различных странах беженского рассеянья Дня русского инвалида. Эта благотворительная миссия имела целью сбор средств на неотложные нужды и привлечение внимания к действительно бедственному положению этой наименее защищенной части эмигрантского сообщества. Впервые эта акция состоялась в Праге 22 мая 1926 г. и была приурочена ко Дню св. Николая Чудотворца. В Польше аналогичное мероприятие состоялось в 1928 г. и имело своей целью привлечение средств на приобретение польским отделением Союза русских инвалидов помещения для организации общежитий и трудовых артелей, где военные инвалиды не только могли бы получить работу, но и обеспечивать насущные потребности колонии в предметах первой необходимости и бытовых услугах. Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что каждый год по окончании срока аренды Союз подвергался угрозе выселения из-за жадности владельца помещений, ежегодно поднимавшего арендную плату. Учитывая жилищный кризис в Польше в середине 1920-х гг., потеря помещений могла стать для Союза непреодолимой проблемой.

Культурная программа Дней русского инвалида была разнообразной: «Зачитывались доклады на военные темы или сообщения о положении инвалидов или благотворительных организаций за рубежом, средства за входные билеты шли в пользу инвалидов. Проводились различные концерты, в том числе и «летучие» (артисты переходили из одного места в другое для исполнения своей концертной программы), в ресторанах и других местах со сборами в пользу Союза. Кроме того, организовывались театральные представления или кинематографические показы с отчислением определенного процента от доходов в пользу инвалидов. Большой популярностью пользовались и благотворительные балы, совмещенные с концертами. Проводились различные спортивные состязания со сборами в пользу инвалидов. Распространялась однодневная газета «Русский инвалид». Обнародовались различные призывы (посредством периодической печати) к

русским и иностранным организациям с просьбой организовать сборы в пользу инвалидов».[609]

Скудость средств, трудности при подаче заявления на вхождение в Союз русских военных инвалидов, распыленность эмигрантских колоний и порой полная беспомощность больных людей неизбежно приводили не только к межличностным конфликтам, но и к попыткам обеспечить благоприятные или особые условия людям, не только имевшим право на помощь и призрение, но еще и обогащенным полезными связями и знакомствами.

Сохранилось письмо председателя Русского общевоинского союза (РОВС) генерала А.П. Кутепова в адрес председателя Зарубежного союза русских военных инвалидов в Королевстве СХС генерал-лейтенанта Н.П. Вадбольского. Письмо было отправлено из Парижа в Белград 15 января 1929 г. (публикуется впервые). Речь в письме идет о помощи разбитому параличем генералу П.П. Непенину:

«Дорогой Николай Петрович. Генерал Бредов пишет мне, что он обратился к тебе с ходатайством относительно генерала Непенина. Он подробно пишет тебе о положении последнего и просит тебя его устроить. От всей души присоединяюсь к просьбе генерала Бредова и надеюсь, что тебе удастся помочь Непенину, этому достойному всякого уважения генералу. Твой А.П. Кутепов».[610]

Столь высокое покровительство не могло остаться без реакции, и письмо руководства ЗСРВИ в Белграде в адрес местных отделений Союза дает нам возможность оценить принципы деятельности этой гуманитарной общественной организации по призрению увечных воинов:

«Генерал А.П. Кутепов и генерал Н.Е. Бредов обратились в Главное управление с просьбой об оказании помощи разбитому параличем генералу

---

[609] *Микуленок А.А.* День русского инвалида в Польше в 1920-1930-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2018. №1. С. 128.
[610] ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 45. Л. 21.

П.П. Непенину. Генерал Непенин аттестован ими как отличный генерал, герой войны и человек высокого долга, отдавший на служение Родине и самого себя, и своего сына, убитого в Гражданскую войну под Царицыном. С болезнью генерала Непенина, единственного кормильца семьи, положение ея стало невыносимым. Из присланных свидетельских показаний и удостоверения Панчевского госпиталя видно, что генерал Непенин был ранен в Великую войну и по нашему уставу имеет право на зачисление в Союз инвалидов. Поскольку этого не было сделано раньше, Главное управление просит выяснить положение генерала Непенина и принять меры к изысканию способов оказания ему помощи, не ожидая от него подачи заявления».[611]

Как следует из письма, Главное правление ЗСРВИ не оказывало самостоятельно помощь нуждающимся инвалидам – это являлось функцией местных союзов, и занимались они только собственными членами. В задачи Главного правления входил сбор и распределение средств, проведение благотворительных акций, поиск жертвователей и попечителей. Такой алгоритм помощи часто вызывал непонимание и недовольство инвалидов, не обладавших высокими званиями или покровительством. Получение ими помощи от местных союзов было связано с многочисленными проволочками, мытарствами, необходимостью доказывать свое бедственное положение и происхождение полученных увечий и болезней. С другой стороны, российские гуманитарные организации в середине 1920-х гг. столкнулись с острым дефицитом ресурсов из-за истощения вывезенных из России «казенных средств» и сокращением помощи иностранных правительств. По этим причинам союзы инвалидов были вынуждены отказывать в помощи людям, имевшим хотя бы какую-нибудь возможность для трудоустройства и работы, оказывая поддержку лишь абсолютно нетрудоспособным инвалидам.

С другой стороны, система распределения этих ограниченных ресурсов порождала неизбежные злоупотребления. Маргинализация людей, в силу жизненных обстоятельств оказавшихся нетрудоспособными и

[611] ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 45. Л. 22.

обездоленными, проходила ускоренными темпами. Конфликты в их среде были частым явлением. Потеряв в качестве дисциплинирующего фактора воинскую службу и оказавшись в условиях инвалидного дома, многие из них опускались на дно социальной и духовной жизни. Взаимные оскорбления, доносы, интриги, скандалы становились в среде инвалидов обыденностью. Сохранился документ, появившийся в июле 1926 г. под грифом «секретно», автором которого стал генерал Сулейман-Улановский. В этом докладе последнего начальника Николаевского кавалерийского училища шла речь не об образовании молодых офицеров и не о военной стратегии и тактике, как можно было бы предполагать. Доклад доблестного генерала был посвящен санитару Барийского инвалидного приюта капитану Маркевичу. Генерал Сулейман-Улановский писал:

«Наблюдая ежедневно жизнь русских инвалидов в Барийском инвалидном приюте, могу дать о некоторых из них нижеследующие характеристики. Именующий себя капитаном В.И. Маркевич именем русского на чужбине не дорожит; своим поведением и поступками постоянно его дискредитирует. Постоянно пьянствует. Скандалит, причем скандалы устраивает преднамеренно. Дерзит и вызывающе обращается к старшим по чину. К своим обязанностям санитара относится крайне недобросовестно, предпочитает ничего не делать и жить за счет инвалидов. С полным основанием следует признать в нем продукт современного большевизма...»[612]

Этот документ дает обильную пищу для размышлений. Судя по тексту, генерал Сулейман-Улановский сам оказался постояльцем инвалидного приюта. Распад социальных связей, деградация воинской дисциплины, на которую по привычке рассчитывает генерал в среде отставных военных, слабый контроль за медицинским персоналом, обездоленные люди, предоставленные заботам неквалифицированного персонала – вот те проблемы, с которыми сталкивались русские инвалиды. Эти проблемы отнюдь не являлись отличительной чертой сообщества инвалидов – те же

[612] ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 45. Л. 117.

самые социальные проблемы были характерны для всей российской эмиграции. Однако в среде инвалидов они отличались особенной остротой и прогрессировали значительно быстрее.

Инвалиды в эмиграции часто обращались за помощью в перевозке своих семей из Советской России за границу. Помимо стремления к воссоединению с оставшейся в России семьей, побудительным мотивом таких прошений часто являлась физическая невозможность искалеченных людей существовать без должного ухода и помощи. Приезд семьи для многих становился в этом смысле единственной надеждой обрести уход и заботу от родных людей. Оставшиеся на Родине семьи русских инвалидов также стремились выехать за границу: помимо желания воссоединиться с искалеченными войнами мужьями, отцами и братьями, переезд позволял надеяться на улучшение бытовых условий, получение образования детьми, значительное повышение жизненного уровня. Так, сохранилась переписка слепого на оба глаза инвалида поручика Ведищева, проживавшего в 1928 г. в Зелуне, с его семьей в России и Главным правлением ЗСРВИ в Белграде. Инвалид просил помочь ему перевести жену и сына. Союз переадресовал эту просьбу в Российское общество Красного Креста в расчете на тесные контакты последнего с Международным комитетом Красного Креста.[613]

Судьба русских инвалидов оказалась тесно связана с процессами, происходившими в среде российской эмиграции и вокруг нее. Нерешенность правовых вопросов, нежелание местных правительств нести финансовое бремя по содержанию беспомощных граждан несуществующего более государства, послевоенная разруха и бедность пострадавших от мировой войны государств, деструктивные процессы в среде эмигрантского сообщества – все эти факторы усугубляли и без того бедственное положение русских инвалидов в изгнании. Вместе с тем, способность российской эмиграции к самоорганизации, деятельность гуманитарных организаций, восстановивших свои организационные структуры на чужбине, благотворительность частных лиц и

[613] ГА РФ. Ф. 5813. Оп. 1. Д. 45. Л. 77.

бизнеса, направлявших значительные средства на помощь инвалидам, помогли обеспечить минимальный уровень призрения. Российская гуманитарная традиция попечения о раненых воинах, прошедшая испытания Первой мировой и Гражданской войн, продолжилась в эмиграции. Именно самоорганизация соотечественников, разбросанных по всему миру, сыграла ключевую роль в деле призрения русских инвалидов, позволив им выжить в тяжелейших условиях беженского рассеянья. Без этого ключевого фактора их участь в 1920-х гг. была бы самой плачевной.[614]

Создаваемые Земгором детские сады, приюты, гимназии, школы не только имели тесные связи с российским военным зарубежьем по причине социального состава российской эмиграции, значительную часть которой составляли военнослужащие, но и становились инструментом социальной адаптации для членов их семей. Педагогический персонал этих учреждений состоял из жен и матерей русских военнослужащих, для которых найти работу в странах расселения в 1920-х гг. было практически невозможно. В этом смысле российская гуманитарная деятельность в образовательной сфере вновь - как и в период Гражданской войны - приобретала функцию сбережения национальной интеллектуальной элиты, наименее способной адаптироваться в условиях изгнания. Многие учебные заведения патронировались военно-политическими лидерами зарубежья: А.И. Деникиным, П.Н. Врангелем, А.П. Кутеповым, часто посещавшими кадетские корпуса и гимназии.[615]

Этот патронаж налагал свой отпечаток на образовательные программы учебных заведений: преподаванию военной истории России, воспитанию детей в духе патриотизма и гражданского долга уделялось особое значение.

Идейное воспитание молодежи, моральная и физическая реабилитация, общеобразовательные и профессиональные дисциплины призваны были не

---

[614] ГА РФ. Ф. 6021. Оп. 1. Д. 5. Л. 21 об.

[615] *Ершов В.Ф.* Быт и социальная адаптация российских военных беженцев в Восточной и Центральной Европе в 1920–30-е годы // Россия: идеи и люди. Сб. научных трудов МГУС. Вып. 3. М., 1998.

только облегчить молодому поколению эмигрантов социальную адаптацию в чуждом обществе, но и сохранить их национально-культурную идентичность, то есть воспрепятствовать ускоренной денационализации и ассимиляции.

Разумеется, все преподавание в детских военизированных учебных заведениях было в значительной степени идеологизировано: его антибольшевистский и антисоветский характер не скрывался: «В рамках деятельности военно-спортивных организаций действовали лектории и клубы, на занятиях в которых эмигрантская молодежь слушала лекции и доклады по различным проблемам отечественной истории, о положении в СССР, международной обстановке и т. п., в которых пропагандировались идеи героики белого движения и военно-политического реванша».[616]

Дети российских эмигрантов, закончившие обучение в кадетских корпусах, для продолжения своего образования часто выбирали высшие учебные заведения военной направленности, как, например, Высшие военно-научные курсы генерала Н.Н. Головин или другие офицерские школы, созданные усилиями российского военного зарубежья.[617]

Русский Обще-Воинский союз и входившие в его состав офицерские сообщества также вносили свою гуманитарную лепту в дело воспитания и образования эмигрантской молодежи. С их помощью организовывались рождественские и пасхальные праздники, создавались спортивные секции. Так, осенью 1925 г. парижский Союз галлиполийцев принял участие в открытии Детского клуба.[618]

Весомым образовательным и воспитательным фактором стала гуманитарная деятельность по музеефикации истории и культуры российского

---

[616] *Сотников С.А.* Опыт российской военной эмиграции в сфере учебной воспитательной работы с молодежью // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2013. №4. 2013. С. 110.

[617] *Ершов В.Ф.* Быт и социальная адаптация российских военных беженцев в Восточной и Центральной Европе в 1920–30-е годы // Россия: идеи и люди. Сб. научных трудов МГУС. Вып. 3. М., 1998.

[618] *Сотников С.А.* Указ. Соч. С. 112.

зарубежья; издательская и просветительская деятельность воинских союзов. Так, например, были созданы «Музей русской конницы и Военная библиотека в Белграде, Архив-музей Общества галлиполийцев и Музей Лейб-атаманского казачьего полка в Париже, музей Кубанского казачьего войска в Нью-Джерси, музей общества «Родина» в Лейквуде (США). Военно-мемориальные комплексы боевых знамен и полковых икон существовали в русских православных храмах за рубежом».[619]

Воспитание русской эмигрантской молодежи в духе патриотизма, в традициях российской военной истории, на определенном этапе стало одним из ключевых направлений гуманитарной деятельности российских военных объединений и организаций. Решению этой задачи способствовала активная издательская деятельность. Журналы «Часовой», «Морской журнал», «Морской сборник», целый ряд других периодических изданий, способствовали сохранению русской молодежью национально-культурной идентичности, воспитывая интерес к российской истории и ставя во главу угла своей деятельности мысль о том, что эмиграция – явление временное, и каждый молодой человек должен быть готов к работе на благо покинутой Родины. В поздравлении редакции журнала «Часовой» с юбилеем, директор Русского кадетского корпуса в Югославии А. Попов отмечал: «Отдавая должное Вашей многотрудной и идейной работе, я вместе с тем свидетельствую, что Ваш журнал является чрезвычайно полезным в деле патриотического воспитания нашей молодежи на чужбине. Как директор кадетского корпуса, являющегося ныне единственным в мире наследником и хранителем традиций славных российских корпусов, я глубоко благодарен Вам за ту помощь, которую Ваш журнал неизменно оказывал мне и моим сотрудникам в нелегкой работе по подготовке нашей молодой смены».[620]

С.А. Сотников в своей статье «Опыт российской военной эмиграции в сфере учебной воспитательной работы с молодежью» совершенно справедливо

---

[619] *Сотников С.А.* Указ. Соч. С. 111.
[620] Цит. по: *Сотников С.А.* Указ. соч. С. 111.

утверждал, что «учебно-воспитательная работа с детьми и молодежью являлась в 1920 – 1930-е годы одним из центральных компонентов общественной деятельности российской военной эмиграции. Ее стратегической целью было поддержание и воссоздание в условиях изгнания военно-корпоративной культуры и передача молодым поколениям эмигрантов идеологии и военно-политических доктрин, носителями которых являлось российское военное зарубежье. В то же время создание за рубежом кадетских корпусов, военных училищ и курсов объективно сыграло важную социальную роль, обеспечив адаптацию детей и молодежи, в том числе сирот, в иностранном обществе, при сохранении большинством из них культурно-языковой идентичности. Педагогическая деятельность российской военной эмиграции, осуществлявшаяся в рамках культурно-просветительных, военно-спортивных и благотворительных организаций, охватывала широкие круги эмигрантской молодежи в различных странах мира и способствовала сохранению авторитета воинских обществ и союзов в социуме российского зарубежья. Важной частью педагогического опыта российской военной эмиграции явилось вовлечение молодежи в историко-культурную работу в музейной, военно-мемориальной и литературно-издательской сфере. Педагогическая активность военной эмиграции может рассматриваться как существенный компонент исторического наследия российского зарубежья в целом и как поле для развития общественно-культурного диалога с миром дальнего зарубежья».[621]

Подводя итог в изучении деятельности офицерских корпоративных организаций в деле сохранения национально-культурной идентичности российской эмиграции, необходимо сделать следующие выводы.

Во-первых, становится очевидным, что социальная система европейских государств в послевоенный период не была готова к массовому

---

[621] *Сотников С.А.* Опыт российской военной эмиграции в сфере учебной воспитательной работы с молодежью // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2013. №4. 2013. С. 112.

притоку беженцев, многие из которых страдали последствиями военных травм, увечий и болезней. Русские инвалиды двух войн и их семьи стали наименее защищенной и обеспеченной частью российского эмигрантского сообщества. В этих обстоятельствах гуманитарная деятельность российских общественных и частных организаций и объединений сыграла едва ли не главную роль в призрении и реабилитации этих людей. К проблеме русских инвалидов в изгнании было приковано внимание эмигрантской прессы, общественных деятелей и деятелей культуры. Призрение и забота о русских воинах-инвалидах стала на определенном промежутке времени частью национально-культурной идентичности русских колоний: без призывов помочь инвалидам и детям не обходилось практически ни одно значительное мероприятие эмиграции.

Во-вторых, не менее значимой в деле сохранения национально-культурной идентичности была образовательная и воспитательная деятельность русских военных союзов и офицерских объединений. Воспитание эмигрантских детей и молодежи в духе уважения и почитания покинутой Родины красной нитью проходило через работу кадетских и иных образовательных учреждений, создававшихся при участии русских офицерских объединений. Изучение истории России, русского языка и литературы, воспитание молодежи в духе русских воинских традиций, издание патриотической литературы, мемориализация русской военной истории – все эти меры внесли значимый вклад в дело сохранения молодыми эмигрантами национально-культурной идентичности, препятствовало их денационализации и маргинализации.

Подводя обобщающий итог к главе 4, необходимо отметить следующее.

Созданная в кратчайшие сроки российская гуманитарная инфраструктура позволила в значительной мере облегчить первичный этап социокультурной адаптации беженцев в странах расселения. Оказание правовой помощи на родном языке, русскоговорящие врачи и медицинский

персонал, дошкольные и общеобразовательные учреждения, просветительские и благотворительные мероприятия, профессиональная переподготовка и помощь в трудоустройстве оказали системное влияние на их мироощущение и идентичность. В изгнании они продолжали ощущать себя частью единой национальной общности, объединенной языком, культурой, историей, взаимопомощью. Гуманитарная инфраструктура, нацеленная на оказание помощи соотечественникам, тормозила и оборачивала вспять процесс денационализации, обеспечивая эмигрантскому сообществу возможности для сохранения собственной идентичности. На определенном историческом промежутке огромная масса рассеянных по всему миру людей продолжала ощущать себя часть единого национального и гражданского организма. Особенно заметен это эффект оказался в отношении русских детей в эмиграции: инфраструктура образования, призрения и воспитания оказала неоспоримое стабилизирующее воздействие, длительное время ограждая молодое поколение эмигрантов от денационализации.

Социальная адаптация российских беженцев в странах Западной Европы проходила с большим трудом. Языковой барьер, неопределенность правового положения, отсутствие средств к существованию и работы, незнание «правовой среды обитания» – все эти факторы делали русских людей в эмиграции крайне уязвимыми перед всевластьем и беззаконием чиновников стран пребывания. Поэтому просветительская работа русских юристов через средства массовой информации и консультационную деятельность имела неоценимое значение для социальной адаптации российского беженства, что внесло ощутимый вклад в дело сохранения эмигрантами национально-культурной идентичности.

К проблеме русских инвалидов в изгнании было приковано внимание эмигрантской прессы, общественных деятелей и деятелей культуры. Призрение и забота о русских воинах-инвалидах стала на определенном промежутке времени частью национально-культурной идентичности русских

колоний: без призывов помочь инвалидам и детям не обходилось практически ни одно значительное мероприятие эмиграции.

Не менее значимой в деле сохранения национально-культурной идентичности была образовательная и воспитательная деятельность русских военных союзов и офицерских объединений. Воспитание эмигрантских детей и молодежи в духе уважения и почитания покинутой Родины красной нитью проходило через работу кадетских и иных образовательных учреждений, создававшихся при участии русских офицерских объединений. Изучение истории России, русского языка и литературы, воспитание молодежи в духе русских воинских традиций, издание патриотической литературы, мемориализация русской военной истории – все эти меры внесли значимый вклад в дело сохранения молодыми эмигрантами национально-культурной идентичности, препятствовало их денационализации и маргинализации.

Глава 5. Отечественные традиции и практика гуманитарной деятельности в контексте социально-культурной адаптации российских эмигрантов за рубежом в 1920 – 1930-е гг.

§ 5.1. Российская гуманитарная деятельность и военнопленные Первой мировой войны. 1917-1921 гг.

Огромное количество русских солдат, оказавшихся в плену в ходе Первой мировой войны и томившихся в лагерях военнопленных во многих странах Европы, стали и для советской власти, и для русского эмигрантского сообщества на определенном этапе общей проблемой. Для большевистских властей эта масса абсолютно различных по своим политическим убеждениям людей представлялась значительной опасностью; их возвращение в Россию влекло за собой подпитку гражданской войны опытными профессиональными кадрами.[622]

С другой стороны, «большевизация» огромной массы военнопленных вызывала опасения европейских правительств, справедливо допускавших влияние идей русской революции на собственных граждан. В этой ситуации борьба за национально-культурную идентичность русских военнопленных

[622] В документах Челябинского Увоенкома за 1921 г. сохранилось следующее донесение: [Пробывшие несколько лет за границей военнопленные, присмотревшиеся к условиям европейской жизни после неприглядных условий российской действительности, несомненно, убедились в высокой культурности и в большей производительности труда европейского рабочего, в превосходстве техники, европейской промышленности и европейского земледелия. Видимость свобод, характеризующая весь уклад буржуазного строя, при сопоставлении с суровым режимом пролетарской диктатуры, может создать нежелательные последствия в настроении военнопленных. Картина разрухи промышленной и продовольственной в сравнении с картиной относительного довольства жизни за границей из-за налаженного административного аппарата – второй факт, могущий вызвать нежелательное настроение]. Цит. по: *Нагорная О.С.* «Эвакуация в том виде, в котором она существует, губительна для военнопленных и опасна для государства»: Советская практика репатриации русских военнопленных первой мировой войны // Вестник ЧелГУ. 2008. №15. С. 36.

стала частью идейной и политической борьбы многих сил. От ответа на вопрос об идентичности военнопленных зависело пополнение противников антибольшевистского движения как в самой России, так и за ее пределами. Идентичность огромной массы бывших военнопленных в Европе во многом определяла будущее всей российской эмиграции.

Доказательств активной антибольшевистской пропагандистской «обработки» военнопленных существует в избытке. Так, в октябре 1920 г. председатель Общества народного издательства для русских военнопленных имени А.И. Герцена Н.А. Герцен[623] в письме особоуполномоченному Российского общества Красного Креста в Берлине Н.А. Касьянову писал:

«В Германии сейчас, по нашим сведениям, находится свыше восьмидесяти тысяч красноармейцев, интернированных во время последнего русско-польского наступления. Они размещаются теперь по лагерям, и мы начинаем получать от них просьбы об интеллектуальной помощи. Насколько важна культурная работа среди этих тёмных масс и систематическая пропаганда, Вы сами прекрасно понимаете».[624]

И далее следовала просьба к представительству РОКК о выделении денег. Сейчас трудно достоверно судить о том, насколько «тёмные массы» красноармейцев в лагерях были осведомлены о существовании Общества народного издательства в Лозанне и откуда они достали адрес для отправки прошений об «интеллектуальной помощи». Однако из текста письма совершенно очевидно, что российские гуманитарные организации в эмиграции четко отдавали себе отчет о той идеологической и политической борьбе, в которую они оказались вовлечены в процессе своей деятельности.

Не заниматься проблемой военнопленных большевистское руководство не могло и по другой причине: это означало бы, что новая власть в России забыла о своих солдатах, бросив их на произвол судьбы. Это могло

---

[623] Предположительно, внук А.И. Герцена.
[624] ГА РФ. Ф. 6221. Оп. 1. Д. 10. Л. 37-38.

отрицательно сказаться на попытках большевистского правительства налаживать внешнеполитические контакты.

С другой стороны, советское руководство понимало тот огромный пропагандистский потенциал, которым обладают массы людей, изведавших тяготы войны и испытывающих острую ненависть к тем правительствам, которые их этим испытаниям и лишениям подвергли. Поэтому уже в 1918 году В.И. Ленин в своем выступлении на заседании ЦК РСДРП(б) обращал внимание, что «заключая мир, мы можем сразу обменяться военнопленными и этим самым мы в Германию перебросим громадную массу людей, видевших нашу революцию на практике, обученные ею, они смогут работать над пробуждением ее в Германии».[625] Та же мысль прозвучала и в 1919 году на VIII съезде РКП(б): «Сотни тысяч военнопленных из армий, которые империалисты строили исключительно в своих целях, передвинутые в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что бациллы большевизма захватили эти страны целиком».[626]

Однако справедливо оценив потенциал иностранных военнопленных в России для его использования в пропагандистских целях за границей, большевистское руководство не могло не понимать, что аналогичным потенциалом будут обладать и русские военнопленные, возвращающиеся в Россию из западных лагерей, условия в которых были поистине ужасающими. С целью не допустить в Советскую Россию «нежелательные элементы» из числа военнопленных, критически или враждебно относящихся к большевистскому порядку, советскими властями была организована многоступенчатая система идеологической и политической фильтрации. Сведения о «неблагонадежных» военнопленных в 1919-1920 гг. начинали собираться уже в германских лагерях. Фильтрации подвергались и железнодорожные эшелоны на территории России: выявленные противники советской власти – реальные или мнимые – подлежали незамедлительному

---

[625] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: изд. 4. Л., 1949. Т. 26. С. 461.
[626] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: изд. 4. Л., 1949. Т. 29. С. 141.

аресту или даже расстрелу.[627] А таких противников по мере продвижения вглубь страны становилось все больше: настрадавшиеся в плену пленные русские солдаты и офицеры надеялись, что родина встретит их с почестями, предоставив возможность отдохнуть и набраться сил. Вместо этого их ожидали фильтрационные пункты, грязь, голод, смертельные болезни и разруха. Острое разочарование и уныние распространялись в среде репатриантов быстрее инфекционных заболеваний; многие бывшие военнопленные пытались обратно перейти границу и пополняли уже формировавшуюся в тот момент российскую эмиграцию.

Общее количество военнопленных со стороны Антанты и Четверного союза за период Первой мировой достигло, по разным оценкам, восьми миллионов человек; из них число русских военнопленных превысило 3,5 миллиона. На разных этапах военных действий потери военнопленными могли составлять до 40% общих военных потерь враждующих сторон. За время пребывания в плену безвозвратные потери воюющих держав значительно возрастали: смертность в концентрационных лагерях во всех странах была чрезвычайно велика.[628] К 1917-1918 гг. ситуация не изменилась в лучшую сторону.[629]

---

[627] *Нагорная О.С.* «Эвакуация в том виде, в котором она существует, губительна для военнопленных и опасна для государства»: Советская практика репатриации русских военнопленных первой мировой войны // Вестник ЧелГУ. 2008. №15. С. 27.

[628] [Пленных везли в предназначенных для перевозки скота вагонах, грязных, вонючих, пол которых был покрыт густым слоем навоза. В такой вагон нормально помещали от 80 до 90 пленных. Переполнение вагона вызывало такую тесноту, что сесть или лечь не было никакой возможности. Пленные в течение всего пути вынуждены были стоять, поддерживая друг друга. Перед отправлением поезда, вагон наглухо запирался, и естественную надобность пленные отправляли тут же в вагоне, пользуясь для этого фуражками, которые затем выбрасывались через маленькое оконце, служившее вместе с тем и единственной вентиляцией. Воздух в вагоне, по единогласному показанию всех вернувшихся на родину пленных, был ужасен. Люди задыхались, впадали в обморочное состояние, многие умирали. Голод был постоянным спутником пленных: кружка скверного кофе из ячменных зерен и небольшой кусок хлеба в течение двух-трех суток – вот все, чем должны были довольствоваться пленные]. РГВИА. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1429.Л. 37.

[629] [Положение русских солдат в германских лагерях нисколько не улучшается. Их по-прежнему кормят плохо, а работать заставляют не по силам, ввиду чего, например, в лагере Хойберге и Шнейдемюлле, ежедневно умирает по 50 человек… Обращение с

Негуманное обращение с военнопленными противоречило не только международным обязательствам Германии, но и её собственным нормативным актам. В этом смысле особый интерес представляют собой нормы германского права, еще до созыва Гаагской конференции воспринявшего принципы французского революционного законодательства по вопросу о военнопленных. Германский генеральный штаб в 1902 году выпустил в свет книгу «Kriegsbrauch im Landkriege» («Военные обычаи в войне на суше»), в которой кодифицировались относящиеся к войне нормы и традиции.[630]

Правовое положение военнопленных впервые получило законодательное определение в эпоху Великой французской революции. Декрет Национального Собрания 1792 г. и решение Конвента 1793 года, опиравшиеся на принципы декларации прав человека и гражданина, впервые зафиксировали основные положения о статусе военнопленного, которые впоследствии подверглись рецепции всеми международными конвенциями и национальными актами о военнопленных.[631] Всякое насилие по отношению к

пленными самое жестокое, даже русских офицеров принуждают чистить клозеты. Пленных бьют палками, прикладами, воловьими жилами, садят под арест, оставляют без пищи, подвешивают к столбам, травят собаками и даже убивают]. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 7954. Л. 50-51.

[630] [Государство считает военнопленных лицами, которые просто исполнили свой долг и повиновались приказаниям свыше, а потому в их пленении видит гарантию безопасности, а на наказание. Исключительной целью военного плена является воспрепятствование дальнейшему участию пленных в войне. Государство может делать все, что окажется необходимым для удержания за собой пленных, но ничего более. Военнопленные должны быть совершенно обеспечены от жестокости и унизительного обращения. Они теряют свою свободу, но не теряют прав. Другими словами, военный плен – не акт милосердия со стороны победителя – это право обезоруженного. Обращение с военнопленными должно быть такое же, как и с собственными военнослужащими, не хуже, но и не лучше]. Цит. по: *Жданов Н.М.* Русские военнопленные в мировой войне 1914-1918 гг. Ч. I, II и III. М., 1920. С. 27.

[631] В соответствии с декретом от 4 мая 1792 г. [военнопленные были объявлены состоящими под покровительством французской нации и под особой защитой закона]. Восемьдесят лет спустя эти основополагающие начала французского законодательства о военнопленных были перенесены в область международного права и воспроизведены в статьях Брюссельской декларации, принятой по итогам Брюссельской конференции 1874 года – международной конференции по кодификации законов и обычаев войны, проходившей в 1874 году в Бельгии. Позднее эти положения почти полностью были перенесены в Гаагскую конвенцию 1907 года, ратифицированную всеми великими

пленным воспрещалось под страхом наказания на основании французских законов. Питание пленных должно было соответствовать обычному пищевому довольствию французских войск и финансироваться из сумм военного фонда. «Военнопленные допускались ко всякого рода работам и пользовались наравне с французскими гражданами обычной судебной защитой. Согласно решению Конвента от 25 мая 1793 г. военнопленным должна была оказываться необходимая медицинская помощь. Ни один военнопленный не должен быть принуждаем к службе в войсках республики. По окончании войны военнопленные подлежали обмену и возвращению на родину».[632]

Помощь своим солдатам, оказавшимся в плену, в той или иной степени пытались оказывать все воюющие страны. Правительственные структуры Российской Империи в этом смысле не отличались особым рвением. Проблема собственных военнопленных на официальном уровне старательно замалчивалась. Современник изучаемых событий, управляющий Российского комитета Красного Креста, член Русско-Германской и Русско-Австрийской смешанных комиссий по обмену военнопленными Н.М. Жданов в своем исследовании, опубликованном в 1920 г., отмечал, что «русским учреждениям помощи военнопленным в первые годы войны приходилось осуществлять свою деятельность при обстоятельствах беспримерно трудных. В отличие от Англии и Франции и от центральных государств у нас в России в первые годы войны дело помощи военнопленным не только не признавалось делом государственной важности и не поощрялось государственной властью, а наоборот всячески стеснялось и задерживалось как военными, так и административными властями. Общественным учреждениям помощи военнопленным было запрещено всякое публичное

державами и большинством государств мира, и являвшуюся к моменту начала Первой мировой войны основным международно-правовым актом о военнопленных, имевшим для всех воевавших государств обязательное значение.

[632] *Жданов Н.М.* Русские военнопленные в мировой войне 1914-1918 гг. Ч. I, II и III. М., 1920. С. 22.

проявление их деятельности; им было даже запрещено в их отчетах употреблять слово «военнопленный».[633]

Гаагская конвенция 1907 г. предусматривала создание в воюющих странах Справочных Бюро о военнопленных, которые должны были осуществлять свою деятельность и пользоваться содействием со стороны воюющих и нейтральных стран. Мировая война, нарушившая все формы обычного международного общения и создавшая крупные осложнения во всех сферах внутренней жизни воевавших государств, утруднила осуществление помощи военнопленным. При таком положении дел Справочным Бюро воевавших стран было чрезвычайно тяжело осуществлять возложенные на них задачи. Российским правительством были приняты решения, запрещавшие под страхом каторжных работ любые контакты с учреждениями враждебных государств. Эти распоряжения парализовали деятельность Российского Справочного Бюро. Германское Справочное Бюро в начале войны присылало свои списки военнопленных, но, не получая ответных списков из России, прекратило свою деятельность. Связь военнопленных с их родными и близкими оказалась с этого момента возможна лишь при участии гуманитарных организаций воюющих стран: почтовые службы не справлялись с возросшим потоком корреспонденции, а военная цензура еще более осложняла переписку.

Февральская революция 1917 года изменила ситуацию в этой области. Проблема русских военнопленных в европейских лагерях перестала замалчиваться, и в российской прессе стали появляться материалы о действительном положении дел. Результатом общественной активности стало создание Центрального Комитета по делам военнопленных при Главном управлении Российского общества Красного Креста; 30 марта 1917 года вышло в свет соответствующее Постановление Временного правительства. В состав Центрального Комитета вошли представители Военного министерства, Министерства иностранных дел, Министерства

[633] *Жданов Н.М.* С. 9.

внутренних дел, Министерства финансов, торговли и промышленности, земледелия, путей сообщения и юстиции, Российского общества Красного Креста. По инициативе ЦК по делам военнопленных был созван Первый всероссийский съезд представителей учреждений и организаций помощи военнопленным, работа которого пришлась на революционные события октября 1917 года.

К решению этих задач подключился и Российский Красный Крест, в ведении которого находились проблемы, накопленные за период Первой мировой войны, острейшей из которых было положение русских военнопленных в Германии. На 1918 г. в этой стране их насчитывалось более полутора миллионов; все они находились в крайне тяжелом положении, фактически умирая от голода, болезней и издевательств. Процесс их репатриации проходил крайне тяжело. За первую половину 1918 г. на родину удалось вернуться только 60-ти тысячам.[634]

Еще более тяжелым являлось положение русских, оказавшихся после побега из плена в Швейцарии. Они конвоировались швейцарской полицией во Фрибург, где находился сборный пункт для дезертиров и беглых военнопленных. Там формировалась партия в 30-40 человек, которая направлялась на земляные работы в различные населенные пункты Швейцарии. На 1918 г. русских военнопленных в этой стране насчитывалось около 350 человек; во Франции – 15 тысяч.[635]

В этот же период активизировалась деятельность российских гуманитарных организаций за рубежом: Бернского комитета помощи военнопленным, Русского Комитета помощи военнопленным в Стокгольме, Общества культурной помощи русским военнопленным в Лозанне, Лозаннского Комитета помощи русским военнопленным, Центрального Комитета помощи российским гражданам в Швейцарии, Российского

---

[634] Положение российских военнопленных и деятельность Комиссии Российского Красного Креста в Швейцарии. - Берлин, 1918. С. 3.

[635] Положение российских военнопленных и деятельность Комиссии Российского Красного Креста в Швейцарии. - Берлин, 1918. С. 23.

общества Красного Креста. Помимо перечисленных организаций, оказанием гуманитарной помощи попавшим в плен соотечественникам занимались Бюро помощи военнопленным в Берлине, Комиссия попечения над военнопленными в Австрии, Комиссия Российского общества Красного Креста в Швейцарии, Агентство Московского комитета помощи военнопленным в Швейцарии и северных нейтральных странах. Помощь российским военнопленным, бежавшим из германского плена в Голландию, оказывалась Русским комитетом,[636] – эти и целый ряд других общественных организаций и частных объединений, созданных и находившихся к 1917 году за границей, оказывали посильную помощь соотечественникам в европейских концентрационных лагерях для военнопленных. Практически все они после Октябрьской революции в России приняли для себя принципиальное решение не возвращаться на родину, став в результате частью российского эмигрантского сообщества.

Необходимо отметить, что гуманитарная деятельность российских и международных организаций часто становилась объектом давления и преследования со стороны воюющих правительств. В этом вопросе власти руководствовались соображениями военной и политической целесообразности, а не международным гуманитарным правом. Это противодействие международным организациям особенно обострилось в период германской – Ноябрьской[637] – революции. За несколько недель до этого момента русские комиссии попечения о военнопленных и представители действовавшего о самого начала войны русского красно-

---

[636] Положение российских военнопленных и деятельность Комиссии Российского Красного Креста в Швейцарии. - Берлин, 1918. С. 14.

[637] Ноябрьская революция — революция в ноябре 1918 года в Германской империи, причиной которой явился кризис кайзеровского режима, вызванный с одной стороны поражением в Первой мировой войне, с другой — вызванными войной социальной напряжённостью и расстройством экономической жизни. Революция привела к установлению в Германии режима парламентской демократии, известного под названием Веймарская республика. Началом революции считается восстание матросов в Киле 4 ноября 1918 года, кульминационным моментом – провозглашение республики в полдень 9 ноября, днём формального окончания – 11 августа 1919 года, когда президент республики Фридрих Эберт подписал Веймарскую конституцию.

крестного Московского Комитета помощи военнопленным впервые получили доступ на территорию стран пленения и приступили к организации помощи русским военнопленным непосредственно в местах их заключения в Германии и в Австрии. Сотрудники Красного Креста совершили инспекции большинства лагерей военнопленных для выяснения их положения в местах интернирования и на работах. Во всех лагерных округах была организована правовая защита военнопленных. В Германию прибыл пароход Российского общества Красного Креста «Океан» с грузом продовольствия для военнопленных. Однако германская революция неожиданно положила конец этой деятельности. Германское правительство после начала переговоров с представителями стран Антанты прервало дипломатические отношения с Россией и приступило к немедленной высылке из Германии всего персонала русских дипломатических и правительственных учреждений, а также и представителей гуманитарных организаций, некоторые из которых перед высылкой из страны подверглись длительному задержанию.[638]

1917-1918 гг. в российской гуманитарной деятельности стали переломным этапом. Она осложнялась не только трагическими событиями на родине, прекращением финансирования из России, но и той правовой неопределенностью, которая возникла между странами-участницами мировой войны. Сражения на европейских фронтах закончились, но Европу и весь мир по-прежнему разделяли не только государственные границы, но и невидимые рубежи, проходившие в умах и душах переживших войну людей. Шовинистический накал военных лет, обострившийся национализм, пропагандистские клише, покалечившие нравственное здоровье общества, послевоенная разруха и экономический кризис, нищета и обезлюдевшие регионы, сотни тысяч калек, раненых и больных – такое наследство оставила Первая мировая. Война велась под знаком тотальной взаимной ненависти. Политика средств массовой информации и контекст бытового общения были

[638] *Жданов Н.М.* Русские военнопленные в мировой войне 1914-1918 гг. Ч. I, II и III. М., 1920. С. 76.

направлены на беспрецедентное разжигание злобы и беспощадной вражды к целым нациям. Христианский принцип индивидуальной ответственности каждого человека только за собственную субъективную вину был основательно забыт и заменен воскресшим принципом национальной мести, распространявшимся на все элементы враждебных рас и государств. Так, за сообщавшиеся газетами случаи зверств немецких солдат на русском фронте тяжко расплачивались внутри страны ни в чем неповинные русские обыватели иностранного происхождения, которых громили, избивали и калечили. Огульная ненависть распространилась и на военнопленных, как на представителей враждебных наций, и в бесчисленных случаях отягчала их и без того тяжелое положение в чужой воюющей стране.[639]

Массовые издевательства, пытки и унижения, которым подвергались военнопленные всех без исключения стран-участниц мировой войны, объяснялись той огульной ненавистью, которая целенаправленно разжигалась у населения пропагандой в средствах массовой информации, официальными правительственными спикерами и даже церковью. Охватившая общество шовинистическая истерия наиболее наглядно проявлялась в судебных процессах, которые по умолчанию должны были бы демонстрировать приверженность букве закона и беспристрастность. Так, летом 1918 г. берлинский суд приговорил к аресту и крупному штрафу двух женщин за то, что они позволили себе танцевать с русскими военнопленными на деревенском празднике; причем мотивировочная часть этого приговора носила откровенно шовинистическую и даже расистскую окраску, ссылаясь на некие факты поведения русских войск в Восточной Пруссии. Подобные факты имели место и в России. Московские судьи в течение нескольких месяцев держали в тюрьме московского пастора

[639] *Жданов Н.М.* Русские военнопленные в мировой войне 1914-1918 гг. Ч. I, II и III. М., 1920. С. 38.

Вальтера и нескольких женщин за создание частного кружка для помощи провозившимся через Москву немецким военнопленным.[640]

Осуществление гуманитарной деятельности в таких условиях являлось крайне трудной задачей. Российские организации в Германии и Австрии продолжали на бытовом уровне считаться вражескими; движение через государственные границы гуманитарных грузов воспринималось местными чиновниками не иначе как снабжение неприятеля. Но обойтись без частых трансграничных операций российским гуманитарным организациям в тот период времени было практически невозможно: закупки продовольствия на национальных рынках в условиях послевоенной нищеты и дефицита были ограничены национальными правительствами. Так, закупки продовольствия на швейцарском рынке лимитировались объемом не более 10 тонн в месяц, что было совершенно недостаточно для помощи русским военнопленным в лагерях.[641] Помимо собственно продовольствия, российские гуманитарные организации отправляли в лагеря белье, табак, сахар, портянки, нитки, фуфайки, чай, просфоры, сухой бульон, сухое молок и целый ряд других продуктов и предметов, закупки которых требовали широкой географии поставщиков.[642]

При этом надо отметить, что финансовое положение российских гуманитарных организаций было очень неустойчивым и могло меняться стремительно. Буквально за месяц до того момента, когда Бернское бюро РООК заявило о сворачивании своей деятельности, оно осуществляло перевод средств в лагеря военнопленных в Германии: по 500 марок в лагеря Саган, Губен, Целле, Кенигсмоор, Гамельн, Хемниц, Байрейт. В лагерь Альтдам были отправлены книги для чтения, буквари, грамматики, учебники

---

[640] *Жданов Н.М.* Русские военнопленные в мировой войне 1914-1918 гг. Ч. I, II и III. М., 1920. С. 39.
[641] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 41.
[642] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 42.

географии и геометрии.[643] В тот же период из Бернского бюро направлялись субсидии учителям в лагерях Вюнсдорф и Фюрстенфельдберг.[644]

Заключение Советской Россией в марте 1918 года Брестского мира с Германией стало еще одним поводом для союзников по Антанте с подозрением относиться к российской гуманитарной деятельности в Европе. Так, закупленная Бернским комитетом помощи военнопленным в Америке мука, предназначавшаяся русским военнопленным в Германии, была в апреле 1918 года реквизирована французским интендантством и до Бюро не дошла, несмотря на то, что еще в ноябре 1917 и в марте 1918 гг. поставки муки из Америки шли успешно. Бернское Бюро пекло из нее хлеб, который потом развозился по лагерям.[645] Уже в апреле 1918 г. швейцарское правительство прекратило выдачу разрешений на вывоз местных товаров.[646] В августе 1918 г. Бернское Бюро было вынуждено обратиться к президенту САСШ Вильсону с просьбой разрешить вывоз из Америки закупленной муки, предназначавшейся российским военнопленным и задерживаемой американскими властями после подписания Брестского мира.[647]

Экономическая блокада Германии, предпринятая союзниками России, исключала закупки в союзных странах продовольствия для военнопленных: страны Антанты требовали гарантий, что закупленное продовольствие не попадет в руки немцев. По этой причине насущной необходимостью стало создание независимого контрольного органа, который пользовался бы доверием всех конфликтующих сторон. Таким органом стал институт нейтральных делегатов, созданный в Берне. Бернское Бюро помощи военнопленным вступило в контакт с германскими властями с целью признания ими делегатов в качестве официальных представителей Бюро. Нейтральные делегаты получали право беспрепятственного и свободного

[643] ГА РФ. Ф. 6221. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.
[644] ГА РФ. Ф. 6221. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.
[645] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 23.
[646] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 52.
[647] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 29.

доступа в лагеря военнопленных с целью контроля и наблюдения за распределением гуманитарной помощи. Труд делегатов не оплачивался.[648]

Завершающий период войны между Россией и Четверным союзом после заключения Брестского мира создал необходимость особых соглашений по вопросам обмена и репатриации военнопленных. Для решения этих вопросов было созвано Петроградское совещание и весной 1918 г. образованы в Москве русско-германская и русско-австрийская смешанные комиссии. На Петроградском совещании был определен порядок обмена и эвакуации инвалидов и некоторых категорий гражданских пленных; выработаны основные правила провоза пленными своего багажа.

Брест-Литовский мирный договор оказал крайне негативное воздействие на всю российскую гуманитарную деятельность, осложнив и без того непростой политический фон, в котором она осуществлялась. После этого события бывшие союзные России государства на значительный срок заморозили оказание помощи российским военнопленным. Бернское Бюро даже было вынуждено обратиться с меморандумом к президенту Вильсону, премьер-министрам Франции, Англии и Италии, в котором разъяснялись цели гуманитарной деятельности по оказанию помощи русским военнопленным и просьба не чинить ей препятствия.[649] В качестве одного из доводов в пользу продолжения иностранной помощи в меморандуме говорилось, что русские военнопленные из Германии и Австрии после освобождения будут добираться домой в Россию пешком через всю Европу, что впоследствии подтвердилось и стало настоящей катастрофой и для Европы, и для самих военнопленных.[650]

Первая мировая война, неурожай, экономический кризис и нарастание этнических проблем привели в 1918 году к распаду Австро-Венгрии на несколько самостоятельных государств. В результате этого процесса

[648] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 52.
[649] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 28.
[650] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 29.

образовались Чехословакия, Государство Словенцев, Хорватов и Сербов, Западно-Украинская народная республика; 6 ноября 1981 г. в Кракове было провозглашено воссоздание Польши. Также в ходе распада некогда могущественной империи появился и целый ряд других государственных образований. Эти геополитические катаклизмы оказали воздействие и на положение российских военнопленных в Европе. Могущественная и отлаженная имперская военная машина разрушающейся Австро-Венгрии начала разваливаться на глазах; растерявшиеся власти практически одновременно сняли охрану со всех лагерей военнопленных, объявив их свободными и предоставив собственной судьбе. Никакого материального обеспечения, питания, транспорта для возвращения домой бывшим военнопленным предоставлено не было. Сотни тысяч голодных, больных, полураздетых и истощенных людей двинулись в конце 1918 года через Богемию, Венгрию, Польшу и Галицию к русской границе. Этот огромный поток в короткое время превратился в гуманитарную катастрофу для всех: и для возвращающихся пленных, и для жителей тех регионов, через которые он протекал. Тысячи пленных погибали в пути от голода, холода и болезней. Часто они подвергались преследованиям и избиениям со стороны местных жителей. Особенно в этом преуспели жители Польши.[651]

Несколько лучше обстояла ситуация с правовым положением русских военнопленных в Чехословакии. Как и в других осколках Австро-Венгерской империи, в Чехословакии в 1919 г. статус военнопленных не сразу подвергся изменению. На момент распада империи и провозглашения самостоятельности Чехословакии не было опубликовано никакого правительственного распоряжения, устанавливавшего бы изменение их правового статуса. По этой причине военнопленные продолжали де-юре оставаться солдатами враждебного государства. Так, администрация лагеря для военнопленных Иозефов продолжала жить старыми австрийскими традициями, обкрадывая и без того скудное довольствие заключенных.

[651] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 63-64.

Некоторые работодатели из тех, кто привлекал пленных на сельскохозяйственные, дорожные и другие работы, беззастенчиво эксплуатировали их труд, понимая их полное бесправие.[652]

На этом этапе гуманитарная деятельность русских общественных организаций сыграла крайне важную роль. В апреле 1919 г. состоялась миссия заведующего Бернским Бюро помощи русским военнопленным Н.А. Касьянова в Прагу, где ему удалось встретиться и провести переговоры сначала с министром иностранных дел Чехословакии Эдвардом Бенешем (1884-198), а после побывать на приеме у первого президента Чехословацкой Республики Томаша Гаррига Масарика (1850-1937). На этой аудиенции Н.А. Касьянов передал президенту 50 тыс. чешских крон для русских военнопленных в чехословацких лагерях. Однако главным итогом этой встречи стало правительственное распоряжение о признании бывших российских военнопленных в качестве пленных дружественной державы и уравнение их в правах и довольствии с чехословацкими солдатами.[653] К этому же периоду относится и начало деятельности делегации Бернского Бюро помощи русским военнопленным, создавшего в Чехословакии специальное отделение, которое производило распределение помощи Российского общества Красного Креста в лагерях, а также отбор больных, инвалидов и ослабевших для их перевода в госпитали в Пардубицах и Кромержиже в Моравии.[654]

Несмотря на окончание войны, определение правового статуса военнопленных в лагерях и общее смягчение напряженности в европейских делах, их положение в 1918-1920 гг. продолжало оставаться крайне тяжелым. Жизнь в послевоенной Европе в тот период времени была тяжелой для всех; экономическое положение и в странах-победительницах, и в странах проигравших было примерно одинаковым: дефицит продуктов питания,

[652] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 66.
[653] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 67.
[654] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 65.

обескровленные и обезлюдевшие сельскохозяйственные регионы, острый экономический кризис. Поэтому военнопленным не приходилось рассчитывать на помощь от правительств стран пребывания: даже дружественные России страны были просто не в состоянии создавать и поддерживать достойный уровень жизни военнопленных. Уже упомянутая выше передача президенту Масарику 50 тыс. крон на нужды русских военнопленных говорит о многом: даже такая незначительная сумма была благосклонно им принята. В этих условиях гуманитарная помощь российских общественных организаций своим соотечественникам в иностранном плену приобретала особенное значение, становясь зачастую условием их физического выживания. Не менее важной сферой их деятельности являлось и удовлетворение духовных потребностей военнопленных, чье долгое пребывание в плену после ужасов мировой войны оставляло глубокие душевные раны.

По этим причинам широкое развитие в 1918-1919 гг. получила российская гуманитарная деятельность непосредственно в лагерях военнопленных, где активно присутствовало Российское общество Красного Креста и ряд других общественных организаций, уже ставших к этому времени эмигрантскими.

Вот как описывался в Отчете о деятельности Бернского Бюро помощи русским военнопленным и представительства РОКК в Швейцарии Иозефовский лагерь военнопленных (Чехословацкая Республика):

«В пяти минутах ходьбы от небольшого гарнизонного города Иозефова был расположен громадный австрийский концентрационный лагерь, вмещавший в себя до 40 тыс. русских военнопленных. Суровым и потрясающим укором и обвинением царившим в нем порядкам служила низкорослая роща крестов на местном кладбище, взошедшая обильным

урожаем над бесчисленными братскими могилами наших, погибших здесь от туберкулеза, истощения и эпидемических болезней соотечественников».[655]

После распада Австро-Венгерской империи этот лагерь был разрушен, колодцы зарыты, печи приведены в негодность. Остались только бараки, куда в августе 1920 г. пригнали русских военнопленных из других лагерей. В этот момент произошло событие, ставшее отражением тех гуманитарных и геополитических процессов, которые продолжают свое развитие и в XXI веке:

«На третий день после прибытия в лагерь русских военнопленных комендант получил предписание немедленно выделить в украинский лагерь (в немецкий Яблонец) всех уроженцев Украинской Республики. С предписанием был прислан какой-то апокрифический список областей, на которые распространяются суверенные права украинской государственности. Комендант приказал изготовить список лиц, подлежащих отправке в украинский лагерь, а когда новосозданные «украинцы» категорически заявили, что они русские, и лагеря ни в коем случае не покинут, то комендант объявил, что занесенные в список лица будут отправлены из лагеря под конвоем силой. Лишь благодаря энергичному вмешательству приехавшего как раз в это время в лагерь одного из членов Делегации, доктора Е.И. Канского, удалось принудить коменданта отказать от оправки в украинский лагерь "украинцев" из Воронежской, Курской губерний и областей Войска Донского и Кубанского».[656]

Необходимо отметить, что гуманитарные организации, включая российские, отдавали себе отчет о возможных последствиях неконтролируемого и неорганизованного исхода из лагерей бывших военнопленных еще до его начала. Чтобы предотвратить его возможные последствия, Международным Комитетом Красного Креста был организована специальная миссия для изучения путей возможной репатриации русских

[655] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 79.
[656] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 80-81.

военнопленных и их положения в различных странах.[657] Бернское Бюро помощи ходатайствовало о включении в состав миссии своих представителей, но получило от МКК отказ под тем предлогом, что «участие представителей небольшевистских организаций в деле репатриации русских военнопленных повлечет нарекания со стороны большевистских властей». В результате к миссии все же был допущен заведующий Бернским Бюро помощи Н.А. Касьянов, но лишь при условии «неофициальности».[658] Схожая миссия была организована и Российским обществом Красного Креста, направившим своих сестер милосердия, совместно с представителями Датского Красного Креста, по лагерям военнопленных в Германии и Австро-Венгрии. Ответная миссия была осуществлена Германским Красным Крестом в отношении немецких военнопленных на территории России.[659]

Имеются сведения и о сношениях Датского Красного Креста с правительством адмирала Колчака по вопросам германских военнопленных в России. Так, 25 февраля 1919 г. из Стокгольма на имя министра иностранных дел Омского правительства И.И. Сукина́ была отправлена секретная телеграмма с просьбой о свободном пропуске и оказании содействия представителям Датского Красного Креста, направлявшимся из Петрограда в Омск по делам немецких военнопленных. В качестве аргумента в телеграмме акцентировалось внимание на помощи Датского Красного Креста русским военнопленным в Европе.[660]

Уже в первые месяцы мировой войны стало очевидно, что удовлетворение нужд военнопленных не может осуществляться в обычных, ранее существовавших формах: они совершенно не соответствовали потребностям и условиям глобальной войны. В результате получили развитие новые формы оказания помощи военнопленным, которые осуществлялись

---

[657] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 31.
[658] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 41.
[659] Положение российских военнопленных и деятельность Комиссии Российского Красного Креста в Швейцарии. - Берлин., 1918. С. 15.
[660] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57. Л. 15.

общественными гуманитарными организациями. Так, впервые возникли способы прямых сношений учреждений Российского общества Красного Креста и Московского Комитета помощи военнопленным с представителями Гамбургского Общества Красного Креста, встреча которых состоялась в нейтральной Швеции. При содействии Шведского Красного Креста была созвана Стокгольмской конференция, на которой обсуждались насущные вопросы помощи военнопленным. Была налажена регистрация военнопленных и извещение родных о его судьбе. Российским обществом красного Креста было организовано Бюро в Копенгагене, взявшее на себя функции посреднического центра для всех российских учреждений по делам военнопленных. Созданному Бюро удалось значительно ускорить пересылку писем, которые в опечатанных цензурой тюках переправлялись прямо в Копенгагенское Бюро и оттуда при содействии Гамбургского Красного Креста доставлялись в лагеря военнопленных. Аналогичным способом Копенгагенское Бюро упрощало и пересылку писем русских военнопленных из заграничных лагерей в Россию. Путем стандартизации формы, веса, упаковки и содержания посылок для военнопленных и организации их ускоренного цензурного досмотра, Московскому Комитету удалось упростить отправку русским военнопленным материальной помощи.

В гуманитарной деятельности по облегчению положения военнопленных принимали участие и нейтральные международные организации, такие как Христианский союз молодежи, еврейские общества вспомоществования, Интернациональная комиссия по делам военнопленных при Женевском Центральном Комитете Красного Креста и т.п. Особенно важное значение по отношению к России, как уже было упомянуто выше, имела деятельность Датского Красного Креста, осуществлявшего посредническую миссию между Россией и лагерями русских военнопленных в Германии и Австрии. Не менее активную работу вели учреждения Шведского Красного Креста, заботившиеся о германских и австрийских пленных в России. Через некоторое время гуманитарные организации нейтральных стран

взяли на себя определенные функции международного контроля над деятельностью воюющих держав в отношении военнопленных. Следует отметить, что в ряде случаев военные и гражданские власти враждующих стран обращались к авторитету признанных международным сообществом организаций Красного Креста нейтральных стран. Так, уполномоченными Женевского Центрального Международного Комитета Красного Креста была произведена инспекция нескольких сотен лагерей военнопленных в Германии, Австрии, Болгарии, Турции, России, Англии. Франции, Италии, Египте, Индии, Алжире, Тунисе. Отчеты о проведенных инспекциях публиковались в изданиях Женевского Комитета. В Вене и в Петрограде были организованы при участии представителей Датского Красного Креста особые Бюро, участвовавшие в деле помощи военнопленным и контролировавшие регистрацию инвалидов для их репатриации и интернирования.[661]

Однако, судя по тем катастрофическим условиям, в которых проходила репатриация русских военнопленных, ни Международному Красному Кресту, ни российским гуманитарным организациям не удалось оказать заметное воздействие на ход этого процесса ввиду его масштаба и беспрецедентности: мировое сообщество в начале XX века еще не было готово осуществлять гуманитарные акции в таких масштабах.[662]

---

[661] *Жданов Н.М.* Русские военнопленные в мировой войне 1914-1918 гг. Ч. I, II и III. М., 1920. С. 49.

[662] «В этот период времени и в Москве, и в Польше создавались смешанные комиссии из представителей обеих воевавших сторон для организации встречной репатриации. Члены репатриационных комиссий пользовались дипломатической неприкосновенностью. В их задачи входила инспекция лагерей, тюрем, госпиталей и прочих мест пребывания пленных, имеющих право на репатриацию. До апреля 1921 г., когда были созданы репатриационные комиссии, этой деятельностью занимались Российское и Польское общества Красного Креста. За апрель 1921 – апрель 1924 гг. из Советской России в Польшу вернулось более одного миллиона человек, около 70% из которых составляли украинцы и белорусы. Согласно польским источникам, в 1924 г. на территории СССР осталось около полутора миллионов поляков, основная часть которых попала в плен в период Советско-польской войны. Оставшуюся часть составили бывшие польские легионеры из соединений, созданных летом 1918 г. в Сибири и позднее вошедших в воинские соединения Польской республики. Поляки, подобно чехословакам и румынам, охраняли один из секторов Сибирской магистрали (Татарская – Новониколаевск, с ответвлением на Славгород). При отступлении польская дивизия, вместе с сербским полком, составляла арьергард союзнических войск. Перед станцией Тайга отряд поляков в

Помощь возвращавшимся в Россию бывшим русским военнопленным находилась в сфере деятельности российских гуманитарных организаций, восстановивших свою организационную структуру в период Гражданской войны на территориях, контролировавшихся антибольшевистскими правительствами. Временное Главное управление Российского общества Красного Креста (ВГУ РОКК), действовавшее в 1918-1920 гг. на территории Сибири и Дальнего Востока, также имело в своей структуре отдел по делам военнопленных. 29 ноября 1918 г., на общем собрании этой организации рассматривались вопросы оказания помощи возвращающимся военнопленным; 30 ноября того же года появилась на свет докладная записка на имя министра иностранных дел Омского правительства с планом необходимых действий.[663] По этому плану на Сибирской магистрали должны были начать работу 25 приемных пунктов для возвращавшихся в страну военнопленных. Головные пункты должны были быть созданы в городах Бердяуш, Пермь, Екатеринбург, Омск, Барнаул, Бийск, Тюмень, Красноярск, Иркутск, Чита.[664] Кроме названных, приемные пункты создавались и местными управлениями РОКК, снабжавшими информацией о передвижении военнопленных Временное Главное управление.[665]

В марте 1919 г. в правительственный орган – Комиссию по делам о пленных при министерстве иностранных дел – был введен представитель Временного Главного управления. Главной задачей названной Комиссии стал вопрос об обмене военнопленными.[666] Но процесс обмена шел тяжело, и РОКК предпринимал усилия по облегчению положения русских солдат в

---

4 тыс. штыков был почти начисто изрублен 27-й красной дивизией (в живых осталось 50 пленных); в районе Анжерских копей два полка легионеров численностью до восьми тысяч человек потерпели новое поражение и сдались в плен. Военнопленные поляки содержались как в Европейской России (Тульский лагерь), так и в азиатской части страны (например, в 1920 работали на лесозаготовках в р-не Колывани)». *Цит. по: Книпер А.В.* Фрагменты воспоминаний: Публикация К. Громова и С. Боголепова / Минувшее. Исторический альманах. № 1. М., СПб. 1986. С. 144.

[663] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 150. Л. 12.

[664] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 15. Л. 10-11.

[665] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 150. Л. 8.

[666] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 6. Л. 108.

европейских лагерях. Однако в условиях гражданской войны, развала экономики и постоянного движения фронтов делать это было крайне сложно, а оказание какой-либо заметной материальной помощи представлялось практически невозможным. Поэтому Российский Красный Крест предпринимал попытки организовать передачу писем австрийских и германских военнопленных на их родину и предоставление возможности германскому санитарному персоналу в Омске посещать лагеря военнопленных, что позволяло рассчитывать на облегчение участи русских солдат в германском плену.[667]

В августе 1919 г. советом министров Омского правительства были выделены средства на оказание помощи русским военнопленным и членам их семей в Германии. Часть денег была направлена миссии РОКК в Берлине.[668] Эта акция была предпринята, даже несмотря на имевшуюся информацию о «большевистских настроениях», охвативших более 70% военнопленных в немецких концентрационных лагерях.[669] Стоит отметить, что в Дании существовало два лагеря для бежавших из Германии российских пленных: один финансировался советским правительством, другой – правительством Дании, и оба лагеря вели своеобразную конкуренцию за «души» солдат, активно пропагандируя образ жизни своих стран. Имеются данные, что большевистское руководство кормило лучше и активно этот факт пропагандировало.[670]

Бывшим военнопленным, имевшим инвалидность, которым в этот короткий промежуток времени 1918-1919 гг. удавалось добраться до Сибири, Российским обществом Красного Креста выплачивалось единовременное пособие в размере 250 рублей.[671]

---

[667] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57. Л. 16.
[668] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 7. Л. 295.
[669] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57. Л. 126.
[670] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57. Л. 109.
[671] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 7. Л. 70.

В документах Пражского архива сохранились сведения об отправке 359 сибиряков на пароходе, зафрахтованном чехословацким правительством, и который перевозил эшелон чехословацких легионеров из Сибири. Обратным рейсом на Дальний Восток России он должен был доставить грузы чехословацких фабрикантов. Там же разместились и возвращавшиеся на родину русские военнопленные.[672]

Острая нехватка медицинского персонала в учреждениях Красного Креста вела к практике привлечения к работе в госпиталях пленных красноармейцев. Сохранился запрос мобилизационного отдела Главного Штаба А.В. Колчака о направлении из лагерей военнопленных красноармейцев для отправки их санитарами в прифронтовые госпитали.[673] В июне 1919 г. ВГУ просит у этого же начальника разрешения и дальше формировать такие отряды.[674] Сентябрем 1919 г. датируется так называемое «Дело о порке», когда санитары, из числа пленных красноармейцев, были выпороты за то, что они не встали во время исполнении гимна «Коль славен наш Господь в Сионе», исполнявшегося в качестве неофициального гимна Российской империи с конца XVIII в. до официального принятия гимна «Боже, царя храни» в 1830-х гг.[675] В самом факте физического наказания не было ничего удивительного. Вызывает удивление резонанс, им вызванный: было возбуждено уголовное производство, поступившее на рассмотрение военному прокурору.[676]

Все эти факты свидетельствуют о приверженности Российского общества Красного Креста гуманитарным принципам, заложенным при его создании: стремление оставаться вне политики, оказывая помощь всем нуждающимся, вне зависимости от политических убеждений. В этой связи не выглядит удивительным и решение РОКК, принятое в октябре 1919 г., об

---

[672] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 6. Л. 100.
[673] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 62. Л. 133; 147.
[674] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 62. Л. 134.
[675] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12. Л. 115-116.
[676] ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

оказании медицинской помощи пленным красноармейцам. 15 октября Временное Главное управление рассматривало доклад врача Омского военного округа, в котором говорилось об «ужасных условиях» в лагерях военнопленных, где содержались политические заключенные, с просьбой обеспечить их снабжение бельем.[677]

К середине 1920-х гг. острота проблемы русских военнопленных в европейских странах постепенно стала спадать. Российская гуманитарная деятельность к этому моменту начала охватывать не только бывших военнопленных, но постепенно переносить свое внимание на положение гражданских беженцев из Советской России. Так, только за май 1920 г. в Праге бесплатные столовые Российского общества Красного Креста накормили более 1500 человек, приготовив для них более 5 тыс. обедов. Были организованы банные и дезинфекционные пункты, медицинская помощь. При этом значительную часть получателей помощи составляли уже не бывшие военнопленные, а именно граждански беженцы.[678]

Во второй половине 1920 г. в Чехословакию прибыла миссия Советского Красного Креста под руководством С.И. Гиллерсона.[679] С конца 1920 по начало 1921 г. миссия эвакуировала в Россию около 7 тыс. бывших военнопленных. В результате в Чехословакии были закрыты остававшиеся там до этого момента концентрационные лагеря, включая крупнейший из них Иозефовский. С этого момента вся деятельность российских гуманитарных организаций оказалась целиком сосредоточена на гражданских беженцах из России.[680]

---

[677] ГА РФ. Ф. 1845. Д. 8. Л. 340-341.
[678] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 105.
[679] Гиллерсон Соломон Исидорович (1869-1939), врач, доктор медицины. Лидер большевиков станции Никольск-Уссурийск Уссурийской железной дороги, делегат II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. В 1920-1921 годах руководил миссией Советского Красного Креста в Праге, осуществлявшей репатриацию бывших русских военнопленных из Чехословакии в Советскую Россию. Умер в эмиграции во Франции.
[680] ГА РФ. Ф. 6171. Оп. 1. Д. 6. Л. 108.

Освобождение из лагерей и переход русских военнопленных на беженское положение порождали целый комплекс новых гуманитарных проблем. Как уже отмечалось,[681] основной мотив в психологии и мироощущении российских эмигрантов во всех странах мира в первые годы пребывания в изгнании сводился к убежденности, что нынешнее их положение – лишь временное несчастье, которое не может продолжаться вечно, и рано или поздно власть большевиков в России падет под ударами изнутри или извне. Надежды на возвращение на родину продолжали жить в настроениях эмигрантов даже после того, как стали очевидны успехи советской власти в упрочении режима и в строительстве мирной жизни. Причем надежды эти были столь сильны, что многие российские эмигранты в короткий срок «проедали» те небольшие суммы денег, которые им удавалось вывезти из России, но не задумывались о завтрашнем дне на чужбине; не стремились искать работу; адаптироваться в новом обществе. И.В. Гессен писал по этому поводу: «В этом смысле легковерны были все. А в особенности, эмигрант-обыватель. Он был каменно убежден в своей «чемоданной философии» – в этом году нет, но в будущем обязательно вернемся! Так этот обыватель и просидел всю эмиграцию на чемодане».[682] Такая «чемоданная философия» стала причиной многих человеческих трагедий. Зачастую именно она, а не правовые или социально-экономические причины становились преградой в процессе социальной адаптации эмигрантов, тормозя и затрудняя его. Нельзя не учитывать и целенаправленную деятельность советского руководства по пропаганде, направленной на разложение российской эмиграции. Большевики понимали тот огромный пропагандистский потенциал, который сокрыт в массе людей, изведавших тяготы гражданской войны и изгнания. Постепенно к людям

---

[681] *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция в Германии: психологическое состояние как гуманитарная проблема. 1917-1920-е гг. // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 1. – С. 82 - 93. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.1.31903 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31903

[682] Цит. по: *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: Несостоявшийся альянс. М., 2004.

приходило осознание, что эмиграция – это надолго, а с пониманием этого факта чувство тоски, потерянности в чужом мире, ностальгии по оставленной родине стало преобладать в настроениях эмигрантов. И тогда получило начало другое явление: российские колонии начали консолидироваться, устанавливаться новые связи между людьми; связи, основанные на общем, объединявшем их чувстве. Центростремительные тенденции в психологии российских эмигрантов наиболее ярко проявлялись в их желании общаться на родном языке в своем, русском кругу; читать свои газеты; ходить в свои рестораны и есть знакомые с детства блюда. Проявлялись эти тенденции и в молодежной среде, в силу своего возраста наиболее подверженной ассимилирующему воздействию социокультурной среды. Владеющие немецким языком молодые российские эмигранты, вполне благополучные в материальном отношении, не всегда стремились закрепить свое правовое положение в Германии, вступая в смешанные браки с немецкими гражданами. Вопреки логике, они искали спутников жизни именно в русской среде, используя иногда для этого довольно нестандартные способы. Попытки сохранить собственную культуру, язык, национальное духовное наследие тормозили ассимиляционные процессы, препятствуя денационализации иногда в ущерб здоровому рационализму. Так, в материалах Трудовой комиссии Общества помощи русским гражданам в Берлине сохранился документ – своего рода брачное объявление следующего содержания: «Ищущей [так в источнике] Вами работы у меня нет. Я могу предложить Вам только одно, если Вы барышня или молодая вдова – это брак. Я одинок, холост, служу. Жалованья получаемого, надеюсь, хватит и на двоих».[683]

Поиск спутницы жизни русским беженцем в среде безработных молодых женщин в данном случае свидетельствовал о приоритете нематериальных ценностей в эмигрантской среде, неосознанном желании противостоять процессу ассимиляции, зачастую в ущерб социальной адаптации. Другой особенностью духовного мира и поведенческих

[683] ГА РФ. Ф. 5817. Оп. 1. Д. 9. Л.

стереотипов в среде российских эмигрантов, бывших в свое время участниками Белого движения, были попытки сохранить внешние признаки существования между ними отношений воинской субординации. Боязнь оказаться вне рамок военного коллектива; чувство незащищенности, свойственное большинству военнослужащих, увольняемых в запас, в условиях эмиграции приобрели гипертрофированный характер. Военная атрибутика, приказы, общие собрания, свято хранимые боевые знамена – все это заполняло духовный и ментальный вакуум, помогало преодолеть самый трудный – начальный – этап социальной адаптации. Но даже в конце 1930-х гг. в среде русской военной эмиграции сохранялась приверженность к «моральной компенсации» неблагоприятного внешнего воздействия. В документах РОВС можно обнаружить приказы следующего содержания: «Дивизион Лейб-гвардии Терских и Кубанских сотен именовать: Собственным Его Величества конвоем. Конвой Его Величества зачислить в состав Соединения группы Частей Императорской армии».[684] Ничем иным, как попыткой сохранения духовной традиции, появление подобного рода документа в апреле 1939 г. объяснить невозможно. Кроме того, как следует из целого ряда источников, ослабление этой духовной зависимости бывших русских офицеров и солдат от «требований устава и присяги» влекло за собой, зачастую, целый комплекс психологических расстройств и отклонений, заканчивавшихся иногда маргинализацией и полным распадом личности.

Особенной широтой отличался спектр психологических отклонений у эмигрантов, живших в беженских лагерях. Весь комплекс социально-экономических, политических, правовых и моральных факторов беженского существования на ограниченной территории лагеря, фактически в состоянии «полусвободы», в среде соотечественников, озабоченных приоритетной задачей физического выживания, неизбежно влекли за собой появление самых разнообразных фобий, психозов и иных психических расстройств. Источником, дающим исчерпывающую информацию по данной проблематике,

[684] ГА РФ. Ф. 5817. Оп. 1. Д. 41. Л. 30 об.

служит комплекс документов Управления лагерей русских беженцев в Гарце, посвященный разбору жалоб и конфликтных ситуаций, возникавших в эмигрантской среде. Характерно, что жалобы, касающиеся материального положения и уровня жизни в лагерях, встречаются крайне редко. Основная же их масса посвящена взаимоотношениям между эмигрантами, возникавшими в процессе трудовой деятельности и повседневной жизни. Самая ранняя информация по этому вопросу относится к началу 1919 г., когда в Германию прибыли первые российские эмигранты из Украины. В их число входили, главным образом, офицеры и их семьи, для которых петлюровский переворот грозил смертью. Под охраной германского военного командования они были вывезены четырьмя эшелонами в Германию и размещены в лагерях Зальцведем, Вецлоер, Реймштадт и Гарц. В этих лагерях русские офицеры-эмигранты находились на положении военнопленных, наравне с остальной массой взятых в плен на фронтах мировой войны русских солдат. Однако с первых дней их совместного пребывания в лагерях проявился непримиримый конфликт между пробольшевистски настроенными солдатами и прибывшими из Украины русскими офицерами. Российский Красный Крест, в частности, отмечал в лагере Зальцведем «…крайне нетерпимое отношение к офицерам». В силу этого обстоятельства немецкое командование вынуждено было пойти на переселение офицеров и их семей в специально для этой цели нанятый кургауз Гельмштадт.[685] Подобные конфликты носили откровенно политический характер, и не были связаны с психологическими особенностями процесса социальной адаптации российских эмигрантов.

Лагеря русских беженцев в Германии в наименьшей степени способствовали социальной адаптации эмигрантов. И хотя предпринимались попытки «прорвать» эту культурную и духовную «блокаду» со стороны, в частности, Российского общества Красного Креста, устраивавшего в лагерях лекции, культурные вечера, показ кинофильмов, доставку свежих газет и

[685] ГА РФ. Ф. 5817. Оп. 1. Д. 41. Л. 30 об.

книжных новинок,[686] тем не менее, давление внешней агрессивной среды было сильнее, и последствия этого давления негативно сказывались на психическом состоянии эмигрантов.

Характерен в этом смысле документ, выявленный в процессе архивного поиска в Государственном архиве Российской Федерации. Это не публиковавшийся ранее и неизвестный исследователям автограф Романа Гуля, русского писателя-эмигранта, издателя, общественного деятеля и мемуариста, оставившего заметное литературное наследие. Берлинский период жизни Р. Гуля, начавшийся в 1920 г., хорошо известен исследователям. Однако подробности его пребывания в лагерях Дебериц и Хельмштедте в Гарце еще мало изучены. Обнаруженный документ позволяет пролить свет на некоторые обстоятельства жизни писателя, относящиеся к 1919 г. Молодой человек волею обстоятельств оказался втянут в неприятный конфликт со своим соседом по фамилии Ган, обвинившим его в нечестности при распределении гуманитарной помощи – ботинок. Р. Гуль вынужден был давать письменные объяснения, что и позволило нам сегодня исследовать быт бывших русских военнопленных в Германии, описанный рукой будущего члена берлинского Союза русских писателей и журналистов: «Я имею одну старую пару [ботинок], почему и получил вторую от инспектора. Заявление Гана меня оскорбило. Я вошел в его комнату и сказал ему следующее: Вы говорили, что я получил четвертую пару? За такие сплетни, если бы вы были порядочным человеком, я бы вам дал по физиономии. Выходя из комнаты, я сказал по адресу Гана: инспекторский шпион!».[687]

В этом небольшом эпизоде слились воедино сразу несколько морально-психологических факторов, выдающих неустойчивое, подавленное психическое состояние участников конфликта. Повышенная обидчивость и мнительность участников конфликта, перешедшая разумные пределы во все еще сохранявшем внешние признаки военной подчиненности коллективе;

[686] ГА РФ. Ф. 5817. Оп. 1. Д. 9. Л. 7.
[687] ГА РФ. Ф. 6009. Оп. 1. Д. Л. 22.

гипертрофированная подозрительность, вспыльчивость, выдававшие оскорбленное самолюбие и уязвленную гордость. Чувства боевых офицеров, прошедшего фронты мировой и гражданской войн, и вынужденных принимать унизительную гуманитарную помощь поношенной обувью, не могли не быть оскорблены и повлекли столь острую обоюдную реакцию.

Подводя промежуточный итог в изучении вклада российских гуманитарных организаций в дело помощи русским военнопленным в 1917-1921 гг., можно сделать следующие выводы.

Во-первых, впервые в своей истории человеческая цивилизация столкнулась с подобным беспрецедентным гуманитарным вызовом. Миллионы людей разных рас и национальностей оказались захвачены в плен враждующими сторонами и сконцентрированы в ограниченном пространстве, как правило, не приспособленном для содержания такого количества людей, их полноценной жизни, лечения и удовлетворения самых элементарных жизненных потребностей. Шовинистическая пропаганда всех воюющих сторон создавала в обществах унизительный и враждебный образ солдат противной стороны. Экономические проблемы воюющих стран, нехватка продовольствия, лекарств и самых элементарных предметов первой необходимости обрекали военнопленных на снабжение по «остаточному принципу»: национальные правительства не спешили снабжать концентрационные лагеря в ущерб собственному населению, чья ненависть к пленным усердно подогревалась пропагандистской машиной. В этой ситуации положение военнопленных в воюющих государствах становилось поистине ужасающим. Ситуацию усугубляли целенаправленные издевательства, пытки, истощающая эксплуатация и бессудные казни, практиковавшиеся всеми сторонами Первой мировой войны. В этих обстоятельствах деятельность международных и российских гуманитарных организаций внесла неоценимый вклад в гуманизацию отношений между людьми, облегчила материальное положение военнопленных. Особо значение имела медицинская помощь,

оказываемая Российским обществом Красного Креста в концентрационных лагерях, снабжение продуктами питания и предметами первой необходимости.

Во-вторых, дело гуманитарной помощи русским военнопленным пришлось на временной период, отмеченный катастрофическими геополитическими событиями. Мировая война, распад империй, революции и кризисы – все эти потрясения требовали от национальных и международных гуманитарных сообществ адекватного реагирования. Это был в каком-то смысле экзистенциальный вызов: смогут ли общечеловеческие ценности, гуманитарное право, гуманизм и милосердие одержать моральную победу над всеобщим расчеловечиванием в условиях войны и послевоенного кризиса. От ответа на этот вопрос зависел, без преувеличения, весь ход дальнейшего развития человеческой цивилизации. Именно в условиях Первой мировой войны «обкатывались» на практике те гуманитарные принципы, которые будут положены позднее и в основу международного гуманитарного права, и в основу национальных этических и правовых норм. В этом смысле российская гуманитарная деятельность стала высоким образцом попечения о наиболее пострадавших в ходе военных действий категориях людей. Причем эта деятельность была отягощена революционными событиями в самой России, где организационная структура благотворительности и попечения о нуждающихся была разрушена, а принципы гуманизма забыты на долгие годы.

В-третьих, становится очевидным, что в массовых настроениях российских эмигрантов были заметны центростремительные тенденции; желание объединиться в национальные коллективы; обособиться от враждебной внешней среды; создать свой собственный, «русский» мир на чужбине, сохранить национально-культурную идентичность. Частыми явлениями в морально-психологическом климате российских коллективов, в силу обстоятельств вынужденных долгое время жить обособленно в беженских лагерях, являлись депрессивные тенденции, культурный голод, трансформация морального облика под воздействием «полусвободного»

образа жизни. Перечисленные факторы также осложняли социальную адаптацию эмигрантов. На фоне такого духовного «плюрализма» в среде российской эмиграции особое значение начала приобретать ее способность к самоорганизации, к созданию в зарубежье действенных общественных, коммерческих и профессиональных структур, которые могли бы оказывать ощутимое воздействие на ход адаптационного процесса. Неверие в длительный характер изгнания; надежда на скорое окончание эмиграции и возвращение на родину разбивались о суровую реальность повседневной жизни. Частыми явлениями в морально-психологическом климате российских коллективов, в силу обстоятельств вынужденных долгое время жить обособленно в беженских лагерях, являлись депрессивные тенденции, культурный голод, трансформация морального облика под воздействием «полусвободного» образа жизни.

Наконец, российская гуманитарная деятельность в среде русских военнопленных стала сильнейшим фактором, оказавшим воздействие на сохранение ими своей национальной идентичности и культуры. Тяжелейшие условия плена после кровопролитных фронтов мировой войны, оторванность от родины и семьи, постоянные унижения и угроза физическому выживанию – все эти факторы вели к тяжелейшему ментальному, культурному, психофизическому кризису личности. Разрушение идентичности, размывание нравственных устоев, культурная деградация, депрессия и потеря смысла дальнейшего существования – вот те душевные болезни, с которыми пришлось вести борьбу российским гуманитарным организациям в среде русских военнопленных. И эта борьба, без сомнения, оказалась успешной. Русские книги и песни, школы и театральные коллективы, курсы родиноведения и спорт, лекции о русской культуре и хоровые ансамбли – вот тот арсенал, который принес успех в борьбе за души русских людей, оказавшихся в заключении на чужбине. И этот опыт российских гуманитарных организаций вековой давности остается актуальным и востребованным сегодня.

§ 5.2. Эмигрантская семья как субъект и объект гуманитарной деятельности

Усеченная фраза Карла Маркса о семье как «ячейке общества» за многие десятилетия употребления в общественно-политическом контексте стала привычной. Действительно, именно в семье формируются базовые принципы существования любого государства; именно семья задает непрерывный культурный контекст, который определяет всю гуманитарную – культурную, социальную и общественно-политическую – палитру общества. Именно семья является базовым элементом сохранения всеми членами общества национально-культурной идентичности. Безусловно, это движение двустороннее: влияние общества и государства на семью многопланово и разнообразно; этой проблеме посвящено значительное количество профессиональных исследований.

Но зададимся вопросом: а что происходит с семьей, волею судьбы созданной на чужбине или заброшенной в чужое общество? В общество с чуждой культурой, нормами права, историей и повседневными обычаями? Как она зарождается, живет и развивается? Обречена ли она на неизбежную ассимиляцию и разрушение идентичности, или запаса национальных культурных устоев, впитанных и усвоенных поколениями, достаточно для создания небольшого замкнутого «микромира», где русская культура, язык и обычаи будут жить, невзирая на ментальную агрессию внешней среды?

Одним из тяжелейших следствий Гражданской войны в России стала разлука сотен тысяч и миллионов близких людей, распад семей, разрушение семейного уклада российского общества. Этот аспект гуманитарной катастрофы, постигшей нашу страну в первой трети XX в., в настоящий момент изучен крайне слабо, учитывая его значение для судеб миллионов соотечественников. Семейные узы, забота о близких, любовь, дружба – все

эти понятия, на первый взгляд, относящиеся исключительно к приватной зоне частной жизни человека, стали на определенном этапе значимым фактором общественной и политической жизни как российского общества, так и той его части, которая вынужденно оказалась за пределами России. За короткий отрезок времени в мире возникли и начали активно действовать десятки гуманитарных, политических и коммерческих организаций, заявивших своим приоритетом оказание помощи жителям Советской России. Эта помощь облекалась в самые различные формы: от сбора и отправки продовольственных посылок, писем, составления списков пропавших родственников до появления политических организаций, активно эксплуатировавших трагедию российского народа; голод, неустроенность быта, репрессии, являвшиеся долгое время частью советской общественной жизни.

Благотворительное общество помощи политическим заключенным в России; Комитет помощи голодающим в России Союзе русских студентов в Чехословацкой республике; Русский комитет в Женеве по оказанию помощи голодающим в России; Бюро русского кооперативного объединения для помощи голодающим в России (Ревель); Международный Комитет Красного Креста – эти и целый ряд других организаций в той или иной степени были вовлечены в процесс оказания гуманитарной помощи гражданам Советской России. И, как свидетельствуют источники, существенную роль в их деятельности играли семейные узы их учредителей, активных членов и многих тысяч российских беженцев, остро нуждавшихся в существовании гуманитарных институтов, которые могли бы аккумулировать материальную помощь и имели средства для ее доставки адресатам в России.

Фонды этих гуманитарных организаций содержат большое количество документальных свидетельств критического положения людей, оставшихся в период и после Гражданской войны в России и видевших, порой, единственную возможность на выживание в той помощи, которую которая могла поступить к ним от родных и близких, оказавшихся в эмиграции. Так,

в фонде Комитета помощи голодающим в России при Союзе русских студентов в Чехословацкой республике отложились письма из Мариуполя от родных и близких молодых людей, нашедших убежище в Чехословакии. В мае 1922 г. сестра русского студента Пелагея писала брату в Прагу:

«Наше житьё очень скверное. Хуже и быть не может. Папа и брат Кирюша умерли от голода, остались четыре стены дома да мы трое (три сестры – 14, 17 и 19 лет). После смерти папы все родственники без исключения вместо помощи выгнали нас, как негодного пса. Помогите нам, сколько сможете, и спасите нас от голодной смерти! У нас уже ничего нет, все распродали, остались в одном драном платье; кто выходит из нас на двор, тот и одевает, чтоб прикрыть свое тело. Мы настолько изменились, что, пожалуй, если увидите, то не узнаете и не поверите, что это мы».[688]

Еще одно письмо, чей автор остался неизвестным, судя по стилю, принадлежит молодой образованной девушке, городской жительнице. Оно также обращено к брату – студенту, жившему в 1922 г. в Праге:

«У нас творится что-то ужасное. В доме у нас ничего не осталось. Мы с голоду распухли. Мама стала страшная: ходит оборванная, как нищая, лиц все опухло, а зубы повываливались во время голодной горячки. Другой раз купишь полфунта хлеба и прячешь как можно подальше, потому что народ с голоду набрасывается на тебя и отнимает (бывают случаи, что и убивают). У нас ежедневно поднимают на улице не менее трехсот людей, которые поумирали с голоду. Раньше было жаль, а теперь почему-то радуешься: кажется, что если они умрут, то тебе больше будет хлеба. В городе ты редко встретишь кошку или собаку: голодный народ все поел».[689]

Гражданская война и эмиграция, помимо тяжелейших испытаний, повлекли за собой еще одну беду. Сотни тысяч семей распались или потеряли кого-то из близких, целое поколение молодых мужчин из-за длительного периода войн и потрясений оказалось исключено из процесса

[688] ГА РФ. Ф. 5920. Оп. 1. Д. 7. Л. 25.
[689] ГА РФ. Ф. 5920. Оп. 1. Д. 7. Л. 24, 24 об.

создания семей. Многие из тех, кто был женат, оказались разлучены с семьями без всякой надежды на воссоединение в будущем. С другой стороны, поиск в эмиграции спутника или спутницы жизни для одиноких россиян были важны и по экономическим соображениям. Ведение совместного хозяйства, особенно в чужой стране, в наемном жилище, всегда оказывалось более эффективным. Жизнь в эмиграции брала свое, и российские беженцы, покинувшие Россию без семей, начинали обустраивать свою личную жизнь.

Материальный и бытовой уровень жизни российских беженцев был очень тесно связан с другой проблемой – ассимиляцией. В разных странах «беженского рассеянья» были свои специфические особенности, обусловленные культурной, правовой, религиозной, экономической средой. Однако ассимиляция россиян имела во всех этих странах и свои общие, национальные черты.

Важным фактором являлся демографический состав русских эмигрантских колоний, значительную часть которых составляли холостяки трудоспособного возраста, что неизбежно приводило к смешанным бракам с местными жительницами. Этому явлению способствовал также живой интерес к российским беженцам во французском обществе и «русская мода», буквально захлестнувшая Париж 1920-х гг.

Острое чувство одиночества от потери родины, оторванности от родной культурной, языковой, духовной среды, от потери дома и строенного быта усугублялось у российских беженцев и острым личным одиночеством.

М. Раев обращал внимание на «изолированность и одиночество тех россиян, которые оседали во французской провинции. Многие из них потеряли свои семьи либо в России, либо на пути в изгнание. Эти люди по-прежнему хранили верность своим родным и друзьям. Они стремились

поддерживать в себе чувство общности, основанное на единстве прошлого и судьбы, что само по себе исключало серьезные попытки к интеграции».[690]

Джонстон отмечал, что все оттенки эмигрантского общественного мнения признавали важность борьбы с утратой русского национального чувства у молодежи. В общественном дискурсе было понимание, что молодые мужчины и женщины в эмиграции не должны сдаваться чужой культуре, какой бы привлекательной она ни была, по крайней мере, не без сопротивления. Созданный в 1922 году «Центральный Комитет по обеспечению высшего образования Русской Молодежи за рубежом», в состав которого вошли делегаты от всех крупных благотворительных и научных организаций, действующих в русской диаспоре, помимо прочего, ставил перед собой задачу сохранения гражданской идентичности молодыми эмигрантами второго поколения.[691]

Смешанные браки становились для русских мужчин необходимостью, создание семьи помогало постепенно избавиться от мировоззренческого, культурного, ментального шока после трагического разрыва с родиной. Смешанный брак помогал скорейшей адаптации, быстрому вхождению в социокультурную среду нового общества, позволял построить обустроенный повседневный быт, которого так недоставало беженцам на чужбине.

Но такие смешанные браки не оставляли русскому эмигранту пространства для выбора дальнейшей национально-культурной альтернативы: ускоренная ассимиляция с этого момента была практически неизбежной, и одним из её проявлений становилось крещение рожденных в совместном браке детей по католическому обряду. Да, прецеденты подобного рода остро осуждались в русских православных колониях, но «увод» ребенка из православия часто воспринимался родителями в качестве шанса на успех во взрослой жизни. Культурная, религиозная ассимиляция закладывалась

---

[690] Цит. по: *Бойко Ю.В.* О влиянии смешанных браков на процессы социальной адаптации россиян во Франции 1920-х годов. // История российского зарубежья. С. 109.

[691] *Robert H. Johnston.* New Mecca, New Babylon: Paris and the Russian Exiles, 1920-1945. Montreal. 1988. P. 36.

самими родителями с первых дней жизни их общего ребенка, не оставляя ему в будущем возможности выбора между национальной и культурной идентичностью отца или матери.[692] В этот момент потеря национальной и культурной идентичности эмигрантскими семьями окончательно становилась свершившимся фактом: крещение родившегося в православной семье в эмиграции ребенка по католическому обряду однозначно указывало на духовный разрыв с покинутой родиной и ускоренную ассимиляцию.

Постепенно смягчалось и французское законодательство, долгое время весьма жестко относившееся к смешанным баркам француженок и иностранцев. 10 августа 1927 г. был издан закон, по которому француженка, вышедшая замуж за иностранца, получила право оставаться гражданкой Франции.

Статья 14 этого закона гласила, что француженка, вышедшая замуж после 1914 года, имеет право на восстановление своего французского гражданства. Те, кто вышли замуж до 10 августа 1927 г. и желали воспользоваться этим законом, должны были сделать это в течение года. По имеющимся сведениям, число поданных прошений такого рода достигло 15-ти тысяч.[693]

Как правило, русские люди на чужбине старались обустроить свое семейное гнездо, скрепить жизнь домашним очагом, детьми, уютом. Франция в этом смысле предоставляла порой российским беженцам такие шансы. Многие французские промышленные предприятия, заинтересованные в сохранении постоянного квалифицированного коллектива рабочих, старались обустроить их семейный быт, поддерживая и поощряя семейное обустройство и рождение детей, справедливо полагая, что семейный работник с детьми будет намного ответственнее относиться к своей работе, чем его холостой коллега. Именно при реализации этой политики в окрестностях Парижа и в других местах французской провинции возникали

[692] ГА РФ. Ф. 6461. Оп. 1. Д. 112. Л. 5.
[693] Возрождение. Париж. 1928. № 1136. С. 4.

поселения русских эмигрантов, селившихся компактно в домах, предоставлявшихся им заводской администрацией и обустраивавших быт своих семей по образу и подобию покинутых родных мест.

Существует теория «ценностных различий», гласящая, что «степень различий в ценностях между страной выхода и страной поселения мигрантов прямо пропорциональна количеству трудностей, переживаемых человеком в процессе адаптации. Взрослые мигранты имели уже устоявшиеся, сравнительно неизменные системы ценностей и соответствующие им образцы поведения. Ценности их детей в силу более тесных и частых контактов с представителями иной культуры и неустойчивости их ценностных систем в большей степени склонялись к ценностям представителей доминирующей культуры. Это говорит о том, что в эмиграции был неизбежен разрыв поколений, поскольку ценности родителей, сформированные под влиянием русской культуры, будут в сильной степени отличаться от ценностей детей, растущих в условиях других культур. Чаще всего, вырастая, дети эмигрантов начинают стыдиться своих несуразных, так и не сумевших до конца вписаться в новое общество родителей. Но и второе поколение эмигрантов, как показывают исследования, еще не может считаться «свободным» от культуры страны выхода, и дети, ради которых приносились такие жертвы, не могут ощущать себя стопроцентными американцами, немцами и т.д.».[694]

Джонстон приводил в своей монографии данные демографического исследования, которое оценивало степень «психологической и социальной ассимиляции» эмигрантского сообщества на основе его знания французского языка, образования, социальной мобильности, вовлеченности во французскую культуру, гражданства и семейной жизни. На языковом тесте из сорока с лишним человек, приехавших во Францию с оконченным

[694] Цит. по: *Макаров А.Я.* Социокультурная адаптация детей мигрантов в образовательной среде: на примере столичного мегаполиса: дисс. канд. социологических наук. М.: РГГУ, 2010.

образованием, две трети говорили по-французски хорошо или очень хорошо, около четырнадцати процентов – плохо или очень плохо. Исследовательская группа обнаружила, что в молодом поколении, родившемся во Франции, дела обстоят совсем иначе. Их данные подтвердили оценки, делавшиеся многими русскими учеными и общественными деятелями о потере русскими детьми и подростками национальной и гражданской идентичности. Французы стремились вытеснить русских на всех ступенях социальной лестницы. Исследователи обнаружили, что французские школы были мощными агентами денационализации. Русские учреждения, особенно «воскресно-четверговые школы», где русские предметы преподавались группам русских детей один-два вечера в неделю, могли только замедлить необратимый процесс. Использование языка имело решающее значение. По-французски русские дети в конце 1930-х гг. общались более непринужденно. В исследовании Симпсона отмечалось, что русские скаутские лагеря, где требовалось использование русского языка, столкнулись с реальными лингвистическими проблемами к 1937 году. Из 379 детей пять процентов вообще не знали русского языка, десять процентов говорили на нем плохо, а пятьдесят процентов – не очень хорошо. При этом дети русских фермерских семей, в районе Тулузы, сохранили свой русский язык, говоря на нем гораздо более свободно, чем на французском. Они успешно сопротивлялись ассимиляции, по крайней мере, на языковом фронте.[695]

Российское эмигрантское сообщество, гуманитарные организации, пытались противодействовать процессу ассимиляции, стиранию и исчезновению национальной и культурной идентичности молодого поколения. На Совещании российских общественных организаций по денационализации 1928 г. отмечалось, что эти процессы начали приобретать тревожные масштабы. При этом была произведена своеобразная классификация стран расселения русской эмиграции по признаку

[695] *Robert H. Johnston*. New Mecca, New Babylon: Paris and the Russian Exiles, 1920-1945. Montreal. 1988. P. 167.

благоприятствования или, наоборот, противодействия сохранению русскими людьми соей национальной идентичности. По мнению участников этого форума, страны расселения российской эмиграции составляли в тот период три неодинаковых в отношении денационализации группы. В первую входили страны, где эмиграция оказывалась вкраплена в среду существовавшего там русского населения. К таким странам относились в тот период, по мнению участников совещания, Польша, Литва, Эстония и Латвия.[696] Было признано, что в этих странах опасность потерей русскими людьми своей национальной идентичности минимальна. При этом отмечалось, что в Польше и Литве денационализация некоренного населения являлась задачей государственной политики, настойчиво воплощавшаяся в жизнь национальными правительствами. Но благодаря «самосознанию» русских колоний в этих странах и их решительной борьбе за свое право быть русскими, успеха эта политика не имела.[697]

Ко второй группе были отнесены славянские страны: Болгария, Югославия и Чехословакия, где коренного русского населения не было, и где правительства не только не боролись с сохранением русскими своей идентичности, но и оказывали значительную поддержку русским школам. В этих странах денационализация, несмотря на отсутствие внешнего давления и легкость освоения языка, с каждым годом становилась все заметнее и у взрослых, и у детей.[698]

Наконец, к третьей группе были отнесены страны с высокой, но чуждой культурой, принявшие больше половины русских беженцев – Германия и Франция. В них не было ни значительной поддержки, ни давления на русские колонии, но денационализации, особенно среди детей, приобрела угрожающий характер, особенно во Франции, где дети русских родителей могли не знать ни одного русского слова и общались с родными

[696]ГАРФ. Ф. 5851. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
[697]ГАРФ. Ф. 5851. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
[698] ГА РФ. Ф. 5851. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

только на иностранном языке. Россия для них представляла то же, что Англия или Америка, не более. Взрослые люди, оторвавшись от общения с русскоязычной средой, или совсем переставали говорить по-русски, или говорили на «ужасающем смешанном наречии».[699] Именно об этой – третьей категории – упоминалось в монографии Джонстона, где автор пересказывал содержание романа Надежды Городецкой «Противостояние поколений» (Lexil des enfants, 1936), главная героиня которого по имени Нина, молодая и пылкая, презирает государственных деятелей эмиграции с их вечной болтовней о древних временах. Она теряет уважение к своим соотечественникам и не может чувствовать себя как дома в обществе, где русские, по горьким словам автора, «были созданы, чтобы шить, водить такси и развлекать американцев».[700]

На совещании были названы и причины, по которым дети эмигрантов не только теряли родной язык, являвшийся одним из самых мощных факторов сохранения национальной идентичности, но и всякую духовную связь с Россией: с одной стороны, нужда, а с другой – стремление родителей дать своим детям экономические преимущества путем их ассимиляции в стране пребывания.

Для замедления этих процессов совещание гуманитарных организаций призвало использовать школьные и внешкольные методы работы с детьми в качестве основных факторов борьбы с денационализацией. Если в стране пребывания не было русских школ или местное законодательство не разрешало их создание, рекомендовалось открывать русские институты, создавать творческие коллективы, детские сады, клубы, летние колонии, проводить детские праздники, приуроченные к знаменательным датам русской культуры и истории, открывать русские библиотеки и кружки,

---

[699] ГА РФ. Ф. 5851. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

[700] *Robert H. Johnston.* New Mecca, New Babylon: Paris and the Russian Exiles, 1920-1945. Montreal. 1988. P. 182.

иными словами, создавать условия для максимально комфортного общения на русском языке в кругу своих соотечественников.

Усугубляло ситуацию и правовое положение русских семей во Франции. Так, с августа 1927 г. дети, рожденные во Франции от французского родителя, автоматически получали французское гражданство. И хотя русские реже, чем западноевропейские иммигранты, вступали в брак с французскими женами или мужьями, между тем целых сорок четыре процента русских мужчин, вступивших в брак между 1927 и 1931 годами, женились на француженках. Эта тенденция была гораздо более мощным фактором денационализации/ассимиляции, чем любой закон. Французская статистика натурализации показывала, что в период с 1920 по 1940 год около 18 000 русских получили французское гражданство.[701]

Не обошли стороной эти культурные тенденции и французские колонии. Для многих эмигрантов французские интересы во французских колониях, например, в Марокко, перестали восприниматься как нечто чуждое.[702]

«Осколки разбитого вдребезги» семейного быта, частные драмы, личные трагедии подчас находили свое неожиданное отражение в коммерческих разделах русскоязычных эмигрантских газет. Именно туда обращались попадавшие в беду соотечественники в слабой надежде получить

---

[701]*Robert H. Johnston*. New Mecca, New Babylon: Paris and the Russian Exiles, 1920-1945. Montreal. 1988. P. 182.

[702][Русские родители часто одобряли смешанные браки, гордились тем, что их сыновья женились на настоящих француженках или их дочери выходили замуж за настоящих французов. Приезжали в Марокко семьями. Но, бывало, создавали их и здесь. Нередко семьи распадались, а бывшие супруги разъезжались. Люди служили, растили детей, мечтали. Умирали: кто в бою с рифами, кто в своей постели, кто на больничной койке. Эмигрантская периодика пестрит сообщениями о кончине соотечественников. Память наиболее известных отмечалась некрологами. Если полистать журнал «Часовой», выходивший с 1929 г. в Париже, можно встретить множество сообщений о завершении земного пути российскими поручиками и ротмистрами, есаулами и полковниками, генералами и адмиралами. И перечень мест последнего упокоения – Рабат, Мекнес, Касабланка. Были и безвестные могилы, затерявшиеся в пустыне или в горах.]. *Луконин Ю.В*. Марокканские будни изгнанников / Российская диаспора в Африке. 20-50-е годы. Сборник статей. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. М. 2001. С. 62.

помощь или заработать скромные деньги на продаже вывезенного с родины семейного скарба и ценностей.

Стремление сохранить идентичность русских детей, наиболее подверженных ассимиляционным процессам на чужбине, проходило красной нитью через всю гуманитарную деятельность российских эмигрантских организаций. Решить эту задачу, сколь благородную, и столь же трудновыполнимую, был призван и День русского ребенка – мероприятие, задуманное в 1928 г. и с успехом дожившее в некоторых русских колониях до наших дней. Начало ему было положено с общего воззвания Земского городского союза, Всероссийского союза городов и, Педагогического бюро, Христианского юношеского движения, Объединения учительских организаций и Союза академических организаций.[703] В Праге был создан Центральный Комитет из представителей перечисленных организаций; такие же комитеты создавались по странам расселения. В 1929 г. в проведении Дня русского ребенка приняли участие 12 стран: Бельгия, Болгария, Италия, Латвия, Норвегия, Польша, Югославия, Финляндия, Франция, Чехословакия, Эстония. Воззвание, на которое откликнулись соотечественники в этих странах, содержало такие строки: «Время идет. Уже одиннадцатый год длится русское рассеянье. С каждым годом все большее число наших детей забывает родной язык и порывает последнюю связь с Россией. Физическое состояние многих тысяч русских детей внушает серьезные опасения. Недостаточное питание, плохая одежда, жизнь в холодных и сырых помещениях, часто ранний физический непосильный труд ведут к заболеваниям, малокровию и туберкулезу.[704]

Первые Дни русского ребенка, проходившие в 1929 г., проводились без какого-либо утвержденного сценария: каждая русская колония выбирала своё собственное видение этого мероприятия. В Риуперу (Франция) был устроен детский спектакль, концерт, лотерея, средства от которой были направлены

[703] ГА РФ. Ф. 5851. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
[704] ГА РФ. Ф. 5851. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.

на обустройство детской площадки. Никаких инструкций из парижского Центрального Комитета ДРР не рассылалось: главным принципом считалось создание условий для общения на русском языке, погружение детей в родную культуру, оказание посильной помощи детям из бедных эмигрантских семей. Средства для оказания помощи собирались посредством так называемого «церковного тарелочного и кружечного сбора», с помощью подписных листов, от продажи тематических газет, и т. д.

Это гуманитарное начинание оказалось очень успешным. Каждый год оно, как правило, приурочивалось к Празднику Благовещения.[705] Но иногда мог быть выбран и любой другой день. Так, в финском местечке Халила в 1938 г. День русского ребенка был проведен в приюте для русских престарелых. Вот как описывает это мероприятие источник:

В этом доме 20 июня 1938 г. было громадное оживление. Жители дома волновались, беспокоились и смотрели ежеминутно на проходящее мимо шоссе. В этот день к ним должны были приехать небывалые гости – русские дети из русской школы и из русского детского сада в Райвола. Сюда же стали съезжаться и все русские люди, живущие в округе. Наконец, появился на шоссе автобус, переполненный детьми всех возрастов, и сразу все ожили от смеха, шума, детского крика.[706]

Сохранилась эта традиция и сегодня. В 2014 г. проходил очередной День русского ребенка в Сан-Франциско.[707]

Середина 1930-х гг. была отмечена в эмигрантской среде ростом интереса к переселению в страны Латинской Америки. Побудительных мотивов к этому было достаточно. С одной стороны, экономический кризис, начавшись в Америке, докатился до Европы, оставив без работы и средств к существованию огромное число людей. Российские эмигранты оказались в

---

[705] Благовещение Пресвятой Богородицы — евангельское событие и посвящённый ему христианский праздник; возвещение архангелом Гавриилом Деве Марии о будущем рождении по плоти от неё Иисуса Христа. Отмечается 7 апреля.
[706] ГА РФ. Ф. 5851. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.
[707] https://www.youtube.com/watch?v=6oxGy4RGsZ4

этих условиях наименее защищенной группой европейского населения. Массовые увольнения на промышленных предприятиях затрагивали их в первую очередь. С другой стороны, правительства Латинской Америки в этот период начали активную политику по привлечению переселенцев на неосвоенные земли. Уругвая, Парагвай, Аргентина были крайне заинтересованы в притоке работоспособного населения, желавшего и имевшего силы освоить огромные необработанные земельные массивы. Именно в этот период в европейской прессе началась рекламная кампания по вербовке переселенцев, которым обещали землю, деньги на обзаведение хозяйством, льготные кредиты, райский климат и прочие заманчивые перспективы. Надо ли говорить, что практически все эти обещания оказались вымыслом? Здесь же стоит упомянуть об особой категории переселенцев в Латинскую Америку – одиноких людей, мечтавших создать там семью и обосноваться на новом месте. Но поскольку обмен изображениями между потенциальными супругами, находившимися по разные стороны океана, в ту эпоху был налажен из рук вон плохо, знакомства по переписке оборачивались порой не слишком приятными сюрпризами и неожиданностями.

Семейные союзы, созданные в эмиграции, равно как и семейные пары, которым удалось не потерять друг друга в водовороте войны и бегства, подвергались в чужих краях не только материальным и юридическим испытаниям. Часто вхождение в новую социальную среду было сопряжено с сословными, имущественными, национальными и даже расовыми предрассудками. Многие эмигранты, имевшие в России заметный общественный статус, оказывались в изгнании в менее привилегированном положении, опускались по социальной лестнице, не могли поддерживать привычный уровень жизни. Все это негативно сказывалось на семейных отношениях, разрушая иногда даже прочные союзы.

Браки русских эмигрантов и местных жителей часто наталкивались на неприятие русских эмигрантских общин.[708]

Неудачи в личной жизни, обусловленные тяготами изгнания, невозможность создать семью, тяжелая беспросветная повседневная жизнь, отягощенная экономическими неурядицами, равнодушием местных властей, часто толкала русских женщин к суициду. Но главным толчком становилась, как правило, измена мужа, распад семьи. Пик суицидов пришелся на конец 1920-х гг. «Среди покончивших с собой преобладали женщины в возрасте от 20 до 40 лет, по сословной принадлежности – дворянки, мещанки, представительницы интеллигентных профессий».[709]

Этот переселенческий порыв, сорвавший в 1930-х гг. с уже насиженных в Европе мест российских беженцев, заканчивался, как правило, трагично, особенно в странах Латинской Америки. В этом дальнем путешествии и уже на новом месте обитания, в Соединенных Штатах, российские семьи подвергались новым, доселе неизведанным ими опасностям. Здесь начинали играть роль и экономические реалии, часто заставлявшие супругов искать работу в разных местах в ущерб совместному ведению патриархального хозяйства; и веяния эмансипации, менявшие представления русских женщин об их роли в семейной жизни; и новые неизведанные «соблазны», иногда разрушительно действовавшие на семейные отношения.

«С каждым годом (по разным причинам) увеличивалось число разводов. Брак в эмиграции утратил привлекательность. Если в России дети в

---

[708]Так, соотечественники крайне неодобрительно отнеслись к «поручику Бабичеву, женившемуся на девушке из аристократической эфиопской семьи. Но этот брак оказался недолгим. Следующей женой Бабичева стала одна из его эфиопских служанок. Этот мезальянс закрыл чете Бабичевых доступ в дома немногочисленной, но влиятельной русской колонии, образовавшейся в Эфиопии в 1920-е годы. Спесивые русские дворянки и жены царских офицеров не желали принимать у себя на равных бывшую прислугу. Если Бабичева и приглашали на различные светские рауты, то, как правило, без жены». *Хренков А.В*. Российская диаспора в Эфиопии / Российская диаспора в Африке. 20-50-е годы. Сборник статей. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. М. 2001. С. 95.

[709]*Капран И.К.* Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е гг. XX в.). Владивосток. 2011. С. 86.

большинстве случаев служили «цементом» для брачных уз, то в эмиграции все изменилось: ребенок мог стать обузой. Нередко каждый член семьи был озабочен своими проблемами, что подтачивало былую солидарность близких людей. Крупные промышленные города превращали людей в «наемных рабов, проводящих свои лучшие годы за тяжелой, скучной, монотонной работой» на фабриках и заводах… Дети, будучи свидетелями ссор и дрязг в семье, бежали из дома в танцзалы, кинотеатры и подобные места… Женщины начали стремиться к экономической независимости от мужа и, если достигали этой цели, не считали нужным ему более подчиняться. В свою очередь дети, становясь старше, начинали зарабатывать на собственные нужды и тоже перестали подчиняться воле отца и матери. Такова упрощенная схема крушения патриархальной семьи».[710]

Семья, семейные отношения, во все века имевшие для русского человека не преходящую ценность, приобрели в эмиграции особый смысл. Создание семь вдали от родины, на чужой земле и по чужим законам, являлось, без сомнения, смелым шагом. Бытовая неустроенность, безработица, неопределенное правовое положение, чуждая культурная и языковая среда представляли серьезную опасность для молодой семьи. Но стремление к созданию собственного «уютного мирка», где можно было бы укрыться от враждебной окружающей действительности, перевешивали все возможные трудности.

Создание семьи на чужбине для многих российских эмигрантов было и способом экономической и культурной адаптации. Заведомо неравные браки, мотивированные с той или другой стороны экономическими мотивами, не были редкостью в эмигрантской среде. Зачастую они вели к ускоренной ассимиляции русского супруга. Дети, появившиеся на свет в таких союзах, как правило, уже не учили русский язык и не владели им, русская культура и национальные обычаи очень быстро уступали место национальным обычаям

---

[710] *Баландина О.В.* Проблемы социальной адаптации антибольшевистской эмиграции в США 1917-1930 гг. // Американский ежегодник. 2000. М.: Наука, 2002. С. 176.

стран пребывания, а русский язык в качестве языка семейного общения окончательно выходил из употребления.

Однако нередким явлением в эмиграции были семьи, сохранявшие свой язык и культуру, несмотря на внешние препятствия и общую тенденцию к ассимиляции, набиравшую силу в эмигрантской среде. Сохранению русского языка и национальных обычаев способствовали компактные эмигрантские поселения, существовавшие в разных странах в определенные промежутки времени и обусловленные экономическими реалиями той или иной страны. Особенно заметными были такие компактные русские поселения во Франции в середине 1920-х гг. и в Латинской Америке 1930-х. В этом случае у российских эмигрантов появлялась возможность создать свой маленький «русский мир» с православным храмом, русской школой и сохраненными национальными обычаями.

Подводя итог в изучении роли семьи в сохранении национально-культурной идентичности российских эмигрантов, необходимо сделать ряд выводов.

Во-первых, следует констатировать, что русские семьи, возникшие на чужбине или воссоединившиеся в изгнании, стали весомым фактором сохранения гражданской, культурной и национальной идентичности; сохранения языка и культуры огромного числа соотечественников. Трудно переоценить роль эмигрантской семьи в противодействии процессам денационализации среди детей и молодежи, особенно подверженных ассимиляционному воздействию школы и окружения. Ключевую роль в стабилизирующем воздействии эмигрантской семьи играл язык семейного общения, ставший залогом сохранения и передачи новому поколению национальных традиций и наследия.

Во-вторых, наряду с денационализацией и потерей идентичности, не менее серьезной угрозой эмигрантской семье становилась маргинализация молодого поколения. В этом смысле особую роль играло сопротивление социокультурной среды стран пребывания. Правовая неопределенность или

откровенная законодательная дискриминация, поведенческие стереотипы и различия в культуре повседневной жизни, послевоенный шовинизм в обществе и конкуренция за рабочие места, религиозные, языковые, культурные различия – все эти гуманитарные факторы оказывали сильнейшее воздействие на интеграционные процессы. Одновременно действовал и другой психологический фактор: умышленное нежелание некоторой части беженцев идти на культурную ассимиляцию, принимать бытовые и культурные нормы и правила местной повседневности. Этот внутренний конфликт был крайне травматичен для личности; ему неизбежно сопутствовали разочарование, тоска, депрессия, приводившие менее стойкие натуры на грань личностного распада.

Особую «группу риска» в этом смысле представляло молодое поколение эмигрантов, выехавших из России вместе с родителями или уже родившихся за границей. Процессы маргинализации в их среде были особенно заметны и вызывающи. Та самая «денационализация», которой уделено отдельное внимание в рамках диссертационного исследования, проявлялась в молодом поколении особенно остро. Молодежи с русскими корнями, но с нормами и правилами, усвоенными в инокультурной повседневности, было крайне трудно идентифицировать себя в общественной жизни. Нравственные и культурные нормы родителей не являлись для них ценностью. Бегство из родной страны и резкое понижение социального статуса их родителей воспринималось детьми как поражение, а события на родине – как свидетельство краха тех ценностей, о которых им говорили в школе. В этой ситуации глубокого внутреннего конфликта молодежный возрастной максимализм приобретал вызывающие черты. Цинизм, отсутствие идеалов, стремление к материальному благополучию любой ценой, показная и безоглядная ассимиляция в культурном пространстве стран пребывания, нежелание оставаться носителями и хранителями национальных культурных ценностей и языка – эти и целый ряд других проявлений гуманитарного кризиса в среде русской эмигрантской

молодежи делали ее крайне уязвимой в инокультурной среде. Снижение морального уровня, отказ от «отцовских» нравственных норм при общей интеллектуальной незрелости и неумении усвоить культурные ценности иноязычного общества, часто имели своим следствием маргинализацию определенной части молодых людей.

Наконец, очевидна и противоположная тенденция: смешанные семьи, где один из её членов являлся гражданином страны пребывания эмигранта, способствовали ускоренной ассимиляции с быстрой потерей русскими беженцами стремления и возможностей к сохранению собственной национально-культурной идентичности.

Подводя общий итог к главе 5, уместно сделать следующие выводы.

Миллионы военнопленных Первой мировой войны, находившиеся к моменту ее окончания в разных странах мира, вызвали беспрецедентный гуманитарный кризис. Положение военнопленных в воюющих государствах становилось поистине ужасающим. Ситуацию усугубляли целенаправленные издевательства, пытки, истощающая эксплуатация и бессудные казни, практиковавшиеся всеми сторонами Первой мировой войны. В этих обстоятельствах деятельность международных и российских гуманитарных организаций внесла неоценимый вклад в гуманизацию отношений между людьми, облегчила материальное положение военнопленных. Забота о военнопленных оказалась экзистенциальным вызовом: общечеловеческие ценности, гуманитарное право, гуманизм и милосердие должны были одержать моральную победу над расчеловечиванием в условиях войны и послевоенного кризиса. В этих обстоятельствах российская гуманитарная деятельность в среде русских военнопленных стала сильнейшим фактором, оказавшим воздействие на сохранение ими своей национальной идентичности и культуры. Разрушение идентичности, размывание нравственных устоев, культурная деградация, депрессия и потеря смысла дальнейшего существования – вот те душевные болезни, с которыми пришлось вести

борьбу российским гуманитарным организациям в среде русских военнопленных.

Русские семьи, возникшие на чужбине или воссоединившиеся в изгнании, стали весомым фактором сохранения гражданской, культурной и национальной идентичности; сохранения языка и культуры огромного числа соотечественников. Трудно переоценить роль эмигрантской семьи в противодействии процессам денационализации среди детей и молодежи, особенно подверженных ассимиляционному воздействию школы и окружения.

Заключение

Российская гуманитарная деятельность в период между двумя мировыми войнами стала едва ли не первым в истории примером самоорганизации значительных масс людей в стремлении сохранить собственную национально-культурную идентичность в условиях гражданского конфликта и изгнания. Помощь наименее защищенным членам сообщества; сохранение культурного наследия и языка; борьба с денационализацией, ассимиляцией и маргинализацией; образование и просвещение; благотворительность в самом широком понимании этого явления; образование и просвещение; борьба с болезнями и безработицей – эти и целый ряд иных областей человеческой жизни находились в центре внимания российской гуманитарной деятельности. При этом необходимо признать, что гуманитарная деятельность осуществлялась не благодаря, а вопреки внешним условиям и обстоятельствам. Она стала ответом на катастрофические вызовы эпохи, поставившие под сомнение само существование народа как единой общности, объединенной языком, культурой, историей и наследием. Русский народ, расколотый гражданским противостоянием, исходом из страны огромной массы пассионарных, патриотичных, трудоспособных и активных людей, оказался одним из самых разделенных народов планеты. Гуманитарная деятельность периода 1917-1930-х гг. позволила на этом историческом этапе не только сохранить его как общность, но и заложить нравственные основы для его дальнейшего развития.

До настоящего момента и в общественном дискурсе, и в специализированных научных исследованиях устоявшееся определение понятия «гуманитарная деятельность» отсутствовало. В разные исторические периоды и в разных политических дискурсах под гуманитарной деятельностью могли пониматься самые разные явления, не всегда

отвечавшие гуманистическому наполнению этого явления. Такая ситуация свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования понятийного аппарата и методологического инструментария, которые позволили бы изучать это важнейшее явление общественной жизни без навязанного политического влияния.

Исследование феномена российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны и эмиграции невозможно без синтеза современного опыта и опыта предшествующих столетий, накопленного поколениями мыслителей-гуманистов. Современные нормы международного права, имеющие в своей основе трансформированный опыт гуманитарных кризисов XX века, были заложены накануне и в ходе Первой мировой войны и национальных катастроф, ставших ее следствием.

Изучением гуманитарных процессов периода Гражданской войны и эмиграции занимались многие исследователи, однако их интерес к этому явлению носил фрагментарный и эпизодический характер. Российская гуманитарная деятельность изучалась лишь как некий набор несвязанных между собой событий, без попыток осмысления этого феномена в качестве философского, культурного явления, или как формы общественной самоорганизации в условиях острого гуманитарного кризиса.

Изучение российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны и эмиграции как неотъемлемого фактора сохранения национально-культурной идентичности значительных масс людей осложняется отсутствием системного историографического труда, который обобщил бы значительный массив научной литературы по названной проблеме. Доступные сегодня историографические исследования по теме существенно облегчают научный поиск, однако имеют общеисторический характер. Однако труды, затрагивающие драматические события столетней давности, часто стали носить поверхностный, а иногда предвзятый дискурс. Многие статьи и монографии по истории Гражданской войны и эмиграции носят фрагментарный характер, не учитывают контекст происходивших

событий, оперируют вторичной информацией без опоры на первоисточники, нисходят до манипуляций историческим знанием. Такая тенденция в мировой и отечественной науке стала неизбежным следствием политических процессов, происходящих сегодня в разных странах ближнего и дальнего зарубежья. Попытки «переписать историю», расставить «актуальные» текущей политической конъюнктуре акценты, привнести новые смыслы в события первой половины XX века с оглядкой на «требования текущего момента» – все эти тенденции стали очень заметны в современной историографии. Тем важнее сегодня продолжать исследования такой важной и во многом болезненной темы как гуманитарная деятельность, поскольку именно эта область общественной жизни подвергается сегодня наибольшему давлению и стрессу.

В историографическом массиве, в той или оной степени затрагивающем российскую гуманитарную деятельность, отчетливо прослеживается несколько основных периодов. Первый пласт исследований рассматриваемой проблемы относится к межвоенному периоду, когда российскую эмиграцию можно было изучать непосредственно. Трудам этого отрезка времени была свойственна излишняя эмоциональность и вовлеченность авторов в изучаемые события. Вместе с тем, именно исследования этого периода предоставляют нам наиболее ценный материал, добытый историками «по горячим следам», с опорой на личные впечатления и переживания. Научные труды зарубежных историков послевоенного времени несли на себе отпечаток идеологического противостояния великих держав. Российская эмиграция изучалась в контексте политических событий, происходивших в мире той эпохи. Гуманитарные сюжеты занимали в этих исследованиях второстепенное место: главное внимание авторы уделяли политическому и идеологическому потенциалу российской эмиграции как ресурсу в идеологическом противостоянии СССР. Период 1990-х – двухтысячных годов оказался отмечен всплеском интереса зарубежных исследователей к истории русского зарубежья. С одной стороны, очередное

обострение ментального противостояния оживило интерес к идеологическому наследию эмиграции. С другой – проявилась тенденция более углубленного и предметного изучения происходивших в русском зарубежье процессов. Особенно наглядно эти тенденции заметны в современных трудах восточноевропейских ученых, стремящихся найти в истории своих стран 1920-х – 1930-х гг. – и истории российской эмиграции в этом контексте – новые смыслы для проводимой правительствами этих стран внешнеполитической линии.

Несмотря на глубокие философские и исторические корни гуманитарной идеи, комплексное изучение этого явления находится в самом начале пути. Современным общественно-политическим дискурсом активно востребована гуманитарная лексика, однако до сих пор не выработаны точные индикаторы соответствия той или иной деятельности определению «гуманитарная». Следствием такого положения дел становится вольная интерпретация этого альтруистического понятия в интересах тех или иных политических объединений. В то же время, к настоящему моменту накоплен огромный источниковый и научный потенциал для точного и полного описания этой важнейшей функции человеческой цивилизации.

В период Гражданской войны российским гуманитарным организациям, объединившимся под флагом Российского общества Красного Креста, удалось создать в Сибири и на Дальнем Востоке действенную систему медицинских, питательных, гигиенических и реабилитационных учреждений, сыгравших существенную роль в оказании помощи как действующей армии, так и гражданским беженцам.

Опыт Гражданской войны в России позволяет наблюдать парадоксальную преемственность в политике антибольшевистских и советских властей по сохранению культурного достояния и исторического наследия. Непримиримые противники, не испытывавшие друг к другу на поле боя ни капли сочувствия, приходя к власти в различных регионах Сибири и Дальнего Востока, в числе первых законодательных решений

принимали акты о защите тех или иных объектов национального наследия: книжных собраний, художественных коллекций, архивов. Объяснить подобный феномен можно лишь уверенностью обоих враждующих сторон, и «красных», и «белых», в непреходящем значении гуманитарного достояния общества. Эти факты стали безусловным феноменом Гражданской войны, требующим специального исследования. Факт восстановления гуманитарной деятельности в условиях вооруженного гражданского конфликта стал едва ли не уникальным примером самоорганизации общества, разделенного на непримиримые стороны. Страдания мирного населения, неизбежно вовлеченного в гражданское противостояние, стремительная деградация общественной морали, социальной жизни, экономики и культуры в условиях гражданской войны были бы еще ужаснее без небольших очагов гуманитарной деятельности. Безусловно, роль государственного и военного управления в осуществлении гуманитарной деятельности была велика. Логистика, снабжение, материальные и финансовые ресурсы, международные контакты – без всех этих элементов, находившихся в руках «официальных» структур гуманитарная деятельность была бы невозможна. Однако без гуманитарного начала, исходившего от российских общественных организаций; без гуманистического стремления оказать помощь ближнему деятельность государственных и военных властей не были бы столь эффективны, как работа общественных структур. Российские гуманитарные организации во многом взяли на себя государственные функции. Их деятельность подменяла стремительно деградировавшее государственное управление, создавая ему реальную альтернативу. Сотни тысяч вовлеченных в эту деятельность людей смогли обрести ощущение причастности к общему национальному организму, почувствовать общественный уход и заботу, идентифицировав себя частью единой страны. Гуманитарная деятельность «сшивала» разорванную гражданской войной идентичность, позволяя людям находить нравственные точки опоры в их стремительно разрушавшемся мироощущении.

Изначально оказывая помощь армейским частям в лечении, эвакуации, санитарном обслуживании больных и раненых, российские гуманитарные организации на территориях, занятых антибольшевистскими режимами Сибири и Юга России, стали в итоге едва ли не главной реальной силой, взявшей на себя решение всего комплекса гуманитарных проблем в тех регионах, где они осуществляли свою деятельность. Борьба с эпидемиями, реабилитация выздоравливающих и инвалидов, сохранение научного, культурного, природного наследия, просветительская и медико-санитарная работа – эти и целый ряд других направлений деятельности стали их зоной ответственности. Гуманитарный кризис Гражданской войны в России имел бы значительно более тяжелые последствия без способности общества к самоорганизации; без волонтерской и благотворительной деятельности; без стремления общества сохранить собственную идентичность в условиях тотального военного, экономического, идейного и политического кризиса.

Население Украины и Юга России, в силу складывавшегося веками национально-этнического состава, очень по-разному ощущало собственную идентичность. Гражданское противостояние в этих регионах носило ожесточенный характер, обостряясь за счет межнациональных и межэтнических конфликтов. В этих условиях российская гуманитарная деятельность, базирующаяся на общечеловеческих принципах, представляла собой едва ли не единственную альтернативу всеобщему одичанию и войне «всех против всех». На коротком отрезке времени 1918-1920-х гг. российским гуманитарным организациям удалось создать действенную систему помощи всем нуждавшимся, вне зависимости от их национальности, политических пристрастий и социального статуса. Это позволило на кратком историческом этапе сохранить идентичность вовлеченных в эту деятельность людей в качестве граждан единой некогда страны, предложив им универсальные гуманитарные ценности.

Российская гуманитарная деятельность периода гражданского противостояния имела еще один неожиданный эффект. Люди,

непосредственно вовлечённые в нее, становились не только субъектами, оказывающими помощь нуждавшимся в самых различных формах, но и сами становились её объектом: гуманитарная деятельность требовала огромного количества специалистов в области медицины, науки, культуры, образования, т.е. тех специальностей, которые в период кризиса несли наибольшие потери. Гуманитарная деятельность обеспечивала работой российскую интеллигенцию, подвергавшуюся наибольшему социокультурному стрессу и находившуюся в самом сложном экономическом положении. Забота о ближнем; о сохранении национального культурного, научного, природного наследия; благотворительность и меценатство способствовали сохранению в условиях гражданской войны научных школ и коллективов, навыков и компетенций, утеря которых была бы неизбежной в условиях развернувшегося в России в 1917-1920-х гг. гуманитарного кризиса.

Забота общества о сохранении национального наследия стала неотъемлемой частью общегуманитарной деятельности по сохранению национально-культурной идентичности. Общенациональные памятники природы, истории, науки, культуры нуждались в охране вне зависимости от того политического режима, который в условиях гражданской войны контролировал ту или иную территорию. Осознание этого факта служило побудительным мотивом для общества в деле сохранения национального наследия. Совместная работа над этой миссией, вероятно, как ни в какой другой области общественной жизни, способствовала сохранению национально-культурной идентичности, поскольку именно здесь взаимосвязь национальной культуры, языка и наследия с людьми, от которых зависело сохранение этого богатства в условиях гуманитарной катастрофы, была столь наглядна и ощутима.

Многочисленные свидетельства очевидцев и непосредственных участников событий позволяют констатировать, что российские граждане, в силу целого ряда причин вынужденные бежать из своей страны, столкнулись

с невиданным ранее гуманитарным кризисом, перекинувшимся с территории России на земли ее ближайших соседей. Условия бегства и эвакуации из охваченной гражданской войной страны ставили эмигрантов на грань выживания. Лишения часто усиливались враждебным отношением коренных жителей регионов, через которые пролегал их путь. Межнациональные, межкультурные, межэтнические и религиозные конфликты ближнего зарубежья, долгие годы находившиеся в «спящем» состоянии благодаря стабилизирующему влиянию Российской Империи, очень быстро разгорелись с новой силой. Российские беженцы, силой обстоятельств заброшенные в чуждые им общества, стали невольным катализатором этих процессов. Перманентный экономический кризис и нищета ближнего российского зарубежья того периода лишь усиливали это враждебное отношение: коренные жители воспринимали российских беженцев в качестве конкурентов на и без того скудные ресурсы своих государств.

Не вызывает сомнений тот факт, что подавляющее большинство российских беженцев на начальном этапе изгнания продолжали ощущать себя российскими гражданами, членами единой общности и носителями единой национально-культурной идентичности. Возникла «Россия вне России», «жители» которой отнюдь не стремились стать частью нового общества, ассимилировать и превратиться со временем в поляков, французов, немцев или болгар. Сохранение в эмиграции собственной национально-культурной идентичности было не только целью, но и средством выживания в изгнании, смыслом существования и способом жизни.

Гуманитарное положение русских эмигрантов было напрямую связано с ситуацией на ранке труда приютивших их стран, причем это влияние оказывалось двусторонним. Погрузившись в экономические реалии стран Восточной Европы, Азии, Северной Африки и Китая российские беженцы смогли ощутить на себе всю тяжесть послевоенного положения этих государств. Экономический упадок, отсутствие социального обеспечения, общая деградация гуманитарной ситуации делали трудоустройство русских

эмигрантов крайне сложным процессом, затрудняя их социальную адаптацию. С другой стороны, прибытие в Турцию, Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, Тунис, Китай и целый ряд других стран большого количества беженцев без средств к существованию привел к острому дисбалансу на рынках труда этих стран.

Этап первичной адаптации русских эмигрантов в принимавших их странах наглядно показал, что эта адаптация происходит скорее вопреки, нежели благодаря политике местных правительств. Дискриминационные юридические нормы по отношению к иностранцам, отсутствие сформулированной политики по отношению к беженцам из России, подозрительность и неприкрытая враждебность местного населения, особенно в странах Азии и Африки, создавали ту социокультурную среду, в которой приходилось строить новую жизнь нашим соотечественникам. Сохранение в этих условиях национальной культуры и идентичности являлось крайне сложной задачей. Настойчивое стремление государств Антанты как можно быстрее расселить российских беженцев, находившихся в Константинополе и его окрестностях, объясняется, прежде всего, той новой геополитической реальностью, которая сложилась в регионе с момента появления эмигрантов. Опасаясь потенциально возможного захвата города обездоленными русскими солдатами, союзное руководство стремилось в максимально сжатые сроки ликвидировать эту угрозу. Постепенно экономические и гуманитарные мотивы в вопросе расселения или не-расселения стали преобладать над соображениями военно-стратегическими. Особенно весомыми эти доводы являлись для Франции, несшей значительно большую материальную нагрузку по содержанию российской эмиграции в Турции, нежели другие страны союзницы. Составной частью политики иностранных государств в деле расселения российских эмигрантов было создание условий для начала процесса репатриации. Очень часто репатриация, организованная и проводившаяся французским военным командованием, сопровождалась насильственными действиями, что наносило

серьезный ущерб отношениям, воспринимавшимся ранее российскими беженцами как союзнические.

Российская гуманитарная деятельность в сфере образования и воспитания русских детей в эмиграции стала весомым фактором сохранения национально-культурной идентичности. Русские школы, детские сады, гимназии, другие детские и юношеские учебные заведения, созданные и управлявшиеся российскими гуманитарными организациями за границей, стали средоточием национального образования и менталитета, где русские дети знакомились с российской историей и культурой, говорили на родном языке и получали патриотическое воспитание. Эта системная работа позволила на определенном этапе существенно затормозить процессы денационализации и ассимиляции в молодежной эмигрантской среде.

Велика роль российского образования была и в профессиональной переподготовке взрослых беженцев и бывших военнопленных Первой мировой войны в Европе. Духовный голод в эмигрантской среде, ставший особой приметой изучаемого периода, мог быть удовлетворен исключительно русским литературным и научным словом. И российская гуманитарная деятельность в этом направлении на протяжении многих лет обеспечивала духовные и образовательные потребности соотечественников, сохраняя тем самым их идентичность.

Российская образовательная инфраструктура за рубежом не только предоставляла обучение и воспитание детям эмигрантов, но и сама являлась инструментом социальной адаптации для тысяч учителей, ученых и беженцев других профессий, находивших работу по специальности. В этом смысле русская школа в изгнании позволила не только воспитывать детей и подростком, но и сохранить национальный интеллектуальный капитал, обеспечив занятость наименее приспособленной к изгнанию категории людей.

Традиции русского образования, укоренившиеся на зарубежной почве, позволяют говорить об особом феномене русской школы, русской научной и

политической мысли в эмиграции, ставшем следствием российской гуманитарной деятельности. Тысячи русских ученых, литераторов, журналистов, инженеров, получивших образование в беженских русских школах, заняли достойное место в мировой науке и культуре, сохранив при этом духовную и благодарную связь с покинутой Родиной.

Не менее значимой в деле сохранения национально-культурной идентичности была образовательная и воспитательная деятельность русских военных союзов и офицерских объединений. Воспитание эмигрантских детей и молодежи в духе уважения и почитания покинутой Родины красной нитью проходило через работу кадетских и иных образовательных учреждений, создававшихся при участии русских офицерских объединений. Изучение истории России, русского языка и литературы, воспитание молодежи в духе русских воинских традиций, издание патриотической литературы, мемориализация и музеефикация русской военной истории – все эти меры внесли значимый вклад в дело сохранения молодыми эмигрантами национально-культурной идентичности, препятствовало их денационализации и маргинализации.

Правозащитная гуманитарная деятельность профессиональных объединений российских юристов внесла ощутимый вклад в дело сохранения эмигрантами национально-культурной идентичности. В период полной неопределенности правового статуса, когда в общемировом общественном дискурсе в отношении беженцев из России стало использоваться определение «апатриды», или «лица без гражданства», создание русскими юристами действенных структур правовой помощи не только способствовало социальной адаптации, но и позволяло людям сохранять человеческое достоинство в условиях бесправия и социокультурного стресса.

Организационные структуры российских гуманитарных организаций в Европе закладывались в период Первой мировой и Гражданской войн. Попечение о русских военнопленных в европейских лагерях, благотворительные общества и частные жертвователи, госпитали

Российского общества Красного Креста – эти и целый ряд других гуманитарных институтов стали той основой, на которой позднее стала базироваться вся российская гуманитарная деятельность в эмиграции. Без опыта, полученного в военный период, призрение, снабжение, лечение и обустройство огромной массы беженцев, хлынувшей через европейские границы из России, было бы невозможно. Особенно ценным в этом смысле оказался опыт попечения о русских военнопленных, чье положение в европейских, и особенно в германских лагерях было катастрофическим. Последующая их репатриация еще более усилила роль гуманитарных организаций, чья деятельность позволила сохранить десятки тысяч жизней.

Российская гуманитарная деятельность явилась следствием общественной самоорганизации людей, волею судьбы оказавшихся в изгнании. Профессиональные и воинские союзы, благотворительные общества и приюты, землячества и артели – эти и подобные объединения соотечественников становились субъектами гуманитарной деятельности, с одной стороны, оказывая посильную помощь наиболее обездоленным беженцам, а с другой становясь центрами сохранения национальных традиций, языка и культуры. Гуманитарная деятельность постепенно превращалась из средства выживания в самостоятельную цель, когда национальное самосознание начинало прочно ассоциироваться с необходимостью помощи ближнему.

Необходимо признать, что российская гуманитарная деятельность в эмиграции развивалась не благодаря, а вопреки правовым, экономическим и социокультурным реалиям стран пребывания. И если восточно-европейские страны и Франция были, в целом, лояльны прибывавшим к ним беженцам, то Германия, Турция, страны Северной Африки не спешили создавать для них благоприятные условия, проводя в жизнь политику правового и экономического «выдавливания» российских эмигрантов. В этих условиях помощь российских гуманитарных организаций в деле трудоустройства, попечения об инвалидах, в решении правовых вопросов, в переселении в

другие – более дружелюбные – страны оказалась крайне важной. В условиях гуманитарного кризиса, начавшегося в период Первой мировой войны и перманентно продолжавшегося в Европе на протяжении 1920-х гг., российские гуманитарные организации, с одной стороны, становились каналами коммуникации между массой российских беженцев и властями стран пребывания в деле распределения благотворительной помощи, в решении правовых вопросов и административных вопросов, а с другой являлись сильным стабилизирующим фактором, который позволил сотням тысяч соотечественников обустроиться в новом и чуждом для них обществе. Образовательные, культурные, благотворительные проекты, призрение больных и инвалидов, русская издательская деятельность позволили значительной части покинувших родину людей ощущать себя частью единого сообщества, препятствуя тем самым денационализации и ассимиляции.

Одной из острейших гуманитарных проблем рассматриваемого периода стала проблема военнопленных. Впервые в своей истории человеческая цивилизация столкнулась с подобным беспрецедентным гуманитарным вызовом, когда миллионы людей разных рас и национальностей оказались захвачены в плен враждующими сторонами и сконцентрированы в ограниченном пространстве, как правило, не приспособленном для содержания такого количества людей, их полноценной жизни, лечения и удовлетворения самых элементарных жизненных потребностей. Шовинистическая пропаганда всех воюющих сторон создавала в обществах унизительный и враждебный образ солдат противной стороны. Экономические проблемы воюющих стран, нехватка продовольствия, лекарств и самых элементарных предметов первой необходимости обрекали военнопленных на снабжение по «остаточному принципу»: национальные правительства не спешили снабжать концентрационные лагеря в ущерб собственному населению, чья ненависть к пленным усердно подогревалась пропагандистской машиной. В этой ситуации положение военнопленных в

воюющих государствах становилось поистине ужасающим. Ситуацию усугубляли целенаправленные издевательства, пытки, истощающая эксплуатация и бессудные казни, практиковавшиеся всеми сторонами Первой мировой войны. В этих обстоятельствах деятельность международных и российских гуманитарных организаций внесла неоценимый вклад в гуманизацию отношений между людьми, облегчила материальное положение военнопленных.

Российская гуманитарная деятельность в среде русских военнопленных стала сильнейшим фактором, оказавшим воздействие на сохранение ими своей национальной идентичности и культуры. Тяжелейшие условия плена после кровопролитных фронтов мировой войны, оторванность от родины и семьи, постоянные унижения и угроза физическому выживанию – все эти факторы вели к тяжелейшему ментальному, культурному, психофизическому кризису личности. Разрушение идентичности, размывание нравственных устоев, культурная деградация, депрессия и потеря смысла дальнейшего существования – вот те душевные болезни, с которыми пришлось вести борьбу российским гуманитарным организациям в среде русских военнопленных. И эта борьба, без сомнения, оказалась успешной.

Создание семьи на чужбине для многих российских эмигрантов было и способом экономической и культурной адаптации. Заведомо неравные браки, мотивированные с той или другой стороны экономическими мотивами, не были редкостью в эмигрантской среде. Зачастую они вели к ускоренной ассимиляции русского супруга. Дети, появившиеся на свет в таких союзах, как правило, уже не учили русский язык и не владели им, русская культура и национальные обычаи очень быстро уступали место национальным обычаям стран пребывания, а русский язык в качестве языка семейного общения окончательно выходил из употребления.

Однако нередким явлением в эмиграции были семьи, сохранявшие идентичность, свой язык и культуру, несмотря на внешние препятствия и общую тенденцию к ассимиляции, набиравшую силу в эмигрантской среде.

Сохранению русского языка и национальных обычаев способствовали компактные эмигрантские поселения, существовавшие в разных странах в определенные промежутки времени и обусловленные экономическими реалиями той или иной страны. В этом случае у российских эмигрантов появлялась возможность создать свой маленький «русский мир» с православным храмом, русской школой и сохраненными национальными обычаями.

Сегодня мир сталкивается с системными вызовами, ставящими под угрозу не только экономическое благополучие тех или иных государств, но и саму идентичность проживающих там людей. В общественном дискурсе XXI века вновь одно из центральных мест занимает слово «беженцы». Их призрение и адаптация в странах пребывания наталкивается на серьезные проблемы гуманитарного свойства, как будто и не было опыта интеграции российской эмиграции в европейские общества ровно сто лет назад. Только сегодня речь идет уже о сохранении собственной идентичности коренными жителями стран, ставших целью для миллионов беженцев. Сосуществование этих разнородных сообществ наталкивается на целый комплекс ментальных, культурных, экономических проблем, ключом к решению которых может стать опыт российской гуманитарной деятельности 1917-1930-х гг.

Список источников и литературы

I. Источники неопубликованные

1. ГА РФ. Ф. 1845 — Временное Главное управление Российского общества Красного Креста (Омск). 1918-1920. оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 12, 14, 15, 22, 23, 37, 39. 40, 41, 42, 43, 69, 74, 75, 86. 117, 119.
2. ГА РФ. Ф. 5925 — представительство Временного главного комитета Всероссийского союза городов в Чехословацкой республике, г. Прага. Оп. 1, дд. 1, 3, 4, 12, 15.
3. ГА РФ. Ф. 5764 — Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике (Земгор), г. Прага. Оп.1, дд. 24, 37.
4. ГА РФ. Ф. 5809 — Временный главный комитет Всероссийского союза городов (ВСГ), гг. Константинополь, Прага. Оп. 1, дд. 23, 24, 26, 27, 35, 38, 47.
5. ГА РФ. Ф. 5982 — Главное справочное бюро, г. Константинополь. Оп. 1, дд. 1, 2, 3, 4.
6. ГА РФ. Ф. 6021 — уполномоченный Российского общества Красного Креста в Турции, г. Константинополь. Оп. 1, дд. 2, 3, 4, 7, 12, 13, 14, 20, 26, 27.
7. ГА РФ. Ф. 5766 —уполномоченный Всероссийского союза городов в Болгарии (Уполномоченный ВСГ в Болгарии), г. София. Оп. 1, дд. 2, 5, 6, 35.
8. ГА РФ. Ф. 5923 — представительство Всероссийского земского союза в Болгарии (ВЗС), г. София. Оп. 1, дд. 23, 25.
9. фонд 6088 — бывшего председателя Временного Главного управления РОКК М.Л. Киндякова. 1920-1925. оп. 1 д. 1, 2, 3, 4, 7, 10, 11, 12, 17, 19.

10. ГА РФ. Ф. Р-3341 — Центральная Коллегия Российского общества Красного Креста. оп. 1. Д. 61(а), 62, 74, 77.
11. ГА РФ. Ф. Р-5815 — Общество помощи российским гражданам в Берлине. Оп. 1, дд. 23, 25, 26.
12. ГА РФ. Ф. 3996 – Комитет правлений акционерных коммерческих банков, г. Екатеринодар.
13. ГА РФ. Ф. 3426 – Управление финансов при главнокомандующем вооруженными силами на юге России.
14. ГА РФ. Ф. 879 – Управление продовольствием Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами на юге России.
15. ГА РФ. Ф. 356 – Управление торговли и промышленности при главнокомандующем вооруженными силами на юге России.
16. ГА РФ. Ф. 355 – Управление земледелия и землеустройства при главнокомандующем вооруженными силами на юге России.
17. ГА РФ. Ф. Р-6130. 1 оп. 12 ед.х. Временный Комитет помощи нуждающимся русским.
18. ГА РФ. Ф. 2228. Управления Ачинского отдела Российского общества Красного Креста в Красноярске.
19. ГА РФ. Ф. З-7524. 1 оп. Представитель Российского общества Красного Креста в Загребе.
20. ГА РФ. Ф. Р-6795. 1 оп. Союз русских студентов Белградского университета.
21. ГА РФ. Ф. З-6793. 1. Оп. Русский культурный комитет в Белграде.
22. ГА РФ. Ф. Р-6134. 1 оп. Общество славянской взаимности, Белград.
23. РГАЛИ. Ф. 2481. 1 оп. Союз ревнителей чистоты русского языка в Югославии, Белград.
24. ГА РФ. Ф. Р-6501. 1 оп. Союз ревнителей чистоты русского языка в Югославии, Белград.
25. ГА РФ. Ф. Р-6501. 1 оп. Русский научный институт в Белграде.[1]

26. ГА РФ. Ф. Р-6821. 1 оп. Институт изучения России в Югославии. Белград.
27. ГА РФ. Ф. Р-6076. 1 оп. Объединение русских общественных организаций в Загребе.
28. ОГА СБУ. Ф. 6. Оп. 6.Отраслевой государственный архив СБУ

II. Источники опубликованные

1. *Агапеев В.П.* Убийство генерала Романовского /В. П. Агапеев//Белое дело. Берлин: Медный всадник, 1927. Т. 2. С. 108-121.
2. *Александров В.* На чужих берегах: пер. с англ./предисл. и общ. ред. Л. К. Шкаренкова. М.: Прогресс, 1987. 232 с.
3. *Александров Я.* Белые дни /Я. Александров. Ч. 1. Берлин: Б. и., 1922. 66 с.
4. *Александровский Б.Н.* Из пережитого в чужих краях: Воспоминания и думы бывшего эмигранта/Б. Н. Александровский. М.: Мысль, 1969. 374 с.
5. *Алексеева Л.* Из воспоминаний о Белграде /Л. Алексеева//Рус. альманах. Париж: Б. и., 1981. С. 367-368.
6. *Аничков В.П.* Екатеринбург – Владивосток (1917 – 1922). М., 1998.
7. *Арсеньев А.Б.* У излучины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду/А. Б. Арсеньев. М.: Рус. путь, 1999. 254 с.
8. *Артемьев И.К.* Воспоминания: эпизоды революции на Дальнем Востоке. Тяньцзин, 1939.
9. *Амфитеатров-Кадашев В*. Страницы из дневника: Публикация С.В. Шумихина / Минувшее. Исторический альманах. № 20. М., СПб. 1996. С. 504.
10. *Байков Н.А.* По белу свету /Н. А. Байков. Харбин: Б. и., 1937. 180 с.
11. *Белявский В.А.* Голгофа. Очерки из моих воспоминаний /В. А. Белявский. Сан-Пауло: Б. и., 1965. 144 с.

12. *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания /А. Н. Бенуа: в 5 кн. Кн. 1, 2, 3. М.: Наука, 1990. 711 с.
13. *Бертельс-Меньшой А.* Кадетский театр в Стрнище /А. Бертельс-Меньшой//Кадетская перекличка: период. журн. объединения кадет российских зарубежных кадетских корпусов. Нью-Йорк, 1973. № 5.
14. *Бурцев В.Л.* Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания (1882-1922) /В. Л. Бурцев. Т. 1. Берлин: Гамаюн, 1923. 381 с.
15. *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. (Из цикла «Шесть лет» 1917 – 1922 гг.). Новониколаевск, 1925.
16. *Бородин Н.А.* В Омске с Директорией и Колчаком (1918 – 1919 гг.) // *Бородин Н.А.* Идеалы и действительность: Сорок лет жизни и работы рядового русского интеллигента (1879 – 1919). Берлин; Париж, 1930.
17. *Борисов Б.* Дальний Восток. Вена, 1921.
18. *Борисов Б.* «За нас… буржуазия, спекулянты и купечество» (Публ. Ю.В. Иванова) // Военно-исторический журнал. 1998. № 1.
19. *Будберг А.* Дневник // Архив русской революции. Т. XIV.
20. *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991.
21. *Бьюкели Р.* Поезд смерти / Поезд смерти. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство. 1960.
22. *Вагнер В.Н.* Система организации помощи русским эмигрантам в Чехии и Словакии: (Воспоминания)/В.Н. Вагнер//Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец Х1Х-ХХ вв.). М.: РАНИРИ, 1999. С. 189-201.
23. *Вертепов Д.П.* Казаки-гвардейцы в Русском Корпусе /Д.П. Вертепов//Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941-1945. Воспоминания соратников и документы. Сб. 2/С.-Петерб. гос. ун-т; под общ. ред. Н.Н. Протопопова и И. Б. Иванова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 62-63.
24. *Винавер М.М*. Недавнее: Воспоминания и характеристики /М.М. Винавер. 3-е изд., доп. Paris: Impr. d'rt Voltaire, 1926. 321 с.

25. *Виссон В.С.* Судьба жить искусством: мемуары директора Нью-Йорк. художеств. галереи «Уилденстейн» /В. С. Виссон. М.: Р. Валент, 2002. 375 с.
26. *Витковский В.К.* Пребывание Русской Армии в Болгарии и коммунистическое движение в 1922-1923 гг. /В.К. Витковский//Рус. Армия в изгнании: сб./сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2003. С. 115-135.
27. *Врангель П.* Записки. Ноябрь 1916 г. -ноябрь 1920 г. /П. Врангель: в 2 т. Мн.: Харвест, 2002. Т. 1. 480 с.
28. Временное Всероссийское правительство: Законы и постановления. Омск, 1919.
29. *Гессен И.В*. Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж, 1979.
30. *Гессен В.И.* Герои и предатели /В.И. Гессен. New York: Bausen Bros., 1951. 156 с.
31. *Гессен И.В.* В двух веках: жизненный отчет /И. В. Гессен. Берлин: , 1937. 414 с.
32. *Гиацинтов Э.* Записки белого офицера /Э. Гиацинтов; вступит. статья, подготовка текста и коммент. В.Г. Бортневского. СПб.: «Интерполиграфцентр» СПбФК, 1992. 267 с.
33. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак: поворотный момент русской истории: 1918 – 1920: Впечатления и мысли члена Омского правительства. Харбин, 1921.
34. *Гиппиус З.Н.* Дневники /З.Н. Гиппиус. М.: Захаров, 2002. 364 с.
35. Гражданская война в России. Война на Севере /сост. Б. Лозовский. М.: АСТ: Транзиткнига; СПб.: Terra Fantastica, 2004. 570 с.
36. Гражданская война в Сибири и Северной области: Мемуары // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М.; Л., 1927.
37. *Грэвс У.* Американская авантюра в Сибири (1918 – 1920). М. 1932.
38. *Гуль Р.Б.* Ледяной поход (с Корниловым) /Р.Б. Гуль. М.: МП «Либрис», 1991. 71 с.

39. *Гуль Р.Б.* Я унес Россию: Апология эмиграции /Р. Гуль: в 3 т. Т. 1. Россия в Германии. Нью-Йорк: Мост, 1984. 382 с.
40. *Гучков А.И.* Александр Иванович Гучков рассказывает...: воспоминания пред. Гос. думы и воен. министра Времен. правительства: М.: ТОО редакция журнала «Вопросы истории», 1993. 143 с.
41. *Даватц В.Х.* Годы: очерки пятилетней борьбы /В. Х. Даватц. Белград: Б. и., 1926. 238 с.
42. *Деникин А.И.* Путь русского офицера /А. И. Деникин. М.: Прометей, 1990. 292 с.
43. *Деникин А.И.* Очерки Российской смуты. Париж, 1922.
44. *Деникина М.А.* (Грей М.) Мой отец генерал Деникин /М. А. Деникина; под. ред. А. Я. Дегтярева. М.: Парад, 2003. 376 с.
45. *Дичбалис С.А.* Зигзаги судьбы /С. А. Дичбалис; Центр по изучению русского зарубежья Ин-та полит. и воен. анализа. М.: ИПВА, 2003. 312 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции, вып. 9).
46. Дневник П.Н. Милюкова. 1918-1921 /П. Н. Милюков. М.: РОССПЭН, 2004. 848 с.
47. Декреты Советской власти. М., 1957, т. 1.
48. Декреты Советской власти. Том II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Гос. издат-во политической литературы, 1959. С. 112.
49. Декреты Октябрьской революции. Партийное издательство. М., 1933, т. 1.
50. *Долгоруков П.Д.* Великая разруха. Мадрид, 1964.
51. *Елавский И.* Голодный поход Оренбургской армии. Пекин, 1921.
52. *Енборисов Г.В.* От Урала до Харбина: памятка о пережитом. Шанхай, 1932.
53. *Жаннен М.* Отрывки из моего сибирского дневника // Иркутск, 1923.
54. *Жданов Н.М.* Русские военнопленные в мировой войне 1914-1918 гг. Ч. I, II и III. М., 1920.
55. *Жемчужная З.* Пути изгнания: Урал, Кубань, Москва, Харбин, Тяньцзин: Воспоминания. N.Y., 1987.

56. Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь – ноябрь 1918 года). Вып. 1. Томск, 1998.
57. *Иванов В.* В гражданской войне: Из записок омского журналиста. Харбин, 1921.
58. *Иностранцев М.А.* Адмирал А.В. Колчак и его катастрофа. Воспоминания. Прага, 1922.
59. *Казаков В.Г.* Немые свидетели. Шанхай, 1938.
60. *Каратеев М.Д.* Белогвардейцы на Балканах. Воспоминания белого офицера. 2.16. Буэнос-Айрес, 1977.
61. *Калинин И.М.* В стране братушек. М., 1923.
62. *Калинин И.М.* Под знаменем Врангеля. Л., 1925.
63. *Катанаев Г.Е.* В семеновском царстве (февраль-март 1919 г.): Воспоминания/Г. Е. Катанаев; публ., предисл. и прим. В. А. Шулдякова//Провинция. Иркутск, 1989. С. 210-325.
64. *Киселев А.Н.* Облик генерала А.А. Власова: (Зап. воен. священника)/А. Н. Киселев. New York: Путь жизни, 1975. 205 с.
65. *Книпер А.В.* Фрагменты воспоминаний/А.В. Книпер; публ. К. Громова и С. Боголепова//Минувшее: Ист. альм. Вып. 1. М.: Прогресс: Феникс, 1990. С. 99-190.
66. *Келин Н.А*. Казачья исповедь. М., 1996.
67. *Кислицин В.А.* В огне гражданской войны: Мемуары. Харбин, 1936.
68. Книга погромов: Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918 – 1922 гг.: Сборник документов. Москва, 2007.
69. «К тебе и о тебе мое последнее слово»: Письма В.О. Лихтенштадта к М.М.Тушинской: Публикация Н.К.Герасимовой и А.Д.Марголиса / Минувшее. Исторический альманах. № 20. М., СПб. 1996. С.139.
70. *Колосов Е.Е.* Сибирь при Колчаке: Воспоминания. Материалы. Документы. Пг., 1923; Колчаковщина: Сборник воспоминаний / Под ред. Н. Райвина. Екатеринбург, 1924.

71. *Котомкин А.* О чехословацких легионерах в Сибири. 1918 – 1920: Воспоминания и документы. Париж, 1987.
72. *Кромиади К.* За землю, за волю… На путях русской освободительной борьбы. 1941-1947 гг. /К. Кромиади. Сан-Франциско: Глобус, 1980. 298 с.
73. *Куломзина С.С.* Миры за мирами: Воспоминания русской эмигрантки /С. С. Куломзина. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2000. 318 с.
74. *Куприн А.И.* Голос оттуда: 1919-1934: Рассказы. Очерки. Воспоминания. Статьи. Литературные портреты. Некрологи. Заметки/А.И. Куприн; сост., вступит. статья и примеч. О. Фигурновой. М.: Согласие, 1999. 736 с.
75. *Краинский Н.В*. Без будущего. Белград, 1931.
76. *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции / *Спроге В.Э.* Записки инженера. М., 1999.
77. *Кулаев А.А.* Под счастливой звездой: Воспоминания. М. 1999.
78. *Лавров И.А.* В стране экспериментов: Воспоминания. Харбин, 1934.
79. *Литвинов И.И.* Из дневника 1922 г. // Неизвестная Россия. XX век. Т. 4. М., 1993.
80. *Лукомский А.С.* Воспоминания. Берлин, 1922.
81. *Лунченков И.* За чужие грехи. Казаки в эмиграции. М., Л., 1925.
82. *Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата, 1925-1945 гг. /И. М. Майский. Ташкент: Узбекистан, 1980. 672 с.
83. *Маклаков В.А.* Из прошлого /В. А. Маклаков//Совр. записки. Париж, 1936. Т. XV.
84. *Маклаков В.А.* Ф.И. Родичев и А.Р. Ледницкий /В.А. Маклаков//Новый журнал. Т. XVI. Нью-Йорк, 1947. С. 241.
85. *Маргулиес М.С.* Год интервенции. Летопись революции /М. С. Маргулиес: в 3 кн. Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1923. Кн. 1. (сент. 1918 -апр. 1919 г.). 364 с.
86. *Марков П.А.* О театре /П. А. Марков: в 4 т. Т. 1. М.: Искусство, 1974. 541 с.

87. *Мейснер Д.И.* Исповедь старого эмигранта /Д.И. Мейснер; Сов. комитет по культур. связям с соотечеств. за рубежом. : Б. и., 1963. 49 с.
88. *Мейснер Д.И.* Миражи и действительность: Записки эмигранта/Д. И. Мейснер. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1966. 301 с.
89. *Милюков П.Н.* Воспоминания /П. Н. Милюков: в 2 т. М.: Современник, 1990. 446 с.
90. *Михайлов С.И.* Воспоминания о П. Б. Струве /С. И. Михайлов//Вестн. Русского христианского движения. 1981. № 134.
91. *Михайловский Г.Н.* Записки из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914 – 1920 гг.: В 2 кн. М., 1993.
92. *Набоков К.Д.* Испытания дипломата. Стокгольм, 1921.
93. *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике /М. М. Новиков. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. 320 с.
94. *Новиков М.М.* Русские эмигранты в Праге /М. М. Новиков//Новый журнал. 1957. № 49. С. 243-256.
95. *Одоевцева И.В*. На берегах Сены /И. В. Одоевцева. М.: Худож. лит., 1989. 332с.
96. *Озерецковский Г.Е*. Русский блистательный Париж до войны /Г.Е. Озерецковский: в 2 т. Т. 1. Организации, философы, писатели, «простые смертные», любовь. Париж: Б. и., 1973. 207 с.
97. *Озерецковский Г.Е.* Русский блистательный Париж до войны: в 2 т. Т. 2. Война и после войны. Париж: Б. и., 1975. 198 с.
98. *Орлов Н.В.* Смутные времена в Харбине и адмирал Колчак. Воспоминания.
99. Памятные дни: из воспоминаний гвардейских стрелков: в 3 ч. Ч. 2/под ред. Э.А. Верцинского. Таллинн, 1937. 125 с.
100. *Пантюхов О.* О днях былых: семейная хроника Пантюховых/О. Пантюхов. Нью-Йорк: Durand Hause, 1969. 316 с.
101. *Прянишников Б.В*. Незримая паутина: ОГПУ-НКВД против белой эмиграции /Б. В. Прянишников. М.: Эксмо: Яуза, 2004. 574 с.

102. *Резникова Н.В.* Огненная память: воспоминания об Алексее Ремизове/Н. В. Резникова. Berkeley: Вегке1ey Slavic Specialities, 1980. 150 с.

103. *Рещикова В.А*. Высылка из РСФСР /В. А. Рещикова//Минувшее: Ист. альманах. Вып. 11. Париж, 1991. С. 199-210.

104. *Рытченков С.* 259 дней лемносского сидения /С. Рытченков. Париж: Б. и., 1933. 153 с.

105. *Парфенов П.С.* Уроки прошлого: Гражданская война в Сибири, 1918, 1919, 1920 гг. Харбин, 1921.

106. *Парчевский К.К.* В Парагвай и Аргентину. Очерки Южной Америки. Париж. 1936.

107. *Пепеляев В.Н.* Дневник. Иркутск. 1989; Развал колчаковщины (Из дневника В.П. Пепеляева) // Красный архив. 1928. № 6 (31).

108. Письма А.А. Гвоздинского Е.Л.Миллер (1918-1921): Публикация, вступительная статья и комментарий О.Р. Демидовой / Минувшее. Исторический альманах. № 18. М., СПб. 1995. С. 428.

109. Письма запрещенных людей: литература и жизнь эмиграции. 1950-1980- е годы: по материалам архива И. В. Чиннова/. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 830 с.

110. Письма М. Карповича Г. Вернадскому /публ., предисл. и коммент. М. Раева//Новый журнал. 1992. Кн. 188. С. 259-296.

111. Письма П.Н. Милюкова М. М. Карповичу /публ. М. Раева//Новый журнал. 1997. Кн. 208. С. 136-157.

112. Письма, 1916-1922 /Ю. О. Мартов; ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. Benson (Vt.): Chalidze publ., 1990. 328 с.

113. Письмо Д.Д. Гримма П.Н. Врангелю от 4 октября 1921 г.: (из архива Гуверовского института войны, революции и мира)//Рус. прошлое: Ист.-докум. альманах: в 10 кн. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. Кн.7. С. 106-115.

114. Политическая история русской эмиграции: 1920-1940: документы и материалы: учеб. пособие для студентов вузов/науч. ред., авт. предисл. А. Ф. Киселев; сост. А. Ф. Киселев, С. В. Константинов, С. М. Сергеев, Э. М. Щагин. М.: ВЛАДОС, 1999. 774 с.
115. *Поликовская Л.* М.А. Осоргин в собственных рассказах и документах ГПУ / Минувшее. Исторический альманах. № 19. М., СПб. 1996. С. 204.
116. *Попов А.В.* Российское православное зарубежье: история и источники /Ин-т полит. и воен. анализа; Центр по изучению рус. зарубежья. М., 2005. 619 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции, вып. 10.)
117. *Раковский Г.* Конец белых. От Днепра до Босфора. Прага, 1921.
118. Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920-1945): сб. документов/сост. и авт. предисл. Е. Н. Чернолуцкая. Ю.-Сахалинск: Б. и., 1994. 151 с.
119. Россия антибольшевистская: из белогвардейских и эмигрантских архивов: сб. документов/отв. ред., авт. предисл. Г. А. Трукан; сост. Л. И. Петрушева, Е. Ф. Теплова. М.: Изд. центр ИРИ РАН, 1995. 442 с.
120. Россия. XX век: документы и материалы: учеб. пособие: в 2 кн./под ред. А. Б. Безбородова. Т. 1. М.: Высш. шк., 2004. 399 с.
121. Русская военная эмиграция 20-х-40-х годов XX в.: документы и материалы: в 10 т./Ин-т воен. истории М-ва обороны РФ и др.; сост. И. И. Басик (отв. сост.) и др.; пер. фр. док. В. Карпов. Т. 1. Так начиналось изгнанье. 1920-1922 гг. Кн. 1. Исход. М.: Гея, 1998. 425 с.
122. Русская военная эмиграция 20-х -40-х годов XX в. : в 10 т. Т. 4. У истоков «Русского общевоинского союза», 1924 г. У истоков «Русского общевоинского союза», 1924 г. М., 2007. 977 с.
123. Русская школа за рубежом. Исторический опыт 20-х годов: сб. документов/сост. В. А. Владыкина, Т. Ю. Красовицкая. М.: ИНПО, 1995. 194 с.

124. Русские беженцы: проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения: 1920-1930 гг. сб. документов и материалов/сост. З. С. Бочарова. М.: РОССПЭН, 2004. 400 с.
125. *Савич Н.В.* Воспоминания. Спб., 1993.
126. *Сергеев В.Л.* Очерки по истории Белого движения на Дальнем Востоке /В. Л. Сергеев. Харбин: Бюро по делам рос. эмигрантов в Манчжур. империи, 1937. 99 с.
127. *Серебренников И.И.* Великий отход. Рассеяние по Азии белых русских армий, 1919-1923 /И. И. Серебренников. Харбин: Изд-во М. В. Зайцева, 1936. 267 с.
128. *Серебренников И.И.* Мои воспоминания /И. И. Серебренников: в 2 т. Т. 2: В эмиграции (1920-1924). Тяньцзин: , 1940. 262 с.
129. Сквозь две войны, сквозь два архипелага: воспоминания советских военнопленных и остовцев /сост. П. Полян, Н. Поболь. М.: РОССПЭН, 2007. 348 с.
130. *Слащов-Крымский Я.А.* Белый Крым 1920 г.: мемуары и документы/Я. А. Слащов-Крымский. М.: Наука, 1990. 267 с.
131. *Слиозберг Г.Б.* Дела минувших дней: Записки русского еврея/Г. Б. Слиозберг: в 2. т. Париж, 1933. Т. 1. 304 с.
132. *Слободской А.* Среди эмиграции (Мои воспоминания) /А. Слободской. Киев-Константинополь, 1918-1920. Харьков: Пролетарий, 1925. 130 с.
133. *Соловьев М.* Записки советского военного корреспондента /М. Соловьев. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. 310 с.
134. *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. 1893-1922 /Ю. Я. Словьев. 2-е изд. М.: Изд-во Соц.-экон. лит-ры, 1939. 416 с.
135. *Соничева Н.Е.* На чужом берегу /Н. Е. Соничева. М.: Знание, 1991. 61 с.
136. *Софронова Е.И.* Где ты, моя Родина?/Е.И. Софронова; Центр по изучению русского зарубежья Ин-та полит. и воен. анализа. М., 1999. 392с.

137. *Сахаров К.В.* Белая Сибирь: Внутренняя война 1918 – 1920 гг. Мюнхен, 1923.
138. Сборник законоположений, касающихся деятельности Российского общества Красного Креста. - Пг, 1915.
139. *Семенов Г.М.* О себе: Воспоминания, мысли и выводы. Б.м., 1938.
140. *Серебренникова А.Н.* С чехами от Иркутска до Харбина: Дорожные записки // Серебренников И.И. Мои воспоминания. Тяньцзин, 1940.
141. *Серебрякова З. Е.* Письма. Современники о художнице /авт.-сост. В. П. Князева. М.: Изобразит. искусство, 1987. 301 с.
142. *Смирнова Н*. Достопримечательные русские церкви и кладбища /Н. Смирнова; предисл. Сергия Евкарпийского, архиеп. Правосл. Русских Церквей в Зап. Европе; фот. В. Н. Бакшин, Л. Б. Круглый, М. Н. Осоргин, Н. А. Тюльпинов. Paris: Б. и., 2001. 232 с.
143. *Сомов К.А*. Письма. Дневники. Суждения современников /К. А. Сомов; сост., вступ. ст. и прим. Ю. А. Подкопаевой и А. Н. Свешниковой. М.: Искусство, 1979. 626 с.
144. *Слобоцкой А.* Среди эмиграции. Харьков, 1925.
145. Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. Омск, 1918.
146. Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Сибирского Временного правительства. Томск, 1918.
147. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М. 1942.
148. *Солодовников Б.* Сибирские авантюры и генерал Гайда (Из записок русского революционера). Прага, 1921.
149. Список лечебных заведений внутреннего района Империи, находящихся в ведении Главноуполномоченного Российского Общества Красного Креста к 1 января 1915 года. Петроград, 1915.

150. Судьба Юрия Никольского: Из писем Ю.А. Никольского к семье Гуревич и Б.А. Садовскому. 1917-1921: Публикация С.В. Шумихина / Минувшее. Исторический альманах. № 19. М., СПб. 1996. С. 188.
151. *Талалай М.Г.* Русское кладбище имени Е.К.В. Королевы Эллинов Ольги Константиновны в Пирее (Греция)/М.Г. Талалай. СПб.: ВИРД, 2002. 48 с.
152. *Таскина Е*. Неизвестный Харбин /Е. Таскина. М.: Прометей, 1994. 159с.
153. *Тер-Асатуров Д.Г*. Записка о деятельности Российского Представительства в Америке (посольства в Вашингтоне и Заготовительного комитета в Нью-Йорке) после большевистского переворота в России/Д.Г. Тер-Асатуров., Канада: Б. и., 1923. 79 с.
154. *Тихонова Н*. Девушка в синем /Н. Тихонова. М.: Артист, 1992. 372 с.
155. *Троицкий Н.А*. Ты, мое столетие/Н. А. Троицкий; Центр по изучению русского зарубежья Ин-та полит. и воен. анализа. М., 2006. 496 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции, вып. 11.)
156. *Троцкий С.В.* Воспоминания /С. В. Троцкий; публ. А. В. Лаврова//Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 41-88.
157. *Тыркова-Вильямс А*. На путях к свободе /А. Тыркова-Вильямс. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. 429 с.
158. *Тыркова-Вильямс А.В*. Ф.И. Родичев /А. Тыркова-Вильямс//Новый журнал. Т. XXXVIII. Нью-Йорк, 1954.
159. *Тэффи Н.А.* Ностальгия: Рассказы. Воспоминания/Н. А. Тэффи; Л.: Худож. лит.: Ленингр. отд-ние, 1989. 447 с.
160. *Устрялов Н.В.* Белый Омск: Дневник колчаковца // Русское прошлое. 1991. №2.
161. *Федоров Г.* Путешествие без сантиментов. Л., М., 1926.
162. *Фиалковский П.К*. В его стенах мы были молоды. Харбинскому политехническому институту 75 лет /П. К. Фиалковский//Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 3. С. 115-118.

163. *Фокин М.М.* Против течения. Воспоминания балетмейстера. Статьи, письма /М.М. Фокин. Л.: Искусство, 1981. 510 с.

164. *Хольмстон-Смысловский Б.А.* Избр. статьи и речи /Б.А. Хольмстон-Смысловский. Буэнос-Айрес: Рос. воен.-нац. освобод. движение им. ген. А.В. Суворова, 1953. 224 с.

165. *Филатьев Д.В*. Катастрофа белого движения в Сибири, 1918 – 1922: Впечатления очевидца. Париж, 1985.

166. *Филимонов Б.Б.* Белоповстанцы: Хабаровск, поход, зима 1921 – 1922 гг. Кн. 2. Борьба на амурской границе с 25-го декабря по 13-е января. Шанхай, 1933.

167. *Флуг В.Е.* Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 г. // Архив русской революции. Берлин, 1923.

168. *Чебышев Н.Н*. Близкая даль: Воспоминания/Н. Н. Чебышев//Белое дело: избр. произведения: в 16 кн./сост. С. В. Карпенко. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2003.

169. Чему свидетели мы были… Переписка бывших царских дипломатов 1934-1940: сб. документов: в 2 кн. Кн. 1: 1934-1937. М.: Гея, 1998. 561 с. (История и память). Кн. 13: Константинополь - Галлиполи: ист. лит-ра. С.173-314.

170. *Чернов В.М*. Перед бурей /В. М. Чернов; вступ. ст. С. Сергеева]. М.: Междунар. отношения, 1993. 406 с.

171. *Шавельевский Г.А.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота /Г.А. Шавельевский. Т. 2. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. 412 с.

172. *Шаляпин Ф.И.* Маска и душа: Мои сорок лет на театрах /Ф.И. Шаляпин. М.: В/О «Союзтеатр», 1990. 317 с.

173. *Ширинская А.А*. Последняя стоянка /А.А. Ширинская. М.: Воениздат, 1999. 244с.

174. *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Против Сталина и Гитлера: Генерал Власов и Рус. освободит. Движение/В. К. Штрик-Штрикфельдт. М.: Посев, 1993. 447 с.

175. *Шульгин В.В.* 1920 год: Очерки/В. В. Шульгин. София: Рос.-Болгар. книгоизд-во, 1921. 278 с.

III. Периодическая печать

176. Время. Берлин, 1919-1925.

177. Временник друзей русской книги. Париж, 1925.

178. Голос России. Берлин, 1919-1922.

179. Грядущая Россия. Берлин, 1921.

180. Девятый вал. Берлин, 1935.

181. Дни. Берлин, 1922-1928.

182. За новую Россию. Берлин, 1936.

183. Известия русского бюро военнопленных. Берлин, 1920.

184. Иностранная жизнь. Берлин, 1924.

185. Накануне. Берлин, 1922-1924.

186. Новая русская книга. Берлин, 1922—1923.

187. Руль. Берлин, 1920-1931.

188. Русский социалист. Берлин, 1918.

189. Русская книга. Берлин, 1921.

190. Последние новости (Париж.), 1921-1922, январь-декабрь.

191. Руль (Берлин), 1922-1924, январь-декабрь.

192. Американский вестник (Нью-Йорк), 1921-1922, январь-декабрь.

193. Последние новости (Нью-Йорк), 1921, январь-декабрь.

194. Американские известия (Нью-Йорк), 1921-1922, январь-декабрь.

IV. Библиографическая и справочная литература

195. Атеистический словарь. М., 1986.
196. «А пришлось в разлуке жить года...»: Российское зарубежье в Финляндии между двумя войнами: материалы к биобиблиографии, 1987-2002/С.-Петерб. информ.-культур. центр «Рус. эмиграция»;. СПб.: Б. и., 2003. 288 с.
197. *Бабичева М.Е.* Писатели второй волны русской эмиграции : биобиблиогр. очерки/М. Е. Бабичева; НИО библиографии РГБ. М.: Пашков дом, 2005. 447 с.
198. Белое движение: энцикл. Гражданской войны /сост. С. В. Волков. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 671 с.
199. Библиографический указатель литературы по библиометрии, информетрии и наукометрии: (отечественная и зарубежная литература)/АН СССР; Ленингр. науч. центр; Ин-т соц.-экон. пробл.; . Л.: ИСЭП,1990. 74 с.
200. Библиография литературы о Николае Бердяеве /сост. У. Кайард, Т. Клепинина. Paris: Institut D`Etudes Slaves, 1992. 147 с.
201. *Булич С.К.* Ману, законы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). - СПб., 1890-1907.
202. Газеты русской эмиграции в фондах отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки: библиогр. кат./авт. Е. В. Макаревич; Н.-и. отд-ние нац. и науч.-вспом. библиогр. РГБ. Вып. 2. М.: Б. и., 1994. 60 с.
203. Гайто Газданов: Библиография = Bibliographie des oeuvres de Gaito Gazdanov/сост. Л. Диенеш, ред. Т. А. Бакунина-Осоргина. Paris: Institut D`Etudes Slaves, 1982. 63 с.
204. *Геринг А.А.* Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом /А. А. Геринг. Париж: Passe Militaire, 1968. 134 с.

205. Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель: в 6 т. Т. 1. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России 19 -начала 20 вв./ред. С. В. Мироненко, Г. Л. Фриз; сост. Ю. А. Алексеев, Л. Е. Горизонтов и др. М.: Государственная архивная служба России, ГА РФ, 1994. 394 с.
206. Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель: в 6 т. Т. 4. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории Белого движения и эмиграции/ред. С.В. Мироненко; сост. А.В. Добровская (отв. сост.), Н.И. Владимирцев, Б.Ф. Додонов, О.Н. Копылова и др. М., 2004. 793 с.
207. Издательства и издательские организации русской эмиграции: 1917-2003: энцикл. словарь/науч. ред. П.Н. Базанов. СПб.: Форма Т, 2005. 336 с.
208. Издательство «Посев». 1945-1985 /сост. А.Н. Артемов. Frankfurt-amMain, 1985. 120с.
209. Изучение литературы русской эмиграции за рубежом (1920-1990-е гг.): Аннотированная библиография (монографии, сборники статей, библиографические и справочные издания)/сост. Т.Н. Белова и др.; отв. ред. Т.Н. Белова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 96 с.
210. *Пронин А.А.* История российской эмиграции: библиогр. указ./А.А. Пронин. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. 56 с.
211. К библиографии дальневосточной прессы: студенческая пресса Харбина /сост. А. Лукашин // Новый журнал. 1974. № 114. С. 252-259.
212. Книга русского зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки, 1918-1991: библиогр. указ.: в 3 ч. Ч. 1. А -К/сост. Е. А. Акимова и др.; библиогр. ред. Н. Ю. Бутина, Н. К. Тарасов; науч. ред. В. И. Харламов; Рос. гос. б-ка; Рус. христиан. гуманит. ин-т. СПб.: Б. и., 1997. 624 с.

213. *Кудряшова Е.И.* Константин Бальмонт и Марина Цветаева на страницах исторического альманаха «Минувшее»: аннотир. библиогр. обзор./Е. И. Кудряшова. Иваново: Иваново, 2003. 53 с.

214. *Мельникова Н.А.* Библиография русских периодических изданий и книг в Австралии /Н. А. Мельникова. Сидней: Австралиада, 1997. 40 с.

215. Никаноров А. Б. Предварительный список периодических изданий русского зарубежья Латвии и Эстонии (1919-1940 г.) /А. Б. Никаноров // Ист.-библиогр. исслед. СПб., 1995. Вып. 5. С. 184-249.

216. Педагогика: Большая современная энциклопедия /сост. Е. С. Рапацевич. Минск: Современное слово, 2005. 720 с.

217. Писатели Русского Зарубежья (1918-1940): справочник: /Рос. АН, ИНИОН; . Ч. 1: А-И. М.: ИНИОН, 1993. 238 с.

218. *Полански П.* Русская печать в Китае, Японии и Корее: каталог собрания библиотеки им. Гамильтона Гавайского университета /П. Полански; пер. с англ., предисл. и науч. ред. А. А. Хисамутдинова. М.: Пашков дом, 2002. 204 с.

219. *Попов А.В. Фонд Н. А.* Троицкого в Государственном архиве Российской Федерации: Опыт архивного обзора /А. В. Попов; ИАИ РГГУ. М.: Б. и., 1994. 96 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции, вып. 1).

220. Российское зарубежье в фондах ИНИОН: кат. кн. выставки/сост. И. З. Беляева и др. М.: ИНИОН, 1993. 47 с.

221. Русская и украинская эмиграция в Чехословацкой республике 1918-1938: путеводитель по архивным фондам и собраниям в Чешской республике /В. Поданы, Г. Барвикова. Прага: Арх. Акад. наук Чешской респ., Литературный арх. Музея нац. Лит.; Славянский ин-т АН ЧР; Euroslavica, 1995. 132 с.

222. Русская книга в Латвии 1990-2001: материалы к указателю/сост. Ю. И. Абызов . Рига: Даугава, 2003. 86 с.

223. Русская печать в Эстонии, 1918-1940: биобиблиогр. и справ. материалы к изучению культурной жизни рус. эмиграции/сост. О. Фигурнова; Рос. акад. наук, ИМЛИ. М.: Наследие, 1998. 464 с.
224. Русское зарубежье, 1917-1991: каталог изданий из фонда библиотеки-архива. /сост. Г. А. Толстых; Рос. междунар. фонд культуры; Дом-музей Марины Цветаевой. М., 1992. 206 с.
225. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920-1940. Франция /под общ. ред. Л. А. Мнухина: в 4 (8) т. Т. 1 (1): 1920-1929. М.; Paris: ЭКСМО; YMCA-Press, 1995. 630 с.
226. Русское зарубежье: указ./сост. И. Л. Беленький//Россия и соврем. мир. 1998. № 3. С. 199-224.
227. Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Первая треть XX века: энцикл. биогр. слов./под общ. ред. В. В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 1997. 748 с.
228. Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы: 1917-1996 гг./сост. А. И. Бардеева, Э. А. Брянкина, В. П. Шумова; Рос. гос. б-ка, отдел литературы русского зарубежья. М.: РОССПЭН, 1999. 464 с.
229. Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга: 1917-1995 гг.: дополнения и новые поступления за 1996-1999 гг./науч. ред. Г. В. Михеева. СПб.: Изд-во РНБ, 2001. 96 с.
230. Словарь русского языка. М., 1949.
231. Словарь русского языка. М., 1981.
232. Современный философский словарь. М.: Панпринт. 1998.
233. Список лечебных заведений Российского общества Красного Креста, - Пг, 1915.
234. Сухарев Ю. Н. Материалы к истории русского научного зарубежья: в 2 кн. Кн. 1. Именной список русского научного зарубежья/Ю. Н. Сухарев. М.: Рос. фонд культуры, 2002. 608 с.

235. Философский словарь. М.: Политиздат. 1975.

236. Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: межархивный путеводитель/ответ. ред. Т. Ф. Павлова. М.: РОССПЭН, 1999. 672 с.

237. Художники русского зарубежья. 1917-1939: биогр. слов./сост. О. Л. Лейкинд, К. В. Махров, Д. Я. Северюхин. СПб.: Изд-во Нотабене, 2000. 716 с.

238. *Шмаглит Р.Г.* Русская эмиграция за полтора столетия: биограф. справ./Р. Г. Шмаглит. М.: Рипол Классик, 2005. 384 с.

V. Исследовательские работы

239. *Абдрашитов Э.Е.* Источники личного происхождения по истории российских военнопленных Первой мировой войны: дис. … канд. ист. наук: 07.00.09/Э.Е. Абдрашитов. Казань, 2003. 256 с.

240. *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории: первая половина XX в.: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.03/Н. Е. Аблова. М., 2005. 556 с.

241. *Аверин Б.В.* Романы В. В. Набокова в контексте русской автобиографической прозы и поэзии: дис. … д ра филол. наук: 10.01.01/Б. В. Аверин. СПб., 1999. 318 с.

242. *Аверьянов В.В*. Проблема традиции в русской философии XX века: Русское зарубежье: дис. … канд. филос. наук: 09.00.03/В. В. Аверьянов. М., 2000. 208 с.

243. *Аксютин Ю.В.* Между отчаянием и восторгом: русская интеллигенция после революции 1917 года. М.: 2017.

244. *Алдюхова Е.И*. Социальный состав российской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев: По материалам анкет обследования 1921-1923 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02/Е. И. Алдюхова. М., 1996. 224с.

245. *Александров С.А.* Общественно-политическая деятельность П.Н. Милюкова в эмиграции (20-е гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.01/С. А. Александров. М., 1995. 197 с.

246. *Алексеев А.Г., Ипполитов С.С.* Экономика Гражданской войны в России: проблемы изучения в 1930 - 1980-х гг. // Экономический журнал. 2016. № 2 (42). С. 32-45.

247. *Ананян С.Г.* Армянская община Франции в 20-е годы XX века: дис. … канд. ист. наук: 07.00.03/С. Г. Ананян. М., 1998. 208 с.

248. *Ананян Е.В.* Эмиграция немцев Поволжья в Америку в 70 е годы XIX в.: предпосылки, причины и результаты: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02/Е. В. Ананян. Волгоград, 2004. 172 с.

249. *Анн-Вилсон Л.Ф.* Социально-психологические особенности межкультурной адаптации российских студентов в Германии: дис. … канд. психол. наук: 19.00.05/Л. Ф. Анн-Вилсон. Казань, 2003. 174 с.

250. *Антощенко А.В.* «Евразия» или «Святая Русь»? Российские эмигранты «первой волны» в поисках исторического самосознания: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.09/А. В. Антощенко. СПб., 2004. 432 с.

251. *Антропов О.О.* Астраханское казачье войско в первой трети XX века: Опыт социально-исторического анализа: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02/О. О. Антропов. М., 1999. 334 с.

252. *Антропов О.К.* История отечественной эмиграции: Учеб. пособие - Астрахань, 1996. Кн.1.: Социальная и политическая сферы жизнедеятельности.

253. *Ананян С.Г.* Армянская община Франции в 20-е годы XX века: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ин-т всеобщ. истории РАН. М., 1998. 30с.

254. *Анн-Вилсон Л.Ф.* Социально-психологические особенности межкультурной адаптации российских студентов в Германии: автореф. дис. … канд. психол. наук: 19.00.05 / Л.Ф. Анн-Вилсон; Ин-т сред. проф. образования РАО. Казань, 2003. 16 с.

255. *Антошин А.В., Антошин В.А.* Организация учебного процесса в кадетском корпусе в условиях эмиграции (Египет, 1920-е годы) // Дискуссия. 2017. №7 (81).

256. *Антошин А.В., Антошин В.А*. Педагогическая деятельность русских морских офицеров в Тунисе в 1920-е годы // Дискуссия. 2015. №7 (59).

257. *Аншакова Ю.Ю.* Гуманитарная миссия ара в Казани во время голода 1921 - 1922 гг // Известия Самарского научного центра РАН. 2007. №2.

258. *Аншакова Ю.Ю.* Гуманитарная миссия АРА в советской России: начало взаимодействия // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. №2-1.

259. *Аншакова Ю.Ю.* "Крымский инцидент": о работе Американской администрации помощи в Крыму во время голода 1921-1923 годов // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. №3-2.

260. *Александрова Р.И.* Русское зарубежье: духовность, философия, нравственность // Гуманитарные науки и образование: проблемы и перспективы. - Саранск, 1997. - С.210-228.

261. *Абдрашитов Э.Е*. Российские подданные в Германии в августе 1914 г., и формирование образа германского врага в годы первой мировой войны // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. №1 (120).

262. *Абдрашитов Э.Е.* Деятельность общественных и международных организаций в деле оказания помощи российским военнопленным в Германии и Австро-Венгрии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. №8 (151).

263. *Алексеева Г.Д.* Некоторые вопросы развития исторической науки в 60-80-е гг. // Историческая наука в России в XX веке. М., 1997. С. 29.

264. *Алдюхова Е.И.* Социальный состав российской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев: По материалам анкет

обследования 1921–1923 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1996. 27 с.

265. *Аристотель*. Сочинения. М., 1984.
266. *Арсеньев А.Б.* Жизнь русских эмигрантов в Сербии //Новый журнал. Нью-Йорк. – 2010. – Т. 259. – С. 111-164.
267. *Асеев И.А.* Деятельность Российского Общества Красного Креста по защите прав военнопленных в годы первой мировой войны // Бизнес в законе. 2009. №4.
268. *Аурилене Е.Е.* Российская эмиграция в Китае: (1920–1950-е гг.): автореф. дис. … д-ра ист. Наук. Хабар. гос. пед. ун-т. Хабаровск, 2004. 46 с.
269. *Афанасьев Ю.Н.* Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 7-42.
270. *Бабич И.Л.* Исламские ценности в жизни кавказских эмигрантов во Франции (1919-1939 гг.) // Исламоведение. 2016. №1.
271. *Бабич И.Л.* Религиозная жизнь северокавказских эмигрантов во Франции (1920-1940-е годы) // ИСОМ. 2018. №3-1.
272. *Багдасарян В.*Э. Восточная цивилизационная версия государства социальной справедливости / Запад-Восток: Тургенев - Россия и мир. II Всероссийская научно-практической конференция. Под редакцией В.А. Ливцова. 2018. С. 61-83.
273. *Барихновский Г.Ф.* Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции, 1921-1924 /Г. Ф. Барихновский. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 160 с.
274. *Башкирова Г.Б., Васильев Г.В.* Путешествие в Русскую Америку: рассказы о судьбах эмиграции /Г. Б. Башкирова, Г. В. Васильев. М.: Политиздат, 1990. 332 с.
275. *Бирюкова К.В.* Российские студенческие союзы в Центральной и Восточной Европе в 1920-1930-е гг. /К. В. Бирюкова. М.: Б. и., 2004. 109 с.

276. *Барвенко Е.И.* Белоэмигрантская мемуаристика и современная буржуазная историография причин поражения контрреволюции в Сибири в 1918-1920 гг. // Вопросы истории социального и экономического развития Сибири. Томск, 1986.

277. *Барвенко Е.И.* «Архив русской революции» как источник по истории контрреволюции в Сибири // Октябрь и Гражданская война в Сибири: История. Историография. Источниковедение. Томск, 1985.

278. *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.): автореф. дис. … д-ра ист. наук: 05.25.03 / П. Н. Базанов; С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. СПб., 2005. 42 с.

279. *Башкирова Г.Б., Васильев Г.В.* Путешествие в русскую Америку. Рассказы о судьбах эмиграции. - М., 1990.

280. *Беляков В.В.* Приютила Африка Жар-птицу: россияне в Египте /В. В. Беляков. М.: Классика плюс, 2000. 253 с.

281. *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой воны в России, 1914-1925 гг. / Ирина Белова; [Российская ассоц. историков Первой мировой войны, Ассоц. исследователей российского о-ва (АИРО-XXI)]. - Москва: АИРО-XXI, 2014. - 431 с.

282. *Белова И.Б.* Возвращение русских военнопленных Первой мировой войны в Советскую Россию: историографический аспект // Вестник ВятГУ. 2014. №4.

283. *Белов С.И.* Положение немецких военнопленных в России в годы Первой мировой войны (на материалах архивов Верхнего Поволжья) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2014. №4.

284. Белое движение на юге России (1917-1920): Неизвестные страницы и новые оценки. М., 1995.

285. *Берг В.* Узники Бизерты. - М., 1998.

286. *Белоконь И.А*. Русская армия на Балканах в 1920-1925 гг. // Россия в XX веке: проблемы изучения и преподавания. - М., 1999, с. 79.

287. *Богдан Е.Б*. Казачество в эмиграции: Вопросы сравнительного анализа источников // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. - М., 1996. - С.268-270.

288. *Безугольный А.Ю*. Народы Кавказа и Красная армия. 1918-1945 годы. М.: Вече, 2007. 512 с.

289. *Беленкин Б.И., Леонтьев Я.В*. «Черная тень революции» (атаманша Маруся Никифорова) // Отечественная история. 2002. № 4. С. 169-178.

290. *Бирюкова К.В.* Российские студенческие эмигрантские союзы в Центральной и Восточной Европе в 1920–1930-е гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / К.В. Бирюкова; Моск. пед. гос. ун-т. М., 2005. 21 с.

291. *Большаков В.В*. Русские березы под Парижем /В. В. Большаков. М.: Мол. гвардия, 1990. 269 с.

292. *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля: неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов / В. Г. Бортневский. СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 1996. 167 с.

293. *Бочарова З.С.* «…Не принявший иного подданства»: проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920-1930-е годы /З. С. Бочарова. СПб.: Нестор, 2005. 252 с.

294. *Бочарова З.С.* Движение за возвращение на родину в российской эмиграции: (1920-е гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.01 /З.С. Бочарова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1994. 25 с.

295. *Бочарова З.С*. Социально-правовая адаптация российской эмиграции 1920–1930-х годов: исторический анализ: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / З.С. Бочарова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2005. 48 с.

296. *Бочарова З.С.* Национальная идентичность в эпоху глобальных миграций / Актуальные проблемы глобальных исследований: Россия в

глобализирующемся мире: Сборник научных трудов участников VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М., 2019. С. 387.

297. *Бочарова З.С.* Пути и формы осуществления социальной помощи в русском зарубежье (к теории вопроса) // ЭНОЖ «История». М., 2020. Том 11 Выпуск 2 (88).

298. *Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю.* Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографич. очерки. М.: Рус. мир, 1998. 320с.

299. *Борисенко И.* Авантюристы в Гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 г. Ростов н/Д.: РГУ, 1991. 111с.

300. *Бондаренко Т.Ю.* Деятельность иностранных организаций помощи голодающим в Саратовской губернии в 1920-х годах глазами русского эмигранта (из воспоминаний А. В. Бабина) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. №2.

301. *Боровняк (Borovnjak) Д.* Российские архитекторы и инженеры - эмигранты в Белграде между двумя мировыми войнами // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2017. № 7. С. 46-60.

302. *Бортневский В.Г.* Источники о деятельности белогвардейских судебно-следственных органов Севера в фондах ЦГАОР СССР и ЦГАСА // Археография и источниковедение Европейского Севера. Вологда, 1989. Ч. 1.

303. *Бруз В.В.* Генезис проблемы европейской безопасности и подходы к ее решению в первой половине XX века (историографический аспект) // Безопасность Евразии. 2004. № 3 (17). С. 553-565.

304. *Бруз В.В.* Периодизация и определяющие факторы становления российской государственности / Актуальные проблемы государственного и муниципального управления современной России. Сборник статей международной научно-практической конференции к

85-летию МГОУ. Отв. ред.: А.В. Солодилов, сост.: М.А. Новикова. 2016. С. 40-46.

305. *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917 – 1920). Москва, 2005.
306. *Булдаков В.П.* Имперство и российская революционность // Отечественная история. 1997. № 1. С. 42-60.
307. *Булдаков В.П.* Истоки и последствия солдатского бунта: Психология «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: От новых источников к новому осмыслению. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 208-217.
308. *Булдаков В.П.* Кризис империи и революционный национализм начала XX века в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29-45.
309. *Бюньон Франсуа*. Международный комитет Красного Креста и Советский Союз, (1917-1991): Пер. с фр. М., 1998. Оригинал: Le Comitè international de la Croix-Rouge et la protection des victims de la guerre. Genève, CICR, 1994.
310. *Васильев А.А*. Красота в изгнании. М., 1998.
311. *Васильев Г.В., Башкирова Г.Б.* Эмигранты. - М., 1990.
312. *Вандалковская М.Г.* Некоторые аспекты адаптации научной и политической эмиграции (1920-30-е гг.) История российского зарубежья. – М., 1996, с. 61.
313. Военно-учебные заведения и военно-научная мысль зарубежья. // Россия в изгнании. – М., 1999, с. 194.
314. *Вебер М.* Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
315. *Верещагин А.С.* Отечественная историография гражданской войны на Урале (1917-1921 гг.). Уфа, 2001.
316. *Вовель М*. Ментальность // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М.: Прогресс-Пайо, 1989. С. 459.

317. *Власенко В.Н.* Вторая волна межвоенной Украинской политической эмиграции в Румынии (зима-весна 1920 г.) // Русин. 2014. №2 (36).

318. *Власенко В.Н.* Украинская эмигрантская периодика в межвоенной Румынии // Русин. 2018. №3 (53).

319. *Власенко В.Н.* Формирование украинской политической эмиграции в Румынии в межвоенный период (первая волна) // Русин. 2014. №1 (35).

320. *Волков Е.В.* Сбывшиеся и несбывшиеся прогнозы Питирима Сорокина (из истории антибольшевисткой эмиграции в США) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. №1.

321. *Волобуев О.В.* К вопросу о красном терроре в Крыму в конце 1920 - начале 1921 г.: незавершенные споры и поиски / Гражданская война в России (1918-1922 гг.) Сер. "Исторические исследования, 109. Труды исторического факультета МГУ" 2019. С. 293-310.

322. Вопросы историографии гражданской войны на Урале: Сборник статей. Свердловск, 1967; 6.

323. *Воробьева О.В.* Правовые и социально-экономические аспекты предпринимательской деятельности российских эмигрантов в США в 1920-е - 1930-е гг. // Апробация. 2013. № 2 (5). С. 18-23.

324. *Гаврилова О.А.* Желая послужить своей родине богоугодным делом: из истории благотворительности в годы революции и Гражданской войны в Петроградской губернии //Россия в XX веке. – 2008. – С. 287-299.

325. *Гадамер Х.-Г.* Текст и интерпретация (Из немецко-французских дебатов с участием Ж. Деррида, Ф. Форгета, М. Франка, Х.-Г. Гадамера, И. Грайша и Ф. Ларуелля).

326. *Галеева Т.А.* Расколотая идентичность: русские художники эмигранты Б. Григорьев, С. Судейкин и И. Домбровский / Дж. Грэм в США в 1920-1930-е гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2017. №27.

327. *Гарусова О.А.* Беженцы гражданской войны 1918-1921 гг. В Бессарабии: "спасительный остров" // Русин. 2018. №3 (53).

328. *Геворкян М.Л.* Педагогические основы развития мигрантской педагогики в России и США: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / М.Л. Геворкян; Рост. гос. пед. ун-т. Саратов, 2001. 23 с.

329. *Гергилева А.И., Гергилев Д.Н.* Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой войны в период Гражданской войны на территории Сибири (1918-1920 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. №390

330. *Голдин В.И.* Армия в изгнании: страницы истории Русского общевоинского союза /В. И. Голдин. Архангельск: Солти, 2002. 300 с.

331. *Голдин В.И.* Роковой выбор: русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны /В. И. Голдин. Архангельск: Солти, 2005. 616 с.

332. *Голдин В.И.* Россия в гражданской войне: очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х-90-е годы)/В. И. Голдин. Архангельск: Боргес, 2000. 278с.

333. *Гросул В.Я*. Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883-1895 гг. /В. Я. Гросул. М.: Наука, 1988. 293 с.

334. *Гуревич А.Л.* История издательства «YMCA-Press»: (с прилож. подробной библиографии книг, опубликованных издательством)/А. Л. Гуревич. М.: Компания Спутник, 2004. 60 с.

335. *Голотик С.И.* Дальневосточная «волна» эмиграции в 20-е гг.// Россия в XX веке: проблемы изучения и преподавания. - М., 1998.

336. *Голотик С.И.* Российское общество Красного Креста и становление советского государственного аппарата в 1917-1918 гг. // Государственный аппарат России в годы революции и гражданской войны. М., 1998. – С. 188.

337. *Голотик С.И., Ипполитов С.С*. Российское общество Красного Креста (1917-30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. №4.

338. *Головкин А.А.* Предпринимательская деятельность русской эмиграции на Балканах (1920–1930-е гг.) // Вестник РУДН. История России. 2013. №2.

339. *Гончарова Н.В.* Культура российской эмиграции в Харбине: (опыт историко-культурологического анализа): дис. … канд. культурологии: 24.00.01 / Н.В. Гончарова. СПб., 2002. 229 с.

340. Гражданская война в России (1917-1922 гг.): взгляд сквозь десятилетия. Сборник материалов научной конференции / Сост. и отв. редакторы Г.М. Ипполитов, О.А. Тарабрина. Самара: Ас-Гард, 2009. 549с.

341. Гражданская война в России. События, мнения, оценки: Сб. памяти Ю.И. Кораблева. М.: Раритет, 2002. 695 с.

342. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. Изд. 2-е. М.: Сов. энцикл., 1987. 720 с.

343. *Гребёнкин И.Н.* Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914-1918 гг. Рязань: Ряз. гос. ун-т, 2010. 400 с.

344. *Грибенчикова О.А., Ипполитов С.С., Карпенко С.В.* Российское предпринимательство в эмиграции: 1918-1925 гг. // Гуманитарное образование в России: новые горизонты. - М., 1995.

345. *Гришунькина М.Г.* Профессиональные объединения российских юристов в эмиграции в 1920–1930-е гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / М.Г. Гришунькина; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2005.

346. *Гулюкина О.Н.* Проблемы нравственного воспитания в философско-педагогической мысли русского эмигрантского зарубежья: 20–40-е г. XX в.: дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / О.Н. Гулюкина. М., 2001. 150 с.

347. *Гуревич А.Л.* Культурно-религиозная деятельность русской эмиграции: по материалам истории Русского студенческого христианского движения: автореф. дис. … канд. ист. наук: 24.00.01 / А.Л. Гуревич; Рос. гос. гуманит. ун-т. М., 2005. 27 с.

348. *Гуревич А.Я.* История - нескончаемый спор. М.: РГГУ, 2005. 889 с.

349. *Гусефф К.* Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы). М.: Новое литературное обозрение, 2014.

350. День русской культуры: Отчет о праздновании «Дня русской культуры» за рубежом в 1925 г. / Сост. Цуриков Н.А. - Прага, 1926.
351. *Добровольский С.Ц.* Борьба за возрождение России в Северной области // Белый Север. 1918-1920 гг. Мемуары и документы. Выпуск II. Архангельск, 1993.
352. *Джонсон П.* Современность: Мир с двадцатых по девяностые годы. В 2 т. М.: Анубис; Вилад, 1995. Т. 1. 527 с; Т. 2. 479 с.
353. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. М.: Канон, 1995. 352 с.
354. *Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И.* Благотворительность в Томске в годы революции и Гражданской войны (1917-1919) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 30. С. 222-228.
355. *Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И.* Образование и культура в Томске в годы революции и Гражданской войны //Современное историческое сибиреведение XVII-начала XX вв. – 2005. – С. 351-366.
356. *Долгов Л.Н.* Экономическая политика гражданской войны: опыт Дальнего Востока России. Комсомольск-на-Амуре, 1996.
357. *Егоров В.Г., Клементьев Д.Ю.* Нация: актуализация концептуальных подходов // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 4. С. 34-64.
358. *Емельянов С.Н.* Новые вызовы и задачи: военное духовенство в годы Первой мировой и Гражданской войн // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. №2.
359. *Ерёмин И.А.* Военнопленные Первой мировой войны в Западной Сибири // Известия ТПУ. 2007. №1.
360. *Еремеева А.Н.* «Под рокот гражданских бурь». (Художественная жизнь Юга России в 1917-1920 годах). СПб: Нестор, 1998. 367 с.
361. *Еременко Л.И.* Русская эмиграция как социально-культурный феномен: Автореф. дис. канд.филос.наук. - М., 1993.

362. *Ершов В.Ф.* Адаптация российской военной эмиграции в странах размещения в 1920-е гг. // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов. - М., 1996, с. 84.

363. *Ершов В.Ф.* Быт и социальная адаптация российских военных беженцев в Восточной и Центральной Европе в 1920–30-е годы // Россия: идеи и люди. Сб. научных трудов МГУС. Вып. 3. М., 1998.

364. *Ершов В.Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1920 - 1945 гг. (организации, идеология, экстремизм). диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / М., 2000.

365. *Ефременко В.В.* Деятельность научных и культурных учреждений российской эмиграции во Франции. 1917 - 1939 годы: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: специальность 07.00.02 / Ефременко Валентин Викторович ; [Моск. гос. обл. ун-т]. - Москва, 2008. - 35 с.

366. *Жаровский Н.П.* Историография гражданской войны в СССР: По материалам советских военных журналов 20-х годов: дисс. канд. ист. наук. Харьков, 1971.

367. *Журавлев В.В.* Первая мировая война в человеческом измерении: Власть и общество // Россия XXI. 2014. № 2. С. 62-95.

368. *Журавлев В.*В. Генеалогическая хроника российской эмиграции (по материалам журнала "новик"): справочник. М.: Старая Басманная, 2011. 476 с.

369. *Журбина Н.Е.* Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. №2.

370. *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008.

371. *Захаров А.В.* Военнопленные Первой мировой войны в сельском хозяйстве Поволжья // Власть. 2014. №8.

372. *Захаров А.В.* Народные образы власти // Полис. 1998. № 1. С. 23-35.

373. *Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И.* Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории 1995 № 7. С. 153-160.

374. *Зубко О.Е., Суслов А.Ю.* Слухи и сплетни в среде украинской, русской и белорусской пражских эмиграций (1921-1939 гг.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – №. 2. – С. 32.

375. *Иванько Н.И.* Константин Трунов. Ставропольск. кн. изд-во, 1954. 72 с.

376. Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917-1922 гг. // под ред. Ю.И. Кораблева и В.И. Шишкина. - Новосибирск, 1985.

377. *Иоффе Я.* Организация интервенции и блокады Советской Республики 1918-1920 гг. - М.-Л., 1930.

378. *Иоффе Я.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.

379. Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX вв.: Под ред. Полякова Ю.А., Тарле Г.Я. - М., 1997.

380. История российского зарубежья: Проблемы адаптации мигрантов в XIX-XX вв.: сб. ст./Ин-т рос. истории РАН; отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: Изд. центр ИРИ РАН, 1996. 174 с.

381. Исход Русской армии генерала Врангеля из Крыма /. М.: Центрполиграф, 2003. 703 с.

382. *Игольникова В.А.* Предпосылки формирования социального государства в России 1917-1920 // Бизнес в законе. 2010. №4.

383. *Ипполитов Г.М.* Летопись братоубийства: (очерки советской историографии Гражданской войны на юге России, 1918-1985 гг.). Самара, 2009.

384. *Ипполитов Г.М.* Белое движение в гражданской войне: постсоветская историог. проблемы (некоторые аспекты) // Актуальные вопросы истории России на пороге XXI века: материалы XXI Всерос. заоч. науч. конф. -С.-Пб.: 2001. - С. 258 – 264.

385. *Ипполитов Г.М.* Они были первыми. (Размышления о книге десять лет спустя после ее выхода в свет в жанре научной рецензии) // Телескоп: Науч. альманах. Вып.3. - Самара: 2003.

386. *Ипполитов Г.М.* Деникиниана постсоветская: критические историографические заметки Телескоп. Науч. альманах. Вып. 10. - Самара: 2005.

387. *Ипполитов Г.М.* Некоторые актуальные проблемы изучения военной истории в постсоветский период // Телескоп: науч. альм. Спец. вып.: Пробл. изучения воен. истории: материалы Всерос. конф., посвящ. 60-летию Победы в Великой Отеч. войне (1941 - 1945 гг.). - Самара: 2005. - С. 3 - 20.

388. *Ипполитов С.С.* Сохранение национального наследия в условиях гражданского конфликта. 1917-1920 гг. // Культурное наследие России. 2020. № 2. С. 33-39.

389. *Ипполитов С.С.* Русские военнопленные Первой мировой войны как гуманитарная проблема // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 2. С. 174-188.

390. *Ипполитов С.С.* Российские гуманитарные организации на рынке труда Германии как фактор адаптации российских беженцев в 1919-1920-х гг. // Человек и культура. 2020. № 1. С. 110-122. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.1.31912.

391. *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция в Германии: психологическое состояние как гуманитарная проблема. 1917-1920-е гг. // Genesis: исторические исследования. 2020. № 1. С. 82-93. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.1.31903.

392. *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция первой волны в Германии: гуманитарно-правовые аспекты адаптации. 1917-1920-е гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 1. С. 115-128. DOI: 10.7256/2454-0609.2020.1.31909.

393. *Ипполитов С.С.* Инвалиды двух войн: увечные русские воины в эмиграции (1917 – 1920-е годы) // Новый исторический вестник. 2020. № 1 (63). С. 45-59. DOI: 10.24411/2072-9286-2020-00005.

394. *Ипполитов С.С.* «Украинцы категорически заявили, что они русские»: Военнопленные Первой мировой войны в европейской политике. 1918-1921 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2019. № 3. С. 68-79.

395. *Ипполитов С.С.* Источники изучения российской гуманитарной деятельности периода Гражданской войны в России. 1917-1921 гг. // Наследие веков. 2019. № 4. С. 26-41.

396. *Ипполитов С.С.* Маргинализация как гуманитарная проблема Русского зарубежья. 1920-1930-е гг. // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 132-153.

397. *Ипполитов С.С.* Российская гуманитарная деятельность периода Гражданской войны (1917-1921 гг.): Проблемы изучения // Наследие веков. 2019. № 3 (19). С. 74-79.

398. *Ипполитов С.С.* "Я видел мертвых...": Российское общество Красного Креста и Американский Красный Крест в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918-1920 гг. // Россия и современный мир. 2018. №1 (98). С. 100-112.

399. *Ипполитов С.С.* Деятельность Российского общества Красного Креста на территории Украины, Кубани и Крыма в 1918 – 1920 годах // Новый исторический вестник. 2018. №2 (56). С. 155-168.

400. *Ипполитов С.С.* «Шато рюсс»: Повседневный быт русских эмигрантов (1920–1930-е гг.) // Культурное наследие России. 2018. №4. С. 75-81.

401. *Ипполитов С.С.* «Нарезал я верблюжьего мяса…»: Голодная повседневность и гастрономические предпочтения российских эмигрантов (1920-1930-е годы) // Новый исторический вестник. М., 2015. № 43. С. 82-98.

402. *Ипполитов С.С.* Русский «казенный» капитал в Европе в 1920-1930-х гг. // Экономический журнал. 2015. № 37. С. 137-146.

403. *Ипполитов С.С.* Аграрный бизнес российских эмигрантов в 1920-1930-х гг. // Экономический журнал. 2014. № 36. С. 160-168.

404. *Ипполитов С.С.* Российское общество Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке: организация и помощь армии и населению (1919–1920 гг.) // Новый исторический вестник. 2013. №35. С. 56-68.

405. *Ипполитов С.С., Минаев В.В.* «От этого зависит вся судьба России»: к изучению демографической и экономической экспансии Китая и Японии на востоке России во время Второй русской смуты // Новый исторический вестник. М., 2013. № 37. С. 27-45.

406. *Ипполитов С.С.* «Владычество русских лишь временное»: китайская экономическая экспансия на востоке России в начале XX в. Вводная статья и подготовка текста к публикации // Новый исторический вестник. М., 2004. № 1. С. 144-152.

407. *Ипполитов С.С.* Гржебин Зиновий Исаевич // Новый исторический вестник. М., 2003. № 1. С. 143-167.

408. *Ипполитов С.С.* Страховое общество «Саламандра» (1918-1922 гг.) // Новый исторический вестник. М., 2002. № 1. С. 130-135.

409. *Ипполитов С.С., Голотик С.И.* Российское общество Красного Креста (1917-30-е гг.) // Новый исторический вестник. М., 2001. № 2. С. 237-250.

410. *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: Несостоявшийся альянс. М.: 2004. – 368 с.

411. *Ипполитов С.С., Катаева А.Г.* «Не могу оторваться от России…». Русские книгоиздатели в Германии в 1920-х гг. М., 2000. – 164 с.

412. *Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Три столицы изгнания. Константинополь. Берлин. Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. М., 1999. – 206 с.

413. *Ипполитов С.С.* Российское предпринимательство в эмиграции. 1918 – 1930 гг. Программа спецкурса // История России. XX-XXI века. Программы спецкурсов. М.: РГГУ, 2002. С. 39-42.

414. *Ипполитов С.С.* История России (российская эмиграция: интеграция в европейское общество в 1920 – 1930-х гг.): Учебно-методический модуль / М-во образования Рос. Федерации. Рос. гос. гум. ун-т. - М.: 2003. – 319 с. – (серия «Я иду на занятия»).

415. *Ипполитов С.С.* Российское предпринимательство в эмиграции. 1918-1939 гг. / В сборнике: История России. XX - XXI века. Программы спецкурсов: для специальностей № 020800 - Историко-архивоведение, № 020700 - История. Федеральное агентство по образованию, Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Российский государственный гуманитарный университет", Историко-архивный институт, Кафедра отечественной истории новейшего времени; под редакцией А.Б. Безбородова. Москва, 2006. С. 69-72.

416. *Ипполитов С.С.,* Евсеева Е.Н., Карпенко С.В., Можаева Л.А., Цурганов Ю.С. Зарубежная Россия. 1920-1940-е годы. В книге: История России. XX - XXI века. Программы спецкурсов: для специальностей N 020800 - Историко-архивоведение, № 020700 - История. Федеральное агентство по образованию, Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Российский государственный гуманитарный университет", Историко-архивный институт, Кафедра отечественной истории новейшего времени; под редакцией А. Б. Безбородова. Москва, 2006. С. 53-68.

417. *Ипполитов С.С.*, Антропов О.О., Белоконь И.А., Голотик С.И., Евсеева Е.Н., Зимина В.Д., Карпенко С.В., Киличенков А.А., Красовицкая Т.Ю., Крушельницкий А.В., Минаев В.В. История России, XX век: Курс лекций / Федеральное агентство по образованию, Российский государственный гуманитарный университет, ответственный редактор Минаев В.В. Москва, 2010. Сер. Библиотека "Нового исторического вестника" (2-е издание).

418. *Ипполитов С.С.* Гуманитарная деятельность как объект культурологии: определение, изучение, тенденции // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2018. №2 (29).
419. *Ипполитов С.С.* "Ревниво оберегая чистоту семейного очага": культура повседневности эмигрантской семьи (1920-1930-е годы) // Вестник МГУКИ. 2018. №2 (82).
420. *Ипполитов С.*С. Гржебин Зиновий Исаевич / Россия в 1905-1907 гг.: Энциклопедия / [отв. ред. В.В. Журавлев]. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 220-222.
421. *Ипполитов С.С.* Деньги войны: Финансовая агрессия против Белой Сибири // Экономический журнал. 2016. № 3 (43). С. 179-195.
422. *Ипполитов С.С.,* Грибенчикова О.А., Дробязко С.И., Ершов В.Ф., Шинкарук И.С., Парфенова Е.Б., Алексеева Е.В., Герасимова Н.П., Евсеева Е.Н., Можаева Л.А., Демина Л.И., Елисеева Н.В., Робкова Е.Б. Русские без отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20-40-х гг. М., 2015. (Издание 2-е, исправленное и дополненное).
423. Sergey Sergeeviç İppolitov, Sergey Vladimiroviç Karpenko, Yefim İosifoviç Pivovar. 1920'lerin Başında İstanbul'a Rus Göçü /Sayıları, Maddi Durumları, Ülkelerine Geri Dönüşleri / Rusçadan çeviri: Dr. Elnur Ağayev Lefke Avrupa Üniversitesi Fen Edebiyat Fakültesi Tarih Bölümü/KKTC // Itobiad. Istanbul. №3. 2012. P. 386-397.
424. *Ипполитов С.С.* Страховое общество «Саламандра» (1918-1922 гг.) // CD-диск «Зарубежная Россия (1918 – 1947 гг.)». Номер государственной регистрации в НТЦ «Информрегистр» 0320300846.
425. *Ипполитов С.С.* Гржебин Зиновий Исаевич. // CD-диск «Зарубежная Россия (1918 – 1947 гг.)». Номер государственной регистрации в НТЦ «Информрегистр» 0320300846.
426. *Ипполитов С.С., Голотик С.И.* Российское общество Красного Креста (1917 – 30-е гг.) / Очерки антибольшевистской эмиграции 1920 – 1940-х гг. 2003.

427. *Ипполитов С.С.* Воспоминания о службе в Иностранном легионе в Алжире, Тунисе и Сирии Н. Матина. Вводная статья, подготовка текста и комментарии // Очерки антибольшевистской эмиграции 1920 – 1940-х гг. М.: 2002. Вып. 4. С. 271 – 294.

428. *Ипполитов С.С., Голотик С.И.* Российское общество Красного Креста (1917-30-е гг.) // Новый исторический вестник. М., 2001. № 2. С. 237-250.

429. *Ипполитов С.С.* Предприниматели и аферисты // Русские без отечества. Очерки антибольшевистской эмиграции 20-40-х годов. М., 2000. С. 14-69.

430. *Ипполитов С.С.* Русское предпринимательство в зеркале рекламы // Россия в XX веке: проблемы изучения и преподавания. Материалы научной конференции. Москва, 2 декабря 1998 г. М., 1999. С. 104-107.

431. *Ипполитов С.С.* Деятельность благотворительных организаций в белом тылу и в эмиграции в 1918-1922 гг. // Российское зарубежье. Итоги и перспективы изучения. Тезисы докладов и сообщений научной конференции 17 ноября 1997 г. С. 31-32.

432. *Ипполитов С.С., Карпенко С.В., Пивовар Е.И.* Российская эмиграция в Константинополе в начале 1920-х годов (Численность, материальное положение, репатриация) // Отечественная история. М., 1993. № 5. С. 75-85.

433. *Истомина Н.П.* Положение военнопленных во время Первой мировой войны // Pro nunc. 2013. №1 (12).

434. Историография Гражданской войны в России: исследования и публикации архивных материалов / Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. М., 2018.

435. Историография истории Урала переходного периода. 1917-1937 гг. Свердловск, 1985.

436. *Кабузан В.М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII - начале XX века /В.М. Кабузан. М.: Наука, 1998. 268 с.

437. *Какурина М.В*. Российская эмиграция в культурной жизни Германии в 1920-1933 гг. (живопись и театр) /М.В. Какурина. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2004. 160 с.

438. *Кавтарадзе А.Г*. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920 гг. М.: Наука, 1988. 280 с.

439. *Казаджян Р.* Большевики и младотурки. - М., 1996.

440. *Кайдышева Н.Н*. Благотворительная деятельность как проявление гражданской активности в Пермской губернии в годы Первой мировой войны // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2015. №2 (29).

441. *Касьянов В.В., Шаповалов С.Н.* Интеграция эмигрантов и беженцев в принимающее общество: российский и европейский подходы к проблеме // ИСОМ. 2016. №1-2.

442. *Калиниченко Е.В.* Положение русскоязычного населения в странах Прибалтики в межвоенный период (1918–1939 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.В. Калиниченко; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2005. 28 с.

443. *Калякина А.В*. Использование труда военнопленных в Саратовской губернии в 1914 – 1917 годах // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. №2.

444. *Карпенко С.В.* Крах последнего белого диктатора. - М., 1990.

445. *Карпенко С.В*. Разведсводки штабов Красной армии как источник по истории внутренней контрреволюции и интервенции (на примере врангелевщины)// Вспомогательные исторические дисциплины. - Л., 1989. С.20.

446. *Карпенко С.В., Ипполитов С.С., Пивовар Е.И*. Российская эмиграция в Константинополе в начале 20-х годов. (Численность, материальное положение, репатриация) // Отечественная история. 1993. №5.

447. *Катаева А.Г*. Русская издательская деятельность в Германии 1920-х гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / А.Г. Катаева. М., 2000. 254 с.

448. *Карпук Д.А.* Деятельность Св. Синода по организации пастырского служения среди русских военнопленных в годы Первой мировой войны // Христианское чтение. 2015. №6.

449. *Квакин А.В.* Некоторые вопросы изучения истории ассимиляции российской интеллигенции в эмиграции. // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов. - М., 1996, с. 73.

450. *Квакин А.В*. Культурная миссия российской интеллигенции в эмиграции: некоторые проблемы изучения/А. В. Квакин//Российская интеллигенция на историческом переломе (первая треть XX века): тез. докл. и сообщ. науч. конф., Санкт-Петербург, 19-20 марта 1996 г./СПбГУ. СПб.: Б. и., 1996. С. 9-13.

451. *Киперман А.Я*. Разночинская революционная эмиграция: (1861-1895): пособие по спец. курсу для студ.-заочн./А. Я. Киперман. Тамбов: Тамб. ГПИ, 1980. 158 с.

452. *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека: (1920-1970)/П. Е. Ковалевский. Paris: Librairie des cinqs continents, 1971. 347с.

453. *Коваленко Ю.И*. Москва-Париж: Очерки о русской эмиграции. Профили и силуэты/Ю. И. Коваленко. М.: Известия, 1991. 381 с.

454. *Комин В.В.* Крах российской контрреволюции за рубежом /В. В. Комин. Калинин: Изд-во КГУ, 1977. 48 с.

455. *Кононова М.М*. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917-1925 гг.) /М. М. Кононова. М.: ИВИ РАН, 2004. 239 с.

456. *Костиков В.В.* Не будем проклинать изгнанье… Пути и судьбы русской эмиграции /В. В. Костиков. М.: Междунар. отношения, 1990. 462 с.

457. *Крейцбергс Х.К*. Виноватые и несчастные /Х. К. Крейцбергс. Рига: Авотс, 1989. 223 с.

458. *Кирьянов Ю.И.* Рабочие России на рубеже XIX-XX вв. // Отечественная история. 1997. № 4. С. 40-51.

459. *Климович Л.В.* Вклад русской школы в формирование национально-культурной идентичности молодого поколения эмиграции в 20-30-е гг. XX века (на материалах русской средней школы-гимназии в Париже) // Научный диалог. 2016. №8 (56).
460. *Климович Л.В.* Праздники российской эмиграции как отражение исторического кода дореволюционной России (1920-1930-е гг.) // Научный диалог. 2017. №11.
461. *Климович Л.В., Лукичева Л.Ю.* Формы сохранения культурной идентичности молодым поколением российских эмигрантов в 1920-1930-е гг. // История: факты и символы. 2016. №4 (9).
462. *Коновалов В.В.* Мелкие промышленники Сибири накануне и в годы революции и гражданской войны. - Екатеринбург, 1997.
463. *Косорукова М.И.* Национальная идея и ее роль в развитии русской культуры за рубежами России: (20–30-е гг. XX века): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / М. И. Косорукова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2004. 23 с.
464. *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа российского зарубежья за полвека (1920-1970). Париж, 1971.
465. Колчаковщина / под ред. Н. Райвида и В. Быкова. - Екатеринбург, 1924.
466. *Кроче Б.* Теория и история историографии. М., 1998.
467. *Ковальченко И.Д.* Некоторые вопросы методологии истории // Новая и новейшая история. 1991. № 5. С. 3-9.
468. *Ковальченко И.Д.* Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новом подходе // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 45-49.
469. *Кожевин В.Л.* Российская революция 1917 года и ментальность больших социальных групп: проблемы изучения // Вестник Омского ун-та. 1999. Вып. 3. С. 78-84.

470. *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М.: РАН. Ин-т философии, 1996. 216 с.

471. *Коновалов В.В.* Мелкие промышленники Сибири накануне и в годы революции и гражданской войны: Автореф. дисс. д.и.н. Екатеринбург, 1997.

472. *Копылов А.* Чумбаров-Лучинский. Архангельск: Архангельск, обл. изд-во, 1939. 72 с.

473. *Кубанин М.* Махновщина. Крестьянское движение в степной Украине в годы гражданской войны. Л.: Прибой, 1927. 227 с.

474. *Клейн Б.С.* Россия между реформой и диктатурой // Вопросы истории. 1991. № 9-10.

475. *Ковалев А.С.* Социальная помощь нетрудоспособному населению в антибольшевистской Сибири в 1918-1919 гг. // Манускрипт. 2018. №11-2 (97).

476. *Ковалёв А.С.* Социальное обеспечение нетрудоспособных граждан в условиях инвалидного дома в Сибири в 1920-1930-х гг. // Пространство и Время. 2013. №4 (14).

477. *Коваль О.В.* Межвоенная эмиграция белорусского и украинского населения в Канаду // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2010. №5.

478. *Коваль О.В*. Общие проекты молодежи белорусской и украинской диаспор (1918-1939) // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2013. №5.

479. *Коваль О.В.* Освещение жизни белорусской и украинской диаспор на страницах белорусской эмигрантской периодики // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2008. №5.

480. *Коваль О.В.* Особенности сотрудничества белорусской и украинской эмиграции в странах Латинской Америки (1918-1939) // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2014. №5 (169).

481. *Конокотин А.* Очерки по истории гражданской борьбы в Костромской губернии. - Кострома, 1927.

482. *Кондратьев А.В., Щербинин П.П.* Военнопленные и провинциальное общество Российской империи в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Вестник ТГУ. 2009. №12.

483. *Корнилов С.В.* Философия русского зарубежья: развитие понятийного аппарата // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2009. №6.

484. *Косаковский А.А.* Западногерманская буржуазная историография гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР: дисс. канд. ист. наук. - Москва, 1972

485. *Костерин С.В.* Деятельность «Комитета помощи детям русских эмигрантов в Польше» по оказанию поддержки детям беженцев // Преподаватель XXI век. 2016. №2.

486. *Косых В.И.* Деятельность Забайкальского епархиального Комитета по оказанию помощи беженцам духовного звания и ведомства в 1919-1920 гг. // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2009. №1.

487. *Костина И.О.* Библиотечной дело в российском зарубежье. 1920-1930-х гг.: персоналии, методика, практика. М., 2005.

488. *Кривошеева Е.Г.* Российская послереволюционная эмиграция накануне и в период Второй мировой войны: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Е.Г. Кривошеева; Моск. пед. гос. ун-т. М., 2003. 40 с.

489. *Кротова М.В.* Специфика русских традиций благотворительности в Маньчжурии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 2 (88). С. 14.

490. *Кротт И.И.* Использование труда военнопленных в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в годы Первой мировой войны // ОНВ. 2012. №4 (111).

491. *Кубанова Л.Г.* Журналы «Русская книга» и «Новая русская книга» в диалоге литератур метрополии и эмиграции: автореф. дис. … канд.

филол. наук: 10.01.01 / Л.Г. Кубанова; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. М., 1996. 21 с.

492. *Кузнецова Т.В.* Центры русского книжного дела в Китае в 1917– 1949 гг.: автореф. дис. … канд. пед. наук: 05.25.04 / Т.В. Кузнецова; Гос. публ. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния РАН. Новосибирск, 1999. 22 с.
493. *Кугуелов А.Г.* Проблема военнопленных в годы Первой мировой войны // «Запад-Восток». Научно-практический ежегодник . 2008. №1.
494. *Кудрякова Е.Б.* Российская эмиграция в Великобритании в период между двумя войнами/Е.Б. Кудрякова. М.: ИНИОН, 1995. 66 с.
495. *Курамина Н.В.* Высшая школа зарубежной России. 1920-1930 гг. /Н. В. Курамина. М.: ООО Фирма Блок, 2003. 117 с.
496. *Курганский К.С.* Белая эмиграция в Латинской Америке: попытка сохранения русской культуры, традиционного быта и православной веры (на примере Аргентины и Парагвая) //Культурная жизнь Юга России. 2009. №4.
497. *Курков Н.*В. Из истории русско-американских связей в начале XX в. // Американский ежегодник. 2004. № 2002. С. 293-298.
498. *Лавренов С.*Я. Справедливость как ценностная основа права // Вестник Академии права и управления. 2013. № 32. С. 21-23.
499. *Лапин Б.* Миссия русской эмиграции // Звезда. - СПб., 1992.
500. *Ленин В.И.* Критические заметки по национальному вопросу. Полное собрание сочинений. Т. 24. С. 120-121.
501. *Ленцен, И.* Использование труда русских военнопленных в Германии (1914-1918) / И. Ленцен // Вопр. истории. - 1998. - № 4. -С. 129-137
502. *Литвин А.Л.* Советская историография Гражданской войны в Поволжье. Казань, 1988.
503. *Ломкин А.В.* Экономическая политика Белого движения на юге России и в Сибири: Автореф. дисс. к.и.н. М., 1997.

504. *Лурье С. В.* Культурная антропология в России и на Западе: концептуальные различия. // Общественные науки и современность. 1997 № 2. С. 146-159.

505. *Мазалова Н.Е.* Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб: Петербург. Востоковедение, 2001. 192 с.

506. *Макеева Н.А.* Высшее образование российской молодежи в условиях эмиграции «первой волны»: (20–30-е гг. XX в.): дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / Н.А. Макеева. Саранск, 2003. 226 с.;

507. *Мамакаев М.* Народный комиссар. Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство, 1967. 21с.

508. *Марар О.И., Табачников Б.Я.* Российская артистическая эмиграция: судьбы, творчество, жизнь (1918-1939 годы): учебное пособие / О.И. Марар, Б.Я. Табачников; под общ. ред. Ю.Л. Золотовского М-во образования Рос. Федерации, Воронеж. гос. ун-т, Ист. фак. - Воронеж : ВГУ МОУ ВЭПИ, 2002. - 153 с.

509. *Мартынов А.В.* Литературно-философские проблемы русской эмиграции: сб. ст./А.В. Мартынов. М.: Посев, 2005. 263 с.

510. Между Россией и Сталиным: российская эмиграция и Вторая мировая война /С. И. Дробязко и др. М.: РГГУ, 2004. 346 с.

511. *Медведев В.Т.* Белый режим под красным флагом (Поволжье, 1918). Ульяновск: СВНЦ, 1998. 220 с.

512. *Медушевская О.М., Румянцева М.Ф*. Методология истории. М., 1997.

513. *Мещеряков Н.Л.* На переломе (из настроений белогвардейской эмиграции). - М., 1922.

514. *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае (1917-1924 гг.) /Г. В. Мелихов. М.: ИРИ РАН, 1997. 245 с.

515. *Менегальдо Е*. Русские в Париже, 1919-1939 /Е. Менегальдо; пер. с франц. Н. и И. Поповых. М.: Кстати, 2001. 247 с.

516. *Митрофанов Г.* Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы: К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии

и русской церковной эмиграции в период 1920-1927 гг./Г. Митрофанов. СПб.: Изд-во «Ноах», 1995. 144 с.

517. *Милюков П.Н.* Эмиграция на перепутье. - Париж, 1926.

518. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода Империи (XIX начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб: Дм. Буланин,1999. Т.1. 550 с; Т.2. 566 с.

519. *Миронов Б.Н.* «Сыт конь - богатырь, голоден - сирота»: питание, здоровье и рост населения в России второй половины XIX - начала XX века // Отечественная история. 2002. № 2. С. 30-43.

520. *Миронов А.С.* Раздувай и властвуй. М., 2001.

521. *Микуленок А.А.* День русского инвалида в Польше в 1920-1930-е гг // Общество: философия, история, культура. 2018. №1.

522. *Микуленок А.А.* День русской культуры в лимитрофных государствах в 1924-1939 гг // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. №2 (40).

523. *Микуленок А.А.* Особенности положения русскоязычного населения на «Восточных кресах» в 1920-1930-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2015. №6.

524. *Микулёнок А.А.* Проблема получения высшего образования российскими эмигрантами в Польше в 1920-1930-е гг. // Вестник КГУ. 2016. №1

525. *Микуленок А.А.* Российское зарубежье и день русского ребенка в конце 1920-х-1939 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. №3 (156).

526. *Михальченко С.И., Ткаченко Е.В.* Русские высшие учебные заведения Праги 1920-1930-х годов глазами эмигрантов // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2016. №3.

527. *Молчанов Л.А.* Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны: Окт. 1917-1920 г. М.: Издатпрофпресс, 2002. 272с.

528. *Морозов Г.С.* Проблема русского плена Первой мировой войны в современной отечественной историографии // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2015. №4.

529. *Мосейкина М.Н.* Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920-1960-е гг. : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. ист. н.: специальность 07.00.02 / Мосейкина Марина Николаевна; [Рос. ун-т дружбы народов]. - Москва, 2012.

530. *Мунтерс В*. Враги своего народа /В. Мунтерс. Рига: Автос, 1983. 149 с.

531. *Муромцева Л.П.* Типология российских эмигрантских музеев // ВМ. 2013. №1 (7).

532. *Мурашева С.Н.* Педагогическое наследие русской зарубежной диаспоры в период с 1919 по 1929 годы: На примере Чехословакии, Болгарии, Королевства сербов, хорватов и словенцев: дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / С.Н. Мурашева. Архангельск, 2002. 158 с.

533. *Мухачев Ю.В.* Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР /Ю. В. Мухачев. М.: Мысль, 1982. 270 с.

534. *Мышалова Д.В.* Очерки по литературе русского зарубежья /Д. В. Мышалова. Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма РАН: ЦЭРИС, 1995. 230 с.

535. *Нагорная О.С.* Военный плен Первой мировой войны: традиции «Прекрасной эпохи» и тенденции «Тотальной войны» // Вестник РУДН. История России. 2011. №1.

536. *Нагорная О.С.* «Эвакуация в том виде, в котором она существует, губительна для военнопленных и опасна для государства»: Советская практика репатриации русских военнопленных первой мировой войны // Вестник ЧелГУ. 2008. №15.

537. *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992.

538. *Назарова Т.П.* Периодическая печать о судьбе русских военнопленных в годы Первой мировой войны // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. №5.

539. *Наземцева Е.Н.* Особенности правового положения русской эмиграции в китайской провинции Синьцзян (1920-1940-е гг.) // Петербургский исторический журнал. 2014. №2.

540. *Наземцева Е.Н.* Правовой статус русских эмигрантов в Китае в современной российской историографии // Вестник РУДН. История России. 2016. №3.

541. *Найда С.Ф.* Советская историография Гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР. М., 1966.

542. *Найденков В.А*. Послевоенная эстонская эмиграция: Полит. деятельность эст. эмигр. орг., 1945-1985/В.А. Найденков. Таллинн: АН Эстонии, 1991. 67 с.

543. *Наумов И.В.* У истоков. Изучение гражданской войны на Дальнем Востоке в 1920-е годы. Иркутск, 1993.

544. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв.: сб. ст./под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле; сост. Г. Я. Тарле; ИРИ РАН. М.: Б. и., 2001. 330 с.

545. *Невалайнен П.* Исход: финская эмиграция из России, 1917-1939 гг. /П. Невалайнен; пер. с фин. М. Леппя. СПб.: Коло, 2005. 446 с.

546. *Некоз Н.Д.* Связи большевистской эмиграции с партийными органами России: (1903-1917)/Н. Д. Некоз. Киев: Одесса: Вища шк., 1987. 257 с.

547. *Никитин А.Н.* Социально-экономическая политика колчаковщины в освещении антисоветской печати // Социально-экономические проблемы советской Сибири переходного периода. 1917-1937 гг. Омск, 1987

548. *Никонова О.Ю.* Социально-экономическая политика колчаковщины глазами современных исследователей // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 1994.

549. *Николаева Н.В., Богданова А.А.* Зверства германской военщины во Франции в годы Первой Мировой войны // Достижения науки и образования. 2017. №2 (15).

550. *Ничков Е.А.* Военнопленные Первой мировой войны в Курганском уезде // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. №5.

551. *Нусинова Н.* Когда мы в Россию вернемся: рус. кинематогр. зарубежье, 1918-1939 /Н. Нусинова. М.: НИИК: Эйзенштейн-центр, 2003. 463 с.

552. *Овсянкин Е.И.* На изломе истории. События на Севере в 19171920 гг. Мифы и реальность. Архангельск: Архконсалт, 2007. 560 с.

553. *Окороков А.В.* Молодежные организации русской эмиграции (1920-1945 гг.) /А. В. Окороков. М.: Приложение к газете «Станица», 2000. 111 с.

554. *Окороков А.В*. Русская эмиграция: полит., воен.-полит. и воин. орг., 1920-1990 гг. /А.В. Окороков; Ин-т полит. и воен. анализа, Центр по изучению рус. зарубежья. М.: Авуар Консалтинг, 2003. 330 с.

555. *Окороков А.В.* Фашизм и русская эмиграция (1920-1945 гг.) /А.В. Окороков. М.: Руссаки, 2002. 593 с.

556. *Омельченко Н.А.* Русский опыт: революция 1917 г. в России и политическая практика большевизма в общественно-политической мысли российского зарубежья (1917 -начало 1930-х гг.) /Н. А. Омельченко. М.: ГАУ, 1995. 156 с.

557. *Олейник О.Ю.* Интеллигенция и отечество: проблема патриотизма в советском обществе и российском зарубежье в 30-е годы XX века: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / О.Ю. Олейник. Иваново, 1998. 492 с.

558. *Орлов К.Б.* История повседневности: смерть или новое рождение? // Преподавание истории в школе. 2008. № 3. С. 32-37.

559. *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: Стрелец, 2001. 400 с.

560. Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005. С. 307-308.
561. *Пархоменко Т.А.* Русская акция в Болгарии. // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов. Сборник статей. - М., 1999, с. 202.
562. *Парфенов (Алтайский).* Гражданская война в Сибири. - М., 1925.
563. *Парфенова Е.Б.* Казачья эмиграция в Европе в 1920-е годы: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.Б. Парфенова; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. М., 1997. 26 с.
564. *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе /В. Т. Пашуто. М.: Наука, 1992. 400 с.
565. *Петкевичене Л.* Прогрессивные литовцы за рубежом и Советский Союз /Л. Петкевичене. Вильнюс: Минтис, 1985. 178 с.
566. *Петриковская А.С*. Российское эхо в культуре Австралии: (XIX -первая половина XX в.) /А. С. Петриковская. М.: МВРАН, 2002. 200 с.
567. Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны / Отв. ред. В.А. Шишкин. СПб: Дм. Буланин, 2000. 350 с.
568. *Пивовар Е.И., Голотик С.И., Евсеева Е.Н., Ипполитов С.С., Карпенко С.В*. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). Учебное пособие для студентов. М., 1994.
569. *Пио-Ульский Г.Н.* Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. - Белград, 1939.
570. *Полоскова Т.В.* Диаспоры в системе международных связей /Т. В. Полоскова. М.: Науч. кн., 1998. 199 с.
571. *Пучков С.Н.* Молодежный политический активизм российского зарубежья 1920-1930-х гг.: идеология, структура, деятельность: моногр./С. Н. Пучков. М.: Б. и., 2003. 79 с.
572. *Попов А.В.* Российское зарубежье и архивы. - М., 1998.

573. *Постников Е.С.* Адаптация российского студенчества в эмиграции в начале 20-х годов XX века. // История российского зарубежья. -М., 1996.

574. *Покровский Г.* Деникинщина: год политики и экономики на Кубани. 1918-1919 гг. Берлин, 1923.

575. *Поликарпов В.Д.* Пролог Гражданской войны в России. Октябрь 1917 г. - февраль 1918 г. М.: Наука, 1976. 415 с.

576. *Полищук К.С.* Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX - нач. XX вв.) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917 г. СПб: БЛИЦ, 1997. С. 115-128.

577. *Положишников Д.О.* Пётр Ипатов. Ставрополь: Кн. изд-во, 1954. 52 с. 130. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 235 с.

578. *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.

579. *Плотникова М.Е.* Советская историография гражданской войны и интервенции в Сибири: дисс. докт. ист. наук. Томск, 1969

580. *Погромский В.А.* Деятельность Американской администрации помощи в Царицынской губернии и прилегающих территориях в период голода 1921-1923 гг. // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2016. №1 (5).

581. *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 2.

582. *Поляков Ю.А.* Гражданская война в России (Поиски нового видения) // История СССР. 1990. № 2.

583. *Поляков Ю.А.* Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6. С. 32-41.

584. *Помбрак Л., Синяжников М.* Костромские большевики в борьбе за власть Советов. - Кострома: Костромское книжное издательство, 1957

585. *Попов М.Е.* Российская диаспора в Германии (1921-1923): численность, состав и материальное положение // Манускрипт. 2017. №12-1 (86).

586. *Пронин А.А.* Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980-2005 гг.: Библиометрический анализ. 1980-2005 гг. Челябинск, 2016.

587. *Пронин А.А*. Российское зарубежье: источники исторических исследований и их эволюция // Концепт. 2013. №2 (18).

588. *Пронин А.А.* Российское казачество в эмиграции: историография и источники // Вестник ЧелГУ. 2013. №12 (303).

589. *Протасова Е.Ю*. «Акция помощи» русским эмигрантам в Чехословакии 1920-1930-х гг. В современной историографии // Вестник ТГУ. 2012. №3.

590. *Прошин О.Г.* Отечественная историография гражданской войны в Среднем Поволжье, 1919-1920 гг.: дисс. канд. ист. наук. Казань, 1993.

591. *Рабинович А.* Революция 1917 года в Петрограде: Большевики приходят к власти / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2003. 448 с.

592. *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919-1939/М. Раев. М.: Прогресс-Акад., 1994. 296 с.

593. *Ревякина Т.В*. Российская эмиграция в Китае. Проблемы адаптации (20-40 г. XX в.) /Т. В. Ревякина. М.: Ин-т Дал. Востока, 2002. 105 с.

594. Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: новые документы и материалы: сб. науч. ст./. М.: Рос. ин-т культурологии, 2001. 226 с.

595. Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль: Материалы всерос. науч. конф., 14-15 нояб. 1995 г., г. Москва / Редкол.: Волобуев П.В. (отв. ред.) и др. М.: ИРИ РАН, 1997. 223 с.

596. *Ревякина Т.В.* Проблемы адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции в Китае: (начало 1920 – середина 1940-х гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.03 / Т.В. Ревякина. М., 2004. 308 с.

597. *Реснянский С.*И. Историческая память как основа сохранения духовных и культурных ценностей / История, которая нас объединяет. Ответственный редактор В.М. Козьменко. Москва, 2016. С. 189-192.

598. *Реши Д. Дою.* Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове / Пер. с англ. Саратов: Слово. 1995. 400 с.

599. *Рейхберг Г.* Гамовский мятеж (Из истории борьбы за власть советов на Амуре в 1918 г.) // Борьба классов. 1936. №8. С. 64-74.

600. *Раев М.* Россия за рубежом: история культуры российской эмиграции, 1919-1939 гг. - М., 1994.

601. Российское казачество в Европе 20-30-х гг. // Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. - М., 1999.

602. Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. – М., 1999.

603. Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов / Отв. ред. Трукан Г.А. - М., 1995.

604. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). Учебное пособие для студентов. - М., 1994.

605. *Романишина В.К.* Менталитет россиянина в эпоху гражданской войны // Менталитет россиянина: история проблемы. Материалы XVII Всерос. заочной научной конф. СПб: Нестор, 2000. С.76-78.

606. Революция и Гражданская война 1917-1920 годов: новое осмысление. Симферополь, 1995.

607. *Решетников Л.П.* Русский Лемнос: исторический очерк. - М.: Новоспасский монастырь, 2009. - 112 с.

608. *Рокина Г.В.* Австро-венгерские пленные Первой мировой войны в уездных городах Казанской губернии // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2017. №1 (9).

609. *Руденцова Ю.И.* Социальная адаптация российской эмиграции во Франции: (1920–1930-е гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю.И. Руденцова. М., 2000. 209 с.

610. *Русинов А.А.* «Еда как оружие»: предположения и суждения американской прессы о политических целях американской администрации помощи в советской России // ИСОМ. 2015. №6-1.

611. *Русинов А.А.* Конкуренция между американскими благотворительными организациями в контексте международной помощи голодающим в Советской России (1921-1923 годы) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. №5.

612. Русская армия в изгнании: сб./сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2003. 512 с.

613. Русская армия на чужбине: Галлипол. эпопея/сост. и ред. С. В. Волков. М.: Центрполиграф, 2003. 464 с.

614. Русская эмиграция в Европе 20-е-30-е гг. XX в.: /Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории; отв. ред. Л. В. Пономарева. М.: ИВИ, 1996. 268 с.

615. Русская эмиграция во Франции (1850-е -1950-е гг.) : сб. науч. ст. СПб.: Третья Россия, 1995. 184 с.

616. Русские без Отечества: очерки антибольшевистской эмиграции 20-40-х годов/отв. ред. С. В. Карпенко. М.: РГГУ, 2000. 497 с.

617. *Русских Л.В.* Идентичность: культурная, этническая, национальная // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 178-180.

618. *Рынков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России. Вторая половина 1918-1919 года. Новосибирск, 2008.

619. *Рябова В.И.* Студенты-эмигранты в Северной Африке в 20-е годы XX века /В. И. Рябова. М.: Изд-во МГОУ, 2004. 53 с.

620. *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917-1939): сравнительно-типологическое исследование / И.В. Сабенникова ; Федер. арх. служба России, Всерос. науч.-исслед. ин-т документоведения и арх. дела. - Тверь: Золотая буква, 2002. - 429 с.

621. *Сабенникова И.В.* Русское Зарубежье: Сравнительно-исторический анализ // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. - М., 1996.

622. *Савицкая О.Н., Сатарова А.П.* Голод 1921-1923 гг. В Хоперском и Усть-Медведицком округах Царицынской губернии и Американская администрация помощи (АРА) // Манускрипт. 2017. №8 (82).

623. *Савченко А.И.* Пресса российской политической эмиграции в конце XIX – начале XX в.: дис. … д-ра ист. наук. М., 1998. 395 с.

624. *Саенко Я.* Дмитрий Жлоба. Краснодар: Кн. изд-во, 1964. 112 с.

625. *Сарнов Б.* Случай Зощенко. Пришествие капитана Лебядкина. М.: Эксмо, 2005. 704 с.

626. *Светачев М.И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на дальнем Востоке (1918-1919 гг.). - Новосибирск, 1983.

627. *Селунская В.М.* Роль эмигрантских организаций 1920-1930-х гг. в процессе адаптации россиян за рубежом. // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов. Сборник статей. - М., 1999, с. 26.

628. *Селунская В.М.* Проблемы адаптации эмигрантов из России в европейском зарубежье 20-30-х гг. XX века. // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов. - М., 1996, с. 45.

629. *Сенявская Е.С.* Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // Вестник РУДН. История России. 2013. №1.

630. Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 1995.

631. *Симонова Т.М., Глушковский П.* История русской эмиграции в Польше в 1919-1939 гг.: новые источники и современная историография проблемы // Вестник РУДН. История России. 2018. №1.

632. *Слободин В.П.* Белое движение в годы Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Уч. пос. М.: МЮИ МВД России, 1996. 80 с.

633. *Смирнов С.В.* Российские эмигранты в Северной Маньчжурии: (начало 1920-х гг. – 1945 г.): проблема социальной адаптации: автореф. дис. …

канд. ист. наук: 07.00.02 / С.В. Смирнов; Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2002. 24 с.

634. *Смирнова Т.М.* «В происхождении своем никто не повинен...»? Проблемы интеграции детей «социально чуждых элементов» в послереволюционное российское общество (1917-1936 гг.) // Отечественная история. 2003. №4. С. 28-43.
635. *Смоленский Н.И.* Теория и методология истории: учебное пособие. М., 2008. 272 с.
636. *Смоленский Н.И.* Материальные факторы в истории как проблема обучения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2007. № 1. С. 202-212.
637. *Соничева Н.Е.* На чужом берегу. - М., 1991.
638. *Сотников С.А.* Опыт российской военной эмиграции в сфере учебной воспитательной работы с молодежью // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2013. № 4. 2013. С. 110.
639. Социальный портрет российского зарубежья 20-х годов (по материалам массового обследования российских эмигрантов в Югославии). // Россия в изгнании. - М., 1999.
640. *Сперкач А.И.* Российская эмиграция первой волны // Россия: государство, общество, личность. - М., 1997. - С.72-75.
641. *Стемасов И.И., Реснянский С.И.* Историческая память как основа сохранения духовных и культурных ценностей / Актуальные проблемы истории. Материалы научно-практических конференций, прошедших в 2014-2015гг. Орехово-Зуево, 2016. С. 193-201.
642. *Сурайкин М.А.* Молодежные движения и организации российского зарубежья в 1920–1930-е годы: дис. … канд. ист. наук. М., 2003. 196с.
643. *Солнцева С.А.* Комиссары в армии революционной России (февраль 1917 г. - март 1918 г.) // Отечественная история. 2002. № 3. С. 83-99.

644. *Солнцева С.А*. 1917 г.: Кадровая политика революции в Российской армии // Отечественная история. 2004. № 3. С. 102-116.

645. *Сурайкин М.А.* Молодежные движения и организации российского зарубежья в 1920-е - 1930-е годы : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ист.н. : Спец. 07.00.02 / Сурайкин М.А.; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. - М., 2003. - 26 с.

646. *Суржикова Н.В.* Российский плен 1914–1922 годов в новейшей отечественной историографии: контексты, конструкты, стереотипы // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2013. №2 (22).

647. *Суржикова Н.В.* Повседневность уральского плена: взгляд изнутри (конец 1916 первая половина 1917 года) // Вестник ЧелГУ. 2009. №28.

648. *Суржикова Н.В.* Российский плен 1914-1917 гг.: проблема институциональной атрибуции // Идеи и идеалы. 2014. №3 (21

649. *Суржикова Н.В.* Военнопленные Первой мировой войны на Урале. К реконструкции коллективного портрета // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2011. №3 (17).

650. *Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А.* Российское беженство 1914–1922 годов в контекстах новейших отечественной и зарубежной историографий // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. №3 (20).

651. *Суханова Н.И.* Особенности Гражданской войны на Северном Кавказе // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 1: Естественные науки. 2016. Т. 31. № 1. С. 36-41.

652. *Суханова Н.И.* Белое движение и архаизация крестьянской жизни на Юге России / Северо-Запад в аграрной истории России. 2015. № 21. С. 161-171.

653. *Суханова Н.И.* Идейные основы Белого движения, как отражение его идеалистичности / Государство, общество, Церковь в истории России XX-XXI веков. материалы XIX Международной научной конференции. Иваново, 2020. С. 365-370.

654. *Суханова Н.*И. Институциональная политика Советской власти и Белого движения на Северном Кавказе в годы Гражданской войны (1917-1920 гг.). Ставрополь, 2004.

655. *Сухачева В.А.* Общественно-педагогическое движение российской эмиграции в странах Европы, 1917-1939 гг.: Дисс. канд. пед. наук. Саранск, 1995. С. 42.

656. *Рокина Г.В.* Иностранные пленные Первой мировой войны в Марийском крае // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. №1.

657. *Талапин А.Н.* Военнопленные Первой мировой войны в Сибири в период Гражданской войны и репатриации // Вестник ОмГУ. 2013. №3 (69).

658. *Тарасов А.В.* Военнопленные Первой мировой войны в Пермской губернии // Вестник ВятГУ. 2014. №2.

659. *Тарле Г.Я.* Об особенностях изучения истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX веках.// История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов. - М., 1996.

660. *Тарле Г.Я.* Задачи изучения истории российского зарубежья: (заседание «круглого стола» в Институте российской истории РАН) /Г. Я. Тарле// Отечественная история. М., 1994. № 1. С. 217-218.

661. *Тарле Г.Я.* История адаптации российских эмигрантов в литературе 1990-х гг.: Эволюция понятий/Г. Я. Тарле//Адаптация российских эмигрантов (конец XIX -XX в.): ист. очерки/ИРИ РАН. М.: Б. и., 2006. С. 33-71.

662. *Тарле Г.Я.* Причины и условия формирования новой волны российской эмиграции во время и после Второй мировой войны: Историографический аспект //Адаптация российских эмигрантов (конец XIX-XX в.): ист. очерки/ИРИ РАН. М.: Б. и., 2006. С. 288-341.

663. *Тарле Г.Я.* Проблемы адаптации в историографии российской эмиграции / История российского зарубежья: Проблемы историографии: (конец XX -XX в.): сб. ст. М.: Изд. центр ИРИ РАН, 2004. С. 30-45.

664. *Тесемников В.А.* Российская эмиграция в Югославии (1919-1945 гг.)// Вопросы истории. 1988. №10.

665. *Телицын В.Л.* «Бессмысленный и беспощадный»?..: Феномен крестьянского бунтарства 1917-1921 годов. М.: РГТУ, 2003. 335 с.

666. *Тишкина К.А.* Восстановление деятельности благотворительных организаций на территории Западной Сибири в 1918-1919 гг. // Известия АлтГУ. 2017. №2 (94).

667. *Тишкина К.А.* Деятельность сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой и Гражданской войн: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Тишкина Ксения Алексеевна; [Место защиты: Алт. гос. ун-т]. - Барнаул, 2018. - 26 с.

668. *Томазов В.Т.* Белое движение в Гражданской войне. 80 лет изучения. М.: Рос. всеобщ, энцикл., 1998. 234 с.

669. *Трошина Т.Н.* Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере России (первая четверть XX века). Архангельск: Помор, ун-т, 2011. 337 с.

670. *Урядова А.В.* Русская эмиграция о судьбе Церкви на родине в начале 1920-х гг // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2011. №40.

671. *Усманов Н.В.* Газеты США о голоде на Южном Урале и деятельности в регионе американской администрации помощи (1921-1923) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2008. №5 (106).

672. *Устинкин С.В.* Трагедия белой гвардии. – Нижний Новгород, 1995.

673. *Ушаков А.И., Федюк В.П.* Гражданская война. Новое прочтение старых проблем // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996.

674. *Ушаков А.И.* История гражданской войны в литературе русского зарубежья. Опыт изучения. М., 1993.

675. *Ушкалов И.Г., Иванов С.Л.* Эмиграция: взгляд с Востока и Запада. - М., 1991.

676. *Федякина Е.В.* Питирим Александрович Сорокин: общественная и научная деятельность: дис … канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.В. Федякина. Самара, 2005. 200 с.

677. *Филимонов С.Б.* Интеллигенция в Крыму (1917-1920): поиски и находки источниковеда. Симферополь: Черномор-ПРЕСС, 2006. 232 с.

678. *Филимонов С.Б.* Тайны крымских застенков. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920-1940-е годы. Симферополь: Бизнес-Информ, 2003. 304 с.

679. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ-ЛДТ, 1998. 288с.

680. *Федорова Т.В.* Проблема социально-бытовых условий содержания австро-венгерских военнопленных на территории Восточной Сибири во время Первой мировой войны // Известия АлтГУ. 2014. №4 (84).

681. *Ферцер В.Ю., Кутякова Н.К.* Российская благотворительность в сфере социальной защиты людей, оказавшихся в трудных жизненных обстоятельствах // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2014. №4.

682. *Фрейнкман-Хрусталева Н.С., Новиков А.И.* Эмиграция и эмигранты: История и психология / Науч. ред. Тишкин Г.А. - СПб., 1995.

683. *Фукс А.Н.* Вопросы государственной политики в области исторического образования (1920-30-х гг. XX века) / Наследие Н.К. Крупской и современность. Научные труды Всероссийской научно-

практической конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения Н.К. Крупской. Под редакцией Е.И. Артамоновой. 2019. С. 31-40.

684. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.

685. *Хеймсон Л.* Об истоках революции // Отечественная история. 1993. № 6. С. 3-15.

686. *Хисамутдинов А.А.* Русские эмигранты-востоковеды в Харбине // Известия Восточного института. 2013. №1 (21).

687. *Худобородов А.Л.* Вдали от родины: Российские казаки в эмиграции: Учебное пособие к спецкурсу. – Челябинск, 1997.

688. *Царёва Е.С.* Военнопленные Первой мировой войны в музыкальной жизни Сибири // Южно-Российский музыкальный альманах. 2012. №1.

689. *Цветков В.Ж.* Новые публикации источников по истории Белого движения в России (1917-1922 гг.) // Отечественная история. 2004. № 2. С. 155-159.

690. *Цфасман А.Б.* «Русский Берлин» начала 1920-х годов: издательский бум // Вестник ЧелГУ. 2008. №34.

691. *Чапыгин И.В.* Казачий союз в Шанхае: сохранение духовности и культуры в эмиграции // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. №1 (18).

692. *Чапыгин И.В.* Казачья эмиграция на территории Маньчжурии в 1920-1945 гг. Некоторые итоги изучения темы // Наука и школа. 2014. №1.

693. Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследовании. Материалы XVIII Международной научной конференции. С.-Пб., 12-13 дек. 2005 г. В 2 тт. СПб: Нестор, 2005.

694. Человек и война (Война как явление культуры). Сб. статей / Под ред. И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой. М.: АИРО-XX, 2001. 479 с.

695. *Черных Ю.Н.* Патриотическое воспитание в военном образовании российского зарубежья: дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / Ю.Н. Черных. Воронеж, 2005. 218 с.

696. *Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М.* Из истории сохранения памятников культурного наследия в Томске в 1917-1920 гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. №422.

697. *Чолахян В.А.* Русская периодическая печать о гуманитарной катастрофе в Османской империи в годы Первой мировой войны // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. №2.

698. *Чудаков О.В.* Медико-санитарная деятельность органов городского самоуправления в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (1914 - начало 1918 гг.) // ОНВ. 2012. №2 (106).

699. *Чудаков О.В.* Размещение военнопленных органами городского самоуправления в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (1914 - первая половина 1918 гг.) // ОНВ. 2012. №5 (112).

700. *Шаламов В.А.* Иркутская Мариинская община сестер милосердия в революционные годы и гражданскую войну (1917-1920 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017.

701. *Шишкин В.Ф.* Как складывалась революционная мораль: Ист. очерк. М.: Мысль, 1967. 284 с. 202. Шкуратов В.А. Историческая психология. М.: Смысл, 1997. 505 с.

702. *Шевцова Г.И.* Деятельность на территории Сербии и возвращение из плена эпидемиологического отряда Александровской общины РОКК (отряда Н.С. Спасского) в годы Первой мировой войны // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2010. №4 (12).

703. *Шерман И.Л.* Советская историография Гражданской войны в СССР. (1920-1931). Харьков, 1964

704. *Шилина А.С.* Благотворительность общественных организаций Восточной Сибири во время Первой мировой войны // Вестник КрасГАУ. 2014. №12.

705. *Шилова О.С.* Информационная политика иностранных государств в период Гражданской войны в Сибири (на примере Иркутска, 1918-1920-е гг.) // Вестник БГУ. 2013. №10.

706. *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. - М.,1986.

707. *Шкаренков Л.К.* Наваждение белых миражей. О судьбах и утраченных иллюзиях русской эмиграции // Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель. - М., 1989. - С.281-307.

708. *Шкаренков Л.К.* Российское Зарубежье: Заметки историка // Россия и современный мир. - М., 1994. - Вып.1. - С.89-97.

709. *Шмидт С.О.* Русское Зарубежье в системе общественного сознания и культуры России // Шмидт С.О. Путь историка. - М., 1997. С.339-341.

710. *Шмидт С.О.* Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997.

711. *Шкаровский М.В*. Благотворительная деятельность русского афонского Свято-Пантелеимонова монастыря в XIX - начале XX в // Христианское чтение. 2017. №1.

712. *Штыка А.П.* Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейских мемуаристов: Автореф. дис. канд. ист. наук. Томск, 1991.

713. *Юрьева Ю.С.* Функционирование Союза русской присяжной адвокатуры в Германии (20-е - 30-е годы XX века) // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2009. № 4 (15). С. 95.

714. *Яковлева М.Г.* Проблемы идентичности и интеграции русских эмигрантов во французское общество на примере деятельности русской общественной библиотеки им. И. С. Тургенева // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2014. №4.

715. *Якушкин Е.* Колчаковщина и интервенция в Сибири. М.-Л., 1928.

716. *Языков Е.Ф.* История стран Европы и Америки в новейшее время. 1918-1945. М., 1998.

717. *Яшина М.А., Худобородов А.Л.* Учебные заведения казачьей эмиграции в 1920-1930-х гг.: из истории культурно-просветительской деятельности русского зарубежья // Известия АлтГУ. 2016. №4 (92).

718. Andreyev C. Russia abroad: Prague and the Russian diaspora, 1918-1938 /Catherine Andreyev Ivan Savický. New Haven: Yale University Press, 2004. 246 p.

719. Bade K. J., Oltmer J. (Hrsg.). Aussiedler: deutsche Einwanderer aus Ousteuropa /K. J. Bade, J. Oltmer//Schriften des Instituts fьr Migrationsforschung und interkulturelle Studien (IMIS), Bd. 8. Osnabrьck, Universitдtsverlag Rasch. 1999. 323 s.

720. Beaune-Gray D. Les historiens de l'émigration russe /Danièle Beaune-Gray. Paris: Inst. d'études slaves: Maison des sciences de l'homme, 2003. 178 p.

721. Berlin i okrestnosti. Putevoditeli Gribensa. Tom 197 (Berlin und Umgebung. Griebens Reiseführer. Band 197). Berlin 1923.

722. Cohen N. W. Relocation and relief: Russian-Jewish emigration in 1891 /N. W. Cohen. New York: Hunter College of The City University of New York, 2000. 30 p.

723. Coudry G. Les camps soviétiques en France (Les «Russes» livres à Staline en 1945) /G. Coudry. Paris: Albin Michel, 1997. 340 p.

724. Der Briefwechsel zwischen Pasternak, Rilke und Zwetajewa in: Rilke und Rußland. Briefe, Erinnerungen. Gedichte. Berlin und Weimar 1986.

725. Deutsch von Fritz Mierau. In der Zeitschrift „Novaja russkaja kniga" erschienen 1922 zweiundzwanzig Schriftstellerautobiografien, darunter die von Wladimir Majakowski, Sergej Jessenin, Jewgeni Samjatin, Boris Pilnjak, Andrej Sobol, Alexej Tolstoi, Konstantin Fedin, Wladislaw Chodassewitsch und Ilja Ehrenburg.

726. *Figes O.* Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution, 1917-1921. Oxford: Clarendon Press, 1989. 399 p.

727. *Figes O., Kolonitsky B.* Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven; London, 1999. 198 p.

728. *Frost H.* Russian immigrants, 1860-1915 /H. Frost. Mankato, Minn.: Blue Earth Books, 2003. 32 p.

729. *Glad J.* Russia Abroad: Writers, History, Politics/J. Glad. Tenafly, NJ: Hermitage & Birchbark Press, 1999. 735 p.

730. *Huntington W.C.* The Homesick million. Russia-out-of-Russia. Boston, 1933.

731. *Heitman S.* The right to leave: The new Sov. draft law on emigration/S. Heitman. Kiel, 1990.

732. *Heitman S.* The third Soviet emigration: Jewish German a. Armenian emigration from the USSR since World War II/S. Heitman. Koln: Bundesinst. fur ostwiss. u. intern. Studien, 1987. 108 p.

733. *Heretz L.* The Psychology of the White Movement // The Bolsheviks in Russian society. The Revolution and Civil Wars/ Ed. by V.M. Brovkin. Yale University Press. New Haven & London, 1997. S. 107-108.

734. Johnston, Robert H. New Mecca, New Babylon: Paris and the Russian exiles, 1920-1945.

735. *Kaiser R.* Russian Emigre Literature and the American Press /R. Kaiser//The Third Wave: Russian Literature in Emigration. Ann Arbor: Ardis, 1984. P. 154-157.

736. Kasack W. Die Russische Schriftsteller-Emigration im 20. Jahrhundert. Beitrage zur Geschichte, den Autoren und ihren Werken /W. Kasack. München: Verlag Otto Sagner in Kommission, 1996. 355 s.

737. *Kennan, Georg F.* Russia Leaves the War (Princeton, 1956).

738. *Kenez P.* Civil War in South Russia, 1919 – 1920: The Defeat of the Whites. University of California Press, 1977.

739. *Körber K.* Juden, Russen, Emigranten: identitätskonflikte jüdischer Einwanderer in einer ostdeutschen Stadt/Karen Körber. Frankfurt/Main: Campus, 2005. 191 s.

740. *Lemaire F.C.* Le destin russe et la musique: un siècle d'histoire de la révolution à nos jours/Frans C. Lemaire. : Fayard, 2005. 736 p.

741. *Lehovich D.* White against Red. The life of general Anton Denikin. N.Y., 1974. (российское издание: Ляхович Д. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992).

742. *Marina Cvetaeva, O Germanii*. Iz dnevnika 1919 g. (Über Deutschland. Aus dem Tagebuch von 1919). In: M. Cvetaeva, Izbrannaja proza v dvuch tomach (Ausgewählte Prosa in zwei Bänden), New York 1979, Band 2.

743. *Marina Zwetajewa,* Lichtsturz Eingangspassage des Essays Svetovoj liven. In: Epopeja 3/1922. Deutsch von Fritz Mierau.

744. *Maxim Gorki,* Vom russischen Bauern Nach der deutschen Parallelausgabe zu M. Gorkij, O russkom krestjanstve (Vom russischen Bauern). Berlin 1922, S. 23-45.

745. *Matich O*. Is There a Russian Literature Beyond Politics? /O. Matich//The Third Wave: Russian Literature in Emigration. Ann Arbor: Ardis, 1984. P. 180-190.

746. *Matich O.* Literature and Politics in Emigration /O. Matich//The Third Wave: Russian Literature in Emigration. Ann Arbor: Ardis, 1984. P. 99-106.

747. *Matich O*. Russian Literature in Emigration /O. Matich//The Third Wave: Russian Literature in Emigration. Ann Arbor: Ardis, 1984. P. 15-22.

748. *Nachtigal, R.* Die Murmanbahn: die Verkehrsanbindung eines kriegswichtigen Hafens und das Arbeitspotential der Kriegsgefangenen / R. Nachtigal. - Greiner, 2001; Hinz, U. Gefangen im Groften Krieg: Kriegsgefangenschaft in Deutschland 1914-1921 / U. Hinz. - Essen, 2005-

749. *Oltmer, J.* Baeuerliche Oekonomie und Arbeitskraeftepolitik im Ersten Weltkrieg: Beschaeftigungstruktur, Arbeitsverhaeltnisse und Rekrutierung von Ersatzarbeitskraeften in der Land-wirtschaft des Emslandes 1914-1918 / J. Oltmer. - Soegel, 1995.

750. Owadi Sawitsch, Deutschland, von Russen gesehen In: Slavische Rundschau 2/1932, S.123-129. Übersetzer unbekannt.

751. *Peterson T*. Russian Americans /T. Peterson. Chicago, Ill.: Heinemann Library, 2003. 32 p.

752. *Raymond B.* The Russian diaspora, 1917-1941 /Boris Raymond, David R. Jones. Lanham, Md.: Scarecrow, 2000. 273 p.

753. Raleigh D.J. Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917-1922. Princeton University Press, 2002. 438 p.

754. *Richter-Eberl U.* Ethnisch oder national?: aspekte der russlanddeutschen Emigration in Deutschland 1919-1969/Ute Richter-Eberl. Frankfurt am Main; New York: P. Lang, 2001. 174 s.

755. *Ripp V.* From Moscow to Main Street: Among the Russian Emigres/V. Ripp. Boston; Toronto: Little, Brown&Co, 1984. 277 p.

756. *Robinson P.* The White Russian Army in exile, 1920-1941 /P. Robinson. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 2002. 257 p.

757. Russiche Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europ. Burgerkrieg/Hrsg. von Schlogel K. B.: Akad. Verl. 1995. 550 s.

758. Simpson J.H. The refegee problem. London, 1939.

759. *Shasha D.* Red Blues: voices from the last wave of Russian immigrants/D. Shasha. New York: Holmes & Meier, 2002. 258 p.

760. *Thornton J.* Religious intolerance: Jewish immigrants come to America (1881-1914)/J. Thornton. New York, N. Y.: Power Kids Press, 2004. 24 p.